

**Московский государственный институт
международных отношений – Университет МИД РФ**

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

КАПИТАЛЬ

Том I

Роль идеологии в модернизации России

Книга 1

**Человеческий капитал
и посткоммунистическая идеология**

Москва, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1

Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология	
Глава 1. Что ждет Россию? – Зависит от выбора идеологии.....	
1.1. Из чего выбирать? Контуры Большой стратегии	
1.2. Будущий образ России	
Глава 2. Образ России: влияние глобализации.....	
2.1. Глобализация и «ключевая идея» России, способная обеспечить идеологическое лидерство.....	
2.2. Глобализация и идеология: необходимость лидерства...	
2.3. Ставка на развитие потенциала человека как эффективная внешнеполитическая идеология.....	
2.4. Активная роль государства в формировании эффективной идеологии в условиях глобализации.....	
Глава 3. Образ России: её идеологические приоритеты России и мировое развитие.....	
3.1. Значение фундаментальных ценностей и образ России..	
3.2. Соотношение основных ценностей в современных идеологиях при формировании образа России.....	
3.3. Образ России и позиционирование в мире.....	
3.4. Образ России как результат деятельности творческого класса.....	
Глава 4. Алгоритм стратегии развития как производное от идеологии.....	
4.1. Алгоритм идеологии.....	
4.2. Алгоритм стратегии.....	
4.3. Переоценка алгоритма развития после 2006 года.....	
4.4. Инновация в алгоритме развития.....	

Глава 5. Выбор элитой идеологии предопределяет выбор стратегии развития.....	
5.1. Адекватность идеологического восприятия правящей элитой	
5.2. Стратегический (идеологический) прогноз как определяющий элемент стратегии развития	
5.3. Эффективное использование ресурсов как условие реализации стратегии	
5.4. Стратегический прогноз для России на первую четверть XXI в.....	

ТОМ I

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

«Мало кто уже дерзает писать так,
как писали прежде, писать **что-то**,
писать **свое...**»¹.

Н.Бердяев

И далее великий русский философ писал: «Мы дерзаем обнаружить лишь своё **о чём-то** и не дерзаем быть **чем-то**»². В этом, как мне кажется, сегодня заключаются многие проблемы России. Мы не предлагаем себе и миру **что-то**, а значит мы даже не претендуем на идеологическое лидерство, без которого не может быть лидерства вообще, ведь мировой опыт и сегодня показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **идеологическими лидерами**.

Модернизация, опережающее развитие России, – темпы, ставшие наиболее популярными во второй половине первого десятилетия XXI века, неизбежно натываются на нерешенные идеологические вопросы. Как следствие – непоследовательность, слабое целеполагание и стратегическое планирование, а в конечном счете, – слишком большое количество невыполненных решений и тактических ошибок. На уровне общественного сознания это выражается в восприятии действий власти как декларативных мер, отсутствии реальных результатов, «партийной пропаганды». Для осуществления модернизационного проекта в России, как, впрочем, и в любой другой стране, необходима **мобилизация** – политическая, организационная, ресурсная – власти и элиты, даже кураж, убежденность в правильности поставленных целей и в своих силах. Все это может обеспечить только идеология. Применительно к современной России, – политическая, организационная, ресурсная – власти и элиты, даже кураж, убежденность в правильности поставленных целей и в своих силах. Все это может обеспечить только идеология. Применительно к

¹ *Н.Бердяев*. Философия свободы. В кн.: Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998, с. 31.

² Там же.

современной России, – **идеология опережающего развития**, т.е. система взглядов на цели, приоритеты и способы развития.

Вообще-то говоря, вся история человечества это история идей и идеологий¹. Включая, конечно же, современный период, который, на мой взгляд, является наиболее идеологизированным. В идеологической форме выражаются наиболее актуальные потребности и интересы наций и их элит, отдельных социальных слоев и групп. Идеология также означает по сути выбор средств их реализации, выбор из широкого набора средств достижения поставленных целей. Таким образом весь процесс – от целеполагания, прогноза, стратегического планирования до методов реализации, то, что мы называем стратегией, является **частью идеологии**. Поэтому вряд ли возможно «изобрести» эффективную стратегию или концепцию развития вне идеологии. Такие попытки, которые мы нередко видим сегодня, выливаются в лучшем случае в некий нормативный документ, о котором забывают на следующий день после его принятия. Вот почему разговор об идеологии имеет сугубо практический характер, применительно к обсуждению модели модернизации России.

В первом томе, состоящем из четырех книг, рассматриваются отдельные элементы идеологии как системы взглядов, а также факторы влияния под воздействием которых формируются и эволюционируют эти элементы. Как объективные, так и субъективные, как внешние, так и внутренние.

Это необходимо для того, чтобы максимально системно, а также исторично, подойти к анализу современной идеологии, учесть множество основных и даже второстепенных факторов, влияющих на формирование системы взглядов нынешней российской элиты.

¹ От слова «идея» производными являются слова «идеал» и «идеология», что для настоящей работы имеет значение: «идеальный образ» России является например, наиболее адекватным восприятием национальных интересов элитой страны, а «идеология» может рассматриваться как система мер по достижению идеала (См., например: Федорова Т.М., Щеглова О.А. Словообразовательный словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2009 г., с. 250.

Книга I

Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология

«... исторически капитализм зародился не как экономическая система сама по себе, но начинался с революции в сфере этики и религии»¹.

Ю.Лужков

Это ощущение «нехватки» идеологии в России выражается во многом.

Так, ко второй половине нынешнего десятилетия в значительной части общественного мнения России сложилось убеждение, что нация остро нуждается в стратегии развития, которую не может заменить «всесильная рука рынка». В результате появилась стратегия социально-экономического развития до 2020 года. К этому же времени, а именно 2005–2007 годам, относится и возвращение интереса к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию, который выразился в шквале различных стратегических концепций – отраслевых, региональных, корпоративных. Наконец, стали готовиться и документы общенационального значения – Концепция социально-экономического развития до 2020 года, Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (в редакции от 2009 г.), Концепции внешней политики, информационной безопасности и т.д., – которые имели не только декларативное, но и нормативное значение. Наконец, все большее значение стали приобретать Послания Президентом России Федеральному Собранию Российской Федерации, где В.Путин, а затем Д.Медведев декларировали свои оценки и сигналы общественному мнению. «Оценки» и «сигналы», которые однако так и не стали идеологической системой.

Проблема в том, что это множество документов (чьё появление я приветствую и неоднократно пытался инспирировать, начиная с 1990 года), **так и не сложились в идеологию, как систему общепринятых взглядов, ценностей и принципов**, которая только и может породить логичную долгожданную долгосрочную и эффективную стратегию

¹ Ю.Лужков. Транскапитализм и Россия. М.: 2009 г.; Ю.Лужков. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009 г., с. 10.

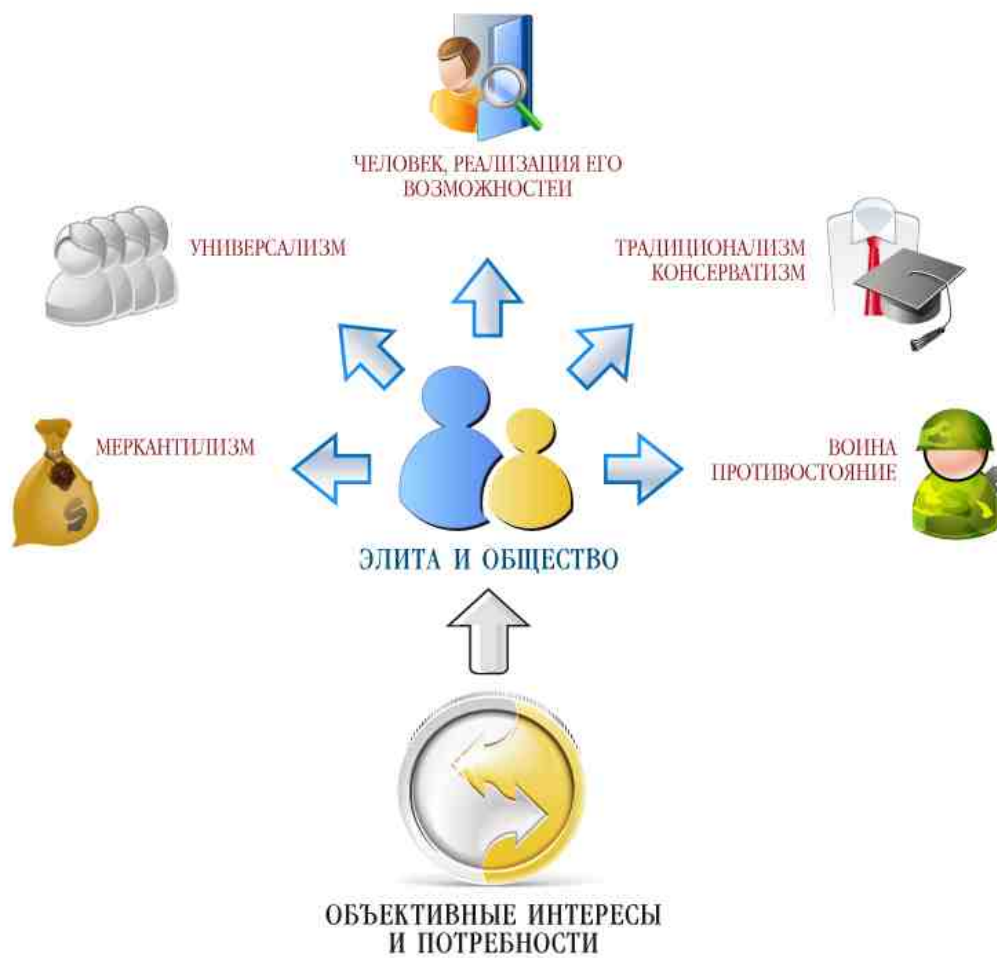
опережающего развития России. Можно сказать, что такая долгосрочная стратегия и есть прикладная идеология, следствие сложившейся общей системы взглядов правящей элиты страны.

К 2010 году, как и 20 лет назад, политики и ученые больше всего боятся использовать два слова – «идеология» и «социализм»: кто-то до сих пор напуган гонениями 90-х годов, кто-то до сих пор так и не освободился от влияния неолибералов, а кто-то прячется под маской «прагматизма», пытаясь угодить и левым, и правым, и центристам, выдавая неопрагматизм за новую идеологию. Так, один из авторов прямо пишет: «Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем особого идейного содержания идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали... в обществе начинает править не собственно наличие какой-либо идеологии, но ее отсутствие, прагматизм сегодняшнего дня»¹.

В данной работе я попытаюсь реабилитировать идеологию и доказать, что без нее все экономические, социальные и прочие «прикладные» стратегии, таковыми не являются, но выступают лишь нормативными документами, известными узкому кругу чиновников. Они не объединены ни общей идеей, ни общей стратегией, хотя иногда и пытаются это сделать. В результате вопрос о посткапиталистической идеологии и стратегии развития России остается открытым.

¹ (Антипрагматическая) идеология отсутствия идеологии / <http://p-development.narod.ru/116.html>.

Глава 1. Что ждет Россию? Зависит от выбора идеологии.
Как Вы корабль назовете, так он и поплывет...

Глава 1.1. Что ждет Россию? Зависит от выбора идеологии

«Деидеологизация политики выхолостила ее душу, вместе с этим и интерес к ней больших, масштабных людей»¹.

«Ученые – это те, кто много знают
Умные – это те, кто понимают».

М.Задорнов

А.Владиславлев

Ответ на вопрос о будущем России сегодня, как правило, дается с точки зрения перспектив экономического и технологического (а, иногда, даже финансового) развития страны. Между тем ответ надо искать в совсем другой области, а именно – духовной и идеологической. Самоидентификация нации означает прежде всего выбор между приоритетами и путями их достижения, а этот выбор может быть только **идеологическим выбором**. Как и в прежней российской истории, современная политическая история России предполагает вполне **конкретный идеологический выбор**. Если в XIII веке, как писал Г.В.Вернадский, «Латинство было воинствующей религиозной системою, стремившейся подчинить себе и по своему образцу переделать православную веру русского народа»², так и в XXI веке выбор алгоритма развития общества и государства предполагает прежде всего идеологический выбор. Без ответа на этот вопрос бессмысленно, даже вредно, принимать любые социально-экономические, политические и прочие концепции развития, которые массово стали предлагаться и приниматься во второй половине первого десятилетия XXI века в России.

¹ *А.Владиславлев*. Давний новый век / Московские Новости. 2006 г. № 11(1326), с. 19.

² *Ан.Торкунов*. К читателю. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Валент, 2010, с. 11.

1.1.1. Из чего выбирать? Контуры «Большой стратегии»

«У нас есть возможность остаться региональным лидером на пространстве СНГ, занять ведущие позиции в Европе и даже реально вырваться в мировой авангард. Но не исключен и другой вариант: мы переходим в категорию развивающихся стран ...»¹.

*И.Юргенс, председатель
правления ИНСОП*

«Уже двадцать лет российское общество находится в поисках своей идентичности, новой системы ценностей и собственного пути развития»².

*С.Миронов, председатель
Совета Федерации*

Надо понимать, что выбор идеологии это прежде всего выбор системы взглядов на цели и способы развития, т.е. само по себе уже является постановкой и ответом на многие вопросы. Но не только. Эта система взглядов в конечном счете превращается в алгоритм развития общества и государства, когда общество привыкает жить по заданным идеологическим ориентирам, а те, в свою очередь, превращаются в писанные и иные законы и нормы³. Другими словами, идеология это – выбор будущего. Для нации, государства и общества. Это выбор системы взглядов и отношения людей к важнейшим явлениям действительности.

Этот выбор принципиально отличен от выбора, который делается в частных концепциях и стратегиях развития, которые ориентированы на детали, часто конкретизируют идею идеологического выбора (либо, что тоже случается, не совпадают с ним). Вот почему идеологию можно назвать «Большой стратегией», в отличие, например, от Стратегии национальной безопасности России до 2020 года или Концепции социально-экономического развития до 2020, или Военной доктрины Российской Федерации и других частных стратегий. Так, в описании ключевого понятия «национальные интересы», Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (принятая 12 мая 2009 г.) ограничивается следующими интересами «на долгосрочную перспективу»⁴:

¹ *И.Юргенс*. Время пошло / Российская газета, 14 апреля 2010 г., с. 4.

² *С.М.Миронов*. За нами Россия / С.М.Миронов; [Отв. Ред. В.Н.Шевченко]. М.: Ключ, 2010, с. 106.

³ *А.Чесноков*. Роль идеологии в условиях глобализации / <http://www.intelros.ru/2007/04/03>.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

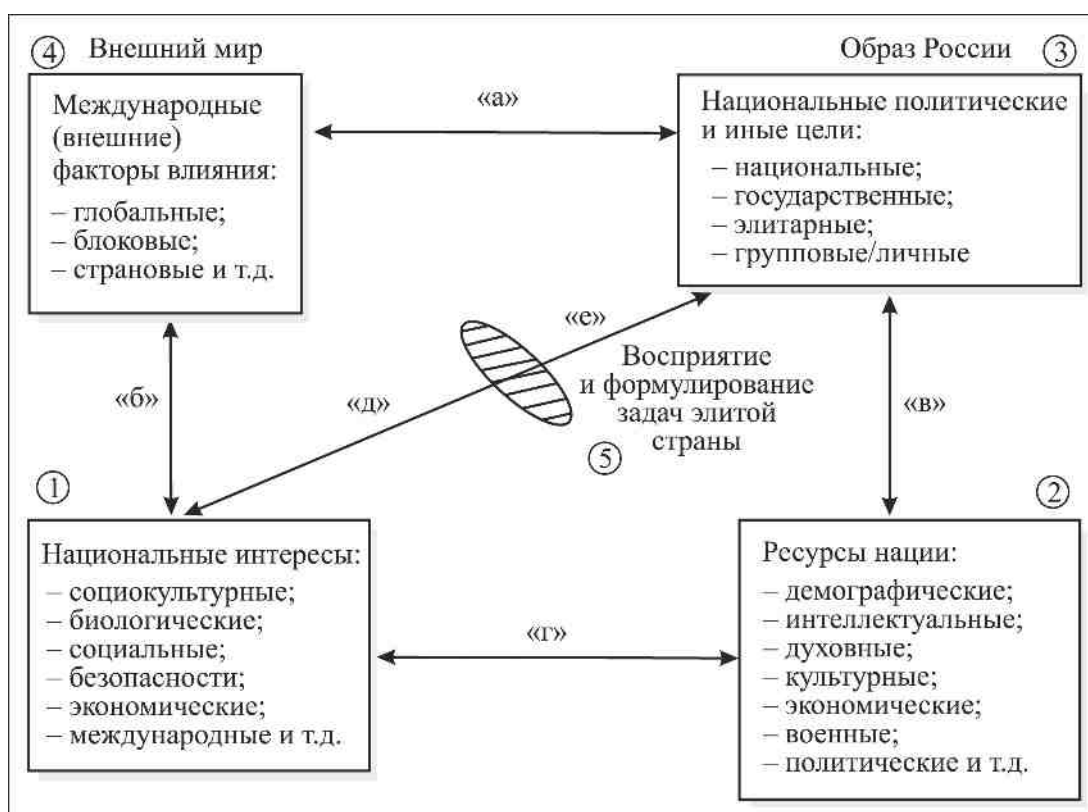
- развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- незыблемости конституционального строя, территориальной целостности и суверенитета;
- превращении России в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности ...

Как видно, в этом документе не сформулированы общенациональные интересы, которые обладают российской спецификой – культурной. Исторической, духовной. Эти интересы абстрактно приемлемы для **любого** общества («развитие демократии» и т.д.), **любой** экономики («повышение конкурентоспособности»), **любого** государства (территориальная целостность, суверенитет, «незыблемость конституционного строя»). Единственный масштабный политический интерес – «превращение России в мировую державу» размыт условием «поддержания стратегической стабильности».

Возникает вопрос, а в чем, собственно, интересы нации отличаются от интересов других наций и государств? Например, от интересов Люксембурга или Китая? Ответ на этот вопрос Стратегия национальной безопасности России не дает. И, наверное, иная должна давать потому, что понятие «интересы национальной безопасности» хуже, чем «национальные интересы», основой которых являются **сохранение нации и её идентичности, защита и продвижение ее системы ценностей в мире** (что, кстати, присутствует как в американской, так и китайской идеологии и официальных документах).

Для того, чтобы яснее представить себе место и роль идеологии как Большой стратегии целесообразно попытаться схематично изобразить всю основную элементную базу в виде рисунка, с помощью которого я буду в дальнейшем иллюстрировать те или иные положения анализа современной идеологии. Не смотря на свою схематичность и простоту, этот рисунок позволяет лучше себе представить сложную взаимосвязь всех основных элементов идеологии или Большой стратегии, вычленив объективные и субъективные факторы. Этот рисунок в 70-х годах прошлого века был предложен ныне покойным профессором МГИМО (У) МИД России М.А.Хрусталёвым и неоднократно будет использоваться мной в данной работе.

Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

Как видно из этого рисунка, область идеологии (Большой стратегии) охватывает очень широкий спектр материальных, культурных, духовных и интеллектуальных элементов, которые можно формализовать по нескольким признакам. Например, социальным, экономическим, военным, культурным и пр., либо по времени – краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, – либо по пространственному охвату – глобальные, региональные, страновые.

Важно подчеркнуть, что все это многообразие охватывается идеологией. А отдельные стратегии и концепции являются её частным случаем, более или менее точным проявлением, имеющим к тому же и весьма субъективный характер. Элемент № 5 – восприятие элитой страны объективных реалий – по определению **субъективен**. Так, элита субъективно трактует (с разной степенью адекватности) прежде всего национальные интересы, трансформируя их во внешнеполитические и внутриполитические цели. Иногда это восприятие и трактовка настолько неадекватны (как это было в России в 90-ые гг. прошлого века), что цели вообще не отражают национальных интересов.

Ниже я не раз еще вернусь к этим вопросам, рассматривая все группы элементов Большой стратегии. Здесь же важно подчеркнуть несколько обстоятельств.

Во-первых, Большая стратегия, как система взглядов национальной элиты и общества, заведомо шире и масштабнее любых стратегий и концепций, ибо она должна органично связывать **все существующие и возможные группы элементов**, а не отдельные, иногда социальные категории.

Во-вторых, Большая стратегия является **общим представлением** по отношению к ряду частных – экономических, финансовых, социальных, военных, культурных и т.д., – которые должны быть **производными** от нее, а не наоборот. Что, кстати, происходит, когда Большую стратегию в России начинают трактовать отдельные социальные слои («демократы», «коммунисты» и др.), либо группы и представители тех или иных профессиональных сообществ или ведомств («финансисты», «чекисты», «сырьевики» и т.д.)

В-третьих, Национальная идеология (Большая стратегия) в отличие от доктринальных документов (официально принятых взглядов, как, например, в Военной доктрине России), не только шире, но и менее нормативна. Хотя в известные периоды, например при СССР, она и носила доктринальный характер, национальная идеология сохраняет в себе историческую и культурную специфику, а не воззрения правящего класса (элиты), существующие в настоящее время. В этом смысле необходимо четко различать такие категории, как: национальные и государственные интересы и цели, которые далеко не всегда совпадают, а иногда и противоречат друг другу.

В-четвертых, идеология ориентирована на нацию, все слои населения и элиту. В отличие от нормативных стратегий и доктрин, которые являются по своей сути руководящими документами только для чиновников, да и то, имеющими необязательный характер. В этом качестве идеология является **эффективным инструментом управления**, с помощью которого все элементы государственного аппарата и общества могут действовать целенаправленно и синхронно, а также, что важно, без дополнительных и обязательных разъяснений и приказов.

В-пятых, идеология, в силу указанных выше причин, более адекватно отражает реалии и предлагает более эффективные методы, чем частные стратегии. Она проходит критическую «экспертизу» общества, элиты, отдельных социальных групп. Более того, она всегда находится в стадии корректировки и модернизации в отличие от нормативных документов и стратегий. В этом смысле идеология дает более точный анализ и более выверенные предложения, чем нормативные документы, которые читаются только некоторыми чиновниками и, конечно же, уже не критикуются ими.

Таким образом выбор идеологии (Большой стратегии) имеет значительно более важное значение, чем любых стратегий или доктрин, разработанных Советом Безопасности, МЭРом, Минфином, либо другими ведомствами. Парадокс, однако, заключается в том, что именно это самое важное изначальное звено выпадает из внимания общественности. Его пытаются заменить суррогатами – посланиями Президента РФ, партийными программами, «стратегическими концепциями», – которые, конечно же не предназначены для этого. Идеология, как система политических, правовых, нравственных, религиозных, философских взглядов, в которых осознается, оценивается и формируется отношение людей к действительности¹, – игнорируется. Что видно на подходе власти к решению практических проблем, в т.ч. проблемы модернизации. Как справедливо заметил С.М.Миронов, «... модернизация всё еще не осознана как актуальная философская задача первостепенной значимости. Страна не может никуда двигаться без ясно осознанных и твердо усвоенных стратегических перспектив»².

Нерешенность общих проблем, как известно, затрудняет решение частных. Все хорошо знают, что «нет ничего более практического, чем хорошая теория». Это в полной мере относится и к выдвинутым властью во второй половине десятилетия тезисам об опережающем развитии и модернизации, которые, надо сказать, так и не получили внятного определения. Прежде всего политико-идеологического. Может сложиться

¹ См., например: Краткий философский словарь / А.П.Алексеев, Г.Г.Васильев и др.; Под ред. А.П.Алексеева. 2-е изд. Перераб. и доп. М.: Из-во Проспект, 2004г., с. 129.

² С.М.Миронов. За нами Россия / С.М.Миронов; [Отв. Ред. В.Н.Шевченко]. М.: Ключ, 2010, с. 111.

ситуация как и в конце 80-х годов, когда вся страна «включилась в перестройку», не понимая ясно цели и средств ее достижения. Уже сейчас, например, модернизация рассматривается как прежде всего технологический процесс смены оборудования и внедрения наукоемких технологий. Соответственно и принимаются решения – Сколково, создание исследовательских университетов и т.п. инициативы, – ориентированные на технику, а не на идеи, которые являются постановщиками задач для этой техники.

В любом случае пора определиться с идеологией не только модернизации, но и развития всего общества и нации, **сделать выбор** не только системы ценностей, но и алгоритма развития нации и государства. Но выбор предполагает отказ от остального. Выбор идеологии развития России также предполагает отказ от других идеологий и концепций: нельзя одновременно идти двумя путями к одной цели. Выбор необходим, даже если вы «отказываетесь от идеологий», как об этом неоднократно заявляли советские и российские деятели от А.Н.Яковлева до В.В.Путина, проповедуя вместо неё прагматизм (который тоже является идеологией).

Формально такой выбор может быть сделан среди 5 основных идеологий, сложившихся еще в XIX веке:

1. Либеральная;
2. Консервативная;
3. Социалистическая (Коммунистическая);
4. Анархическая;
5. Националистическая.

Но это – только формально. Прежде всего, потому, что у этих идеологий есть множество разновидностей. Так, если взять, например, идеологию анархизма, то ее представляют сегодня в том числе и как политическую философию, в основе которой лежит идея о том, что общество «может и должно быть организовано без государственного принуждения». При этом существует множество различных направлений, типов и традиций анархизма, которые часто расходятся в тех или иных вопросах: от второстепенных до основополагающих (в частности – относительно взглядов на частную собственность, рыночные отношения,

этнонациональный вопрос)»¹. Так, существуют социальный анархизм, индивидуалистический анархизм, коллективный анархизм, анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархизм без прилагательных» и т.д. и т.п.

Разнообразие форм, течений и тенденций существует и внутри социалистической (базовой) идеологии. Сегодня – это три основных течения (разбавленные различными видами): марксизм, реформизм и анархизм.

Аналогичная ситуация наблюдается и в базовой идеологии консерватизма, которая сегодня имеет множество разновидностей, среди которых есть, на мой взгляд, и очень перспективные. Как, например, идеология социального консерватизма. Только в условиях порядка, по мнению социал-консерваторов, может быть обеспечена подлинная свобода и подлинный прогресс, который несёт не только рост производства качественных товаров и услуг, но и прогресс в социальной, нравственной, духовной сфере. Это подразумевает улучшение качества жизни путём отказа от количественных показателей мнимых благ, путём разумного потребления качественных товаров и услуг, а также приверженность к подлинным христианским ценностям, что сделает саму жизнь более достойной и обеспечит её материалом для развития физического и морального здоровья общества.

В отличие от идеологического консерватизма, имеющего антиглобалистический и националистический характер, в котором отсутствует гибкость и способность трезво взглянуть на суть вещей, социальный консерватизм не ведёт политику изоляции от всего мира, не противостоит эволюционному развитию, а старается способствовать укреплению православных ценностей, демократических принципов на глобальной политической арене и положительному развитию стран. По мнению социал-консерваторов, несоблюдение перечисленных выше задач к примеру с Россией способствовало бы превращению её в сырьевую колонию².

Таким образом формальная идеологическая идентификация России – задача сложная, которая многократно усложняется двумя другими

¹ Анархизм. <http://ru.wikipedia.org>.

² Основные принципы социального консерватизма. <http://ru.wikipedia.org>.

обстоятельствами, а именно: во-первых, сложившейся в российском обществе устойчивой привычкой к **конформизму**, откровенному приспособленчеству элиты к любой власти, а, во-вторых, откровенному **антиидеологизму**, **прагматизму**, который стал сначала «идеологией КПСС», провозгласившей устами своего главного идеолога А.Н.Яковлева «деидеологизацию идеологии», а затем стал «идеологией прагматизма» В.В.Путина.

Подчеркну, что антиидеологизм подразумевает всяческий отказ от какой-либо устойчивой идеологической идентификации с определённой частью политического спектра. Чаще всего это предпринимается для сугубо прагматических целей, а именно для привлечения ресурсов, включения в свои ряды как можно больше числа людей с самыми разными политическими взглядами, и в конечном счёте, для получения максимально возможного процента голосов избирателей на выборах.

В 90-ые годы подобный идеологический прагматизм стал модным для постсоветской элиты, которая его открыто пропагандировала. Различные социальные группы ориентировались на эту идеологию антиидеологии – от руководителей бывших советских республик и чиновников до хозяйственников и представителей бизнеса и силовых структур. «Отсутствие идеологии» было своего рода страховкой в случае, если бы победила одна из идеологий – либеральная, либо коммунистическая.

В XXI веке, при В.Путине и Д.Медведеве, идеология прагматизма стала способна консолидировать нацию и элиту, включая в процесс укрепления государства и либералов, и коммунистов, но, прежде всего чиновников и силовиков как главного социального слоя – носителя «антиидеологии». Но эта идеология была, возможно, необходима для периода стабилизации, в особенности, пребывания В.Путина на посту Председателя Правительства РФ и в период первого президентского срока. Тогда нужно было решать задачи сохранения государства в режиме цейтнота, мгновенно реагировать на возникавшие угрозы. Подобная рефлексивная политика да еще в отсутствии собственных кадров не допускала ни системных, идеологических действий, ни роскоши политической идентификации. Нужно было привлечь всех

государственников – от коммунистов до либералов под знамена «стабилизации».

По мере решения проблем стабилизации и устранения наиболее острых угроз, стала появляться потребность в концепциях и планах развития, в основе которых опять же лежала идея прагматизма – «макроэкономическая стабилизация». Она в принципе не предполагала развития, исходя из неверной посылки, что сама по себе финансовая стабилизация создаст условия для рыночного развития.

Соответственно и практически все политические партии, даже те из них, которые назывались «идеологическими» (КПРФ, «Выбор России», НДР и т.д.) несли на себе отчетливое влияние прагматизма и антиидеологии. Так, в 1995 году выборы КПРФ в Государственную Думу проходили под вполне прагматическими лозунгами, а в головную часть федерального списка были включены не члены партии (5 из 12). Но ведь то же самое было и с НДР. Более того, сегодня лидер «Единой России» В.В.Путин и Президент Д.А.Медведев не являются членами партии.

Таким образом прагматизм превратился в разновидность идеологии, пригодной для переходного периода и восстановления экономики. Этот период завершился к 2007–2008 годам и вопрос об идеологии развития, выборе такой идеологии, объективно вновь обострился. Появление долгосрочных концепции, стратегий и доктрин в массовом порядке (более 100) свидетельствует об объективной практической потребности. Как и дискуссия о «суверенной демократии», попытки «Единой России» разработать различные варианты такой идеологии. Это и понятно, ведь осуществлять стабилизацию политической системы и экономики в чрезвычайных условиях без идеологии трудно, но можно, а двигаться вперед, развиваться – точно нельзя. Россия стала «другой страной». Об этом ясно сказал в своей статье в феврале 2007 года в газете «Коммерсант» тогда еще первый вице-премьер Д.Медведев. По большому счету даже кризис 2008–2010 годов не повлиял радикально на этот процесс. Ситуация усугубляется с продолжением процесса национальной самоидентификации¹, незавершенность которого

¹ Под этим термином я понимаю отождествление той или иной личности с российскими ценностями, историей, государством, а, главное, национальными интересами. См., например: Краткая российская энциклопедия. М.: ОНИКС 21 век, 2003 г., с. 995.

осложняют не только формирование национальной идеологии, но и управленческий процесс. Таким образом к концу первого десятилетия проблемы **выбора идеологии из широкого спектра** существующих идеологий так и не была решена. И не случайно. На мой взгляд, тому было, по меньшей мере, две причины. Во-первых, незавершенность процесса национальной самоидентификации и переходного периода, крайне неудачные решения 90-х годов, «деидеологизация» общества, которые являлись **следствием ухода государства из идеологии**. **Во-вторых**, российская специфика выражается в том, что Россия не просто страна, даже великое государство, это **цивилизация, существующая много столетий**. Это самое старое государство современной Европы, граничащее не просто с множеством других стран, но с основными цивилизациями – китайской, европейской, исламской. И поэтому к ней не применимы формальные идеологические модели, либо их разновидности, которые так и не прижились ни в советское время (западноевропейская коммунистическая идея), ни в период радикальных реформ (неолиберализм 80-х и 90-х годов).

Следует, на мой взгляд, выделить ключевые проблемы, от решения которых зависит как выбор идеологии (либо ее создание), так и самоидентификация нации. Как показывает история последних 20 лет, это проблемы, имеющие не только идеологическое, но и прикладное (политическое и экономическое) значение. В зависимости от отношения к ним, признания их приоритетности и способов решения будет решен вопрос о выборе идеологии. На мой взгляд, таким главным проблемами стали:

1. **Проблема отношения к государству**, его роли в политической, экономической и социальной жизни нации. За последние 20 лет ультралиберальной – А.Яковлева, Е.Гайдара. А.Козырева – до ультраконсервативной – А.Макашов, С.Бабурин, Г.Зюганов. И история постсоветской России развивалась во многом по сценариям доминирующего в этом вопросе либерального подхода: постепенно «либеральный рывок» начала 90-х выдохся, но влияние его сильно и сегодня не только в экономике и финансовой областях.

2. **Проблема социальной ответственности**, которая также встретила за последние 20 лет абсолютно противоположные точки зрения

– от полного игнорирования социальных потребностей до придания им приоритетного характера в последние годы.

3. Проблема главных движущих сил общества, роль креативного класса и потенциала человеческой личности (человеческого капитала), которую фактически игнорировали до последнего времени все политические силы и представители элиты. Только в самые последние годы наметились отдельные программы (прежде всего в области образования, науки, информатике), которые в незначительной степени исправляют абсолютное игнорирование потребностей креативного класса – учителей, ученых, и т.д.

4. Проблема сохранения идентичности в условиях глобализации.

5. Проблема государственного устройства, которую можно также назвать следующим образом: демократия – цель или средство?

В зависимости от взглядов на эти главные проблемы российской элиты развивалось российское общество последние 20 лет, т.к. в зависимости от системы взглядов (идеологии) правящая элита в разной степени адекватности оценивала национальные интересы, формулировала цели и выбирала стратегию их достижения. Соответственно (возвращаясь к рисунку, описывающему модель идеологии), именно правящая элита субъективно трактовала с той или иной степенью адекватности национальные интересы, превращая их в цели национальной политики.

Вообще-то категория «национальный интерес» требует особых пояснений. Не вдаваясь в детали, сошлюсь на признанного авторитета М.А.Хрусталева¹. Важно подчеркнуть его дуалистическую природу: объективную в виде потребности и субъективную в виде ее осознания. Поскольку когнитивные возможности сознания всегда ограничены (невозможность познания абсолютной истины), то в процессе осознания всегда в большей или меньшей мере имеются различного рода ошибки и недостатки. При этом, чем дальше социальные (нравственные, духовные в том числе) потребности удаляются от биологически

¹ М.А.Хрусталева. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008, с. 37. См., также: *Примаков Е.М. Хрусталева М.А.* Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Выпуск 1. М.: МГИМО МИД России, 2006 г., *М.А. Хрусталева.* Методология прикладного политического анализа. Учебное пособие. М.: Проспект, 2010 г., с. 160.

детерминированных, тем важнее становятся интеллектуальные качества элиты для их адекватного осознания.

Социальная революция 90-х годов прошлого века поставила объективно задачи чрезвычайной сложности, решить которые относительно эффективно (не говоря уже идеально) могла только очень качественная, профессиональная элита, обладающая следующими обязательными атрибутами:

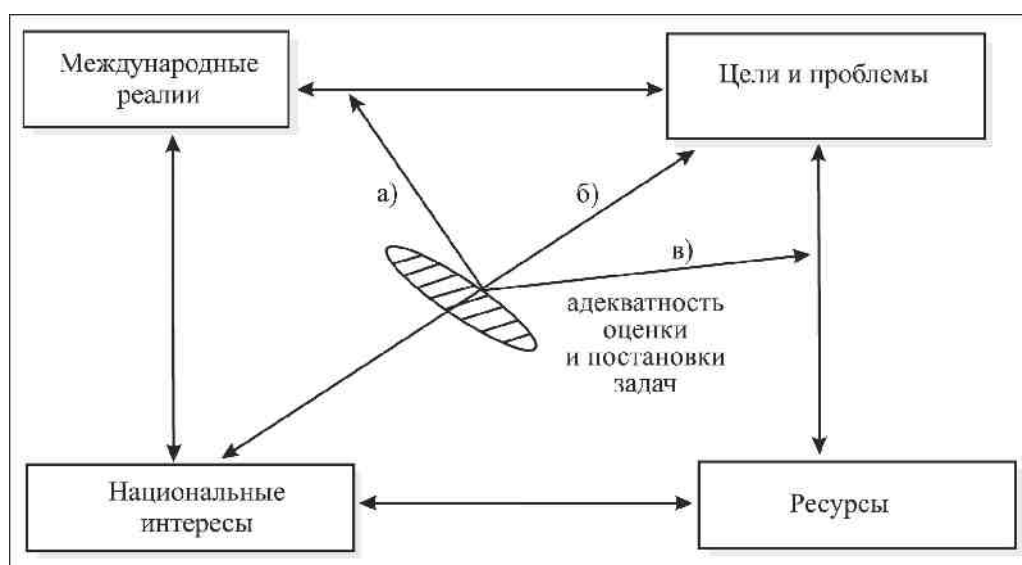
- профессионализмом (опытом, знаниями);
- интеллектом (соответствующим образованием и научной подготовкой);
- нравственностью (стремлением служить идеалам общества и государства);
- Способностью к стратегическому прогнозу и планированию (прежде всего способностью прогнозировать последствия принимаемых решений).

Ни одним из всего набора этих качеств в своей массе элита 90-х годов не обладала. Как правило, это были идеалисты-революционеры, не обладавшие практическим опытом и, конечно же, не способные быть государственными деятелями (хотя разные исключения и случались). Соответственно была и адекватность их системы взглядов и принимаемых решений.

Причем степень такой адекватности в некоторые периоды вообще вызывала сомнение. Так, в начале 90-х годов всеобщее отрицание встречал даже сам термин «национальные интересы». В результате, как известно, реализация избранной идеологии (системы взглядов) привела к катастрофическим глобальным последствиям – развалу страны, гибели миллионов граждан, экономическому коллапсу. И виновата в этом прежде всего молодая российская элита, избравшая в качестве идеальной идеологической модели неолиберализм, сменившийся на Западе в 80-ые годы, ту идеологическую систему, которая в принципе была не способна адекватно оценить объективные интересы нации и государства. Возвращаясь к формуле М.А.Хрусталева, –

интерес = потребность + осознание

мы увидим, что самой лавной причиной катастрофу 90-х годов стала **субъективная причина** – неспособность элиты адекватно оценивая национальные интересы.

Именно неадекватная оценка национальных интересов российской элитой привела к формулированию ложных целей во внешней и внутренней политике, созданию искусственного политического идеала (неолиберального государства), которое стало самоцелью и **главной ценностной** категорией правящей либеральной элиты 90-х годов. Ложная идеология и некачественная элита создала проблемы. Их ложность, как и неадекватность элиты, стали ясны достаточно быстро, уже к середине 90-х годов, но исправить ложный политический идеал и сменить неадекватную элиту можно было только новой социальной революцией или контрреволюцией. Общество этого сделать не смогло: России предстоял долгий эволюционный путь, растянувшийся на десятилетия.

Были ли другие варианты идеологий? Теоретически, – да. Если вектор «б» можно назвать относительно адекватной оценкой элитой национальных интересов (идеальной, наверное, не существует) и более-менее точное формулирование целей внешней и внутренней политики (при адекватном учете имеющихся ресурсов и международных реалий), то необходимо признать, что результаты свидетельствуют, что российская элита в 90-ые годы выбрав вектор «а», повела себя неадекватно, ориентируясь на западные (неолиберальные) ценности и не учитывая собственные национальные интересы. Другой вариант возможной неадекватности поведения элиты, –

идеологическая система, вариант «в», – это национализм и изоляционизм, опора исключительно на самостоятельные ресурсы и национальные ценности. Этот вариант развития за последние 20 лет не получил, но его сторонника в правящей элите и обществе существуют, представляя широкий спектр оттенков.

1.1.2. Будущий образ России

«... именно идеология формулирует тот политический идеал..., достижение которого становится самоцелью ...»¹.

*М.А.Хрусталеv,
профессор МГИМО (У)*

Итак, выбор идеологии **предопределяет выбор политического идеала** и главного набора ценностей, вытекающих из объективных национальных интересов и потребностей. И вот здесь-то мы и сталкиваемся с главной проблемой: отрицая идеологию мы не можем четко сформулировать. Могут ли сформулированные в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года национальные интересы «просто» трансформироваться в национальные ценности и цели? Могут ли они стать «политическим идеалом»? Попробую проанализировать их под этим углом зрения. Их, как известно, три группы²:

Во-первых, как следует из Стратегии, национальные интересы заключаются «в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики», т.е. высшей национальной ценностью объявляется:

- развитие демократии;
- гражданского общества;
- конкурентоспособной национальной экономики.

Но являются ли развитие демократии высшей ценностью для российской нации? И, главное, какой демократии? Не секрет, что в России есть много сторонников и других точек зрения. Да и непонятно, о какой демократии идет речь. Если, как можно предположить, о демократии европейского типа, то это, безусловно, высшая ценность в странах Евросоюза, но отнюдь не в России, у которой есть своя традиция, своя история и своя политическая культура. Не случайно в 2007–2010 годах шла активная дискуссия о «суверенной демократии».

Ясно во всяком случае одно: как минимум, этот национальный интерес должен быть вписан в идеологическую систему для того, чтобы

¹ *М.А.Хрусталеv. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии . М.: НОФМО, 2008, с. 35.*

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г., Указом Президента РФ.

превратиться в национальную ценность и цель для всего общества. Но может возникнуть и другой вопрос: демократия – цель или средство? Для меня, например, – средство, а поэтому она и не может быть ни национальным интересом, ни, тем более, ценностью и целью. Другое дело, если демократия становится средством для достижения какой-то внешней национальной цели, «политического идеала», например, **максимальной реализации возможностей всех личностей, составляющих российскую нацию**. Но это уже другая история.

Следующий национальный интерес первой группы – «развитие гражданского общества» – вызывает также много вопросов, важно то определение, что это такое, и, заканчивая вопросы, а зачем оно нужно?

На мой взгляд, эффективные институты гражданского общества – очень важный инструмент и средство (но не цель) для того, чтобы содействовать развитию человека, способствовать реализации потенциала столичности, обеспечивать полную и эффективную востребованность человеческого потенциала. Немаловажно и то, что институты гражданского общества повышают эффективность управления обществом, государством и экономикой, что, безусловно, сказывается на повышении темпов социально-экономического развития. Но эти институты всё-таки средство, а не цель, не политический идеал. Представьте на минуточку лозунг: «Создадим новый институт Гражданского общества!» Это очень напоминает лозунг из фильма «9 дней одного года» – «Откроем новую элементарную частицу в текущем квартале!».

Нельзя согласиться и с утверждением об особом национальном интересе сделать «конкурентоспособной национальную экономику». Тем более это совсем не подходит к политическому идеалу. Этот интерес, трансформируя в цель и ценность, в форме лозунга звучит совсем уже глупо. Представьте себе лозунг: «Наши самовары продаются лучше всех в мире!» Или: «Наша нефть – самая желанная на планете!»

Конечно же, главный национальный интерес в экономике – сделать эффективной (малоресурсной) для страны, но, главное, – национальная экономика должна обеспечивать **потребности граждан России** лучше, чем другие экономики. Не хотим же мы, в самом деле, чтобы достоинство

нашей «конкурентоспособной» экономики определялось тем, что наша продукция потребляется за рубежом?

Другая группа национальных интересов, описанная в Стратегии, включает:

- незыблемость конституционного строя;
- территориальную целостность;
- суверенитет.

Эти интересы гораздо проще трансформировать в ценности и цели, но и они должны быть конкретизированы, вписаны в идеологическую систему для того, чтобы стать «политическим идеалом». Так незыблемость конституционного строя, который был навязан, как известно, в 1993 году после известных октябрьских событий, – вызывают сомнение.

Причем у очень многих. Конституция 1993 года, сделанная под Б.Ельцина в условиях переходного периода и диктатуры, по определению не может быть идеалом. Ее практически не обсуждали, за нее не голосовало большинство, и, хотя бы поэтому, она не может быть «политическим идеалом».

Отдельно-территориальная целостность и суверенитет, – категории, которые, безусловно, являются ценностными и целями политики. Однако и здесь требуется уточнение. Как, например, рассматривать эти категории в сочетании с другой (необъявленной формально) целью интеграции в Евросоюз, где изначально предполагается делегирование части суверенитета? Может быть, точнее было бы сказать о главном национальном интересе и ценности – сохранении национальной идентичности?

Приведенные примеры, на мой взгляд, показывают, что у сегодняшней российской элиты нет ясной картины идеального «образа будущей России» как системы ценностей и целей, что, собственно, и составляет первооснову любой идеологии. Нерешенность этой общей проблемы неизбежно ведет к неточному формулированию частных целей, например, объявленной Д.А.Медведевым модернизации. Это, кстати, понимают не только обществоведы, но и естественники. Так, мой хороший товарищ, который в свое время был заместителем председателя ГКНТ СССР, член-корреспондент РАН Л.Сумароков, следующим

образом описал свои впечатления после посещения в июне 2010 года центра Ж.Алферова в Санкт-Петербурге: «Мне, как и другим, приходится общаться со многими представителями нынешнего поколения, в том числе молодыми людьми. И вновь повторяю: ну и что? Они-то **как себе представляют наше будущее, к чему стремятся?** В основном хорошие, светлые и очень умненькие ребята, я так хорошо знаю таких по МИФИ, где преподавал многие годы. Говорю с ними и с людьми постарше на разные темы, но, когда разговор касается внутренней политики, чувствую, что они, порой, не особенно четко понимают и тем более формулируют, о чем идет речь. Образно говоря, во многих головах – «каша». Именно каша, и это выясняется довольно быстро после первых нескольких фраз... Но может быть . я чересчур строг и требователен? Не знаю. В каком обществе мы сегодня живем и на какой его стадии находимся? Должен признать, мне и самому тут далеко не все понятно. Нужны новые идеи, а может быть и понятия, в том числе в отношении определения и перспектив нашего нынешнего общества. Ясно одно: путь развития, в основе которого эксплуатация невозобновляемых природных ресурсов и олигархический капитализм это – тупик. Нужны инновации и модернизация на базе достижений науки. Но одновременно нужна и **новая социальная стратегия и политика**, в том числе предполагающие высокую ответственность новых собственников, получивших ее фактически задарма от бывшего владельца. Не станем скрывать, ухватив при этом наиболее лакомые куски, но отнюдь не всегда разделяющих свою ответственность с государством перед обществом»¹.

Признают это и в высших эшелонах власти. Так, выступая осенью 2009 года перед философами С.М.Миронов признал: «Хотелось бы иметь определение модернизации ... это крайне важно для положительного конечного результата. Свеж пример того, как, не определившись с понятиями и смыслами, страна включилась в «перестройку», в надежде, что по ходу эти категории определятся сами. Печальный результат такого подхода всем нам известен»².

¹ Л.Н.Сумароков. Инновации и нанотехнологии / <http://www.viperson.ru/wind>. 02.06.2010.

² С.М.Миронов. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010 г., с. 109.

Действительно, идея Д.А.Медведева, о модернизации должна быть не программой смены технологий, а социальной концепцией, вытекающей из комплексной системы взглядов, т.е. из идеологии. Нужны не технологи и специалисты по «освоению бюджета», а **постановщики задач** для ученых и инженеров. Как справедливо заметил в разговоре со мной профессор С.П.Капица, «Поставьте нам задачу, а решить мы ее сможем и сами. Практически любую».

Модернизация невозможна, если вся нация не станет участником этого процесса, но для этого она должна увидеть ясную и привлекательную цель. Цель, которая бы была максимально адекватна национальным интересам (потребностям) общества. Эта цель – образ будущей России, – а не частные бюрократические или правовые решения. Сегодня ее у нации нет. Как сказал один из авторов Интернета, «Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем особого идейного содержания, идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали и радужные перспективы. Сегодня мы не имеем перед собой конкретной цели, не к чему нам приложиться душой и разумом. Человек сегодня находится в идейном вакууме, дезориентации и неизвестности, поэтому живет одним днем, или чистым убожеством собственных маний и устремлений»¹.

И в создании такого образа сегодня заключается главная политическая задача элиты.

Давайте попробуем разобраться в теме, ведь отвечая на вопрос о том **какое** будущее мы ждем для России, мы должны ясно создать этот **будущий образ**. Когда строится здание, то существует его проект. Как минимум, в голове строителя, но лучше формализованный, «на бумаге», со всеми согласованиями и печатями. В противном случае можно ожидать (даже неизбежно это случится), что коммуникации, нагрузки и т.п. не совпадут с замыслом.

Для государства и общества тем более важно иметь такую модель, которая, конечно же, многократно сложнее, чем любые архитектурное решение. И это задача идеологии и философии. «Именно философия, – считает С.М.Миронов, – должна выработать цельное представление о

¹ Мои тексты (Антипрагматическая) идеология / <http://p-development.narod.ru/>.

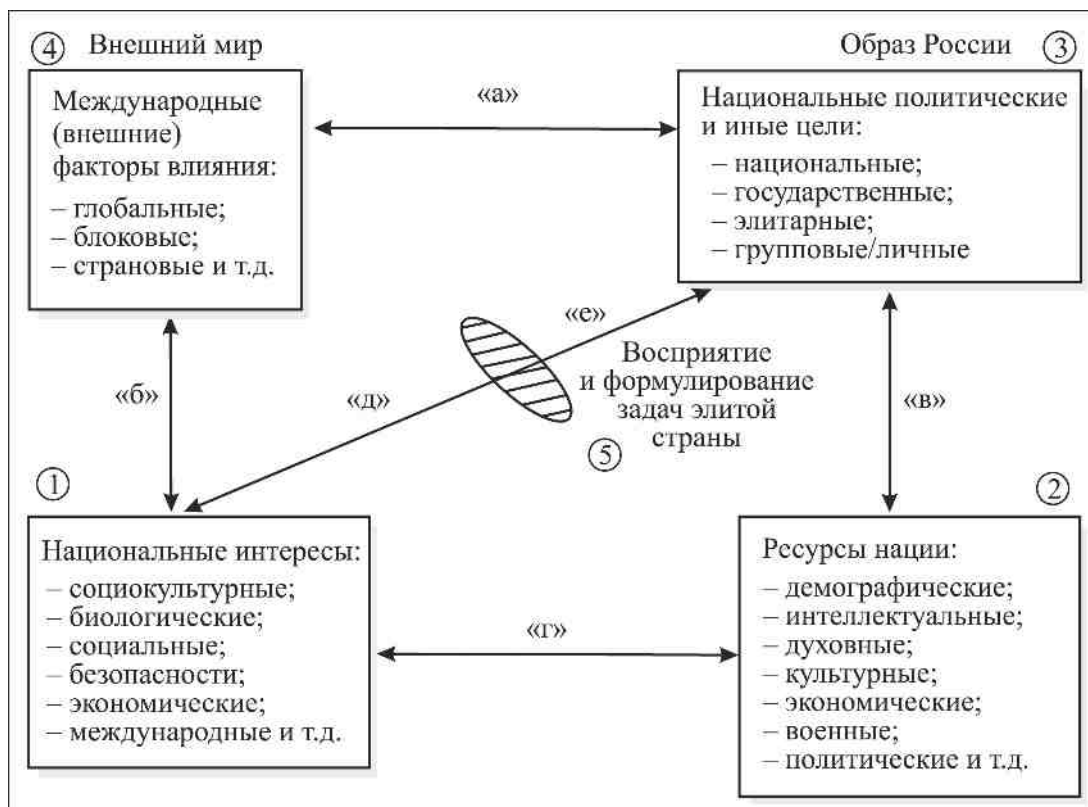
будущем»¹, хотя речь идет, конечно же, все-таки об идеологии: политики по старой привычке боятся самого этого понятия – «идеология».

Для формирования будущего образа государства, нации, общества, экономики необходимо учитывать множество факторов. Как **внешних** (соотношение сил в мире, политика других государств, наличие коалиций, блоков и союзов, мировая конъюнктура рынков, качество двусторонних отношений, темпы развития экономик, а, главное, **интересы** других стран, применительно к России, и т.д.), так и **внутренних** (экономических, политических, социальных, культурных).

Прежде всего следует остановиться на влияние внешних факторов на формирование образа России потому, что такой образ (даже самой уникальной страны) – частный случай по отношению ко всем остальным 200 странам и цивилизациям. Этот образ неизбежно находится под влиянием и воздействием мировых процессов – политических, экономических, технологических и т.д. и факторов влияния для которых практически не существуют границ и национальных запретов. Возвращаясь к рисунку, мы также увидим, что эти внешние факторы воздействуют не только на цели и ценности российской нации, как они осознаются элитой, но и прямо влияют на национальные интересы.

¹ С.М.Миронов. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010 г., с. 109.

Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

Таким образом «Внешний мир» оказывает как прямое влияние на формирование «Образа России» через множество факторов, так и косвенное – через воздействие на национальные интересы и возможные угрозы (№ 1) в том виде как они воспринимаются элитой. Более того, «Внешний мир» оказывает косвенное (но отнюдь не слабое) политическое, экономическое, информационное и военное воздействие на группу факторов, объединенных в «Ресурсы России» (№ 2). В обычной ситуации, в мирное время, когда суверенитету и безопасности страны явно ничто не угрожает, это влияние в большей степени экономическое и финансовое (например, через цены на углеводороды и металлы), но никогда нельзя исключать возможности и военно-политического влияния на национальные ресурсы. Так, в последние годы в США и Китае стала активно обсуждаться тема о «справедливом распределении» природных ресурсов между странами. Воздух, вода, экология – уже стали предметом международных переговоров, а качественные человеческие ресурсы – самой острой ареной борьбы.

Среди внешних факторов в последние десятилетия мы видим значительное число неблагоприятных для России факторов и изменений,

которые требуют прежде всего **идеологических объяснений**. Как справедливо считает академик А.В.Торкунов, «... в политическом (я бы сказал, все-таки, идеологическом – *А.П.*) плане мы ещё не все объяснили сами себе, а тем более окружающему миру ... Действительно, в силу несостоявшейся победы либерализма «конец истории не наступил, а теория «столкновения цивилизаций мрачна и операционно малопригодна»¹.

Основные изменения, которые произошли в связи с нарастающей глобализацией после 1980-х годов, в принципе известны всем.

Их великое множество: в политике, экономике, международных отношениях и др. Как, впрочем, и их последствия. Оценки тех или иных политиков и ученых иногда во многом схожи, иногда противоречивы и полярны. Но, все же, в 2010 году мы можем говорить о некоем экспертном консенсусе относительно последствий глобализации, которые все-таки отдавали эйфорией. Наиболее взвешенные, на мой взгляд, можно отнести к оценкам российских экономистов последних лет. Например, по оценкам экономистов – экспертов ВШЭ², важнейшие изменения глобального масштаба, произошедшие в **мировой экономике** (подчеркну, – экономике. *А.П.*) с конца 1980-х гг., можно обобщенно свести в четыре группы.

Во-первых, после падения СССР произошла фактическая ликвидация мировой экономической системы социализма и централизованно-административного хозяйственного порядка, противостоящего рыночному порядку. Это открыло возможность для рыночной трансформации бывших социалистических стран Европы. Но это же открыло возможность для новых правил игры в отношении России, да и сама Россия приняла эти правила. Плановая экономика, централизованное распределение ресурсов ушли в прошлое. Новый облик России в мировой экономике стал определять рынок.

Добавлю, что эти же изменения породили и эйфорию относительно либеральной экономики, её «универсальности», что отчетливо

¹ *Ан.Торкунов*. Европейский выбор и национальный интерес / Космополис № 3(19), 2007–2008, с. 34.

² Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. И.: ВШЭ-РИО-Центр. 2007 г., с. 12–13.

проявилось в период кризиса 2008–2020 годов. В частности, как оказалось, очевидно недооценивалась роль государства, а также необходимость совершенствования международных финансовых институтов, как, впрочем, и всей финансовой системы в мире.

Этот вопрос о роли государства в мировой экономике еще не закрыт. Более того, кризис 2008–2010 годов показал, что не только Россия, формируя свое будущее, но и весь мир должны переоценить роль национальных государств и международных институтов. Так, на мой взгляд, для России выгодно максимально усиливать роль государства на принципиальных направлениях экономического развития как института, способного мобилизовать национальные ресурсы для наиболее приоритетных направлений экономического развития. В свое время И.Сталин смог это сделать в военно-политических целях, сконцентрировав ресурсы СССР на двух мегапроектах – ракетостроении и атомной промышленности. Сегодня, ясно определив приоритеты модернизации, государственные ресурсы можно сконцентрировать на развитии потенциала человеческой личности, прежде всего тех факторов, которые определяют качество и темпы развития этого потенциала – науке, образовании, информатике, здравоохранении. Учитывая ограниченность российских ресурсов развития, подобная деятельность государства имела бы огромное значение.

Во-вторых, ускоренными темпами нарастала глобализация мировой экономики. Этот процесс приобретал новое качество благодаря расширению инновационной составляющей глобализации, а также развитию региональной интеграции. Создавая новые возможности, глобализационные и интеграционные процессы порождают и проблемы, приобретающие временами острую (кризисную) форму. В любом случае общее мнение о росте взаимозависимости, невозможности изоляционизма – доминирует. Как, например, подметил С.Караганов, «Рывок последних лет был легче, чем предстоящий путь. Мы стартовали из развала конца 1990-х, когда и государства-то почти не было. Чтобы принимать верные решения, сегодня необходимо, как никогда, хорошо знать и понимать внешний мир, от которого Россия будет все больше зависеть»¹.

¹ С.Караганов. Податливый и опасный мир / Ведомости. 26 февраля 2007 г., с. А4.

Вместе с тем – мировой кризис это ясно показал – глобализация отнюдь не абсолютный процесс. Как только государства столкнулись с реальными финансово-экономическими проблемами, масштабно и быстро этими государствами (прежде всего в странах – лидерах глобализации – США, Франции, Германии) были предприняты меры откровенно протекционистского характера, которые в целом продемонстрировали эффективность государственных институтов. Миф глобализации об «отмирании» государства стал очевидным уже в самые первые месяцы кризиса, но для будущего облика России это имеет большое значение. В глобальном мире государство должно обеспечить сохранение национальной идентификации, которое выражается прежде всего в ее культурном и духовном наследии. Другими словами, государство – единственный реальный инструмент общества, в обязанности которого должна входить защита национальной специфики, культурного, исторического и духовного наследия. Это означает, что участие в глобализации, интеграция в международные институты должно быть гарантировано государством только при выполнении этих условий. Экономическая, финансовая интеграция и стандартизация допустимы лишь до той степени, пока они не угрожают национальной культуре в самом широком смысле этого слова. Не случайно некоторые исследователи считают, что «Создается впечатление, что Соединенные Штаты в состоянии подчинять своему влиянию только те страны за пределами «классического» Запада, которые сами по себе или все вместе не могут составить им цивилизационной конкуренции¹. Именно такой конкуренции – цивилизационной и культурной – опасаются США, ибо только она способна в будущем создать альтернативу американским ценностям и доминированию в мире.

В-третьих, мировой экономический рост в целом ускоряется. Об этом говорят и долгосрочные прогнозы. Однако сохраняется (и даже усиливается) его неравномерность, в том числе и различие качества роста, отмечается региональная дифференциация. Доля «старых» развитых стран в мировом производстве устойчиво сокращается, появляются новые лидеры в Азии и Восточной Европе. При этом

¹ Б.Мартынов. «Групповой портрет» стран быстрого развития / Международные процессы, т. 7, № 1 (19), январь–февраль 2009 г.

усугубляется социально-экономическая деградация большого числа отсталых государств, прежде всего в Африке.

По оценкам экспертов ИМЭМО РАН, «примерно 60% увеличения мирового ВВП за ближайшие 15 лет будет произведено в развивающихся странах, в том числе 1/3 в КНР», а среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2006–2020 годы составят 4,2–4,4% по сравнению с 4% в 2001–2005 годах¹. В 2010 году впервые четыре страны – Китай, Индия, Россия и Бразилия – должны были добавить к своему валовому национальному продукту больше, чем все страны «великолепной семерки» – самые могучие страны Запада. И к 2025 году валовой продукт этих четырех стран будет в два раза больше, чем у стран «семерки». По некоторым оценкам в ближайшие 35–40 лет по абсолютному размеру экономики страны БРИК должны превзойти суммарный объем ВВП стран «семерки»². Изменится весь ход мировой истории. Мы шесть столетий жили в мире, где господствовал Запад, и вступаем в мир, в котором будет господствовать Восточная Азия. Это случится при нашей жизни точно³.

Напомню, что среднегодовые темпы для России пока оцениваются в 6%, а с учетом кризиса 2008–2010 годов и того меньше. Очевидно, что при таких темпах роста российского ВВП догнать развитые страны придется не одно десятилетие. Вопрос заключается в том, есть ли у нас это время?

Признание закономерности неравномерного развития в условиях глобализации дает исторический шанс России, что, конечно же, должно найти свое отражение на ее будущем облике, а именно: Россия должна сделать качественный рывок в темпах своего развития, который характеризуется не просто высокими (выше, чем средние в мире) темпами, а сверхвысокими темпами. Как это сегодня видно на примере Китая и Индии, а до этого – на примере первых пятилеток СССР. Таким образом новый облик России, ее «политический идеал» должен включать задачу обеспечения опережающих темпов экономического и социального

¹ Мировая экономика: прогноз до 2020 год / под ред. акад. А.А.Дынкина / ИМЭМО РАН. – М.: Магистр. 2007 г., с.13.

² Б.Мартынов. «Групповой портрет» стран быстрого развития / Международные процессы, т. 7, № 1 (19), январь–февраль 2009 г.

³ А.И.Уткин. Американцы переориентируются на Индию и Китай / Политический журнал, 23 июля 2007 г., с. 57.

развития. Причем такие темпы должны быть обеспечены не экстенсивными, а интенсивными факторами, прежде всего **темпами развития человеческого потенциала**.

В-четвертых, мировой кризис внес коррективы в оценки последствий глобализации. В частности, он продемонстрировал, что крупнейшие развивающиеся экономики – Китая, Индии, Бразилии, ряда других государств – **почти не пострадали** от кризиса, а экономики развитых стран в целом обошлись минимальными потерями и стагнацией, тогда как экономики России, Украины и ряда других государств продемонстрировали самые высокие темпы падения производства в 2008–2010 годах. Как справедливо отмечает Б.Мартынов, «Либерально-демократические идеологемы 1990-х годов мало затронули лидеров мирового экономического развития – Китай и Индию. В начале нового столетия от этих идеологем стали отворачиваться националистически-ориентированные страны Латинской Америки (в этом и заключается суть «левого поворота»). Возможно, в 2000-х годах стала медленно «делиберализовываться» и Россия. Более того, если судить по некоторым шагам самих Соединенных Штатов (введение госконтроля над иностранными инвестициями, усиление протекционизма), можно предположить, что **в целом мир перенасытился предпринимательской свободой**: она стала превращаться в свою противоположность. Обозначившийся за последние годы кризис (финансовый, но не только он) мировой экономики, которая до сих пор выстраивалась исключительно по западным лекалам, оттенен опережающим развитием ряда экономик «незападных» государств»¹.

На мой взгляд, это произошло по многим причинам, но прежде всего потому, что и у Китая, и у Индии были адекватные концепции и ресурсы развития, т.е. адекватный экономический алгоритм развития. В развитых странах кризис продемонстрировал **пределы** развития существующих моделей (а не их идеальность, как утверждали накануне), а в России и на Украине – отсутствие адекватных моделей развития, слабые и малоэффективные антикризисные стратегии, что, в конечном счете, объясняется **отсутствием внятной идеологии и механизмов ее**

¹ Б.Мартынов. «Групповой портрет» стран быстрого развития / Международные процессы, т. 7, № 1 (19), январь–февраль 2009 г.

реализации. Таким образом идеология, как средство эффективного управления, не было использовано правящей элитой страны в условиях кризиса. Обладая идеологией преодоления кризиса, российская правящая элита могла бы **быстро и точнее** принимать решения, а, главное, используя влияние информационных ресурсов, **быстрее их реализовывать.** Как показал опыт, время, которое требовалось для принятия решения и его реализации, занимало в России многие месяцы.

В-пятых, в полной мере проявился тот факт, что социально-экономические модели, выработанные промышленно развитыми странами в XX в., **не соответствуют условиям глобализирующегося мира** и новому, постиндустриальному этапу развития человечества. Расхождения были заметны уже в конце XX века, но попытки приспособить их к реалиям – неоконсервативные, неолиберальные, неосоциалистические – дали лишь временный эффект. Это привело к процессу начала стихийного реформирования этих моделей, который усилился и приобрел форму с началом мирового кризиса в 2008 году. Прежде всего, их военно-политических, экономических и социальных элементов. Эту особенность отчетливо выделил В.Путин, выступая в феврале 2007 года на конференции в Мюнхене: «Известно, что проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межцивилизационного диалога»¹.

С точки зрения формирования образа России по меньшей мере было бы нецелесообразно ориентироваться на отживающую модель, которая, кроме того, заведомо малопримлема для других государств. Как с точки зрения международной безопасности, так и с точки зрения других международных аспектов, такая модель не соответствуют ни национальным интересам России, ни, тем более, представлениям о справедливом мироустройстве. Вот почему в последние годы последовала серия крупных инициатив, России в международной области, в частности, инициатива Д.Медведева о создании новой архитектуры европейской безопасности. Прохладное отношение к ним со

¹ В.Путин. Выступление президента В.Путина 10 февраля 2007 г. / Известия. 12 февраля 2007 г., с.4.

стороны Запада – многое объясняет. И прежде всего то, что пока их вполне устраивает существующая система международных отношений и модель социально-экономического развития, принципы которой они пытаются не только отстаивать, но и навязывать другим государствам.

К этим выводам можно было бы **добавить еще несколько важных научно-технических, социальных, военно-политических и иных тенденций**, определяющих внешние условия существования России, её будущий облик. Главное же, что за скобками таких оценок, как правило, остается **идеологическая** сторона глобализации и, как следствие, ее **политические последствия**. А они, на мой взгляд, являются, более важными, чем финансовые, экономические и другие. Безусловно прав Ан.Торкунов, считающий, что «Первое десятилетие XXI века – время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов не планете с момента разрушения биполярности и распада Советского Союза. Во-первых, непредвиденным образом некоторые ведущие страны мира стали заметно чаще и откровенней прибегать к силе и угрозе ее применения ... Во-вторых, в международные отношения **вернулась идеологизация** (подч. *А.П.*), которая вопреки романтическим ожиданиям конца 1980-х и начала 1990-х годов, по-видимому, из них никогда не исчезала. Вместо противоборства коммунистической идеи и либерализма в мире угрожающе обострилось противостояние традиций и ценностей более фундаментального характера: между западным образом жизни и культурно-религиозным складом мира, в частности исламского»¹.

На фоне этих назревающих перемен удивительно отставание России во всех областях общественного и экономического развития, которое по времени (последние 20–25 лет) **совпадает с потерей идеологического лидерства**. Сегодня не модно говорить, но СССР был на протяжении нескольких десятилетий мировым идеологическим лидером и это в немалой степени объясняет остальные успехи. И, наоборот, складывается впечатление, что в современном мире только те государство может быть лидером в социально-экономической области, которое является идеологическим лидером. Вот почему новый образ России должен быть идеологически привлекательным для других стран.

¹ *Ан.Торкунов.* «Изменчивая геометрия» и российская демократия / Российская Федерация сегодня. 2007, № 2, с. 60.

Приведу простой пример такого отставания. К 1987 году Государственным комитетом по науке и технике СССР были разработаны государственные научно-технические программы, имеющие приоритетное значение для развитых экономики и общества. В т.ч. – ресурсо- и энергосберегающее машиностроение, нанотехнологии, материаловедение, строительные материалы, информационные технологии (включая искусственный интеллект, высокоскоростную передачу данных, оптиковолоконную технику и т.д.) и др.¹ Однако политико-идеологические события, которые последовали затем, привели к тому, что об этих программах «забыли». Вернулись к некоторым из них только в 2006–2007 годах, т.е. **через 20 лет**. Надо ли говорить, что за это время другие страны ушли далеко вперед?

Собственно в отсутствии ясного представления об образе России и кроются те практические противоречия, которые очевидны, например, во внешней политике России по отношению к целому ряду крупнейших проблем – от проблемы вступления в ВТО, до взаимоотношений с США и странами Западной Европы. «Прагматизм» российской внешней политики первого десятилетия XXI века уже малоэффективен. Нужны **принципы и ценности**, которые свойственны политической стратегии и являются атрибутами идеологии. А они, в свою очередь, вытекают из представления об образе России в мире. Этого-то пока явно не хватает, хотя, в 2006–2007 годы и обозначили формирование этой тенденции.

Это хорошо видно во внешней политике, где Россия так и не смогла себя пока до конца **идеологически** позиционировать. Хотя этого очевидно ждут. И в Западной Европе, и в Китае, и в США. Отсутствие подобного ясного позиционирования ведет к подозрениям в непредсказуемости внешней политики России, что хуже, чем самая плохая политика. Опыт и история показывает, что политические лидеры могут смириться с самой, казалось бы, неприемлемой идеологией и политикой, но непредсказуемость, неясность для них оказывается хуже, чем реальность.

Такую предсказуемость может дать только внешняя политика основанная на базовых ценностях и национальных интересах, публично декларируемых и реализуемых во внешнеполитической стратегии

¹ Государственные научно-технические программы. Перечень, состав, содержание. ГКНТ СССР, 1987 г., с. 4–50.

страны, т.е. на идеологии. «Прагматизм» оказывается, таким образом, не таким уж и прагматичным во внешней политике, если он сам по себе не является идеологической категорией.

Все это говорится для того, чтобы поставить вопрос о необходимости идеологии и, как следствие, – внешнеполитической стратегии России, опирающейся на систему идеологических взглядов, ценностей и принципов. Все они, повторю, вытекают из образа России, как главной ценностной категории. Даже если эти принципы и не разделяются другими странами. Скорее всего, они и не будут разделяться и пониматься ими – у западных стран существует свой набор ценностей, у Индии и Китая – свой, у Ирана, Ирака и других государств – свой. Важно его сформулировать и реализовать на практике.

Иными словами, основные глобальные тенденции мирового развития ведут к идеологии, а не прагматизму как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического курса государства. Соответственно, чем быстрее это будет осознано и чем лучше подведен идеологический фундамент под национальные стратегии, тем органичнее и эффективнее государства будут участвовать в процессах глобализации. Опыт Китая и Индии – лучшие примеры этой политики.

Образ России, то, что мы, возможно, увидим в 2020–2030 годах, зависит прежде всего от идеологии, той конечной цели, которую мы себе поставим, того образа, который представим, тех ценностей, которые являются сегодня и в будущем приоритетными, т.е. **системы идеологических взглядов на приоритеты, цели и способы развития.**

Даже отрицая идеологию, правящая элита вынуждена ее формулировать в стратегических документах. Так, в утвержденной Президентом 12 мая 2009 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года признается: «Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства,.. уважения семейных традиций, патриотизма»¹.

¹ Стратегия национальной безопасности до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г., Указом Президента РФ № 537.

Вместе с тем странно, что Стратегия, как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики» ... не является следствием более широкой системы идеологических взглядов, которую можно было бы назвать политической философией или все той же идеологией, наконец, национальной доктриной. Стратегия государства – следствие национальной стратегии, а та, в свою очередь, национальной системы ценностей и приоритетов.

От того, **какую** политико-идеологическую цель мы сформулируем, **какой** образ будущего государства мы представим в решающей степени зависит **какие методы и средства** его достижения мы выберем, **какие ресурсы** затратим, наконец, **какой конечный результат** мы получим. Так, если в 30-ые годы советское руководство полагало неизбежным войну с гитлеровской Германией и ее союзниками, то практически все ресурсы государства (более 60% ВВП) были брошены на подготовку страны к войне. Страна фактически превратилась в единый военный лагерь, где ресурсы были милитаризованы, а общество руководилось авторитарными решениями. Ради победы в войне были мобилизованы все экономические, демографические и идеологические ресурсы.

И сегодня, если будет сформулирована идеология глобального противоборства, то ради ее достижения придется полностью милитаризовать всю экономику страны (которая, напомним, не превышает 3% мирового ВВП), а о цели опережающего социально-экономического развития придется забыть.

Но, с другой стороны, если проблемы национальной безопасности будут игнорироваться, если угрозы будут идеализированы, будет поставлено под вопрос само существование государства, а затем и всей нации.

При формулировании будущего образа России очень важно определить способы достижения поставленной цели. Как показывает опыт, элита может существенно расходиться во мнении о способе решения тех или иных проблем, методах достижения сформулированных целей. Государство, где поставлена цель достижения «всеобщего благоденствия», может выбрать разные способы, даже прямо противоположные, для ее достижения, **разные идеологии**. Так, некоторые свято верят, что этой цели можно достигнуть либеральными

методами, кто-то – консервативными, а кто-то социалистическими. В любом случае, как представляется, необходимо четко артикулировать как цель (образ будущего), так и средства, что и составляют главные элементы идеологии.

Я, например, полагаю, что главной целью развития государства и общества должно быть создание максимально благоприятных условий для реализации потенциала человеческой личности, т.е. государство, постольку эффективно, поскольку оно может быть таким инструментом. С другой стороны, максимально полная реализация потенциала личности неизбежно ведет к появлению невиданного прежде по своему могуществу государства и общества, обладающих мощной экономикой, военным потенциалом и современным обществом. При одном обязательном условии – что ставка и в управлении, и в экономике, и общественно-политической жизни будет сделана на развитие потенциала человеческой личности, всех составляющих этот потенциал компонентов – демографического, образовательного, творческого, социально-экономического. А это означает, что власть, т.е. возможность распоряжаться общественными ресурсами, должна принадлежать представителем того социального слоя граждан, которые прямо заинтересованы в этом, т.е. творческому или креативному классу.

Глава 1.2. Образ России: влияние глобализации

« ... основой глобального терроризма является современная форма идеомания, спровоцированная западной цивилизацией потребления ...»¹.

В.Аксюциц

« ... главная задача государства в условиях глобализации – производство человеческого капитала в нужном количестве и современном качестве»².

Глава 5. Образ России: влияние глобализации.

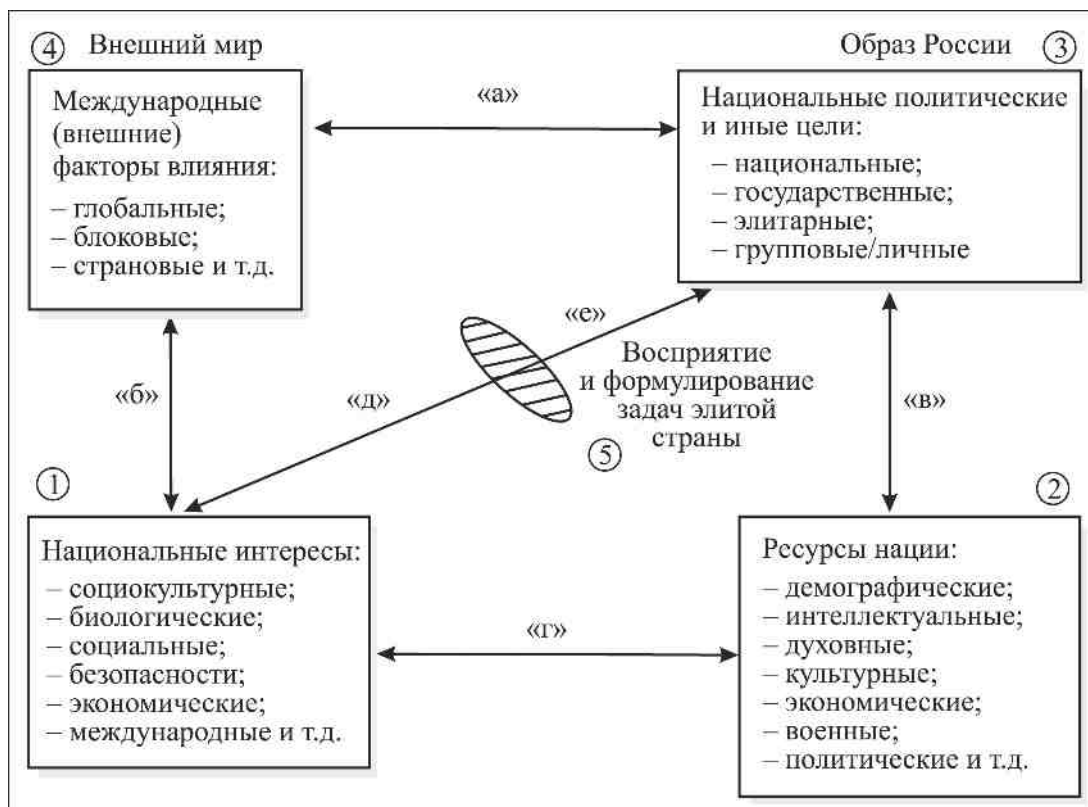
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО	=	ЛИДЕРСТВО В ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Россия - ведущая страна)
УНИВЕРСАЛИЗМ	=	ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ (Россия - ведомая страна)

¹ *В.Аксюциц*. Использование террористами оружия массового поражения – только вопрос времени / <http://www.regnum.ru/news/>. 07.04.2010.

² *В.Сухнев*. Проблема России – человек / Стратегия России. 2007 г., № 2, с.94.

Современный образ России находится под влиянием трех групп факторов: внешних условий существования нации и государства в мире, существующих у нации и государства ресурсов (в том числе и идеологических) и представлений российской элиты об идеальном образе России, которые, напомню, являются субъективным отражением объективно существующих национальных интересов и ценностей (национальных потребностей). В этой главе я попытаюсь рассмотреть, каким образом **внешние условия**, прежде всего глобализация, влияют на формирование образа России, точнее, представлений ее правящей элиты об этом образе. Возвращаясь к рисунку, к помощи которого уже неоднократно прибегал, речь идет о воздействии группы факторов, объединенных в группу № 4 (Внешний мир) на группу факторов № 3 (Образ России).

Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

При этом надо сделать два важных комментария. Во-первых, невозможно рассмотреть все факторы внешнего влияния, даже в рамках крупной специальной работы. Поэтому я ограничусь на некоторых из них, связанных прежде всего с процессом глобализации.

Во-вторых, важно понимать, что и Россия, ее образ, цели внешней политики, оказывают воздействие на внешний мир, хотя, конечно же, в значительно более слабой форме. Это важно иметь в виду, ибо поведение России и ее будущее отнюдь не детерминировано воздействием внешних условий и факторов: у нашей нации есть как и «поле компромиссов», так и инструменты влияния на внешний мир. Возможности использования этих факторов в интересах России зависят от идеологии и готовности правящей элиты сделать это. Важно напомнить, что идеология не только самый эффективный инструмент государственного управления и влияния, в т.ч. и в мире. Она – **самое мощное оружие**, самый сильный государственный инструмент влияния. И не только государственного. Как показывает опыт террора – общественного, религиозного. Значительно сильнее, чем военная сила, финансовая или экономическая мощь, дипломатия. «Отказываясь от идеологии», общество и государство

таким образом **отказываются от самых** сильных инструментов своего влияния в мире.

Вспомним СССР, который был мировым лидером, но, прежде всего (о чем мало говорят), лидером идеологическим. Сегодня это Китай, исламский мир, США – страны, в которых идеология остается не только в центре внимания правящей элиты, но и главным внешнеполитическим оружием. Особенно в эпоху глобализации. Именно в эпоху глобализации.

1.2.1. Глобализация и «ключевая идея» России, способная обеспечить идеологическое лидерство.

«Приоритетом современного этапа
естественных наук должно быть
производство теоретических обобщений на
базе анализа реального опыта российской
жизни после 1991 года в контексте
глобальных тенденций мирового
развития»¹.

Ан.Торкунов

О глобализации и ее влиянии на Россию к сегодняшнему дню написано много. В том числе и мною². Для целей же настоящей работы важны не многочисленные последствия (финансовые, экономические, военные, политические и др.) глобализации, а ее идеологическое влияние на формирование образа России. Это достаточно частное, но, как мне кажется, самое главное последствие глобализации, о котором далеко не всегда говорят, а, тем более, не всегда учитывается авторами. Но именно, мировоззренческие, идеологические разногласия лежат в основе международных конфликтов. Соответственно их преодоление является обязательным условием выживания в мире. Для нынешней России эта проблема сверхактуальна: нам нужны внешние благоприятные условия для решения задач модернизации при том, что мы не можем жертвовать своими национальными интересами и ценностями в мире. Эта проблема так или иначе **всегда присутствует** в отношениях России с другими странами, даже когда и формально не является таковым в повестке дня. Так, в ходе своего участия в саммите весной 2010 года, Д.Медведев выступил в Брукингском институте, где **напомнил, что у России и США разная история и люди двух стран часто по-разному воспринимают происходящее. «Россия нуждается в нескольких десятилетиях стабильной спокойной работы по созданию эффективной политической и экономической системы. Только в этом случае**

¹ *Ан.Торкунов. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.*

² *А.И.Подберезкин, С.А.Абакумов. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004 г. (Глава I. Сущность и ключевые проблемы глобализации; Глава II Вопросы методологии изучения и т.д.).*

разногласия, которые существуют, будут уходить в прошлое. Чтобы это произошло, **не нужно учить друг друга жить**», – подчеркнул президент.

По словам главы государства, политическая система **несет на себе печать вековых традиций, которые вошли в привычку, но при этом являются и своеобразной защитой российского общества, не дают ему разваливаться на части**¹.

Таким образом к 2010 году Россия сформулировала свои главные требования к внешним условиям, формирующим образ России, которые укладывались в **основы** идеологии социального консерватизма. Можно сказать и так: к стоящему времени в России сложились условия для превращения формировавшихся при В.Путине и Д.Медведева идей развития государства и общества в новую идеологию, которая может стать эффективным инструментом влияния в мире, управления – в собственной стране, и основой для реализации планов модернизации. Вопрос в том – поймет ли это в полной мере правящая российская элита и захочет ли она использовать это мощное оружие?

Эта внешне мировоззренческая, даже теоретическая задача имеет огромное практическое значение для современной России. Именно к 2010 году, на мой взгляд, наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится **абсолютно невозможным без ясного определения привлекательного для нации образа России, который складывается из приоритетов и целей развития, методов их достижения, наконец, национальной самоидентификации в глобальном мире**. Будущий образ России это то, что делает народ нацией, цементирует общество, определяет ценности – и сделать это должны прежде всего обществоведы, т.е. профессиональные идеологи. Как справедливо отмечал академик Ан.Торкунов, «Стабилизация экономической и социально-политической ситуации позволяет по-новому формулировать задачи общественных наук в России. Период освоения и популяризации западного знания – время «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках» – закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук должно быть производство теоретических

¹ М.Волкова. Брукинский тест / Российская газета, 15 апреля 2010 г., с. 2.

обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 года в контексте глобальных тенденций мирового развития»¹.

Хочу подчеркнуть, что любые самые инновационные технологические и внедренческие решения, любая модернизация (о которых много говорили в 2008–2010 годах) экономики невозможны без решения мировоззренческих, общеидеологических проблем, ответов на «простые» вопросы: куда движется Россия? Какое общество и экономику мы создаем? Каким мы видим государство через 5, 10, 25 лет?

Действительно, обсуждая в 2010 году планы модернизации России, мы неизбежно задаемся вопросом, а почему в условиях кризиса прирост ВВП Китая составил 9%, а в России – падение на 9%? Почему за последние 20 лет реформ наш экспорт в Китай, состоящий на 90% из машиностроительной продукции в советский период, сегодня на 90% состоит из углеводородов? Почему сегодня не только мы, но и в Европе, закупают в Китае наукоемкую, в т.ч. машиностроительную продукцию? Не получив ответа на эти вопросы, мы не сможем ответить и на главный вопрос – какую Россию мы хотим увидеть через несколько лет.

К сожалению, сегодня наши идеологи и философы не предложили обществу и элите внятной и аргументированной концепции будущего образа России, который не только бы был принят российским обществом, но и нашел бы благоприятный отклик за рубежом. Во многом, даже в главном, это объясняется нерешенностью фундаментальных философских и идеологических проблем на качественно новом уровне, отражающем современные реалии. В этой связи, безусловно, справедливо замечание Ан.Торкунова о том, что «Затянувшийся «пат» ветвей исторического знания является препятствием для развития истории России, а значит – для понимания ее своеобразия. Очень важно понять это своеобразие нам самим и объяснить его внешнему миру. Необходим новый методологический аппарат, который, возможно, поможет и историкам из бывших советских республик создать более достоверные,

¹ *Ан.Торкунов. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.*

методологически и фактологически выверенные версии реконструкции их истории.

Философские науки остаются важнейшим средством упорядочения знания о действительности – российской и международной. Если принять за данность тезис о том, что ключевой идеей XIX века была идея свободы, а XX века – идея власти, то какой окажется ключевая идея века нынешнего?»¹.

Действительно, именно «ключевой идеи» не хватало и сегодня еще не хватает для формирования общенациональной идеологии в России, идеологии, которая бы объединяла все многочисленные федеральные, отраслевые и региональные концепции развития, появившиеся огромном количестве в 2006–2010 годах. Между тем такая идея есть. Более того, она очевидна. Это **идея опережающего развития человеческого потенциала**, как идея, способная обеспечить России идеологическое лидерство в мире.

Напомню в этой связи, что на каждом этапе развития человеческого общества и экономики всегда находилось «ключевое звено», фактор, определяющий темпы развития экономики и общества. Для первой половины XX века это было промышленное развитие, начиная с 60-х годов, – информационные технологии и связь, а с начала XXI века – качество человеческого потенциала. Соответственно наиболее успешными идеологиями были те, которые не просто учитывали, но были прямо нацелены на максимально эффективное использование этого фактора в экономической и общественной жизни. Если для периода индустриализации XX веке главную роль в качестве такого фактора играли темпы промышленного развития, а главный класс был пролетариат, то для периода информационного развития – информационные технологии и технологии связи. Соответственно сегодня, в период возрастающего значения фактора человеческого потенциала это будут науки и технологии, связанные с человеком, а в общественном развитии таким классом станут креативные группы. Соответственно и ведущая идеология современного этапа развития общества и экономики – это идеология, в центре внимания которой

¹ *Ан. Торкунов. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.*

находится человек, его творческие, интеллектуальные и иные возможности.

И здесь мы сталкиваемся с главным противоречием. С одной стороны, «ключевая» национальная идея России в период глобализации может быть развитие потенциала человеческой личности (и, соответственно, его составляющих), а, с другой, – мы видим крайне слабые позиции России по всем направлениям, определяющим сегодня качество человеческого потенциала. Это, естественно, отражается и на глобальных позициях России в мире. Так, по оценке С.М.Рогова, в формирующемся многополярном мире складываются **4 главных центра научного прогресса** – США (35% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский Союз (**24%**), Япония и Китай (примерно **по 12%**). К сожалению, Российская Федерация в группу лидеров не входит – на нашу долю приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности и 1% по обменному курсу. Таким образом, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Европейского Союза – в 12 раз, от Китая – в 6,4 раза, от Индии – в 1,5 раза¹.

Аналогичная ситуация складывается и в фундаментальных исследованиях: их доля в ВВП составляет всего 0,16%, а в развитых странах – 0,5–0,6% ВВП. При этом в существующих планах, например, Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года предусматривается, что расходы на НИОКР должны увеличиться до 2,5–3% ВВП, в то время как в развитых странах они вырастут до 3,8–5,5% ВВП². Таким образом отставание России **планируется сегодня на долгосрочную перспективу**.

Для России наиболее подходящей может быть идеология социального консерватизма. Особо хотел бы оговорить одну важнейшую особенность современной идеологии вообще и социального консерватизма в особенности – её **исключительно прикладной, даже прагматический характер**. К сожалению, провозглашенные Б.Грызловым принципы социального консерватизма – консерватизм, прагматизм, центризм,

¹ С.М.Рогов. Россия должна стать «научной сверхдержавой». Мир и политика, 2010 г., № 3 (42), с. 8.

² Там же, с. 14–15.

наднациональность и т.д. – хороши как принципы, но не как прикладная идеология, которая, повторю, несёт в себе две важнейшие функции: обеспечение лидерства государства и общества, реализуемые в лидерстве идеологическом, и обеспеченные эффективного государственного и общественного управления. А вот этого-то у «Единой России» и нет. Как нет и понимания главного условия развития современной экономики, общества и государства – опережающего развития потенциала человеческой личности. Характеристику ее идеологии вполне точно описал А.Казаков: «К идеологическому самоопределению партия шла долго и непросто. Уже на второй съезд, на котором был принят программный манифест «Путь к национальному успеху», «Единая Россия» вышла с серьёзной, хотя и неожиданной идеологической заявкой. По существу, партия экспроприировала весь нерадикальный идеологический спектр и, тем самым, сделала заявку на монопольное право формировать и формулировать общенациональную, а не только партийную идеологию. В этом своём предприятии партия опиралась на политическую философию Владимира Путина – ту самую, с которой он пришёл к власти в последний день прошлого тысячелетия. В основе политической философии Путина лежат такие ценности, как государственничество, державность, свобода, солидарность, справедливость. Эти ценности объединены в едином поле патриотического мирозерцания. Таким образом, «Единая Россия» была призвана выполнить сверхсложную задачу – объединение общества вокруг фундаментальных ценностей, поскольку «невозможно удерживать административно то, что должно удерживаться образом будущего, идеалами, ценностями, верой» (Владислав Сурков)»¹.

Как видим, того, что нужно, в социально-консервативной идеологии правящей партии нет. Общие правильные принципы и понятия остаются таковыми без их переноса в общество, управление и отношения внутри государства. Складывается очевидный разрыв между декларируемыми принципами и идеологией и практикой. Идеология «не работает», хотя, повторю, она и является самым эффективным инструментом управления.

Естественно, этого не могут не видеть не только критики власти, но и вполне беспристрастные наблюдатели. По информации международной

¹ А.Казаков. Выбор и модель / <http://edinros.er.ru>. 03.02.2010.

аудиторской фирмы PricewaterhouseCoopers, в 2007 году, когда Медведев пришел к власти (так в тексте – прим. пер.), 59% российских компаний сталкивались с экономическими преступлениями.

В ответ Медведев объявил, что примет решительные меры против коррупции. Однако спустя два года, Price water house Coopers сообщила, что теперь уже 71% российских компаний становятся жертвами экономических преступлений. Другими словами, в результате инициативы Медведева, направленной на снижение уровня экономических преступлений, их число увеличилось на шокирующие 20%.

Глобальное исследование коррупции также выпускает организация Transparency International, в рамках которого рассматривает более широкий спектр негативных экономических и политических факторов в большем числе стран. В 2007 году Россия заняла шокирующее 143 место из 180 стран. Можно было бы подумать, что хуже уже некуда. Но два года спустя, медведевская Россия оказалась на 146 месте.

Но можете не верить мне на слово; послушайте лучше бывшего российского депутата Владимира Рыжкова, называющего деятельность Медведева «удручающей». Рыжков указывает на исследование, проведенное Всемирным экономическим форумом, которое показывает, что за первые два года Медведева у власти мировая конкурентоспособность России значительно ухудшилась, и страна оказалась на прискорбном 63 месте из 133 исследованных стран. Это падение рейтинга включает в себя и значительно ухудшение качества судебной системы (еще один любимый проект Медведева). Рыжков говорит, что исследование Всемирного банка подтвердило, что условия для бизнеса в стране значительно ухудшились, и Россия оказалась на 120 месте из 180 стран¹. При этом, следует выделить несколько особенностей формирования этой идеологии в последнее время. Из них главными являются следующие.

Во-первых, идеология социального консерватизма – это российская, специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей, **форма идеологии социального**

¹ Ким Зигфельд. Неосоветская Россия и Америка («American Thinker», США) / <http://www.inosmi.ru/politic/17.03.2010>.

консерватизма. Она становится ведущей и в развитых странах, стремительно вытесняя как неолиберализм или неоконсерватизм, так и «чистый» социализм. Похоже, что в начале XXI века именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. По мере развития глобализации, особенно в условиях кризиса 2008–2010 годов, отчетливо обозначились тенденции возвращения государства в экономику и общественную жизнь, сохранение национальной системы ценностей, но, главное, развитие человеческого потенциала с учетом национальной специфики. Объективно эти тенденции совпадают с этапом культурно-духовного развития человечества, что, естественно, взаимно усиливает обе тенденции.

Во-вторых, основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложились за годы В.Путина. Думается, что будущие годы станут периодом ее формализации, а, может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину. Попытки сделать это у «Единой России» мы уже наблюдаем. Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы этой идеологии **уже существуют.** Но пока что в полной мере не осознаны и не сформулированы. Поэтому неверно расхожее утверждение о том, что у В.Путина и Д.Медведева нет идеологии и долгосрочной стратегии. Все последние послания президента Федеральному Собранию, а, главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития страны. Такой фундамент не может не быть идеологическим. Даже если В.Путин, как «главный идеолог», это и отрицает.

Другое дело, что пока что такая идеологическая работа ведется безсистемно, рефлексивно, опираясь на «сигналы, посылаемые элите». Кризис 2008–2010 годов показал, что отсутствие такой идеологической системы и рефлексивность поведения ведут к неэффективным управленческим решениям. **Идеология не участвует в управлении,** т.е. самый эффективный механизм управления у элиты отсутствует: идеология превратилась в политическую риторику, которая очень далека от реальной политики.

На современном этапе сложился взгляд на идеологию в форме следующего подхода: чем прогрессивней исторический субъект, тем

больше идеология включает положительных знаний; чем он реакционнее, тем иллюзорнее идеология. Прогрессивные силы общества всегда направлены в будущее, поэтому их идеология **мобилизует на прогрессивную трансформацию общества.** При этом отнюдь не отрицается, а предполагается сохранение традиции.

Отрицательно влияет на людей идеология социального субъекта, который утратил или исчерпал свою историческую перспективу. Например, носитель идей либерализма или коммунизма. Их интересы начинают противоречить общим интересам общества. Поэтому такие субъекты начинают средствами идеологии скрывать свою бесперспективность, вынуждены искаженно отображать социальную действительность, которая приводит к массовому созданию мифов – будь-то коммунистические, либеральные в их классическом представлении XX века. Что очень хорошо видно на примере России 2000–2010 годов, когда изжившие идеологии пытались искусственно реанимировать свои мифы.

В-третьих, в основе социально-консервативной идеологии, её стержнем, является главная идея развития человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую **роль цели** и, одновременно, **средства развития.** Эта ключевая идея, повторно стала общепринято в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться и в сознании правящего класса в России в 2005–2010 годы. Мы можем признать, что в этот период произошло переосмысление правящей элитой приоритетов развития. Может быть этот процесс 2010 году еще не завершился, но совершенно ясна общая тенденция, направленность движения. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал стали в центре внимания элиты, действий власти, а не следствием какой-то иной стратегии.

Парадоксально, но факт: в социальном консерватизме «Единой России», в практических действиях власти эта особенность современного этапа развития **практически игнорируется.** Налицо многочисленные инициативы Д.Медведева и В.Путина, **так и не превратившиеся в идеологию и стратегию.**

Кроме того, социальная сторона жизнедеятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становятся

ведущими областями, определяющими темпы не только социального, но и экономического развития. Повторю, что этот процесс находится в стадии, когда от политических деклараций начинают постепенно переходить к конкретным действиям. Но делается это бессистемно и недопустимо медленно. Деятельность В.Путина и Д.Медведева по реализации нацпроектов – пример того как в 2005–2010 годы власть настойчиво, иногда не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

Очень схожая ситуация наблюдалась и во внешней политике России, где подчеркнутый прагматизм, отрицание идеологии сопровождалось процессом переосмыслений старых схем мироустройства и национальных интересов России, т.е. наблюдался очевидный поиск самоидентификации России во внешнем мире. Как справедливо заметил академик Ан.Торкунов, «Осмысление современного международного контекста заставляет нас отказаться от статичных схем биполярности, многополярности с заведомо известными полюсами и схемами центросиловых отношений. Более адекватными представляются утверждения о «плавающей», «меняющейся» геометрии современной мироструктуры. Изначально термин «variable geometry» был применен для характеристики европейских процессов первой половины 1990-х годов, когда стало ясно, что на пути к полноценному Европейскому союзу внутри самого ЕС возникают различные скорости движения, различные специализированные полюса влияния – экономический, финансовый, военно-политический, а также различные конstellляции этих полюсов»¹.

Важное значение – не случайно – имело разное обострение в 2007–2010 г. «исторической политики», т.е. критика со стороны ряда западных стран и российских политологов исторического прошлого Российской империи, СССР, современной России. Историю попытались не просто переписать и переосмыслить, но и – главное – навязать российскому народу и его элите новую трактовку многих исторических событий. Как следствие необходимости противодействия таким попыткам в мае 2009

¹ Ан.Торкунов. Европейский выбор и национальный интерес / Космополис № 3(19), зима 2007–2008 г.

года была создана Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России, которой пришлось фактически не только начинать с нуля этап идеологического осмысления истории, но и столкнуться с откровенно организованной идеологической кампанией по фальсификации.

Эти и другие положения социального консерватизма – **суть новой идеологемы, которая сформировалась в последние годы в условиях глобализации в развитых странах и в России, т.е. это вполне объективная тенденция, которая сдерживалась в нашей стране в силу известных факторов.** Можно сказать и проще: плутая последние десятилетия по бездорожью, Россия вышла на твердую почву – магистральный путь развития. Проблема только в том, чтобы, во-первых, быстро по нему двигаться. А, во-вторых, чтобы очередные идеологические шаманы не столкнули с этого пути общество.

1.2.2. Глобализация и идеология: необходимость лидерства

«... разрушение СССР и упадок России стали необходимым и достаточным условием той «глобализации по-американски», которая шла все 90-е годы ...»¹.

А.Иванов

Проблема в том, что противостоять идеологической глобализации может только эффективная национальная идеология. Социальный консерватизм в его нынешнем виде таковой не является. Это, скорее, набор нечётко очерченных принципов, а не инструмент защиты и продвижения российских целей в мире. Он отражает нынешнюю российскую политическую реальность – прагматизм, метод «кризисного управления», – а не необходимый волевой импульс и творческое начало, необходимые для того, чтобы Россия стала идеологическим лидером в мире. Проблема заключается в том, что при глобализации только лидер в какой-либо области. Может сохранить свои позиции. Это утверждение справедливо для всех областей жизнедеятельности, но, особенно, для идеологии. Именно лидерство в идеологии делает образ России привлекательным для других стран и социальных групп.

Такое лидерство в идеологии не обязательно совпадает с лидерством в экономике. Это важно понять для того, чтобы не ставить идеологическое лидерство в зависимость от экономических успехов, которых, вероятно, придется ждать долго.

По данным международной статистики, на начало XXI в. доля ведущих держав в мировом ВВП распределялась следующим образом: США – 21%, Западная Европа – 20%, Япония – 7,5%, Китай – 12,5%, Россия – 2,4%. Согласно прогностическому исследованию ИМЭМО РАН, к 2015 г. США будут иметь 18% от мирового ВВП, Китай – 16,5%, Западная Европа – 16%, Япония – 5,5%. Россия же в лучшем случае (при ежегодном экономическом росте в 5–6%) после 2012 г. повысит свою долю до 3% мирового ВВП².

¹ *А.Иванов* (псевдоним). Глобализация и идеология / <http://www.zavtra.ru/egi/07/720/31/>.

² *В.Кулаков, З.Алиев*. О глобальной конкурентоспособности России / *Власть*, 2010 г., № 5, с. 61.

Даже при решении задачи, сформулированной в Стратегии национальной безопасности до 2020, войти в число пяти экономических лидеров, качество российской экономики будет уступать качеству лидеров глобализации.

Но это отнюдь не означает. Что Россия не может и не должна претендовать и бороться за идеологическое лидерство в мире, которое прямо не вытекает из экономического и технологического. Во-первых, потому, что есть другие, неэкономические области – культура, наука, образование, духовность. А, во-вторых, потому что от таких претензий не оспариваются государства, которые также не могут в ближайшем будущем претендовать на лидерство в экономике.

Другой аспект: глобализация и идеология – два тесно взаимосвязанных процесса, чья взаимосвязь, однако, обнаруживается (либо её не хотят замечать) далеко не всегда.

На мой взгляд, эта взаимосвязь выражается в следующем: лидерство в глобализации (финансах, экономике, социальной области) **невозможно без идеологического лидерства**, причем такое лидерство выражается в **создании собственной модели развития**, а не в клонировании чужого опыта. Только собственная модель участия в глобализации и развития, основанная на собственном опыте и национальной специфике, т.е. на собственном идеологическом фундаменте, способна вывести страну на темпы опережающего развития. В противном случае изначально закладывается модель «догоняющего» развития – в общественной жизни, экономике и политике. Таким образом, если Россия хочет быть лидером глобализации и иметь опережающие темпы развития, она просто обязана быть идеологическим лидером, который предлагает на глобальном уровне привлекательную идеологическую модель и образ страны.

Идеологическое лидерство не обязательно ведет к лидерству в глобализации, т.е. то или иное общество может сознательно выбрать другую модель развития, которая не вписывается в систему ценностей и стандарты глобализации, например, экономическую, религиозную или психическую.

Таким образом идеология **предопределяет** выбор и результата. Если нация хочет быть равноправным лидером в процессе глобализации, то она обязана быть идеологическим лидером. Но она может и выбрать

(теоретически) и другую модель взаимоотношений с государствами в мире, игнорируя на разных этапах требования глобального развития, но, если она, опять же, остается идеологическим лидером.

Если же нация сознательно отказывается от идеологического лидерства, то у нее выбора не остается. Она не может претендовать ни на глобальное лидерство, ни на отказ от участия в глобализации. Она просто становится **предметом воздействия глобальных процессов**, поглощается другими, более успешными странами.

Таким образом выбор за элитой страны, которая должна адекватно взвесить все плюсы и минусы глобализации и «вписать» их в свою идеологию. Позитивные аспекты глобализации в России оставались долгое время без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во многом объясняется именно **новыми идеологическими установками**, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В.Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже **сам определяет его**. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»¹. Идет мирная экспансия. Уже на технологической стадии. Но – надо подчеркнуть – эта экономическая и уже технологическая экономия Китая изначально была **обеспечена идеологически**. Следует помнить, что Китай **никогда не поступался национальными идеологическими, культурными и историческими ценностями**. Впрочем, как и Индия, которая также смогла удачно совместить идею модернизации и национальной идентичности. Именно синтез позитива глобализации и национальных традиций, – как показывает опыт Китая и Индии – дает лучший политический и экономический эффект. Этот синтез должен стать частью любой новой национальной идеологии, претендующей на мировое лидерство и создание привлекательного облика страны в мире.

В настоящей работе собственно глобальным процессам уделяется мало внимания. Во-первых, они описаны достаточно обстоятельно, в т.ч.

¹ В.Малявин. Стратегическое подполье Китая / Ведомости. 28 марта 2007 г., с. А4.

и российскими авторами², а, во-вторых, меня интересует, прежде всего, отдельный, а именно **идеологический аспект глобализации**. Причем применительно к России, для которой идеологический аспект глобализации стал особенно актуален в последнее десятилетие, при В.Путине и Д.Медведеве.

Эта актуальность имеет вполне конкретные международно-политическое значение, что мы нередко обнаруживаем в явно недружественных жестах применительно к России. Факт, как говорится, «на лицо»: именно в последние 7–10 лет мы видим, что по отношению к России складывается – настойчиво, систематически и даже агрессивно – недружественная политика, целью которой является насильно «встроить» Россию в чужую систему ценностей, отражающую прежде всего иные национальные интересы. Вполне, впрочем, прагматические. При этом основная аргументация этих сил сводится к тезису о том, что глобализация вырабатывает некие «универсальные» мировоззренческие, политические и идеологические стандарты. Таким образом «универсализм» выступает как инструмент лишения России претензий на идеологическое лидерство, а, в конечном счете, и на лидерство в глобализации. Отказ от идеологического лидерства, как следствие принятия «универсальных» ценностей – в политике («демократия», «права человека» и т.д.), экономике («свобода рынка», отказ от активной роли государства и т.д.), означает и неизбежный отказ от любых попыток опережающего развития. Эта аксиома хорошо известна в науке, где создать новый научный продукт можно только опираясь на собственную научную школу. В противном случае возможно лишь повторение или компиляция чужих научных школ.

Идеология – самое сильное и хорошо известное оружие. Те элиты, которые не только знают, но и используют его в своих национальных интересах, как правило, могут добиться больше, чем даже использование военной силы. Впрочем, ничего особенно нового в этом нет. В 50-е годы, например, США, провозгласив «доктрину Эйзенхауэра», а затем в 70-е декларировали «доктрину Никсона», также пытались насильно внедрить

² См., например: Ю.Булатов, А.Подберезкин. Некоторые методологические проблемы глобализации. М.: Наука. 2003 г.; А.И.Подберезкин, С.А.Абакумов. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004 г.

свои «универсальные» идеологические ценности. Сейчас уже нет господствовавшего в СССР коммунизма, однако стратегия не изменилась: **самая эффективная победа это победа, когда другая нация воспринимает чужую систему ценностей, чужие нормы и правила поведения. В отличие от военной, эта победа абсолютная.**

Объективные глобальные процессы нередко сводятся к идеологическим, мировоззренческим. Причем не абстрактным, а вполне определенно отражающим ценности и национальные интересы ведущих стран мира. Весь «универсализм» сводится, в конечном счете, в навязывании «наиболее передовых» (но чужих) идеологических моделей и ценностей, которые отнюдь не случайно оказываются удивительно соответствующими чужим национальным интересам.

Вся современная внешняя политика развитых государств собственно сводится к этому. Так, во вступившем в силу в декабре 2009 года лиссабонском договоре, прямо предусматривается, что страны Евросоюза придерживаются не только во взаимоотношениях между собой, но и по отношению к другим странам, своей системой ценностей и принципов. На практике это означает, что, например, по отношению к России в качестве основы межгосударственных отношений (Евросоюз – как самостоятельный субъект, конфедерация) может и уже находится некая система ценностей и принципов. Что, естественно, отражается ежедневно на межгосударственных отношениях. Причем не только стран Евросоюза и России, но и, например, Евросоюза и Израиля, что было отчетливо видно в связи с инцидентом по прорыву блокады сектора Газа гуманитарным конвоем.

Таким образом мы видим следующую взаимосвязь между глобализацией, идеологией и развитием:

**глобализация = универсализм = отказ от идеологического лидерства
= от опережающего развития (потеря позиций в мире и утрата
суверенитета)**

В этом смысле я согласен с утверждением А.А.Кокошина, считающего, что «в наиболее общем виде глобализацию можно различать как процесс и как идеологию, последняя часть носит весьма агрессивный

характер...»¹. Что мы и наблюдаем отчетливо в последние десятилетия. Агрессивной идеологии оказывается иногда вполне достаточно, чтобы не только защитить чуждые национальные интересы, но и сменить правительство и даже общественный строй. Эта «мягкая сила» (soft power), однако, вполне легально поддерживается всей экономической и военной мощью, когда ее оказывается уже недостаточно. Так было, например, в Югославии, Грузии, на Украине и в других странах.

Глобализация «как идеология», имеющая часто «агрессивный характер», неизбежно должна вызывать ответную реакцию. И не только России. Нации поставлены перед выбором – либо оказаться втянутыми в орбиту этой агрессивной идеологии, отказавшись, в конечном счете, от суверенитета, – либо противопоставить ей свою. Иногда даже **не менее агрессивную**, как, например, исламский радикализм. Что мы и наблюдаем на многочисленных примерах. Нередко на практике это выражается в радикализме противопоставления одной идеологии другой. Например, посредством исламского радикализма, либо крайнего национализма, проявляющегося, в т.ч. и в развитых странах, где не любят признавать наличие таких проблем. Но, главное, заключается в том, что терроризм не может быть побежден военными или социально-экономическими мерами, **без идеологической победы**. Для России, кстати, это не только Кавказ, но и уже другие регионы страны.

Не является в этом ряду противопоставлений, к сожалению, исключением и Россия, где объективные экономические и социальные процессы, свойственные глобализации, накрепко связаны как с агрессивным отечественным неолиберализмом, так и с другими агрессивными идеологическими течениями, внешне противопоставляющими себя идеологии глобализации. Обе эти крайности по сути одно и то же – идеологические концепции, имеющие мало общего с реальными тенденциями глобализации и решением задач общественного развития.

На мой взгляд, борьба идеологий – это не только противоборство идей, политических философий. Это сегодня даже не только политическая борьба. Это и борьба экономик, борьба национальных укладов, суверенитетов, национальных стратегий, даже прогнозов и

¹ А.Коккошин. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006 г., с.10.

планов социально-экономического развития, которые не только вполне укладываются в идеологические рамки, но и являются прямо производными от них.

Таким образом, в основе всего лежит идеология, как **система взаимосвязанных идей и концепций**, которая, в свою очередь, служит фундаментом, базой для конкретной политики и конкретной экономики. В том числе экономической, финансовой, социальной, и, конечно же, военной. Политика в данном случае является **искусством практической реализации идеологических целей и приоритетов**. В любой области. Как хорошая, так и плохая.

Так, неэффективная приватизация в России может быть понята только в том случае, если признать, что ее целью была не повышение экономической эффективности или улучшение структуры экономики (как формально декларировалось), а сугубо идеологическая задача – смена собственника. Любым путем. Даже через огромные экономические и социальные потери. А «политика приватизации» была искусством быстрой организации перераспределения собственности. Ни получения денег в бюджет, ни повышения эффективности, ни решения социально-экономических задач не требовалось. Только, повторю, смена собственника. Поэтому не стоит сегодня удивляться, что эта идеологическая задача была решена **такими грубыми политическими средствами** и с такой **низкой экономической эффективностью**. По-своему, идеологически, они оказались эффективны. Что, кстати, признавалось самими реформаторами в частных беседах.

В этом и заключается весь секрет. Идеология ставит задачу политике. Ибо политика, используя выражение известного британского политолога Д.Хельда, является «борьбой за организацию человеческих возможностей»¹. Добавим, всех возможностей, направленных на достижение фундаментальных целей, но прежде всего, идеологических.

Иными словами, с помощью идеологии, управляющей не только людьми, отдельными странами, но и всеми частями мира, правящий класс выстраивает **систему управления** обществом, экономикой и государством. Идеология – синоним власти, – даже если сама власть это и пытается иногда отрицать. Когда же власть (как в позднем СССР) имеет

¹ Категории политической науки. Учебник. М.: МГИМО, 2002 г., с.17.

глупость «отказаться от идеологии», то, в конечном счете, происходит ее отказ и от функций управления обществом и государством. Что неизбежно ведет к ослаблению и развалу государства, экономики и деградации общества. Наступает хаос. «Поздний» СССР и «Ранняя Россия» – очевидный тому пример.

Ликвидация В.Путиным управленческого хаоса в начале десятилетия потребовала, естественно, восстановления основных идеологических принципов, связанных с ролью государства и функциями власти. Эти принципы отличались высокой степенью прагматизма. Иначе и не могло быть – восстановление государства и внутривнутриполитической стабильности требовало максимального прагматизма в подходах к решению сугубо практических задач. Подобная прагматическая идеология «кризисного управляющего» требовала, во-первых, минимальных теоретических изысков из-за отсутствия времени, а, во-вторых, исключения идеологических конфликтов по той простой причине, что восстановление управления и без того вело к столкновению интересов с различными группами влияния. Вот почему В.Путин пытался консолидировать общество привлекая к работе всех – от А.Проханова и Г.Зюганова до неолибералов гайдаровского толка. За исключением откровенных противников государства, т.е. применительно к ситуации в тогдашней России, – восстановления управляемости.

1.2.3. Ставка на развития потенциала человека как эффективная внешнеполитическая идеология

«Российские люди очень умные, очень трудоспособные ...»¹.

*А.Шварцнегер,
губернатор Калифорнии*

Формируя привлекательный образ России важно понимать, что такой образ должен быть привлекательным, конечно, прежде всего для нации, но также и для мирового сообщества. Если новый, даже самый привлекательный образ страны, будет ориентирован только на «внутреннее потребление» и не учитывать международные реалии (как, например, это случается с националистическими, даже фашистскими идеологиями и образами), то для его закрепления и эффективной стратегии реализации этого будет мало.

В недавние времена внешний облик страны во многом формировался под влиянием фактора силы, т.е. возможности того или иного государства использовать военную силу в качестве инструмента своей внешней политики. В последней четверти XX века стало складываться мнение о том, что военная сила потеряла свое значение, причем эта точка зрения в СССР и ранней России приобрела гипертрофированное значение. Сегодня мы можем говорить о том, что наравне с другими факторами влияния в мире военная сила продолжает оставаться инструментом внешней политики, уступая, однако в своей эффективности инструментам, которые объединяются под общим понятием «меткой силы».

На мой взгляд, у России есть исключительные возможности использовать этот набор инструментов влияния для усиления своих позиций в мире через создание позитивного образа страны, главной целью которой является развитие потенциала человеческой личности. В действительности Россия не скоро может стать технологическим, экономическим или финансовым мировым лидером, но стать мировым лидером в области культуры, образования. Науки, искусства и

¹ *А.Шварцнегер.* «Мы хотим, чтобы Россия также находилась в авангарде создателей новых технологий» / Кремль.орг. / <http://www.kreml.org/interview/23> июня 2010 г.

духовности она может, даже обязана в короткие исторические сроки. Именно эти составляющие потенциала человеческой личности должны выйти на авансцену российской внешней политики. Это должно стать основой Концепции российской внешней политики.

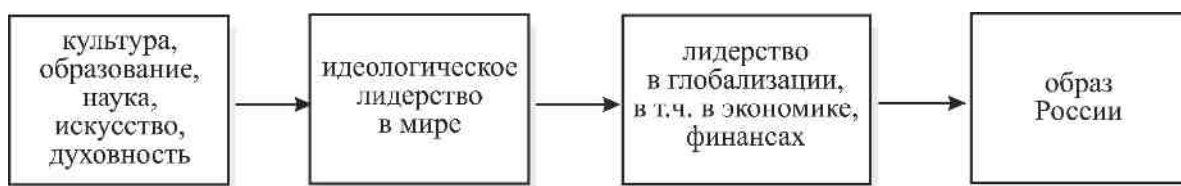
В основе Концепции внешней политики России, как известно, находятся национальные интересы, которые **понимаются** элитой по-разному, в том числе и с точки зрения их приоритетности. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России 28 июня 2000 года, декларируется, что она «... представляет собой систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России»¹, т.е. по сути дела эту концепцию можно назвать **идеологией внешней политики России**. В перечне основных целей внешней политики в последнюю очередь (на 7-м месте) упоминается и цель «содействие позитивному восприятию Российской Федерации в мире, популяризации русского языка и культуры народов России в иностранных государствах»².

На мой взгляд, эта цель внешней политике России должна быть не только скорректирована в сторону усиления акцентов на продвижение российских ценностей в мире, но и занять самое первое место во всей системе приоритетов. Как мне кажется, в условиях глобализации первая группа целей внешней политики, заявленная как «обеспечение национальной безопасности» и «суверенитета» страны, **достигается прежде всего посредством развития и продвижения Россией своих культурных, научных, образовательных и духовных составляющих человеческого потенциал**. Это означает, что на современном этапе развития человечества эти факторы начинают приобретать более важную роль – и для России особенно – чем экономические, финансовые и военные.

Они же могут стать содержанием того идеологического лидерства, которое может привести к лидерству глобальному, т.е. последовательность должна быть следующей:

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом В.В.Путиным 28 июня 2000 г.). Сайт Безопасности РФ / <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>.

² Там же.

Пока что Россия добровольно отказывается не только от идеологического лидерства, но и идеологии, предлагая по сути дела концепцию «технологической модернизации», которая в лучшем случае может обеспечить **повторение американского опыта**. Следовательно, как и любые повторения, такая концепция будет запаздывать. Она не будет работать на опережение, на опережающее развитие. Выбирая американскую модель технологической модернизации, мы, таким образом, во-первых, обрекая себя на повторение, запаздывание, во-вторых, отказываемся от своих сильных конкурентных преимуществ – культуры, образования, науки и духовности, – а, в-третьих, от идеологического лидерства, ставя себя в цивилизационном соревновании заведомо в положении ведомых, а не ведущих.

Соответственно мы выбираем неверно и методы модернизации и инновационной политики, которые становятся фактически продолжением прежней идеологии «прагматизма». Которая была необходима в период стабилизации и кризисного управления, но которая не пригодна в интересах стратегического развития. Эта идеология «кризисного управляющего», себя уже изжила по мере решения задач стабилизации. Более того, становится все яснее, что исключая идеологические приоритеты и методы управления власть лишается не только мощных средств влияния и управления, но и начинает допускать тактические ошибки в построении политики модернизации. Можно сказать еще категоричнее – опережающее развитие, консолидация общества, формирование политической системы в целом невозможны без идеологии, опирающейся на сильные качества нации, причем идеологии активной, амбициозной, лидерской, даже в некотором ряде агрессивной. Носителем такой идеологии лидерства уже стала совершенно новая социальная группа – творческий (креативный) класс, который в первом десятилетии XXI века стал главной силой общественного и

экономического развития уже не только в мире, но и в России. Таким образом в России уже есть не только условия для формирования лидерской идеологии. Но и мощная социальная группа (можно даже сказать ведущий класс) – носитель этой идеологии. Причем – **привлекательный для образа России в мире**, проведения его активной внешней политики.

С точки зрения внешнего восприятия, это – наиболее благоприятная область: достижения науки, культуры, образования, как правило, не встречают негативной реакции за рубежом. Более того, их продвижение не только легче, но и эффективнее в зарубежных СМИ. Как, впрочем, и формирование образа России через образ феномена креативного класса.

Исследованию этого феномена посвящено в последние годы немало работ, среди которых особое место занимает монография Р.Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», переведенная на русский язык в 2005 году¹. Как справедливо замечает один из российских исследователей этой темы, «Основная ценность книги Флориды для так называемой новой российской элиты заключается, пожалуй, в части «взросление креативного класса», в которой автор критикует его **за инфантилизм, безответственность и пренебрежение исполнением своих лидерских обязательств**.

«Пренебрежение лидерскими обязанностями» отчетливо ощущается на российском примере: именно российский творческий потенциал должен стать главной составляющей образа России, как в стране, так и за рубежом. Но формировать творческий класс. Он же должен стать главной **целью** политики модернизации.

Если свободный и активный выбор места жизни и работы на основании собственных интересов является одной из базовых особенностей представителей новой общественной формации, то ее стремительно растущий разрыв с так называемым обслуживающим классом (увеличившимся, например, в США с 1900 года в 10 раз, крайне пассивным, фактически занимающимся только удовлетворением бытовых потребностей креативного класса и часто ведущим «изнурительную борьбу за существование посреди чужого изобилия») является, пожалуй,

¹ Р.Флориды. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2005 г.

важнейшей социальной проблемой. Складывается парадокс: российский креативный класс, который должен стать главной движущей силой и целью модернизации, – никак себя не проявляет. Но его не замечает и элита, а, значит, и не видит тех колоссальных возможностей, которые могут быть им предоставлены для стратегии опережающего развития страны, формирования образа России.

Как ни режет слух свободолюбивых «творцов»-индивидуалистов это выражение, Р.Флорида призывает их ... к выработке идеологии, классового сознания: «Любая концепция персональной идентичности требует продуманного представления о том, как человек соотносится с другими людьми, в чем его обязанности перед ними и что он ожидает от них. Боюсь, что об этом у членов креативного класса самые расплывчатые представления». И далее: «Мы должны превратиться из аморфного сборища самодеятельных, пусть и преуспевающих, индивидов, в более сплоченную, более ответственную группу»¹.

В этом, на мой взгляд, заключается проблема формирования облика России. Кто собственно говоря, будет заниматься этим формированием? Если государственные структуры и штатные пиарщики, то их неэффективная деятельность хорошо известна. Более того, боюсь, что любая подобная деятельность будет встречать непонимание и сопротивление в мире, а ее результаты – ничтожны. Другое дело, когда образ России в мире будут формировать представители креативного класса – ученые, деятели культуры, искусства, духовные лидеры. Уверен, что эффективность их работы будет ощущаться сразу.

Новую политическую роль нового класса, конечно же, отмечают, но она пока не стала **частью новой идеологии элиты**, а, тем более, частью ее политики. Между тем именно креативный класс не противопоставляет себя другим классам и социальным группам. Он – часть, причем значительная (тот же Р.Флорида оценивает его в 15 млн. чел. для России и 35 млн. – для США) всех социальных групп и классов. Единственный его противник бюрократия, находящаяся во власти. Может быть, это объясняет то обстоятельство, что в России идеи развития человеческого капитала и креативного класса натываются на такое жесткое

¹ Не кольцо в носу / <http://www.polit.ru/culture/2005/11/03>.

сопротивление? Хуже, эти идеи не находят своего места в стратегии развития.

Идеология – один из самых эффективных способов управления и развития общества, государства и нации (либо ее деградации), мощный ресурс, который, умело используя, может дать сильнейший эффект. Всегда ради какой-то цели, «идеала». В данном случае создания позитивного облика России. Без ясной цели любая идеология (как и политика) бессмысленна. Она просто не существует. В этом смысле все насмешки по поводу поиска «национальной идеи» последних лет – суть будущего облика России – беспочвенны.

Образ России, как национальная идея и цель развития, нужны хотя бы в целях самосохранения. Той же элиты. Общество без цели, т.е. идеи, вообще-то вряд ли может существовать, а тем более развиваться. В том или ином виде такие «национальные идеи» существуют во всех нациях, даже в тех, интеллектуальные представители которых пытаются это отрицать. Проблема – в понимании, желании и способности элиты сформулировать эту идею на публичном и вербальном уровне, ведь «идеи» могут существовать и внутри нации, не оформленные ясными лозунгами, в скрытой, даже очень личной форме. Так, идея, сформулированная в Концепции национальной безопасности России до 2020 года «войти в пятерку» наиболее развитых стран, – бесперспективна. Она может стать задачей для чиновников, поручением Президента РФ, но не общенациональной идеей, целью развития. Где граница между национальной идеей и поручением? На мой взгляд, ради национальной идеи можно пожертвовать многим, даже жизнью. Кроме того, национальная идея (как и в целом идеология) – мобилизует национальные ресурсы, предполагает сверхусилия, а не выполнение «технико-экономического задания».

Сегодня понимание этого явления становится особенно важным потому, что в основе любой национальной идеи лежит человек, личность. Формы этой идеи могут быть разными, но предмет один – человек. Более того, именно сегодня становится ясно, что в основе борьбы различных идеологий лежит **борьба за человека, его политическую поддержку, его душу**. В одном случае, это идеология (идеологии), в конечном счете, направленная **против человека** (даже если они и утверждают обратное),

в другой – **за человека**. Конфликт опять выходит на духовный уровень, борьбы Добра и Зла. На новом этапе мирового развития этот конфликт будет определяющим. А значит будущий образ России, в том числе и проецируемый в мире, должен ясно говорить о том, что он – в пользу Добра и против Зла, нести в себе мощный нравственный заряд. Не случайно большинство публичных обращений американского президента, в том числе и послания к Конгрессу, прямо апеллируют к Богу, Добру. Не случайно и то, что в начале 80-х годов прошлого века Р.Рейган назвал своего главного идеологического и политического противника – Советский Союз – «империей Зла».

И не случайно подобных образов избегает российское руководство, которое дистанцируется от идеологии, ибо любой вопрос о Добре и Зле это вопрос прежде всего идеологический.

Проблемы, стоящие перед человечеством в XXI веке, это отнюдь не проблемы финансов и экономики, которые доминируют в нынешнем медийном пространстве, а глобальные проблемы Добра и Зла, справедливости и несправедливости. Так, контроль США над эмиссией доллара, ставшего когда-то мировой валютой, это не только финансовая, сколько нравственная проблема, проблема справедливости. С точки зрения экономической, можно найти массу причин, объясняющих почему США, производящие 20% мирового ВВП, обладают 40% мирового богатства. Но с точки зрения нравственной – это необъяснимо. Поэтому формирование привлекательного образа России сегодня необходимо начинать с нравственных, базовых понятий, которые – подчеркну – имеют сильную национальную и историческую специфику.

Вообще-то социокультурный фактор идеологии, о котором до сих пор избегали говорить в России, – основной. С.Говорухин, цитируя А.Солженицина, вполне определенно раскрыл **политический смысл** культуры и духовности: «Если духовные силы нации иссякли, никакое наилучшее государственное устройство и никакое наилучшее промышленное устройство не спасут ее от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит».

А где нация черпает свои духовные силы? В своей истории, в своей литературе, искусстве, вообще в культуре. Вот как только убедить в этом

руководителей государства?! Ни в одном еще послании обоих президентов Федеральному собранию проблемы культуры не затронуты глубоко.

А это означает: главной опасности не видим!»¹

Символично, что это далеко не первое публичное обращение общественных и политических деятелей к базовым ценностям (вспомним, хотя бы, движение «Духовное наследие» и их многочисленные публикации периода 1991–2003 годов). Буквально через несколько дней после выступления С.Говорухина, 26 апреля того же 2007 года, в Федеральном послании Президента России прямо было признано: «... духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития как политическая и экономическая стабильность»². Я бы сказал, – самый важный, основополагающий, без которого невозможна никакая стабильность, а, тем более, развитие. Подчеркну, что в этом же послании не случайно главной целью деятельности был объявлен человек, развитие его потенциала. К сожалению, на этот аспект послания В.Путина СМИ вовсе не обратили внимания. И элита тоже. А зря. В очередной раз мы «проскочили», превратили в риторику стратегическую мысль.

Д.Медведев в период своего президентства, а ещё раньше, – когда он был первым заместителем Председателя Правительства – неоднократно обращался к теме развития потенциала человеческой личности в связи с сохранением базовых национальных ценностей. Но, пора сказать, что эти публичные высказывания В.Путина и Д.Медведева так и не стали практикой, нормой для правящей элиты. Эти сигналы «прошли» на уровне основных нормативных документов – Стратегии национальной безопасности до 2020 года, Концепции внешней политики и т.д., но не в реальную жизнь. Они так и не стали идеологией потому, что были предназначены, как и все нормативные документы, для узкого круга чиновников, т.е. того социального слоя, который в наименьшей степени подвержен идеологии творческого класса, как и остальные позитивные идеи, утонувшие в политической риторике. Более того, в силу их

¹ С.Говорухин. Как нам не прогалдеть Россию / Известия. 24 апреля 2007 г., с.6.

² В.Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 27 апреля 2007 г., с.3.

недоразвитости (вспомним идеи «перестройки», «гласности» и т.д.), умышленной недосказанности, они уже дискредитируются. Так, никто не удосужился до сих пор внятно объяснить, что подразумевается под терминами «модернизация» и «инновация» в широком их смысле. Каков план, главные движущие силы и тюдю Рожденные в недрах реферектуры, они так и остались терминами, не более того. Посланные обществу «сигналы» фактически не сработали, были проигнорированы.

Вместе с тем нельзя и преуменьшать значения того, что высшая элита не только заговорила о реальных, а не мнимых приоритетах и ценностях, но и оформила их (пусть в не очень точной форме) в нормативных документах. Фактически создана идеологическая база, которую нужно развивать, конкретизировать, а, главное, превратить в национальную идеологию. Впервые, может быть, за 20 лет появилась основа для идеологии. Таким образом, в мировоззрении политической элиты России к середине 2007 года по 2010 год произошел определенный перелом, который, коротко говоря, можно характеризовать простыми словами: все, в принципе встало на свои места. Базовые интересы и ценности, отодвигавшиеся десятилетиями искусственно, снова стали базовыми, а реальные политические цели – человек – стали реальными целями, зафиксированными в нормативных документах. Недооценивать значение этого перелома нельзя. Но и преувеличивать тоже. По сути, он означает начало, старт процесса пересмотра всей политики государства, который займет, конечно же, какое-то время. Но новый подход, появившиеся в результате политической стабилизации, новые по масштабу ресурсы, дают начало новому процессу. Уже не стабилизации, а ускоренного развития. Этим объяснялись многие практические шаги В.Путина и Д.Медведева в 2007–2010 годы.

Наступивший в 2008 году кризис пресек не только процесс ускоренного экстенсивного роста, но и идеологического развития, заменив его при отсутствии внятно сформулированной идеологии частными мерами по стабилизации финансово-экономической системы. Опыт такой антикризисной политики 2008–2010 годов скорее негативный: у России оказался самый глубокий спад ВВП, самые высокие темпы инфляции, наблюдался высокий темп роста цен и тарифов, падение доходов населения и т.д. Все это говорит о

неэффективной антикризисной политике, которая была ориентирована прежде всего на стабилизацию финансовой системы и поддержку, часто бессмысленную, крупных товаропроизводителей. Но, главное, на мой взгляд, это то, что кризис 2008–2010 годов был прежде всего **кризисом идеологическими**. И не только в России, но и в мире, а уж потом кризисом управленческим, финансовым, биржевым, экономическим, социальным. Кризис показал, что у стран-лидеров глобализации иссякли ресурсы развития в рамках той неолиберальной модели, которая казалась идеальной последние десятилетия. Но, если кризис идеологический, то и лечить его нужно было прежде всего идеологическими, а не финансовыми средствами. В определенном смысле кризис может стать даже катализатором взросления российской элиты, условием ускорения перехода к пониманию необходимости лидерства в идеологии. И необходимости формирования притягательного образа будущей России.

При любых внешних политических обстоятельствах, идеологическая борьба – хотя бы того или нет – выходит на первый план, ибо ценности, приоритеты, другие категории, это, прежде всего, категории идеологические. Известный русский военный мыслитель Е.И.Мартынов в своей, ставшей классической, работе «Обязанности политики по отношению к стратегии», определенно высказал эту мысль: «каждый народ в известную эпоху имеет **свой политический идеал** (подч. *А.И.*). Для одного народа он заключается в национальном объединении, для другого – в завоевании прочных естественных границ, для третьего – в овладении морем, для четвертого – в приобретении выгодных рынков.

Эти идеалы также разнообразны, как бесконечно разнообразны условия жизни различных государств, потребности и вкусы его населения. Народы живут и борются, достигают своих заветных целей в борьбе за них; но всегда на место осуществленного уже идеала становится новый. Без этого условия немислимо существование здорового и свежего государственного организма. Если мы видим народ, который не имеет уже более никаких политических целей, впереди, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены,

что он уже выполнил свою роль в истории..., находится в периоде вырождения»¹.

Сказанное 100 лет назад имеет прямое отношение к нынешней России и осознанию ее места в глобальном мире. Прежде всего, идеологического, связанного с самоидентификацией общества и его элиты. Что мы и наблюдаем сегодня в современной России. Но не только. Ниже я буду еще не раз повторять мысль о том, что выбор стратегии развития, включая частные, отраслевые, даже региональные стратегии (которые стали активно появляться в 2006–2010 годах), неизбежно связан с **идеологическим выбором**. Более того, повседневная жизнь, ежедневное принятие решений **на всех уровнях** – от президентского до поселкового – требует высокой степени координации, которой можно добиться **только при попытке идеологии**.

Простой пример, подтверждающий этот вывод: в апреле 2007 года в послании В.Путина была по сути озвучена идеология развития страны, но – примечательно – в то же самое время, в Лондоне, И.Юргенсом предлагались частные сценарии и прогнозы для России на 2008–2016 годы. Их четыре. Первый – мобилизационный, второй – государство-рантье, третий – постепенные, «аккуратные» изменения в сторону модернизации, четвертый – собственно, модернизационный. По мнению Юргенса, реальный выбор будет происходить между государством-рантье с упором на социальные программы и «аккуратными» шагами в сторону модернизации². Примерно в это же время выходит и книга будущего премьера В.Зубкова, работы других авторов. Совпадение по времени – не случайно. Оно свидетельствует о том, что разные представители российской элиты **одновременно размышляют в одном и том же направлении**. А именно: стратегическое (идеологическое) мышление и планирование осознается в 2007 году как практическая потребность. Осознается, но не становится им. Последующие годы – период дальнейшего осознания необходимости идеологии, вплоть до признания такой необходимости Б.Грызловым и «Единой Россией» в 2009–2010. Но одновременно в эти же годы мы видим, что практическая

¹ *Е.И.Мартынов*. Политика и стратегия. М.: Издательский дом «Финансовый контроль». 2003 г. с.15.

² Кремлю надоел Лондон / Газета. 23 апреля 2007 г., с.13.

деятельность **так и не стала следствием** формирования идеологии. «Ручное управление», «рефлексия», субъективизм и спонтанность – это черты кризисного периода 2008–2010 годов.

Индекс развития человеческого потенциала

Ежегодно публикуемый под эгидой ООН рейтинг стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП; Human Development Index – HDI) является инструментом универсальных сравнений, пользующимся значительным авторитетом как в академической среде, так и в политическом сообществе.

Непосредственно составлением рейтинга стран по данному индексу занимается Программа развития ООН (ПРООН). В создании Докладов о развитии человека¹ принимает участие группа независимых экспертов, которые в своей работе опираются на другие исследования, проводимые ООН, а также на официальные данные национальных исследовательских центров.

Идея расчета ИРЧП как совокупного индекса, включающего в себя показатели социального и экономического развития, была предложена в 1990 г. группой экспертов ПРООН. Создание такого индекса объяснялось необходимостью оценки эффектов развития на человеке, который таким образом становился объектом исследования проблем развития.

Значение ИРЧП призвано показывать **уровень благополучия населения в стране, а также существующие в ней возможности для реализации жизненных потребностей и приоритетов.** В качестве важнейших критериев развития человека выбраны долгая здоровая жизнь, высокий уровень образования и достойный (в материальном отношении) уровень жизни. Но только ли уровнем благополучия определяется качество человеческой жизни?

Со временем, помимо собственно ИРЧП, эксперты ПРООН стали рассчитывать ИРЧП **с учетом пола и индекс человеческой бедности.** Сам же ИРЧП претерпел изменения в методологической части – изменился принцип определения уровня грамотности населения и механизм подсчета ВВП на душу населения.

ИРЧП является композитным индексом, который подсчитывается на основании индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса

¹ Human Development Reports / UNDP. – <http://hdr.undp.org>.

образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Источником данных для определения индекса ожидаемой продолжительности жизни (Life Expectancy Index) является официальное издание ООН «Перспективы народонаселения мира». Индекс образования (Education Index) рассчитывается исходя из уровня грамотности взрослого населения и совокупного валового коэффициента поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения. Данные о грамотности населения берутся из официальных результатов национальных переписей населения и сравниваются с показателями, вычисляемыми Институтом статистики ЮНЕСКО. Для развитых стран, которые уже не включают вопрос о грамотности в анкеты переписи населения, принимается уровень грамотности в 99%. Данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения, агрегируются Институтом статистики ЮНЕСКО на основе информации, предоставленной соответствующими правительственными учреждениями стран мира. Индекс ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP Index) понимается в исследовании как индекс достойного уровня жизни. Данные по уровню ВВП на душу населения предоставляются Всемирным банком.

На основе рассчитанных показателей ИРЧП страны (в Докладе 2009 г. ИРЧП рассчитан для 182 государств) ранжируются на государства с высоким уровнем ИРЧП (83, включая Россию; на первом месте – Норвегия), со средним уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (24; на последнем месте – Нигер).

ИРЧП по факту предоставляет чуть ли не стандартную классификацию государств мира, пользующуюся доверием, часто применяемую в различных исследованиях, в том числе сугубо прикладных. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что в его основу положены не субъективные оценки экспертов или политиков, а **реальные числовые показатели, взятые из официальных источников** (конечно, это может создавать некоторые проблемы, связанные с тем, что правительства могут сознательно приукрашивать реалии своих стран), он относительно объективен и поддается верификации. ИРЧП, помимо названных достоинств, ежегодно обновляется.

1.2.4. Активная роль государства в формировании эффективной идеологии в условиях глобализации

«... с одной стороны, развитие непрерывно, его звенья вплотную примыкают друг к другу, тогда как с другой – оно сплошь состоит из скачков, т.е. прерывно»¹.

*Р.Додельцев,
профессор МГИМО (У)*

Мы живем в мире, где инерция – политическая, экономическая, мышления, наконец, – вписывает нас в текущую цепь событий, не позволяя выходить за рамки устоявшихся (и, как нам кажется, незыблемых) понятий и штампов. Такая инерция существует и в понимании общественных процессов. Именно же этой причине самые глубокие, революционные социально-политические изменения (развал СССР, изменение всей геополитической картины мира, ликвидация ОВД, появление радикального фундаментализма) воспринимаются элитами и учеными **только с опозданием**, после свершившихся событий. Задача общественной науки, на мой взгляд, заключается не только в описании и анализе известных событий, но, главное, в попытке прогнозировать общественные процессы, предлагать свои идеи и варианты решений проблем. Так, после начала мирового финансового кризиса 2008 года (который, кстати, как всегда, оказался неожиданным), мало кто из ученых-обществоведов и политиков смог сформулировать проблему кризиса в более широком контексте, а именно:

– не является ли кризис показателем того, что вся общественно-политическая модель, которую в последние десятилетия привыкли называть «единственно верной», себя исчерпала?

– не является ли финансовая система, основанная на бесконтрольной эмиссии американского доллара (и, отчасти, евро) изжившей?

– не является ли кризис напоминанием, даже предупреждением, что миру нужна новая, более справедливая и совершенная модель развития, нежели существующая в развитых странах?

¹ *Р.Ф.Додельцев. Введение в науку о науке. В 3 ч. Часть 2. Вселенная, жизнь, культура / Р.Ф.Додельцев. МГИМО (У), 2010, с. 111.*

– наконец, не являются ли попытки стран-лидеров глобализации ограничить суверенитет и роль государств, особенно в военно-политической и финансовой области, изначально неверными и вредными?

Эти и другие вопросы я отношу прежде всего к главному идеологическому вопросу – идеологии, определяемой роль государства в глобальном мире. Ответ на этот вопрос во многом предопределяет образ России в будущем мире.

По мере усиления процесса глобализации происходит и **усиление его идеологического воздействия** на субъекты международных отношений до такой степени, когда ценности и цели стран-лидеров глобализации постепенно превращаются в «универсальные» ценности для всех стран. Это хорошо видно на таких ценностях, как демократия, права человека, свобода СМИ и иных. На определенном этапе этот переход формализуется в нравственные, политические и правовые нормы, которые переносятся от стран-лидеров глобализации в международную практику и международное право. Именно так и произошло в последнее десятилетие XX века и в первом десятилетии XXI века.

Более того, эти международно-правовые нормы становятся **обоснованием** для проведения конкретной внешней политики стран, коалиций и международных институтов. Можно сказать, что в этот период произошел «скачок», когда система международных отношений вдруг оказалась перед фактом принятия таких норм. Так, вступление в силу лиссабонских соглашений в декабре 2009 года означало, что не только 27 стран Евросоюза взяли на себя обязательство соблюдать нормы и ценности, входящих в новый альянс государств, но и сам Евросоюз будет строить уже свою внешнюю политику по отношению к другим странам, например, России, исходя из этих ценностей.

Очевидно, что образ России будет трактоваться этими государствами, исходя из уже формально закрепленных в документах Евросоюза норм и ценностей. Что, естественно, встречает и будет встречать сопротивление со стороны России. В.Путин и Д.Медведев регулярно вынуждены подчеркивать, что у России есть свое представление о ценностях и приоритетах.

Таким образом развитие процесса глобализации в идеологии, особенно в период скачкообразного перехода, **требует активного участия** государства, ибо только оно способно защитить в политическом и правовом плане национальную систему интересов и ценностей. При этом очень важно, чтобы российские субъекты, формирующие идеологию, особенно МИД, государственные СМИ, **не устранились от этого процесса**. В противном случае обществу и России могут быть навязаны **заведомо вредные и устаревшие идеологемы**, в том числе и политическими средствами. Как это было в СССР и до недавнего времени в России. Как – это стало очевидно после кризиса 2008–2010 годов во всем мире, который исчерпал за свой 30–40 летний цикл свои ресурсы развития. Сегодня пока нет ясного представления о новой модели. Ясно, однако, что в ней резко усилится роль государства.

И сегодня современная наука считает, что «...чем прогрессивнее исторический субъект, **тем больше идеология включает положительных знаний...** Отрицательно влияет на людей идеология социального субъекта, который утратил или исчерпал свою историческую перспективу...». Применительно к России, можно добавить, – либерализма и коммунизма, которые, в российских условиях, особенно опасны своим вульгарным толкованием, некритическим отношением даже к собственным классическим положениям. Так, в своем интервью редакции «Русского журнала» осенью 2009 года, я следующим образом сформулировал свою позицию.

Разговоры и споры о демократии в России неизбежно сходятся к вопросу о «традиционной российской невосприимчивости» демократических ценностей, что, конечно же, полная ерунда, происходящая от элементарного незнания русской истории и культуры.

На самом деле демократические традиции на Руси-России – сильны. Может быть сильнее, чем в других странах, но они обладают национальной спецификой (как, впрочем, и во всех других странах), а не «универсальны».

В раннем средневековье русских князей как правило выбирала старшая дружина, позже – при псковской и новгородской республиках – их приглашали и даже изгоняли вполне демократически, на вече. В том числе о очень популярных князьях.

Еще позже – были Земские соборы, а еще позже дворяне (гвардия) посредством переворотов «ставила» на царство. Восстание декабристов 1825 года – всего лишь неудавшийся, но вполне обычный переворот, которых было много в XVII веке.

Был короткий период абсолютизма (а где его не было?), да и при нем существовали Боярские думы, Госсоветы и пр. вполне демократические структуры. В целом позиция по этому вопросу, на мой взгляд, может быть сведена к следующим тезисам:

1. Демократия, конечно же, обусловлена культурной и религиозной традицией, но эта традиция – протестантская, православная или мусульманская – отнюдь не отрицают демократии. Они вносят свою специфику. И когда сегодня протестантская традиция пытается выдать себя за монополиста при толковании демократии – это естественное желание государств и правящих элит, принадлежащих к этой традиции, создать для себя максимально комфортные внешнеполитические и экономические условия существования.

2. Ценностные аспекты и исторические предпосылки возникновения демократии происходят не только от древней Греции и Рима, как это пытаются утверждать, но и с Востока. Вопрос – очень глубокий, философский, но трактуется сегодня конъюнктурно.

3. России не нужно «усваивать» чьи-то демократические ценности, хотя бы потому, что эти ценности у России и так есть. И менять их на чужие ни в коем случае нельзя, ибо это неизбежно приведет к эрозии самоидентификации и национальной идентичности, а в конечном счете – к уничтожению нации и государства. Адаптировать чей-то опыт, конечно, можно и нужно, но очень осторожно. Огульное использование чужого опыта – как показывает наша недавняя история – заканчивается для народа и государства плохо. Вспомним, хотя бы, дикую приватизацию.

4. У России никаких трудностей «усвоения» демократии нет. Проблема в другом. Новое общество и новая экономика требуют нового качества управления. Мы должны развивать такую демократию, которая повышает качество и эффективность государственного и общественного управления. А не демократию «для себя». Поясню подробнее: для меня, например, монархия представляется более эффективным устройством. Наиболее развитые страны – Швеция, Дания, Норвегия (утвердившая

монархию в начале прошлого века), да и другие страны, – вполне демократические государства с высоким качеством государственного и общественного управления. Для России это, на мой взгляд, наиболее подходящая форма государственного управления. Что доказывает не только великое имперское и советское прошлое. Кстати, эффективность нынешнего тандема Путин-Медведев не случайно это подтверждает: президент-государь и эффективный руководитель исполнительной власти. И надо не иронизировать по этому поводу, а использовать этот российский опыт для будущего.

Эти рассуждения имеют совершенно практическое значение для современной России, элита которой должна уже сегодня определиться:

- с моделью развития и идеологией;
- ролью государства в период глобализации;
- отношением к другим (американской, китайской, европейской) моделям развития.

На мой взгляд, – и кризис это подтвердил, – **роль государства** при таком идеологическом выборе **должна быть усилена**. Именно государство, власть должны взять на себя инициативу в формировании нового образа России и модели развития.

Другими словами, образ России, «цель», «историческая перспектива» – синонимы идеологии и база для формирования системы практического управления страной и нацией. Что особенно важно в кризисные периоды развития страны (до 2001 и после 2008 года в России) и выбора его алгоритма развития (после 2010 года). Но не только. У идеологии много и других функций, среди них важнейшая (прямо вытекающая из задачи формулирования цели), – стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование, координация частных, отраслевых концепций развития, которые невозможны без определения базовых идеологических ценностей и приоритетов.

Важнейшая функция идеологии – систематизация форм общественного сознания, которая, вместе с тем, выступает как сознательно определенная форма духовной жизни. Таким образом, идеология является конкретно-историческим системным отражением существенных сторон социальной действительности и выступает формой национального, классового или группового сознания и самосознания, а

также (что очень важно для современной России) **эффективным механизмом управления обществом и государством**. Применительно к современной России в условиях мирового кризиса – это образ России и цивилизационная модель развития

Идеологии, как известно, бывают разные. Они отличаются: субъективно (феодално-религиозная, буржуазная, пролетарская); по форме общественной жизни (политическая, экономическая, эстетическая, моральная, правовая и т.п.); по политическим взглядам и движениям (коммунистическая, христианско-демократическая, либеральная, социал-демократическая и др.). Бывают и смешанные. Так, характеризуя нынешнюю идеологию В.Путина, В.Никонов пишет: «Идеология, сочетающая в себе либеральную экономику, жесткую власть, опору на силу, патриотизм, открытую, но независимую, активную внешнюю политику «отца нации», скорее всего, может быть охарактеризована как консерватизм в его голлистской разновидности»¹.

Добавим к этой характеристике очевидную социальную направленность политики В.Путина последних лет, особенно ясно прозвучавшую в его послании Федеральному Собранию от 26 апреля 2006 года, где прямо говорится, о том, что «... главная цель – инвестиции в человека, в повышении качества жизни»².

Надо сказать, что такие заявления подкрепляются в последние годы некоторыми практическими результатами, что, как следствие, отражается на соотношении оптимистов и пессимистов в стране, т.е. данный, социальный аспект идеологии имеет определенную оптимистическую направленность. Как видно из соцопросов, соотношение в пользу оптимистов в России медленно, но неуклонно менялось³. К середине 2007 года число умеренных оптимистов впервые превысило половину населения (по сравнению с менее чем четвертью в 2000 году). После 2008 года начался обратный процесс, который к концу 2010 года, видимо, зафиксировал новое соотношение между пессимистами и оптимистами в России.

¹ В.А.Никонов. Код политики. М.: Вагриус, 2006 г., с.210.

² В.Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 27 апреля 2007 г., с.3.

³ В.Федоров. Марш согласных / Итоги. 30 апреля 2007 г., с.19.

Подобные практические результаты, как правило, влияют на формирование идеологии, демонстрируя эффект катализатора. Прагматизм – стал идеологией. Мы и дальше увидим, что практическая политика при В.Путине шла нередко **впереди идеологии**. Это, конечно же, российский феномен. Но даже прагматизм был идеологичен.

Возможны и другие классификации: идеология может быть националистическая, интернационалистическая, христианская, мусульманская, консервативная и др. Разные формы различаются предметом и способом отображения общественной жизни, характером их связи с формами деятельности мышления.

Напомним, что, как таковой, термин «идеология» ввел французский философ Дестюрт де Трассе («Элементы идеологии», 1800–1815, Париж) для характеристики учения об идеях, которые (внимание!) создают основы для политики, этики, права и т. д. Длительный период одни обществоведы называли идеологию иллюзорным знанием (К. Маркс, Ф. Энгельс), другие же считали идеологию наукой (Ленин, Сталин), третьи – и тем и другим.

Современные идеологи, опираясь на информационные технологии, владеют распространенной индустрией влияния на сознание людей. В т.ч. и в интересах сохранения как устаревших идей, так и продвижения новых, но ошибочных концепций. «Магия PR» – может очень многое, в т.ч. и навязывая ложные и вредные идеи. К сожалению, политическая история России последних лет изобилует такими примерами. В этой связи важно отметить, что «магия PR» особенно эффективна там, где государство **сознательно освободило идеологическую** нишу для своих конкурентов. Что, собственно говоря, и сделала Россию в последние десятилетия. Огромное геополитическое пространство СССР стало объектом массированного идеологического воздействия при фактически полном самоустранении государства. Когда же государство попыталось взять под контроль самые влиятельные отечественные СМИ это вызвало бурю негодования как за рубежом, так и внутри страны. Такая реакция на действия власти вполне понятна, ведь она покусилась на мощнейший ресурс влияния, от которого добровольно отказалось в 90-ые годы.

Эта индустрия может быть использована реакционной идеологией (шовинизм, расизм, фанатизм), как средство манипулирования

поведением масс, согласие, провоцирует национальные, религиозные, групповые конфликты более того, можно сказать, что решение проблемы терроризма находится прежде всего в поле деятельности идеологии и государства. К сожалению, современных примеров немало. И не только в среде стран, защищающих фундаменталистические ценности, но и среди развитых государств. Волна неонацизма и национализма – следует признать – охватила всю Европу, не оставив в стороне и Россию.

Таким образом, у идеологий сохраняется огромный ресурс влияния, который в ряде случаев обеспечивает им политический реванш. Победа неолиберализма в России в 90-ые годы, коммунизма – в ряде стран Л.Америки, фундаментализма – на Ближнем и Среднем Востоке, национализма – в других странах, – все это свидетельствует о том, что «уходящие» идеологии отнюдь не исчезают добровольно. Вырождающиеся в России КП РФ и СПС – типичные примеры этого процесса. Они вытесняются более современными гуманистическими идеологиями постепенно, с большим трудом, трансформируются в более современные идеологии, имеющие социальную и национальную направленность.

В целом прогрессивные идеологии в лице своих идеологов осуществляют распространение идей в интересах общества и личности. И роль государства здесь огромна. Более того, она усиливается. Национальное возрождение – это также и несение прогрессивных идей в массы, вооружение их системным видением общественных задач, показ путей и средств их решения, изблечения преград, которые мешают развитию общества¹. Все эти аспекты идеологической деятельности

¹ Необходимо сказать, что в 2005–2010 годы этим аспектам уделялось немало внимания на различных научных форумах, которые целиком были посвящены им. Так, в декабре 2005 года и в декабре 2006 года в ИНИОН РАН проходили VI и VII международные научные конференции. Достаточно перечислить темы и авторов одной из них, чтобы сложилось вполне масштабное ощущение широты подхода к теме современного гуманитарного развития России. Так, на конференции «Россия: тенденции и перспективы развития» выступили:

Мионов С.М. (председатель совета Федерации ФС РФ) Качество власти и стратегия развития России;

Овчинников В.В. (д.э.н., д.т.н., профессор. Дважды лауреат Международной премии по экономике им. Ф. фон Хайека, советник президента Финляндии, координатор оргкомитета Всемирного экономического форума в Давосе) Путь в глобальной конкуренции;

должна быть в центре внимания самого влиятельного института, созданного обществом, – государства.

Повторю: есть все основания полагать, что современные доминирующие идеологии и, как следствие, – модели развития государств, **себя изжили, находятся на стадии вырождения**. Или, как минимум, не отражают реальных национальных интересов и ценностей в

Попова Е.В. (к.э.н. руководитель Межведомственной рабочей группы по совершенствованию законодательства РФ в области новых направлений научно-технической и инновационной деятельности, помощник руководителя Администрации президента РФ) Методология формирования общеэкономической стратегии России: как решить задачу удвоения ВВП;

Чернышов А.Г. (д.плт.н., депутат ГД РФ, зам. Председателя комитета по образованию и науке ГД РФ) Россия в поисках геополитической и стратегической инициативы;

Кувалдин В.Б. (д.и.н., профессор, исполнительный директор Круглого стола «Экспертиза», Горбачев-Фонд, профессор МГИМО и МГУ) Глобализация и стратегические ориентиры российской политики;

Агеев А.И. (д.э.н., профессор. Ген. Директор Института экономических стратегий, президент Международной академии исследований будущего) Россия и сценарии международных отношений XXI века;

Нигматулин Р.И. (академик, председатель Уфимского научного центра РАН) Нефть и экономические стратегии России;

Мишарин А.С. (заместитель Министра транспорта РФ) Развитие транспорта как фактор конкурентоспособности России;

Подберезкин А.И. (д.и.н., профессор, академик РАЕН, академик АВН, научный руководитель ИРГОМС) Место и роль России в системе глобальной безопасности;

Яковец Ю.В. (д.э.н., профессор РАГС, академик РАЕН, президент Международного института П.Сорокина-Н.Кондратьева) Национальные приоритеты стратегии развития России на долгосрочную перспективу;

Бузгалин А.В. (д.э.н., профессор МГУ), Колганов А.И. (д.э.н., в.н.с. МГУ) Стратегия опережающего развития: шансы России в глобальном мире;

Курманов М.М. (к.ю.н., зав. Кафедрой Института экономики, управления и права, министр юстиции республики Татарстан) возможное воздействие на систему территориальной организации страны Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации»;

Шевяков А.Ю. (д.э.н., профессор, директор ИСЭПН РАН) Реформирование общественного сектора: эффекты взаимодействия экономических и социальных факторов;

Бобков В.Н. (д.э.н., директор ФГУП «Всероссийский центр уровня жизни») Обеспечение достойного уровня жизни;

Медведев В.Б. (заместитель министра торговли и внешнеэкономического сотрудничества Республики Татарстан) Повышение инвестиционной привлекательности региона на примере СЭЗ «Алабуга» (Республика Татарстан);

Яблоков А.В. (член-корреспондент РАН) Деэкологизация России как препятствие на пути социального и экономического развития страны;

Сычев Р.И. (д.м.н., профессор, академик МАНЭБЖ, генеральный директор НИЦ медицинской экологии «МЭДЭКО») Экология и дети – Россия 2005 год;

эпоху глобализации¹. Или, как минимум, перестали быть эффективными и отражать современные реалии, в т.ч. и в развитых странах, которые, как почему-то считается, находятся сегодня на подъеме. По мнению, например, Г.Кархина, «двести лет человеческой истории прошли в соперничестве трех идеологий: либерализма, консерватизма и социализма. За этот период они полностью раскрыли свой общественно значимый потенциал и подготовили переход в эру интеллектуализма»².

Это ведет, с одной стороны, к кризису идеологий (что мы и наблюдаем), а, с другой, к попыткам адептов прежних идеологий

Гамза В.А. (к.э.н., к.ю.н., Председатель Совета директоров Агробизнесбанка) Конкурентоспособность российской экономики: направления и пути ее повышения;

Шестопалов А.Г. (сопредседатель Совета по национальной конкурентоспособности) «Отчет о конкурентоспособности России» как инструмент для построения конструктивного диалога общества;

Литвак Б.Г. (д.т.н., профессор, Директор Института управления и экономики Московской академии государственного и муниципального управления РАГС при Президенте РФ) Проблемы и технологии стратегического управления;

Леонтьев Г.К. (депутат Государственной Думы ФС РФ) Инновационный прорыв в управлении комплексным социально-экономическим развитием в Российской Федерации;

Лисин Б.К. (д.филол.н., директор Института стратегических инноваций) Инновационный шанс России;

Голиченко О.Г. (д.э.н., профессор, заместитель директора РИЭПП) Основные вызовы России на пути к экономике, основанной на знаниях;

Зернов В.А. (д.т.н., профессор, ректор РосНОУ) Отечественное профессиональное образование: возможности и перспективы;

Каганов В.Ш. (ректор Академии менеджмента и рынка, зам. председателя и руководитель Экспертного совета Комитета по развитию частного предпринимательства, малого и среднего бизнеса ТПП РФ) Местное сообщество и инновационное развитие территорий;

Захаров В.С. (д.э.н., профессор, исполнительный вице-президент АРБ, ректор Института банковского дела АРБ) О конкурентоспособности банковской системы России;

Федоренко В.Г. (д.э.н., профессор, академик УАН, главный редактор журнала «Экономика и государство», зав. кафедрой Института подготовки кадров государственной службы и занятости, Киев) Особенности экономического украинско-российского сотрудничества в инвестиционной и инновационной сферах;

Иванов В.И. (к.т.н., главный конструктор ВЭБИС, президент «Национального инновационного фонда – технологии XXI века») Всероссийская объединенная электронная биржа интеллектуальной собственности как один из механизмов консолидации интеллектуальных ресурсов России и формирования цивилизованного рынка интеллектуальной собственности.

¹ Можно использовать и термин «традиционные интересы», который широко используется в мире. См., например: А.Богатуров и др. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения. М.: НОФМО, 2010 г., с. 6.

² *Т.Хромченко.* Впереди новая эра – эра интеллектуализма / Российская газета. 22 июня 2006 г. с.17.

модифицировать свои устаревшие взгляды. Кризис идеологий, в свою очередь, ведет к политическому и экономическому кризису в мире, который мы и наблюдаем с 2008 года. Но (об этом редко говорится) решить кризисные проблемы, возникшие в результате идеологического кризиса, предлагается почему-то финансовыми, политическими или военными средствами.

Причем, подобный переход объясняется, прежде всего, самой сменой материальной основы бытия, которая происходит в экономике и обществе в информационную эпоху. Меняется не только структура экономики, но и, прежде всего, социальные функции общества и функции государства, которые были столетиями более консервативны. Таким образом, само экономическое и социальное развитие готовит смену доминирующей идеологии. Так, например, капитал, лежащий в основе существования капиталистического способа производства и соответствующей ему (с разными вариантами) либеральной идеологии, вытесняется таким фактором развития как знания. Капиталистическая экономика и общество превращаются в экономику и общество знаний. Соответственно происходят изменения и в идеологии... Повторю, что эти процессы происходят не сами по себе. Новые субъекты, новые носители этих идеологий, должны активно внедрять их в общественное сознание, бороться за реализацию своих приоритетов.

В России периода 2000–2010 годов этого не происходило. Занятые прагматической работой по укреплению внутривластной стабильности и макроэкономической ситуации, новые идеологические субъекты фактически дистанцировались от идеологической работы. Произошел «провис», когда вакуум, образованный вытеснением старых идеологий, оказался не заполненным. И только в 2006 году ситуация начала меняться. По инициативе власти. Конкретно В.Путина, В.Суркова, Д.Медведева. Инициативе, которая, к сожалению, не получила серьезного развития позже.

Пока этот период перехода в полной мере недооценен. Существует разница в том, что происходит на уровне экономики (где элита уже признала необходимость перехода к экономике знаний), и на политическом уровне, где элита и гражданское общество еще только начинает осознавать это явление. Но этого нет пока в идеологии, где

обозначился лишь очевидный отход от примитивного неолиберализма. Пока что только отход, но **не переход к новому качеству**. Складывается противоречивая ситуация: экономика и политика уже находятся в стадии переходного периода (причем не только в России, но и в мире), а идеология нет. Этот отход и провозглашение перехода на официальном уровне впервые прозвучал в послании В.Путина Федеральному Собранию 2007 года, когда были ясно обозначены стратегические (идеологические) ориентиры развития нации. Провозглашены ... и забыты.

Другими словами, после апреля 2007 года Россия оказалась вновь в переходном периоде, но уже не от коммунизма в либерально-рыночную стихию, а от либерально-государственного капитализма к социально-ориентированному обществу, которое должно опираться на ясные национальные интересы и ценности. Этот переход неизбежно займет какое-то время и не будет простым. Как и всегда, будут и «забегания вперед» и «откаты», но вектор, идеология движения уже понятны.

Как справедливо признает профессор Г.Константинов, «проблема в том, что на уровне фундаментальных позиций существует некий разрыв – эти позиции называют и обсуждают в теоретическом контексте, но не принимают в практической деятельности. Касается это и новой экономики – экономики знаний. Разговоры о ней ведутся пятьдесят лет: теория постиндустриальной экономики, затем «информационная эпоха» Кастельса, новая экономика.

Они ведутся на уровне политических деятелей, правительств. Официальные лица заявляют, что деньги будут зарабатывать в сфере новой экономики, что нефть – подозрительная вещь. Все в теории понимают, что социально-экономическая трансформация происходит. Но не принимают по одной простой причине: предполагая, что ничего, по большому счету, не изменится, что капитализм просто недоразвился, что на самом деле капитал как был главным, так главным и останется. Но им нужно возразить, во-первых, что так было не всегда, и, во-вторых, если мы сами признаем, что в экономике и обществе в информационную эпоху произойдут радикальные изменения, то почему мы считаем, что роль

капитала останется прежней? Это не так. Более того, мы можем увидеть, что все уже, действительно, меняется, и очень сильно»¹.

У России, как всегда, есть и своя специфика. Она связана не только с общим идеологическим кризисом, но и кризисом системным, захватившим постсоветские государства, – кризисом социально-экономическим, политическим, финансовым.

Новая геополитическая реальность – Россия – также часть этого кризиса. Поиск соотношения национальных интересов и ценностей с международными интересами и реалиями глобального мира – ключевая проблема не только международной, но и современной российской идеологии. Как «для себя», так и «вовне». При этом сохраняется соблазн внешнего «ухода из идеологии». Свою трактовку этой проблеме дает, например, министр иностранных дел России С.Лавров: «Логика идеологизированных подходов к международным делам прямо противостоит императивам глобализации.

Глобализируются не только возможности, но и угрозы, Вывод отсюда только один – эффективно противостоять новым вызовам и угрозам безопасности и устойчивому развитию можно только сообща, коллективными усилиями всего мирового сообщества. Неделимость безопасности и процветания не дает нам разумной альтернативы. В свою очередь, для этого требуется общий знаменатель, который даст нам возможность развести практическую политику, основанную на законных интересах государств, и приверженности ценностям, трактовки которых неизбежно разнятся»¹.

«Развести» практическую политику и идеологию, как предлагает С.Лавров, представляется наивным, хотя конъюнктурно – для Запада – и оправданным. По сути дела, эта политика уже не раз провалилась в недавнем прошлом. Реальность показывает, что не «убегание» от идеологии, а «поиск» идеологии является перспективным направлением, в том числе, и для самой прагматической внешней политики.

Можно сколько угодно пытаться убеждать США, страны Западной Европы или Китай, а тем более, Индию, в необходимости «деидеологизации». Из этого ничего не получалось прежде. Не получится

¹ В.Краснова. Когда демократия соберется с духом / Эксперт. 2007 г., № 3, с.22.

¹ С.Лавров. Уроки «холодной войны» / Российская газета. 2006 г. 7 марта, с.8.

и сегодня. Нужен поиск «точек совместимости» идеологий и систем ценностей, а не попытки универсализации внешней политики. Этого не получилось даже в международном праве. Тем более, не получится в идеологии.

«Разведение» практической политики на международной арене при сохранении национальных ценностей – такова не только внешняя, но и внутренняя задача, стоящая перед властью в России. Сочетание прагматизма в международных делах с национальными интересами, однако, будет неизбежно сталкиваться с теми доминирующими представлениями о ценностях, которые сегодня господствуют в США и в Европе. И преодолеть это расхождение без собственной идеологии все равно не удастся.

Необходима самоидентификация. Сказать, что Россия «не-Запад» мало. Надо сказать, **что такое Россия, каковы ее интересы** и как они соотносятся с интересами других государств, но, главное, **как эти государственные интересы соотносятся с общенациональными интересами народа, конкретного человека**. Принципиальное признание было, сделано В.Путиным в его послании 2007 года: государство для человека (а не наоборот, как это чаще всего случалось в русской истории). Но оно осталось декларацией.

Думается, что на эту эволюцию оказало влияние много объективных факторов, среди которых немалая роль принадлежала идее и процессу реализации приоритетных нацпроектов, выдвинутых президентом в 2005 году. Не случайно В.Путин в послании отметил, что «их главная цель – инвестиции в человека». Не случайно и то, что весь период с осени 2005 года по весну 2007 года в стране по нарастающей шла идеологическая кампания, которая стала по своей сути **мобилизацией элиты** для нового этапа развития страны. Которая не завершилась вплоть до 2010 года. Этапа, который должен стать естественным продолжением курса В.Путина последних лет, но уже на долгосрочной, идеологической основе. Задача – стратегическая, но имеющая огромное практическое значение, ведь как предупреждал еще в позапрошлом веке Ф.Бэкон, «Как в природе, так и в государстве, легче изменить сразу многое, чем что-то одно».

Глава 1.3. Образ России: идеологические приоритеты России и мировое развитие

«Мы живем в таком мире, где
действуют волчьи законы
(It's a dog – eat – dog world)»¹

*Т.Фрэнк, главный редактор
Американского журнала
международного права*

«Чтобы добиться реального успеха,
России, подобно многим другим
развитым... странам необходимо
научиться использовать глобальные
потоки таланта»

*Р.Флорида – автор книги
«Креативный класс: люди,
которые меняют будущее»*

Успех в мире, где господствуют «волчьи законы», во многом предопределен четкой стратегией и волей к его реализации. Эти же факторы являются определяющими и при формировании образа России.

Образ России, ее приоритеты, находятся под воздействием не только внешних факторов, но и прежде всего установок самой правящей элиты страны. Которые к 2010 году так и не были систематизированы и приведены к некой системе, концепции. Основная мысль этого раздела заключается в том, что никакое государство и никакая нация не смогут стать мировыми лидерами в экономике, социальной сфере, науке и технике, военной области, **не став мировым идеологическим лидером**. Поэтому, говоря о возвращении России в число мировых держав, формулируя такую задачу в стратегии развития, необходимо четко, даже категорично, ответить на вопрос: готовы ли мы сами стать мировым идеологическим лидером? Есть ли у российской элиты ясная установка на это, воля и готовность добиваться этой цели?

Ответ на этот вопрос важен потому, что процесс «возвращения» в мировые лидеры вполне последователен: сначала **лидерство идей**, а только потом – экономическое, социальное и военное лидерство. Причем **идей своих, а не заимствованных извне** – будь то в экономике, финансах, либо научной области. Мало сказать о том, что Россия «должна войти в пятерку мировых лидеров». Надо понимать, что сначала она должна войти в пятерку лидеров идеологических.

¹ *М.И.Лазарев, А.Х.Абашидзе. Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX века). М.: Изд-во «Современная экономика и право», 2001 г., с.135.*

Если вы считаете, что Россия не может, либо ей не нужно быть мировым лидером (сторонники такой точки зрения в России весьма многочисленны и активны, особенно среди нелиберальной части интеллигенции), то вопрос об идеологическом лидерстве отпадает сам собой. Если же вы сторонник той точки зрения, что Россия не может ни быть мировым лидером, что это её единственно возможное стабильное существование, то вы неизбежно должны признать, что необходимо решить задачу **превращения страны в мирового лидера идей**. Как таковыми сегодня выступают США, Китай, Индия, объединенная Европа.

Но вопрос о таком идеологическом лидерстве это не только вопрос **желания**, но и вопрос о том, **на какой базе**, возможно формулировать задачу стать идеологическим лидером. Образ России как идеологического лидера не может, на мой взгляд, базироваться на заимствованных ценностях, принципах и традициях. Будь то китайские, американские, индийские или европейские. Этот образ России должен и может основываться только на национальных ценностях, адаптированных к современным реалиям. Соответственно и внешнеполитические приоритеты должны стать **производными от таких национальных интересов** (потребностей) и базовых ценностей, которые «преломляются» в представлении национальной элиты. «Производность» образа России и ее внешнеполитических приоритетов от базовых ценностей – важнейшее условие эффективной внешней политики, ибо придает ей последовательность, принципиальность, нравственность и стратегический характер. Другими словами эффективная внешняя политика может быть только в том случае, если в ее основе лежит идеология, базирующаяся на национальных ценностях. Как справедливо отмечает Г.Л.Хорина, «Любое национальное государство, обладающее развитой национальной культурой, вырабатывает свою государственную идеологию, в которой базовыми элементами выступают:

- представление о судьбе и предназначении данной нации;
- о векторе исторического развития;
- о доле общественного богатства, достигающегося различными социальными группами;
- об общественно-политическом, экономическом, эстетическом, нравственном идеале;

- о вкладе данной нации в культурную сокровищницу человечества;
- о соотношении элитарной, народной и массовой культур;
- об оценке имеющегося у нации исторического опыта;
- о тактических целях и задачах, которые следует решать обществу и государству в ближайшей и среднесрочной перспективе;
- о ведущем субъекте исторического процесса.

Она может выражаться в разных формах, в том числе в предельно краткой форме с акцентированием внимания на основных принципах. Так, – продолжает автор, – в России до революции государственная идеология содержала в себе три таких принципа: самодержавие, православие, народность. В современной России пока нет четко сформулированной государственной идеологии, в ней должны быть сформулированы основные интересы российского общества с точки зрения его внутреннего развития, отношения с другими странами и народами с обозначением целей и перспектив в условиях глобализации. В последние годы о государственной идеологии стали говорить все чаще. Наиболее глубоко и всесторонне эта проблема исследована в монографии А.И.Яковлева «Государственная идеология». В его понимании государственная идеология – это духовно-практическое образование, в котором выражаются и защищаются интересы народа и государства во всей их сложности и противоречивости. Образ России – производимое от этого «образования».

Нужно согласиться, что за годы реформирования российского общества так и не удалось объединить большинство россиян вокруг какой-то идеи, способной увлечь на участие в преобразовательной деятельности. Отсюда и то состояние, в котором на протяжении многих лет пребывает наше общество¹.

И это – тоже образ России. Пока что он формируется при общем понимании того, что общенационального консенсуса в интересах преобразований, которые сегодня проходят под флагом модернизации и инноваций, – нет. Отсюда и главная черта российского образа: его «размытость», нечеткость, излишняя абстрактность.

¹ Г.П.Хорина. Идеология как элемент системы культуры / http://tourism.mosgu.ru/o_fakultete/kafedra/cultural/Nayka/Horina.htm

Таким образом у России по сути есть единственный выход, который укладывается в следующую формулу:

Представляется, что такая логика вполне оправдана, хотя в реальности каждый из этапов подвергается сегодня в российской элите сомнению. Если В.Путин и Д.Медведев сформулировали в качестве цели «войти в пятерку мировых лидеров», то это совсем не означает, что вся российская элита разделяет эту задачу. Тем более понимает эту задачу. Еще сложнее с двумя предшествующими этапами – идеологическим лидерством и опорой на национальные ценности, – которые отнюдь не являются бесспорными с точки зрения российской элиты. Вот почему на анализе этих этапов формирования образа России следует остановиться подробнее.

И споры начинаются с анализа самого первого этапа формирования образа России – оценки национальных интересов (потребностей) и ценностей России. Но если в конце 80-х–90-х годов в элите и СМИ абсолютно доминировала негативная точка зрения по отношению к России, то к концу первого десятилетия XXI века ее сторонники перестали составлять большинство, сохранив, однако влияние в СМИ и некоторых институтах государства и общества. Как справедливо заметил исследователь из МГИМО (У) И.Н.Тимофеев, «Политической и интеллектуальной элите, по всей видимости, удалось нащупать основные координаты, в рамках которых выстраиваются более или менее приемлемые для граждан страны концепция государства, видение его роли в мире, и, наконец, понимание его истории»¹, т.е. **образ России** (подч. А.П.).

Действительно, российской элите удалось к концу первого десятилетия XXI века «нащупать» образ России, который стал «более или менее приемлемым» для нации. Но не более того, Уже стало ясно, что **не надо** делать, чего мы **не хотим** в своем большинстве, что хорошо и что плохо, но все эти представления так и не сложились в ясный и чётко

¹ И.Н.Тимофеев. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации и истории / Вестник МГИМО (У), № 3 (12), 2010 г., с. 51.

очерченный образ, дающий конкретное представление о приоритетах и целях развития России, механизмах достижения этих целей и, наконец, о позиционировании этого образа в мире.

1.3.1. Значение фундаментальных ценностей и образ России

«На протяжении многих столетий образ Александра Невского имел особое значение для укрепления Российского государства и формирования национальных самосознания граждан»¹.

Д.Медведев

«Очевидно, что обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое ... отражало бы ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные ... ценности ...»².

Ан.Торкунов

Для формирования образа России принципиально важно понимать значение фундаментальных российских ценностей. «Образ Александра Невского», например, ассоциируется сегодня с образом России, граждане которой в 2009 году избрали методом самого репрезентативного опроса человека, который в наибольшей степени отражает представления нации об образе страны. Этот образ не выдуманный, а реальный, я бы сказал, – материальный. Он является своего рода квинтэссенцией фундаментальных ценностей нации, ведь А.Невский, как известно, ассоциируется прежде всего с православием, государственностью и народностью. Не случайно, а глубоко закономерно то, что огромное число граждан России проголосовало именно за А.Невского, и не за десятки других достойных кандидатов, принадлежащих нации. Не случайно и то, что сегодня, может быть подсознательно, мы выбираем человека, который сочетал в себе за качества защитника православных ценностей, государства и народа.

Примечательно, что и сегодня, иногда сами того не осознавая, мы ориентируемся на эти ценности русской нации, как высшие нравственные (а значит основополагающие, национальные ценности. Представление о них для понимания сегодняшних реалий и формирование образа России – чрезвычайно важно, но внимание к этой теме политиков, ученых и журналистов – минимально. Более того, по мере продвижения в российском общественном сознании западных ценностей усиленно складывалось убеждение, что традиционные национальные ценности – в лучшем случае архаика, а в худшем – мракобесие. Не случайно, что пик такого отношения пришелся на 90-ые годы. Не случайно и то, что именно

¹ Обращение к читателям книги. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 2010 г., с. 7.

² *Ан.Торкунов*. Школа российской идентичности / Независимая газета, 14.10.2009.

в период этого пика своего апогея достигли нападки на традиционные российские ценности – православие – государство – нацию. Таких случайных совпадений не бывает.

Тем важнее и интереснее любые попытки ученых и политиков опираться в своей работе на национальные ценности. Так, в одной из современных работ говорится, что, анализ древнерусских текстов дает возможность сделать вывод, что древнерусская государственность (система взглядов, идей, представлений о государстве) включала в себя следующие ценности.

Этно-конфессиональное единство (где христианство, там и Русь) ...

Монотеизм: Благодать как высшая ступень приближения к Богу ...

Милость воздается не по заслугам, а по Благодати Божьей ...

Христианская любовь: истинный христианин возлюбит не только ближнего, но и врага своего ...

Милосердие – основа христианской жизни ...

Почитание старших отождествляется с почитанием Бога ...

Смирение перед людьми равнозначно смирению перед Богом ...

Почитание носителей священного сана ...¹

Примечательно, что отношение к этим ценностям проявляется, в первую очередь, через **почитание их носителей**: политиков, общественных деятелей. И это правило так или иначе распространяется на всю историю России, лежит в основе национальной системы ценностей, т.е. идеологии. Те политики, которые отталкивались от этой системы ценностей в своей работе (будь то монархисты, коммунисты или демократы), добивались в конечном счете, не только результатов, но и уважения. И, наоборот, те, кто игнорировал эти ценности, в конечном счете приносили беды нации и оставляли о себе негативную память (К их числу в XX веке можно отнести Л.Троцкого, Н.Хрущева, М.Горбачева). Проявлялась закономерность – ориентация на базовые ценности вела к идеологическим успехам, развитию государства, что отражалось в национальной памяти.

¹ *Е.А.Герасимова. Зарождение идей древнерусской государственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГПУ, 22 июня 2010 г., с. 22–23.*

Было бы ошибкой думать, что эта система ценностей сегодня не имеет значение, а тем более изжила себя. Приходится признать, что когда ее игнорируют правящие элиты, то происходят самые негативные события, даже катастрофы – от революций до появления системы всеобъемлющей коррупции. Последняя четверть XX века – типичная иллюстрация этой закономерности.

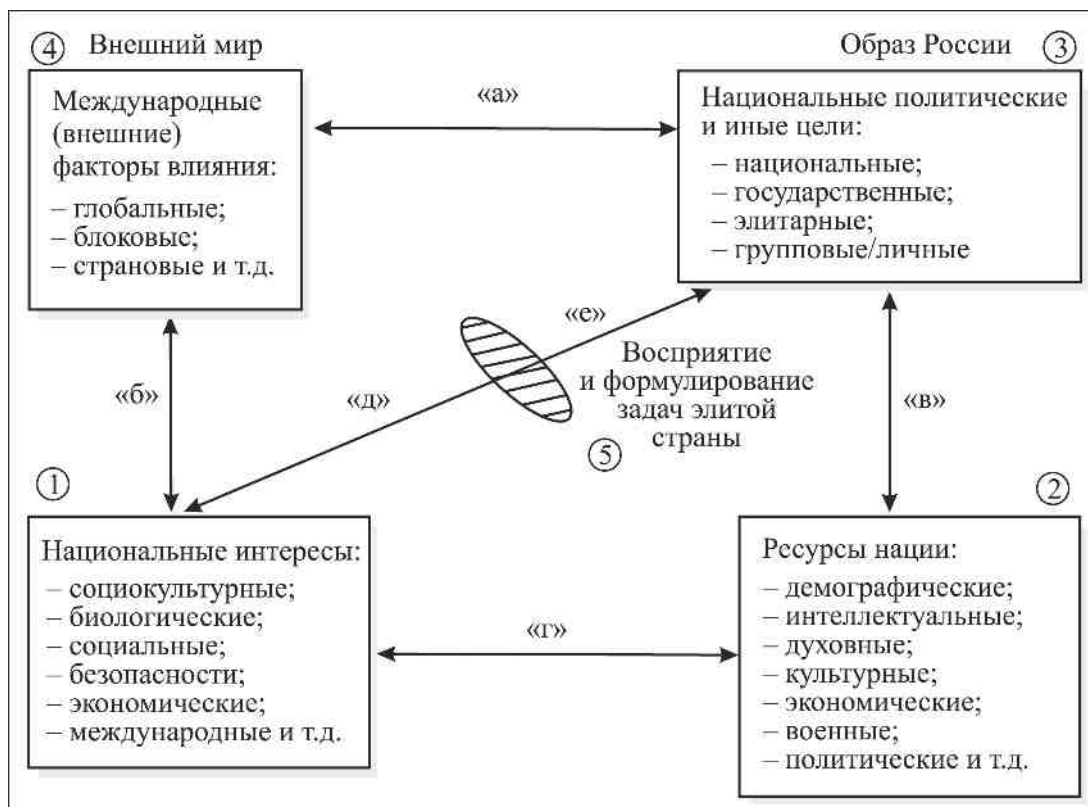
Если вдуматься, то в характере, ментальности и поведении русского народа (которого сегодня объединяют под термином «россияне») генетически и культурно уже столетиями заложены эти нравственные ценности. И когда власть понимает значение (как это было при Александре II, Александре III), то происходил фантастический рывок в развитии нации и государства. Отчасти, я полагаю, что И.Сталин также воспользовался этими ценностями, когда руководил страной в 30-ые – 40-ые годы.

Мне представляется, что эти ценности являются мощным резервом в развитии современной России, основой для реального политического и экономического решения ее проблем – от борьбы с международным терроризмом и системой коррупции (которые я рассматриваю прежде всего как идеологические проблемы) до опережающих темпов экономического роста. Не случайно, что в бюджетном послании в июне 2010 года Д.Медведев выделил отдельный, пятый раздел, посвященный развитию потенциала человека как важнейшего приоритета в финансовой деятельности государства, ведь вся система ценностей русского общества, в конечном счете, формировалась как система приоритетов по отношению к человеку¹.

Возвращаясь к принципиальной схеме алгоритма идеологии, важно отметить, что способность к восприятию национальных ценностей российской элитой чрезвычайно важна для адекватного формулирования современных политических целей и формирования современного облика России внутри страны и за рубежом.

¹ Д.А.Медведев. Бюджетное послание Президента России на 2011–2014 гг. Июнь 2010 г.

Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

Сказанное означает, что если элита адекватно воспринимает (участок «а») и транслирует (участок «б») национальные ценности в приоритеты и цели своей политики, то и **политика становится адекватной**. Она также адекватно (в соответствии с национальными интересами и ценностями) распоряжается имеющимися ресурсами, (участок «в») учитывает внешние факторы (участок «г»), и в **целом формирует адекватный образ России**.

И Россия может предложить миру свою, оригинальную систему ценностей, ориентированную на развитие потенциала человека. Более конкурентоспособную, чем западноевропейская (секулярно-социальная), либо американская. Если допустить, что с высокой степенью вероятности победит та идеологическая модель, ориентированная на человека, которая окажется более привлекательной и эффективной, – то Россия имеет не только право, но и обязанность предложить **свою модель, свою систему ценностей**, свои приоритеты. Понятно, что такая система ценностей не будет прямой трансляцией древнерусской. Она станет ее адаптированной к современным реалиям, но оригинальной, моделью, позволяющей генерировать новые идеи и развивать творческий потенциал нации.

Сказанное несколько не противоречит идее учета чужих систем ценностей, но именно **учета**, а **не переноса** их на российскую почву. Это утверждение имеет абсолютно практическое значение для российской политике. Так, берлинская инициатива Президента России от 5 июня 2008 года о создании новой архитектуры европейской безопасности имеет множество измерений – от геополитического до международно-правового, – но она неизбежно предполагает более четкое определение «не только общих интересов, их гармонизацию, но и идентификацию общих ценностей»¹. Это тем более важно, что страны Евросоюза, после вступления в декабре 2009 года в силу лиссабонских соглашений, сделали акцент на формировании ценностей Евросоюза.

Если говорить всерьез о задаче формирования образа России как мирового идеологического лидера, то необходимо признать, что этого можно добиться только на базе национальной системы ценности. Так, Россия легко может сделать заявку на роль лидера в области культуры, науки и образования, духовности. История и традиции, огромный культурный капитал позволят это сделать не просто безболезненно, но и даже с определенным пониманием со стороны других стран-лидеров. Мой опыт многолетнего общения с представителями западной политической элиты это полностью подтверждает.

Сегодня уже вполне ясно, что оригинальные идеи и открытия являются продуктом синтеза национального исторического, культурного и духовного наследия, с одной стороны, и современных реалий глобализации, с другой, т.е. только та нация может стать мировым идеологическим лидером, которая **изначально обладает этими двумя группами предпосылок**. Россия вполне подходит под эти критерии. Российской элите лишь следует, во-первых, это признать, а, во-вторых, использовать. И, конечно, перестать по каждому поводу посыпать голову пеплом.

К сожалению, признание этих двух важнейших предпосылок для создания идеологического лидерства российской элитой до сих пор не произошло. Если с современными реалиями – инновациями, новым

¹ *Е.Р.Воронин*. Международно-правовое измерение европейской безопасности: XXI век. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Июль 2010 г., с. 3.

технологиями и подходами – стало, наконец-то, ясно, (в первом десятилетии элита пришла к этому!), то компонент традиций остается до сих пор под сомнением. Что ежедневно проявляется в повседневной жизни: сокращение финансирования отечественной науки, реформирование образования, внедрении новых форм собственности, разрушающих традицию и культуру, и т.д. – это лишь частные проявления процесса, который на политическом уровне свидетельствует о недооценке этого фактора развития.

Таким образом российская элита не только недооценивает, но и не использует огромный потенциал развития, заложенный в национальной культуре, традиции, истории. И, – как следствие, – огромный потенциал социальной энергии, народа. Этот потенциал может многократно усилить эффективность попыток власти решить проблемы развития, борьба с коррупцией и другие проблемы, являющиеся, на мой взгляд, прежде всего идеологическими проблемами. Более того, я уверен, что без идеологической мобилизации решение этих проблем невозможно.

У этой проблемы есть и другая, очень важная, сторона. Государство – идеологический лидер может (и, наверное, должно) стать и лидером формационным. В свое время Европе это были сменяющие друг друга Голландия, Великобритания, Германия, а в XX веке – США, которые закрепили свое лидерство в последней четверти XX века, умело использовав информационно-технологический этап развития ИТР. В XXI веке они создали полноценную национальную инновационную систему (НИС), участниками которой, – как отмечает исследователь МГИМО (У), академик Н.Симония, – стали университеты, государство, частные корпорации и венчурные компании¹.

В этой связи очень важно подчеркнуть значение слова «национальный» в используемом Н.А.Симонией понятии «национальная инновационная система» (НИС), которое играет очень важную роль. На мой взгляд, НИС может быть создана только в том государстве, где существуют и оберегают национальные традиции (в т.ч. научные школы), из которых и появляются новые разработки к идеи, а также там, где велика

¹ См., подробнее: *Н.Симония. Многополярность в эпоху глобализма / Аналитические записки. (Приложения к журналу «Международная жизнь»)*. Апрель–июнь 2010 г. с. 5–7.

роль государства в обеспечении развития науки. Не случайно Н.А.Симония привел эти факторы в качестве приоритетных, я бы сказал, в качестве обязательно **условия** создания национальной инновационной системы.

Как видно из этой посылки, инициативы Д.Медведева и В.Путина в области модернизации инноваций, активно звучавшие в 2009–2010 годах, должны были бы опираться **на национальную традицию и государство**. Таких ярко выраженных акцентов однако сделано не было. Более того, в разных контекстах и по разному поводу проходит идея заимствования – технологий, опыта, материалов. Конечно без этого не обойтись, но необходимо помнить, что заимствование это всегда повторение – более или менее удачное. Но всегда повторение пройденного. С опозданием. Иногда настолько большим, что теряет всякий смысл. Создавать же **новое** можно только на собственной базе. Примечательно, что в то же самое время в страх Евросоюза развернулась настоящая борьба за сохранение национальных систем ценностей. Так, в июле 2010 года во Франции абсолютным большинством национальной ассамблеи был принят закон о правилах ношения одежды, который был обоснован министерством юстиции страны как «стремление сохранить национальную систему ценностей».

Именно поэтому сохранение, изучение и творческое использование собственного национального культурного и духовного наследия играет исключительно важную роль. В том числе и в технологической области. И в этом смысле особую роль приобретает история, точнее, – трактовка не только истории нации, но и ее основных ценностей и понятий которая «вдруг» стала актуальной в 2008–2010 годы. Настолько «вдруг» что была создана данное специальная президентская Комиссия в мае 2009 года. Как показывают соцопросы, сделанные по заказу министерства культуры России, ситуация по отношению к российской истории выглядит следующим образом¹.

Интересует ли Вас история российского государства и народа?

Очень интересуется	27,9
--------------------	------

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.

Скорее интересуется, чем нет	49,0
Мало интересуется	17,0
Совсем не интересуется	3,4
Затруднились ответить	2,7

Иными словами, почти 95% граждан нашей страны в различной степени интересуются историей Родины, которая, как минимум, ей **не безразлична**. Косвенно это означает признание того, что абсолютное большинство населения заинтересовано в сохранении национальных ценностей. Это, безусловно, очень хороший показатель, который говорит не только об огромном культурно-историческом наследии, но и высокой степени патриотизма наших граждан, их способности к мобилизации для решения задач развития. Этот ресурс, таким образом, безусловно, существует. Другое дело – **как** он используется в интересах развития национальной (?) российской элитой. Знак вопроса я поставил потому, что вижу парадокс в необходимости обоснования этой темы для правящей элиты.

Отдельная тема – восприимчивость и готовность использовать современные мировые достижения глобализации в синтезе с национальными особенностями, ибо без них, наше огромное историческое наследие не может быть реализовано. Это тема – формирования прикладной стратегии опережающего развития и механизмов её обеспечения, которые, замечу, должны иметь не только универсальный, но и национально ориентированный характер. Речь идет о том, чтобы использовать исторический опыт России – от сотрудничества государства и бизнеса (имевшего в последний период существования Империи огромное значение: строительство Транссиба, созданное Военно-промышленных комитетов и т.д.) до меценатства. От императорского попечительства университетов (напомню, которые Н.А.Симония относит к одному из четырех компонентов НИС) до государственной поддержки отечественной науки. Весь этот имеет колоссальное значение для создания Национальной инновационной системы, которая должна и может быть только национальной. Причем этот опыт не противоречит опыту ведущих стран. Так, в ходе визита Д.Медведева в США в июне 2010 года, «вдруг»

обнаружилось, что фундаментальная наука в стране на 50% финансируется государством. Это «открытие» (о котором в т.ч. и я говорил с начала 90-х годов) стало новостью потому, что вот уже 20 лет в России проповедуется теория, в соответствии с которой наука, сельское хозяйство, культура должны финансироваться бизнесом или войти на самоокупаемость. Это – одно из ложных положений неолиберальной идеологии, которая ответственна за развал последних десятилетий, но у сторонников которой есть и конкретные имена ответственных за эту политику.

Другой важной вопрос, – какие базовые ценности имеют значения для граждан страны. Тот же соцопрос показывает, что среди таких ценностей лидирует образованность, патриотизм, терпимость и законопослушание, а также свобода¹. Эти данные показывают, что, как минимум, мы не можем игнорировать эти ценности, формируя образ России, а лучше – положить их в основу процесса формирования такого образа.

Оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, важны ли лично для Вас следующие ценности?

Ценности	Баллы					Не ответ или
	1	2	3	4	5	
Законопослушание	1,2	2,3	10,8	26,1	59,1	0,5
Образованность	0,5	1,6	7,7	20,7	69,1	0,4
Терпимость к представителям других национальностей	2,4	4,9	17,4	29,6	45,3	0,4
Патриотизм	2,3	2,5	13,1	25,5	56,0	0,6
Религиозность	9,9	12,0	30,2	24,4	22,9	0,6
Гуманизм	3,8	4,7	16,4	32,7	41,9	0,5
Свобода	2,2	2,8	8,8	20,7	65,1	0,4

Как видно из приведенных данных, набор таких ценностей поддерживается абсолютным большинством граждан, а, значит, он должен быть **обязательным для образа России**, т.е. будущий образ России – не искусственная конструкция политологов и пиарщиков, а представление, базирующееся на реальных и что немаловажно, устойчивых современных

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.

национальных приоритетах и ценностях. Основываясь на этих ценностях, можно, например, создать образ «идеального» гражданина в восприятии российских граждан, который является законопослушным, образованным, гуманным и т.д. Этот набор, естественно, означает, что для борьбы с коррупцией в России, например, есть **все социальные условия и предпосылки, общественная поддержка.**

Отдельно следует выделить значение такой ценности как национальная идентичность, от оценки которой в последние два десятилетия почему-то стыдливо уходят многие политологи и социологи. Между тем национальная и гражданская идентичность имеют огромное значение для развития страны и формирования ее образа. Существует, например, **прямая зависимость** между солидарностью (национальной и гражданской идентичностью) и темпами экономического и социального развития страны и нации. Я бы даже сказал, что этот малоиспользуемый нынешней властью ресурс может стать **решающим конкурентным преимуществом России.** Который, кстати, не раз эффективно использовался в российской истории.

Соотношение национально-гражданской и этнической идентичности, 2006 г.¹

Ощущают близость с гражданами России (%)				
Проекты	В целом	Часто	Иногда	Никогда
ЕСИ	64,1	21,6	42,5	10,7
РМЭЗ	65,1	19,8	45,2	19,2
	В целом	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущают близости
«Будущее России», области с ДРН	85	61,5	23,5	6,8
Ощущают близость с людьми той же национальности (%)				
	В целом	Часто	Иногда	Никогда
ЕСИ	83	49	34	5
РМЭЗ	85,6	42,3	43,3	6
	В целом	В значительной	В небольшой	Не ощущают

¹ Т.В.Добрынина, В.Л.Севостьянов. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы. Мир и политика № 4 (43), 2010 г., с. 64.

		степени	степени	близости
«Будущее России», области с ДРН	66,5	36,5	30	19,6

Как видно из различных данных, только очень незначительная часть общества не идентифицирует себя с нацией или государством. А это значит, что лишь **очень немногим в России безразлична ее судьба, будущее и происходящее**. Но реальная политика элиты противоречит формированию позитивного будущего облика России, ибо **разрывает связь** между личностью и будущим образом нации и страны. Пример тому – волна отъездов из страны не только тех, кто скрывает свои капиталы, но и представителей среднего класса, даже тех, кто по общепринятым стандартам находится в самых разных социальных группах населения. Сегодня хорошо известна проблема «утечки капиталов», «утечки мозгов», но проблема эскапизма еще шире. Это проблема тех миллионов граждан, которые по разным причинам **не связывают своё будущее и будущее своих близких с будущем России**. Как правило, они не видят перспективы, возможности решить свои личные, бытовые проблемы, хотят стабильности, если не для себя, то для своих детей. Эта проблема – прямая угроза национальной безопасности. Прежде всего потому, что наиболее дееспособные, креативные и образованные люди хотят «искать счастья» на стороне, а не в собственной стране.

Образ России поэтому должен стать привлекательным как для тех миллионов граждан (по некоторым оценкам, только в Европе их проживает более 8 млн. человек), которые уже уехали из страны, но и для тех миллионов, которые сегодня думают и наверняка уедут из России, **если не произойдут решительные изменения**. Мы просто обязаны показать перспективу, привлекательный образ будущей России. Сочетание личных и национальных интересов – отдельная тема и, как мне представляется, мощный стимул для развития. Личность должна увидеть **себя** в будущей стране. Это, безусловно, должно стать **базовой ценностью при формировании образа России**. И концепция развития человеческого потенциала очень подходит для этой цели: необходимо ясно

сформулировать целью развития страны создание **максимально благоприятных условий для развития потенциала личности.**

Надо сказать, что процесс формирования идентичности касается не только современной России. Такая же проблема стоит и перед многими другими государствами, которые, надо сказать, уделяют ей гораздо больше внимание. Так, страны Евросоюза уделяют специальное, особое значение этому процессу после лиссабонских соглашений. Не случайно в официальных документах Евросоюза, конкретной политике самоидентификации последних лет, отводится важнейшее значение: были учреждены флаг, гимн, общий праздник, безвизовый режим, общеевропейские водительские права и т.д.¹

Приведенные примеры вполне очевидно иллюстрируют, что идеологические основы российской нации основываются не на искусственных построениях журналистов, политиков, политологов, измышлениях философов, а на **фундаментальных ценностях и историческом** наследии, которые разделяет абсолютное большинство граждан России. Эти ценности – наш реальный капитал, объективная реальность, которую может исказить (и искажает последнее время) только неадекватное восприятие правящей элиты. Что, к сожалению, в России часто происходит. Поэтому игнорирование базовых ценностей, их искажение правящей элитой, является **главной причиной появления неверных, даже вредных идей, главным объяснением отставания в развитии,** неудач в решении задач модернизации.

Формируя образ России, хотел бы обратить внимания еще на одно обстоятельство. В 2008–2010 годы в России наблюдался очевидный «технологический» бум в риторике и в действиях правящей элиты. Президент, Председатель Правительства, многие министры, губернаторы, законодатели без устали говорили о новых технологиях, инновациях, наукоемких и ресурсосберегающих приобретениях и т.д. Очевидное внимание к этой теме стало не просто модным направлением общественно-политической мысли, но и заставило кое-кого насторожиться: уж очень вся эта риторика напоминала очередную кампанию. Кампанию, когда штампы и понятия не получали своего внятного, содержательного объяснения и

¹ Г.И.Вайнштейн. Европейская идентичность: желаемое и реальное / Полис, № 4 (112), 2009 г., с. 123–125.

реального подкрепления. Аналогия с популярными понятиями времен М.Горбачева – «перестройка», «гласность», «плюрализм» и т.п. – очевидна.

С одной стороны, очень хорошо, что наконец-то хотя бы к концу десятилетия XXI века, власть реально озаботилась проблемами научно-технического и технологического развития, хотя в остальных развитых странах этот пик пришелся на 80-ые годы прошлого века (Да и я, например, не раз писал об этом в 80-ые годы). СССР–Россия «пропустила» этот период, потратив 25 лет на псевдоидеи «перестройки», «демократизации», «вхождения в рынок» и т.п. Теперь вынуждена догонять. В очередной раз.

С другой стороны, излишнее увлечение новейшими технологиями («менеджеризм», «технократизм») в ущерб социогуманитарной области ведет к тому, что цена новых идей, особенно в области общественного строительства, резко падает, хотя на практике именно такие идеи являются фундаментальными, постановочными по отношению к естественным, а тем более технологическим. Что, кстати, признается и самими естественниками. Странно, например, что на конкурсе исследовательских университетов 2009–2010 годов победителей заранее назначили из числа естественных университетов (мою позицию по этому вопросу, кстати, полностью разделяет физик С.П.Капица, поддержавший меня в телевизионной дискуссии).

Мы опять оказались в положении догоняющих. И не только в экономике и технологиях, но и общественных знаниях, т.е. стали аутсайдерами не только в инновациях, но и в идеологии. Мир за последние 25 лет **уже прошел** информационно-технологический этап развития, перейдя к этапу, на котором приоритетное значение имеют науки о человеке, обществе. Мы же по-прежнему **последовательно** пытаемся ликвидировать этот разрыв, не понимая, что нужно совершить **рывок через этапы развития**, сразу же перейти к тому этапу, который сегодня определяет уровень развития общества и государства. Но, прежде всего, этот рывок мы должны осуществить **в идеологии**, создав качественно новый продукт – правильный образ России, из которого вытекает стратегия развития.

«Технократизм», присущий нынешней российской элите, к сожалению, девальвирует цену идей и, в конечном счете, людей делает их придатком технологий. Что наверно и опасно.

Идеи движут миром. Мысль эта воспринимается многими почему-то, как абстрактная фраза, а не реальная, тем более, политическая действительность. А ведь определение приоритетов, ценностей и целей развития, в основе которых лежат качественные идеи, имеет ключевое значение в жизни людей, государств и наций. «Не короли правят миром, и даже не олигархи. И не доллар, как на полном серьезе уверяют экономисты. Мир заставляют двигаться в ту или иную сторону, останавливаться или топтаться на месте – идеи. Их рождают люди... там, где этого меньше всего ожидают» – эта мысль Ю.Никитина, – на мой взгляд, имеет принципиальное значение.

И сегодняшней российской элите конца первого десятилетия XXI века важно понять, что история свидетельствует: многие идеи возвышали государства, а многие – уничтожали; разрушение стран и уничтожение наций **всегда начиналось и сопровождалось кризисом идеологий и систем ценностей.** Именно поэтому «деидеологизация», «прагматизм» и конформизм во внешней и внутренней политике в долгосрочной перспективе **всегда вели к поражению.** Как правило, катастрофическому. И, наоборот, восстановление, а тем более подъем государство его опережающее развитие **невозможны без соответствующей идеологии,** более того, идеология **первична по отношению к такому подъему.** Хотя бы потому, что изначально она должна четко обозначить цель и приоритеты развития, причем не только национального, но и мирового глобального, его перспективу. Как справедливо считает академик Ан.Торкунов, «Другой из этого же ряда – вопрос о конечной цели глобализации. Какой рисуется картина будущего мира, «мирового общества», «всемирной демократической империи» или чего-то еще? Ожидаемым итогом глобальных процессов некоторые считают создание однородной всемирной общности западного типа. Но можно и нужно себе представить нечто совсем иное – тот или иной вариант «гармонии разнородностей», при которой Запад не сможет и не станет стремиться растворить в себе Незапад. Это, казалось бы, отвлеченные вопросы всемирного бытия. На деле за ними – прикладные политические проблемы:

какую перспективу мы задаем своему народу, какой ее видят народы других стран (подч. *А.П.*)¹.

И наоборот. Те страны, которые, хотя бы на время, демонстрировали привлекательную идеологию, неизбежно становились мировыми и региональными лидерами, доказывали в конечном счете свои экономические и политические преимущества. Сегодня это справедливо для Китая и Индии, которые сохранили свою самобытную культуру, создав по сути новую идеологию опережающего развития. Естественно, это сказалось на их экономических и технологических позициях. Подчеркну, что сначала все-таки были идеи синтеза национальной культуры (в широком смысле этого слова) и новейших научно-технических достижений, а только **после** – экономические и технологические успехи. Сначала идеи, потом политика (как воля для реализации идей правящей элитой), а уж потом, только потом, – развитие.

Мне представляется, что это универсальное правило справедливо не только для отдельных стран, но и целых групп государств и наций, объединенных какой-то идеей. Не всегда, кстати, позитивной. Подъем – политический и экономический – гитлеровской Германии в 30-ые годы был связан с тоталитарной фашистской идеологией. В те же годы СССР продемонстрировал бурные темпы индустриального развития благодаря лидерству, пусть авторитарному, коммунистической идеологии. Сегодня, например, трудно отрицать жизнеспособность исламских идей, в том числе и радикальных, которые противостоят всей мощи Запада.

Рассмотрим близкий нам пример – СССР.

Советский Союз большую часть XX века являлся одним из безусловных идеологических лидеров мира, значительно влияя на социально-экономическую и политическую жизнь других государств. Причем не только развивающихся. Напомню, что коммунистические идеи были популярны среди многих развитых стран Запада, в особенности Франции, Италии, даже Великобритании и США. В XX веке СССР был не только военным или экономическим, **но, прежде всего, идеологическим лидером**. Можно спорить сегодня о правильности идей, но то, что их

¹ *Ан.Торкунов*. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007 г.

поддерживала значительная часть интеллектуалов Запада, – исторический факт. При всех издержках реального социализма.

Эта тема требует особого изучения, но можно констатировать, что результаты – экономические, технологические, культурные, даже спортивные (как показала Олимпиада в Ванкувере) являются следствием отсутствия эффективной (привлекательной) идеологии, некой «сверхидеи». И, наоборот, отказ от сверхидеи, а тем более идеологического лидерства, ведет сначала к стагнации, а затем – потере не только лидерства, но и государства. Типичный пример СССР, где потеря, точнее, – отказ от идеологического лидерства стал «геополитической катастрофой».

Именно это мы сегодня наблюдаем и в России: мы **сознательно** отказываемся от идеологического лидерства, т.е. продвижения своих идей и системы ценностей, в пользу технологических и прочих инновационных решений. Другими словами превращаемся **из постановщиков задач в их исполнителей**. Вопрос только в том, кто вместо нас становится этими постановщиками таких задач? И насколько эти задачи соответствуют нашим национальным интересам? Новый образ России – это новая постановка задач, а не образ ученика, догоняющего в своем развитии сверстников. Такой образ не может быть привлекательным изначально.

Кроме того, повторю, что идеология как система идей и ценностей общества неизбежно выступает **в качестве основы для любой стратегии развития или поведения**, а, следовательно, и стратегия будет исполнителя. Если такой основы нет, то стратегия «провисает», не находит опоры для своего существования, либо – что бывает нередко, – обществу предлагается неверная стратегия. В лучшем случае такая стратегия превращается, как у М.Горбачева, фактически в тактику лавирования, а нередко – беспринципную борьбу за власть. Да и сама власть тогда чего-либо стоит, когда становится **инструментом для достижения, значимых целей**, а не самой целью. Реальные цели – всегда идеологические, даже если они и выражаются прагматичными терминами и понятиями. Так, в качестве примера можно привести вроде бы далекую от идеологии тему (напомню, что внешняя политика у нас подчеркнута «прагматична») сотрудничества России, Бразилии, Индии и Китая в рамках концепции БРИК: речь идет об огромном рынке (40% населения планеты),

совокупном ВВП, превышающем США, влиянии трех ядерных держав на обстановку в мире и многом другом. При этом **все четыре государства обладают самобытной культурой и историей**. Но, главное, что в основе концепции БРИК находится новая идеология: новые методы многосторонней дипломатии, механизм наращивания политического веса в мире, наконец, противодействие крупнейшим финансово-экономическим центрам в мире¹.

Тем более идеология, прежде всего национальные ценности, лежат в основе формирования целей и механизмов их достижения во внутренней политике, а фундаментом любой идеологии являются история и культура. Поэтому адекватное восприятие и применение российского исторического опыта и знаний являются одновременно обязательным условиям формирования адекватной идеологии. Другого фундамента у идеологии нет. Как справедливо заметил академик Ан.Торкунов, «К чему бы ни располагали исторические аналогии и исторический опыт – к оптимизму или к пессимизму, – никакого другого, более ценного учебного пособия у современных политиков нет. Захотят ли, сумеют ли они верно распознать тайные или явные письма истории и использовать эти знания во благо общества – зависит только от их интеллекта и воли»².

Поэтому искажение истории, культуры и неверная трактовка сложившейся национальной системы ценностей, а тем более их **сознательная фальсификация, становятся самым мощным оружием против той или иной нации и государства**. И это оружие ежедневно используется против России. В том числе и в самой России. 2008–2010 годы показали, что история, российские ценности стали предметом острых нападков. Как это ни парадоксально, в том числе и государственных СМИ, политиков, а иногда и высокопоставленных чиновников. Не случайно в мае 2009 года была создана специальная президентская Комиссия по противодействию фальсификации истории. Ответа на вопрос, кем проводится подобная фальсификация, давно уже ждет наше общество.

¹ БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии / Вестник МГИМО (У), № 1(10), 2010, с. 38–41.

² Ан.Торкунов. Письмена истории в реалиях современности / Российская газета, 16.02.2009 г.

Первый год работы Комиссии показал, что, к сожалению, у власти, государства и общества еще нет полного понимания важности этой задачи. Даже внутри самой Комиссии звучали не просто разные, а порой полярные точки зрения. Вместе с тем в этом же году Комиссии удалось нейтрализовать серьезные идеологические выпады против России, которые основывались на заведомо ложных политико-идеологических трактовках исторических событий. Прежде всего периода 1938–1945 годов. Причем не только из-за рубежа.

Таким образом идеология, базирующаяся на фундаментальных исторических и культурных ценностях, становится в современности уже не только **базовой концепцией восприятия действительности, включая в себя в качестве составной части все возможные прикладные концепции развития общества, государства, его политической системы**, т.е. механизмы реализации идей развития. Именно идеология «отвечает» за формирование образа России и конкретных механизмов, обеспечивающих экономическое и технологическое развитие страны. И чем скорее мы поймем практическую, даже прагматическую ценность нашего наследия, тем быстрее пойдет процесс инноваций и модернизации.

1.3.2. Соотношение основных ценностей в современных идеологиях при формировании образа России

«... охранение православной веры
было основой всей политики
князя Александра Ярославича ...»¹.

Ан. Торкунов

«Наука и государство неотделимы»².

Вл. Сурков

Образ России во многом предопределяется влиянием политических идеологий и программ, которые можно рассматривать как выражение ценностных представлений определенных социальных групп. Конечно, с существенными оговорками, ведь в России не сложилось устойчивой политической системы, ведь в России не сложилось устойчивой политической системы, да и сами программы партий и их реальные идеологии далеки от завершения. Тем не менее у нас нет другой возможности каким-либо образом провести анализ российского общества, хотя это имеет огромное значение. Как справедливо заметил один из авторов, «... любое общество устойчиво, если в нем есть значительная группа лиц с более или менее типовой ценностной базой и, соответственно, манерой поведения»³.

Для нас принципиально важно выяснить, а есть ли в России устойчивая социальная группа, разделяющая идеологический подход к синтезу традиционных ценностей и инноваций, либо эта идея – очередной плод искусственных построений? Ведь очевидно, что если такой группы нет, то даже самая «правильная» идеология, базирующаяся на верных ценностных ориентирах, не имеет будущего. Ее просто не поддержит и она так и не станет **политическим фактором**, оставаясь в лучшем случае точкой зрения, разделяемой маргиналами. К тому в современной политической истории России немало примеров: взрыв общественной активности и многопартийности в 90-ые годы (когда возникли тысячи партий и общественных движений) так и не привел к

¹ *Ан. Торкунов*. К читателю. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р.Валент, 2010 г., с. 11.

² *Вл. Сурков*. Сурков выступил на слушаниях по Сколково / 1 июля 2010 г. Актуальные комментарии / <http://actualcomment.ru/news/13346/>.

³ Что идет на смену «среднему классу»? – Будущее за социализмом / <http://clubs.ya.ru/461686018427433806>

появлению привлекательной и современной российской идеологии вплоть до сегодняшнего дня.

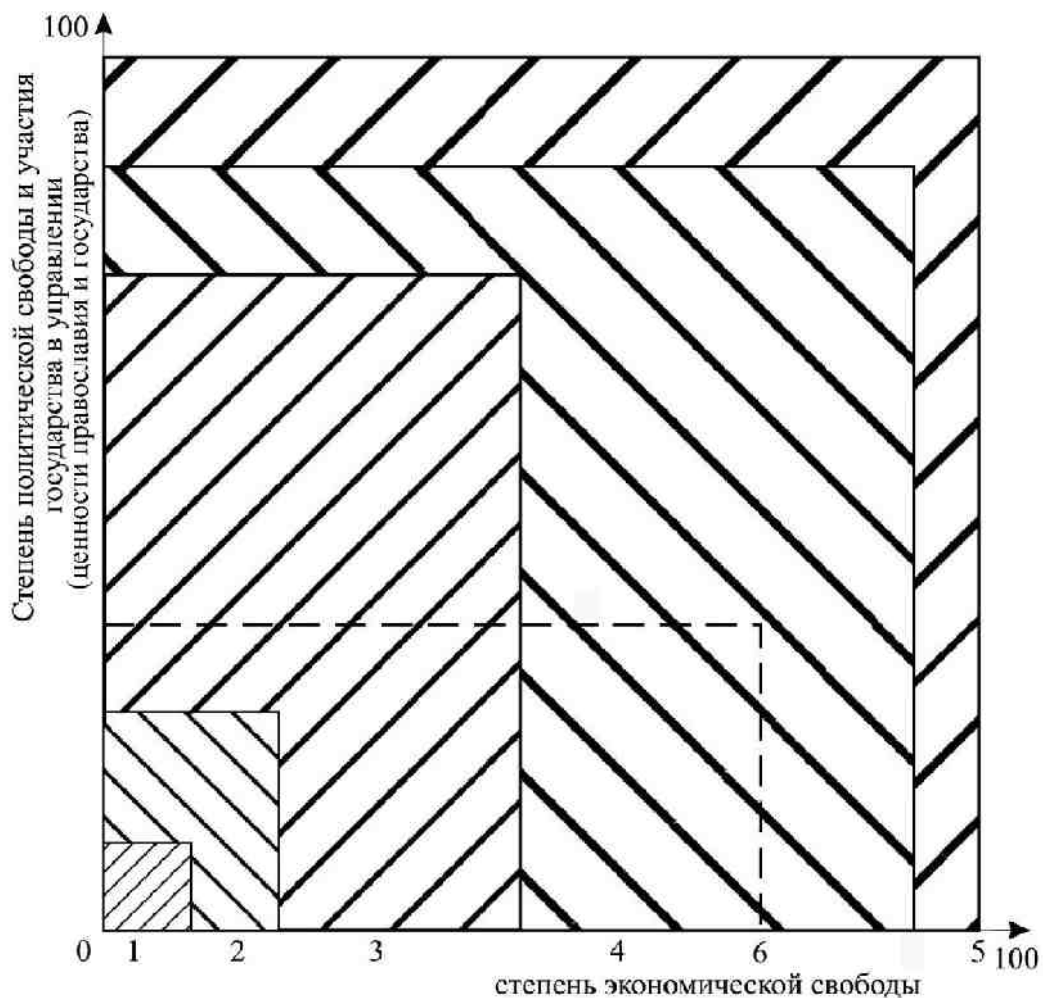
Сразу же предотвращу обращение к расхожим рассуждениям о «среднем классе» как самой устойчивой социальной группе людей. Может быть это и верно для США и Западной Европы, но уж точно не для России. Если для этих стран вся идеология среднего класса заключается в потреблении (соответственно, и типовые ценностные ориентиры), то для России это нетипично. Во-первых, потому, что кроме уровня доходов в России преобладают в целях самоидентификации другие факторы (собственно ассоциация себя со средним классом уровень образования, культуры и т.д.), а, во-вторых, в отличие от других стран, граждане России не могут пользоваться преимуществами уже сложившейся системы перераспределения материальных благ.

Вот почему необходимо по рассуждать с тех возможных социальных слоях, которые смогут разделить систему ценностей новой идеологии. Так, если главными ценностями русского общества на протяжении многих столетий было православие и государство, то вряд ли можно допустить, что даже самые радикальные изменения в технике и экономике XX века полностью вытеснили эти ценности. Можно говорить, на мой взгляд, о том, что коммунистический период истории России, во-первых, синтезировал идеи православия и укрепления государства, а, во-вторых, о том, что сегодня стоит главный вопрос: сменит ли глобализация и секуляризация эти ценности. Соответственно те, кто полагают обратное (а их немало), полагая, прежде всего, что «все разговоры об особом пути России бессмысленный», – изначально не воспримут новую идеологию и систему ценностей. Это в равной степени относится как к либералам-западникам, так и части коммунистов-интернационалистов. В равной степени это относится и к тем традиционалистам, которые отрицают необходимость учета фактора глобализации.

Соотношение основных ценностей в различных слоях российского общества и программных документах партий и организаций является **ключом к пониманию элитой объективных реалий**. Ведь элита неоднородна. Она не только разделяет различные системы ценностей, но и политические взгляды. Даже если ее большинство и принадлежит к одной

партии – КПСС или «Единой России». Ведь в истории нередко бывало и так: реалии сами по себе, а элита – сама по себе. Неадекватность общества неизбежно отражается на адекватности элиты, а ее адекватность, в свою очередь, – на принимаемых решениях. Так по ключевому российскому вопросу последних 20 лет – роли государства в экономике и политике – мы наблюдаем не только диаметральные различия, но и очень серьезную динамику: от превалирующих настроений «крушения авторитаризма» начала 90-х годов XX века, до требований «навести жесткий порядок» первого десятилетия XXI века. Эта динамика во взглядах отражает своего рода эволюцию в ценностных ориентирах, которые в конечном счете определяют политику элиты и государства.

В 2010 году в упрощенном виде нынешнюю систему политико-идеологических координат в России, выраженную в отношении к этому главному вопросу, можно изобразить на следующем рисунке, представляющем в самом общем плане идеологические ценности основных политических сил и социальных групп по осям «политической свободы» и «участия государства в экономике».

Как видно из рисунка, наибольшую степень экономической свободы (и наименьшую роль в экономике государства) считают своей ценностью сторонники либералов-западников – СПС, а до этого, – его предшественников, вплоть до «Демократической России», Их абсолютизм уходит корнями в неолиберализм романтического толка 70-х, 80-х годов, который, как им кажется, создал современный мир и современную экономику.

Наименьшую степень экономической свободы предполагают сторонники КПРФ и других коммунистических организаций, которые идеализируют плановую и административно-хозяйственную системы. Примечательно, что эта социальная группа абсолютизирует и роль государства в политической области, минимизируя степень политической свободы.

Сторонники «Справедливой России» выходят значительно дальше за рамки экономической и политической свободы, чем сторонники КПРФ, по ментально, идеологически, а, главное – конъюнктурно-электорально, –

они вынуждены не слишком далеко отрываться от коммунистов из-за опасения потерять левый электорат. Не имея пока социал-демократической электоральной базы, они вынуждены ориентироваться на советские ценности. Тактически – это вполне оправдано, но стратегически – им предстоит сделать «рывок» в понимании общественных процессов. И в этом, конечно, заключается их перспектива, будущее.

Новая идеология, на мой взгляд, должна предоставлять в **нынешних условиях** высокую степень экономической свободы, но при этом **на данном этапе развития страны** сохранять значимую роль государства. Соотношение этих ценностей видно на рисунке как обозначенное штрихом (№ 6). По сравнению с КПРФ и «Справедливой Россией», например, новая идеология допускает более высокую степень политической свободы (но, все же, значительно меньшую, чем у «Единой России» и либералов) и очень высокую степень экономической свободы (но, все же, меньше, чем у либералов), сохраняющую регуляторную функцию государства. При этом под «высокой степенью экономической свободы» я понимаю прежде всего **свободу творчества и предпринимательства**, которые не только поддерживаются государством через создание благоприятных условий, но и **сознательно стимулируются им**. Государство должно взять на себя функции и обязательство **по воспитанию, формированию и развитию нового класса творческих людей**.

Приведенный выше рисунок не отражает социальной, тем более электоральной, поддержки той или иной идеологии.

При этом я исхожу, что политические партии в той или иной степени пользуются следующей поддержкой населения в 2010 году:

1. КПРФ – 15%
2. «Справедливая Россия – 7%–10%
3. «Единая Россия» – 30%–40%
4. «Яблоко», «Гражданская сила» – 3%
5. СПС, Г.Каспаров, М.Касьянов – 2%
6. «Идеальный вариант» – ?

Можно лишь предположить, что доля сторонников этой идеологии может достигнуть 30%–40%, что соответствует в принципе доле образованного и креативного класса, ориентированных на национальные ценности и сильное государство¹.

Исходя из таких идеологических приоритетов стратегии развития государства представляются неизбежно различными: если в представлениях сторонников КПРФ стратегия развития экономики и общества равнозначна стратегии государства, практически не оставляя места институтам гражданского общества и самостоятельной экономической активности, то для СПС, М.Касьянова и Г.Каспарова государство должно минимизировать свои функции, практически самоустраниться от определения стратегии развития общества и экономики.

На этой схеме прерывистой линией (под № 6) обозначен, на мой взгляд, идеальный вариант – те ценности и та идеологическая концепция, в рамках которой формируется алгоритм развития государства и его политической системы, где существенную роль в экономике играют механизмы государственного регулирования (при сохранении высокой степени свободы для творческих действий креативных социальных групп), а также превалирующую роль государства в формировании политической системы страны. Это обстоятельство важно подчеркнуть: высокая степень «управляемости» обществом и, соответственно, важная роль государства нужна для России не абсолютно, **но исторически**, – именно в начале XXI века, когда требуется мобилизация общественно-политических сил для преодоления управленческого и экономического кризиса. Государство должно взять на себя инициативу на конкретном историческом отрезке времени потому, что его «уход» в 90-ые годы разбалансировал всю систему общественно-политических взаимоотношений власти и общества. Возникли влиятельные группы, «олигархи» и другие силы, а, главное, – анархия во взаимоотношениях между элитой и обществом, когда последнее потеряло управляемость. А

¹ *Примечание:* В этом рисунке цифра «100» означает максимальную степень политической и экономической свободы, при которой роль государства – минимальна. И, напротив, «0» – означает абсолютную роль государства в определении политического и экономического курса.

не управляемое общество превращается в стадо, которое руководствуется инстинктами.

Такая мобилизация может дать быстрый социально-экономический эффект, который не зависит только от скорости внедрения новых технологий и инноваций, требующих определенного временного ресурса. Так, если говорить, например, о сельском хозяйстве, то мобилизационная модель Белоруссии значительно эффективнее чем существующая сегодня в России. Во всяком случае на современном этапе. Так, в июле 2010 года, когда на Госсовете России обсуждался вопрос о продовольственной безопасности, главными темами было обсуждение экономических механизмов стимулирования, в то время как мобилизационная модель Белоруссии уже дала результаты.

	Россия	Беларусь
Производство мяса в убойном весе на одну душу населения в 2008 году	около 44 кг в год	около 87 кг в год
Производство молока на одну душу населения в 2008 году	около 220 литров в год	около 640 литров в год

Данные цифры говорят сами за себя: – Беларусь полностью обеспечивает население своей страны продуктами первой необходимости, при этом имеет возможность экспортировать вышеуказанные продукты в другие страны, в то время как производственные мощности России не достаточны для удовлетворении нужд населения, в результате в 2008 году нам пришлось импортировать по данным Росстата около 7 млрд. тонн молока и 3,5 млн. тонн мяса¹.

Мобилизация как идеологическая ценность нужна и для того, чтобы ускорить формирование идеологии модернизации, без которой любые инвестиции в инновации оказываются малоэффективными. Так, к 2010 году государство выделило на развитие инновационной деятельности более 1 трлн. Рублей. Кроме этого ежегодно в последнее время выделяется ассигнований порядка 200 млрд. рублей, однако в 2009 году на балансах российских предприятий было учтено объектов

¹ А.Э.Бинецкий, С.Г.Мусяенко. Юридические аспекты братского союза. Мир и политика, № 4 (43), апрель 2010 г., с. 48.

интеллектуальной собственности на сумму в 5 млрд. рублей¹, т.е. **менее 0,5%** от затраченных средств.

Таким образом, **исторически** пропорции между государством и обществом могут и будут меняться. И в этом заключается искусство политиков, которые в зависимости от потребностей нации (ее интересов) делают идеологический акцент на том или ином компоненте. Сегодня это ведущая роль государства.

Но это пока. В будущем ситуация должна неизбежно измениться. Развитие креативных групп российских граждан должно привести к тому, что роль институтов гражданского общества, особенно местного самоуправления, будет стремительно расти, вытесняя и замещая функции государства. Но постепенно, по мере естественного ухода государства, а не искусственно – «вытесняя» государства, как это было в 90-ые годы.

Аналогичные идеологические схемы можно предложить и применительно к другим фундаментальным идеологическим проблемам. Так, например, сегодня важнейшая из них, на мой взгляд, это соотношение между традиционными ценностями и инновациями глобализации. Идеальное сочетание, – синтез – найденное в Китае и Индии, стало первопричиной их эффективной стратегии развития. И, наоборот, перекося в ту или иную сторону ведет в условиях глобализации либо к исчезновению национальной идентичности (в конечном счете нации и государства), либо консервации национальной традиции, стагнации.

«В идеале» органичный идеологический алгоритм развития это высокая степень сохранения национальной традиции и системы ценностей в условиях глобализации при максимальной восприимчивости инноваций. При этом важно подчеркнуть, что **инновации в идеологии необходимы**, но этот модернизационный процесс не должен разрушать фундаментальных ценностей. То есть проблема в соотношении между одними ценностями и другими. Как видно из рисунка², либеральные партии позиционируют максимальное стремление к глобализации в сочетании с тенденцией полного отказа от традиции и национальных

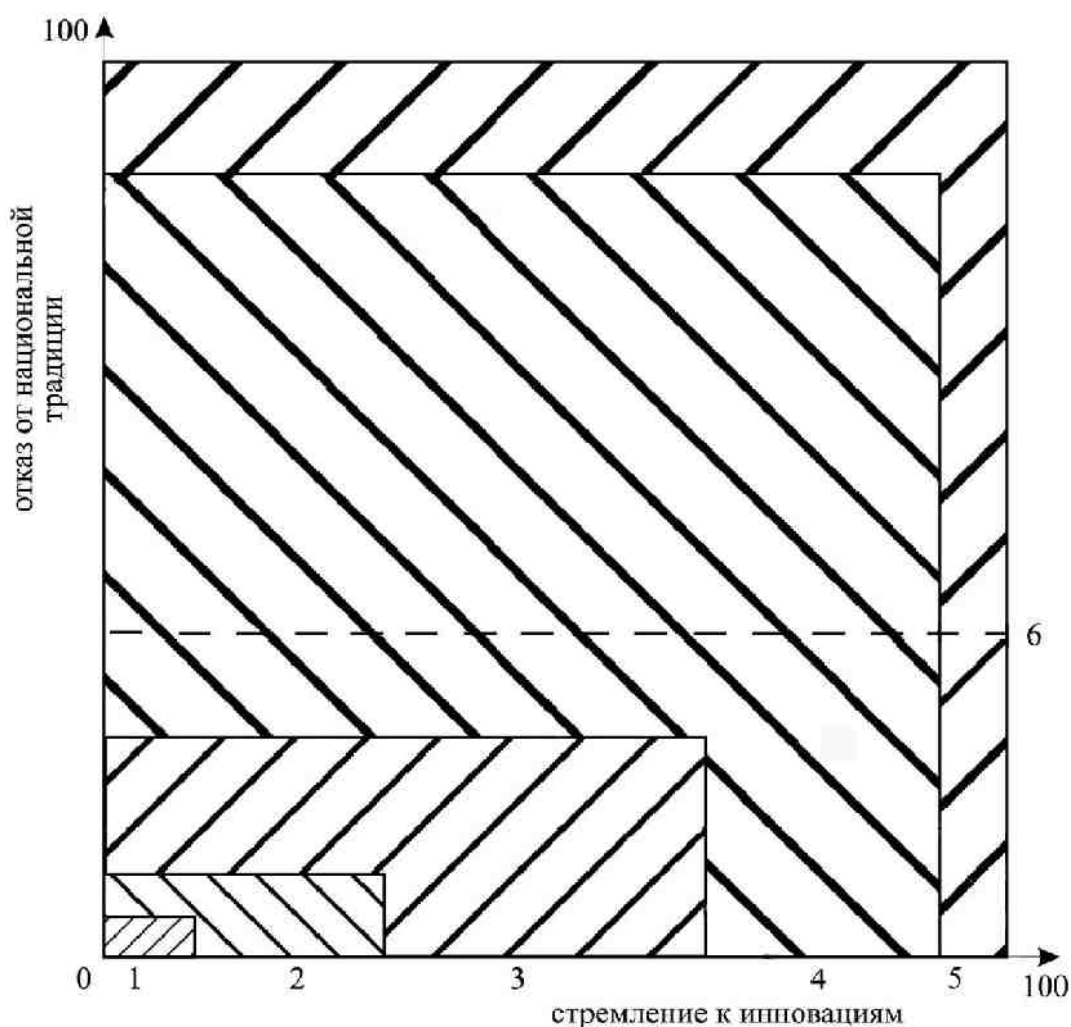
¹ Т.В.Добрынина, В.Л.Севостьянов. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы. Мир и политика № 4 (43), апрель 2010 г., с. 51.

² На рисунке «0» – минимальное значение изменений, а «100» – максимальное.

ценностей. И, наоборот, КПРФ фактически консервирует традиции, возводит их в абсолют (причем, как имперские, так и коммунистические), в минимальной степени признавая реалии глобализации (вплоть до требований их «отмены»).

Новая идеология (прерывистая линия, «№ 6»), на мой взгляд, должна сочетать сохранение базовых ценностей, отказываясь от устаревших и придуманных, одновременно ориентируясь на неограниченный модернизационный рывок. Другими словами, в новой идеологии предстоит переоценка, инвентаризация российских ценностей, из которых предстоит выбрать те, которые (и это – главное требование) собственно и делают нацию нацией. Эти ценности должны стать базовыми, неоспоримыми, фундаментом всей идеологической конструкции.

Другая сторона проблемы новой идеологии заключается в создании условий восприимчивости, воссоздания всего нового, организации творческого процесса, которые, повторю, должны происходить на базе фундаментальных ценностей.

Те или иные партии или организации, естественно, не отражают нынешней идеологической палитры России. Их политико-электоральное присутствие отнюдь не равноценно идеологическому (т.е. еще меньше). Тем не менее, у нас сегодня нет других, а именно идеологических, партий.

1. КПРФ
2. «Справедлива Россия
3. «Единая Россия»
4. «Яблоко», Демпартия, «Гражданская сила»
5. СПС, Г.Каспаров, М.Касьянов
6. «Идеальный вариант»

Из рисунка видно, что КПРФ не только консервируют, «идеализируют» традицию, но и фактически отказывается от модернизации. Во всяком случае видит ее в рамках прошлых идеологем.

И, наоборот, либеральные партии игнорируют в пользу модернизации национальную традицию, что также ведет не только к краху национальной идентичности, но и неэффективным алгоритмам экономического и политического развития.

В любом из вариантов мы видим, что идеологические мотивы **первичны по отношению к политике и стратегии**, а их отрицание неизбежно ведет и к отрицанию эффективной стратегии и последующему кризису и коллапсу. В определенном смысле любая идеология может привести к формированию стратегии и осознанной политики, но ее отсутствие – лишь к отсутствию внятного политического курса, хаосу и развалу. Что было отчетливо видно на многих примерах советской и российской истории.

Наконец, идеология, не соответствующая базовым интересам всего общества и государства, неизбежно приведет к выбору ошибочной стратегии. Категория «базовый интерес» – объективна и первична. Но ее восприятие правящей элитой может быть адекватно или неадекватно. Причем разброс может быть чрезвычайно широк: когда элита воспринимает национальные интересы с адекватностью близкой к 100%, т.е. почти идеально, то и цели формулируются предельно точно. Более того, адекватно оцениваются и возможности, и ресурсы, имеющиеся у государства. Это – очень важно, ведь переоценить свои возможности также опасно как и недооценить.

И, наоборот, если элита не способна адекватно оценить объективные интересы нации, то формулируемые цели **изначально будут некорректны, либо не верны**. Так, в 90-ые годы у российской элиты по целому ряду вопросов отсутствовало адекватное восприятие национальных интересов. Например, приватизация (естественный процесс, необходимый для повышения эффективности экономики) расценивалась как политико-идеологический комплекс мероприятий, конечной целью которого являлось перераспределение собственности. Не удивительно, что результат такой приватизации был плачевным: экономическая эффективность стала хуже, собственность в массовом порядке разворовали, а деньги ушли в оффшорные зоны.

«Базовые интересы» могут трактоваться национальной элитой даже в преступных целях, как в нацистской Германии. Да и ошибочные трактовки и

избранные стратегии отнюдь не безобидны. Так, неолиберальная идеология, например, идеализирует глобализацию, в частности, международные институты. Такие как ВТО. В то же время, как признает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, в реальности правила этой организации создают значительный дисбаланс в мировом экономическом развитии, защищая в первую очередь интересы развитых стран...». Этот баланс был разрушен, прежде всего, в результате кризиса все той же идеологии. Все другие факторы – экономические, финансовые и т.д., стали лишь **следствием кризиса идеологии** и вытекающей из этого кризиса неспособности к стратегическому развитию: кризису политического управления (прогнозированию и планированию) страны.

Идеологический кризис в СССР, наступивший в результате стойкой неспособности его элиты приспособиться к реалиям научно-технической революции и скорректировать алгоритм социального и экономического развития, привел не к появлению новой, современной идеологии, а к формальному отказу от нее – «деидеологизации идеологии» (по А.Н.Яковлеву). Система советских ценностей рухнула (или была обрушена), но вместе с ней рухнул и **механизм управления обществом** (сначала) и **государством** (чуть позже). Последующий политико-экономический кризис, а также развал ОВД и СЭВа, наконец, самого СССР, – лишь **следствие такой политики**.

Что же необходимо было делать КИСЕ в конце 80-х годов, когда стало очевидно, что курс на перестройку определенно ведет к развалу не только экономической системы страны, но и самого государства?

Ответ, на мой взгляд, очевиден. Необходимо было не отказываться от идеологии, а сформулировать **ясные и новые идеологические приоритеты**, которые можно было бы сгруппировать следующим образом.

Во-первых, предельно четко определить социально-политический характер и особенности нового этапа научно-технического и экономического развития человечества, на котором главной движущей силой становится не промышленный пролетариат, а лица интеллектуальных и творческих профессий, сконцентрироваться на формировании благоприятных условий для развития этих социальных

групп (а не сводить все, как и прежде, к пресловутой «прослойке» – интеллигенции).

Во-вторых, в качестве **идеологического приоритета** сделать ставку на опережающие темпы развития НТР в стране, изменение структуры экономики, повышения эффективности науки и образования.

В-третьих, изменить приоритет интернациональной солидарности на **приоритет развития единой советской нации**, базирующейся на огромном культурном и историческом наследии русского и других народов, что позволило бы не только выбить почву у националистических элит, но и изменить статус союзных республик в СССР.

В-четвертых, главным приоритетом заявить **приоритет развития потенциала человеческой личности**, поставив его выше приоритета государства и общества, скорректировав, тем саамы, планы социально-экономического и политического развития.

Этот минимальный набор приоритетов был бы вполне достаточен для модернизации идеологии и, как следствие, политической и экономической стратегии СССР.

Вместо этого партийно-советское руководство объявило приоритетами абстрактные термины – «перестройку», «гласность», «плюрализм» и др., – которые фактически уничтожили одну идеологию, не создав другой.

Совершенно другой результат мы видим в Китае, где реформировали коммунистическую систему не только не отказавшись от традиционных ценностей и уничтожив систему управления страной, но и добились высоких и устойчивых темпов экономического роста. Как считают эксперты, «успех Китая базируется не столько на экономической либерализации, сколько на продуманной социально-экономической стратегии»¹. Которая, добавлю, является частью общекитайской (а не только КПК) идеологической доктрины «социальной гармонии».

Советская правящая элита не смогла (в отличие от китайской элиты) ответить на новые вызовы, и сформулировать новые идеологические приоритеты, предпочла приспособиться к ним в рамках существовавшей идеологии. А потом, когда было уже поздно, стала лихорадочно

¹ *Е.Подолько*. Гармония превыше Мамоны / политический журнал. 23 июля 2007 г., с.63.

придумывать новые идеологемы – «перестройка», «демократизация» «гласность» и т.д., не имевшие реального политико-экономического содержания кроме разрушения прежней системы ценностей.

Простой пример: подготовленный в июне 1985 года Пленум ЦК КПСС (названный Совещанием), посвященный НТР, в принципе верно расставил все акценты. Появился реальный шанс вписаться в новый, информационный этап научно-технической революции. Пожертвовав, естественно, старыми идеологическими догмами и ценностями, либо пересмотрев к ним отношение. Пример кумира коммунистов В.Ленина, кстати, весьма показателен. Он мог по два раза в год (в зависимости от политической целесообразности) менять политическую и экономическую стратегию, идеологические принципы, приоритеты. Но у советской элиты такого мужества и мудрости не оказалось. Похоже, что приверженность старым идеям оказалась сильнее потребностей новой экономики и общества. Неизбежные идеологические решения столкнулись с неспособностью их восприятия элитой. В отличие, например, от элиты Китая или Индии, где традиционные и даже партийные ценности удалось органично совместить с интересами развития экономики и общества.

Поэтому в одном случае (советском) элиты потеряли, а в других – выиграли, сменив старые идеологемы на новые. При этом, отнюдь не отказавшись от базовых принципов – национальных, культурных, духовных, даже социально-классовых.

Аналогичную ситуацию мы сегодня наблюдаем в КПРФ, руководство которой не хочет (или не может) пересмотреть идеологические догмы, не соответствующие современным реалиям. Соответственно и избранная стратегия – опоры на приверженцев этих догм, ради сохранения электорального ядра – бесперспективна. Сроки ее существования, видимо, ограничены стремлением партийной верхушки удержаться у власти в партии. Не более того. Понятно, что привлекательность ее минимальна. Она может какое-то время продержаться только до тех пор, пока другие политические силы допускают серьезные ошибки. Например, наспех сколоченная «Справедливая Россия».

1.3.3. Образ России и её позиционирование в мире

«великому государству должна
быть свойственна и великая политика,
проникнутая нравственными началами»¹.

кн. А.Горчаков

«... в формационном отношении
Америка снова вырвалась вперед, когда
в ней стал складываться
информационно-технологический
уклад ...»².

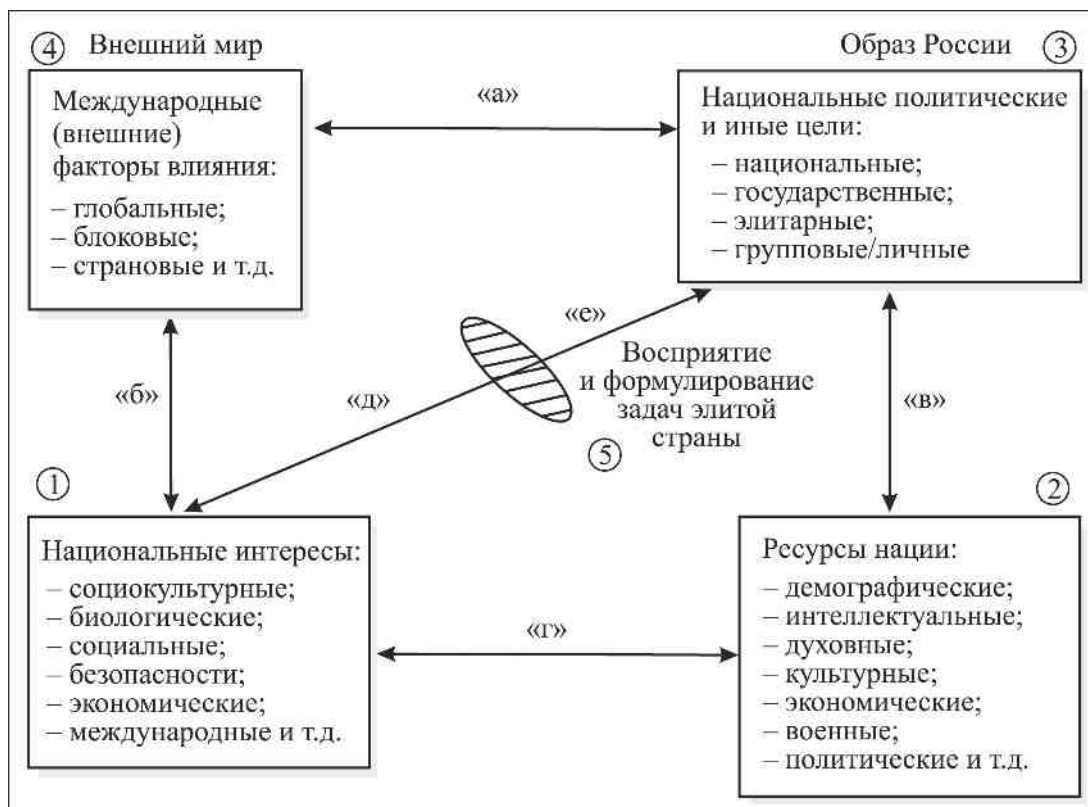
Н.Симония

Образ России складывается из ее относительно **устойчивых компонентов** (никто не может изменить ее географическое положение, историю, в том числе международных отношений, традиционные ценности, природные и демографические ресурсы и т.д.) и **внешней политики**, проводимой элитой и, что немаловажно, негосударственными организациями и конкретными представителями тех или иных социальных групп – ученых, деятелей искусств, творческих работников вообще, наконец, простыми людьми. Этот образ, таким образом, может корректироваться в существенной мере в зависимости от внешнеполитических целей и задач, формулируемых элитой. Так, выступая 12 июля 2010 года перед Послами России, Д.А.Медведев сформулировал перед ними задачу содействие модернизации страны, что явилось, безусловно, новым акцентом в системе внешнеполитических приоритетов, особенно, если под такой модернизацией понимать не только технологическую область, но и социальную и внутреннюю политику. Вновь был поставлен вопрос о соотношении базовых ценностей и задач модернизации на высшем уровне, который может быть рассмотрен и как соотношение между национальными интересами и реалиями глобализации. Если возвратиться к известному рисунку, описывающему идеологию, то выступление Д.Медведева можно расценить как сознательное усиление влияния вектора «а» в ущерб вектору «е».

¹ Цит. по: *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М.Горчакова. М., 2009, с. 276.

² *Н.Симония.* Многополярность в эпоху глобализма / Аналитические записки. Апрель–июнь 2010 г. с. 7.

Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

Образ России во многом является следствием ее позиционирования в мире по отношению к ключевым мировым проблемам, т.е. является проецированным отображением преобладающей во властной элите идеологии. На практике это означает, что как декларируемые высшим руководством страны цели, так и реальная повседневная политика ежедневно корректируют этот образ. Иногда, даже в рамках узкого временного периода, этот образ может существенно изменяться. Так, в 90-ые годы был сделан очевидный крен в сторону Запада и его ценностей, а образ России был по существу попыткой властной элиты приспособить российские реалии к реалиям США и других развитых стран.

Позже, при В.Путине, был сделан упор на национальные интересы. Соответственно в России и за рубежом поспешили заговорить о «российском империализме». Через несколько лет акцент во внешней политике (в т.ч. в нормативном документе – Концепции внешней политики России) был сделан на СНГ и постсоветском пространстве.

В июле 2010 года, выступая на традиционном Совещании Послов России в МИДе, Д.Медведев сделал новый акцент, который, как отметили обозреватели, «... в корне отличался от всех установок, которые ранее

давались»¹, ориентируя внешнюю политику и дипломатию на цели модернизации и развития гражданского общества.

Таким образом внешний образ России подвергся, как минимум, корректировке четыре раза только за последние 15 лет. Вряд ли это может говорить о том, что у страны, ее элиты есть продуманная долгосрочная стратегия. Её отсутствие объясняется просто: не имея идеологии, невозможно иметь и стратегию, как невозможно сформировать и устойчивый образ России, для которого требуется время. Образ России после 1945 года, образ сталинской, брежневской, горбачевской России – суть разные образы одной страны и суть разная ее политика.

Лидерство в идеологии трансформируется в лидерство в цивилизационном и формационном отношении через реализацию научно-технических и технологических достижений. Сегодня американское идеологическое лидерство подкреплено не только 20% мирового ВВП и 40% мирового потребления, но и, прежде всего, 30% долей США в экспорте научно-технологической продукции, а также огромными военными расходами и фактически монопольным положением доллара. Но, важно подчеркнуть, что без идеологического лидерства, которое США захватили после 2-ой мировой войны, все, эти достижения были бы невозможны. Все эти факторы определяют образ США в мире, но, прежде всего, откровенные претензии американской элиты на то, чтобы американская модель была признана образцом для подражания.

Размышляя об образе России в мире, ее позиционировании, следует сразу же сказать, что выбор любой из лидирующих идеологий в качестве модели для подражания (американской, европейской, китайской, исламской), будет означать и выбор цивилизационной модели. Кроме того это будет неизбежно и выбор социальный, а также экономический. Причем выбор, заранее обрекающий Россию на отставание, ибо повтор, копирование, компиляция не могут быть по определению опережающими. Это будет означать, что образ России в мире, выбранный по чужому образцу, изначально **не может быть примером** (пример уже есть), а лишь более или менее удачной копией. Этот же выбор означает,

¹ В.Соловьев. Не от МИДа сего / Коммерсант / Kommersant.ru/doc.14kb57. 13 июля 2010 года

что Россия отказывается от статуса великой державы, заявляет о неспособности проводить политику великой державы со всеми вытекающими последствиями.

В этой связи вызывает недоумение выступление Президента Д.А.Медведева 12 июля 2010 года в МИДе на совещании послов (которое, напомню, проходит раз в два года – *А.П.*), где главным тезисом прозвучала мысль о том, что внешнеполитический инструментарий должен быть поставлен на службу решения задач модернизации страны. Конечно же не общая постановка проблемы – она закономерна, даже естественна, а ее детализация: МИД – политический инструмент, отвечающий за реализацию внешней политики страны, а не за связи с бизнесом. Тем более модернизация предполагает серьезные изменения в социальной и политической областях страны. А это, уж, точно суверенная область российской внутренней политики, и их «увязка с внешней политикой без должного объяснения, – как справедливо считает бывший дипломат М.В.Демурин, – вызывает вопросы»¹.

В любом случае Д.Медведев дал импульс не только подведомственной ему дипломатии. Он по-новому расставил приоритеты, дал другие формулировки задач, которые **расходятся** с утвержденной им же в 2008 году Концепций внешней политики России. Многие увидели в его выступлении существенные коррективы в самой идеологии (если ее так можно назвать) внешней политики.

Надо подчеркнуть, что в это же самое время, в начале XXI века, мир отнюдь не отказался от идеологий. Напротив, они, как демонстрирует радикальный ислам и радикальный либерализм, **стали главным и эффективным оружием политической борьбы** и защиты национальных интересов. Они, идеологи, формируют образ этих государств. Более того, новейшая история показывает, что у многих идеологий появляются все новые и новые формы: у радикального ислама – массовый террор, а у леволибералов – «мягкая сила» (soft power), «оранжевые революции» и т.д. Причем, некоторые политологи даже полагают, что идеологические меры исламистов, в частности, «карикатурные скандалы» в 2006 году, имели более важное значение, чем собственно террор. Таким образом, в

¹ М.В.Демурин. В чем суть установок президента Медведева МИДу России? 16.07.2010 / <http://www.regnum/news/1305178>.

мире идет постоянный процесс совершенствования идеологий, целью которых является не только формирование максимально благоприятного внешнего облика стран, но и **навязывание** этого облика (и ценностей) другим странам.

Но идеология не только радикальных режимов стала острым оружием политической борьбы. В 2006–2010 годах стал актуальным и вопрос о сферах конфликтов идеологических интересов между Россией и Западом. «Уход» России из идеологии отнюдь не означает, что и другие страны также «ушли» из идеологии. Это показывают, например, опросы общественного мнения в США, где доля лиц, считающих Россию потенциальным врагом, за последние годы неуклонно растет. К середине 2007 года эта доля стала устойчиво превышать 50%, что свидетельствует о серьезном сдвиге в общественном сознании США, ведь примерно также негативно эта часть населения относится к Колумбии, Ирану и Северной Корее. Следует признать ради справедливости, что и в России все большее число людей видят в США своего потенциального противника или недоброжелателя.

В целом же базовые идеологические расхождения не только реализуются в конкретных политических акциях, но и сдвигах в общественно мнении. Нередко эти противоречия приобретают острые формы. Не случайно поведение некоторых бывших советских республик, достаточно агрессивно выступающих против России, не только фактически, но и публично поддерживается США, а нередко и странами ЕЭС. Именно этим объясняется во многом антироссийская политика Украины, Грузии, Эстонии, Литвы, Латвии и других государств. Но также очевидно, что идеологические мотивы в поведении этих стран являются той базой, на которой строится долгосрочная внешнеполитическая стратегия Запада по отношению к России.

Особенно отчетливо это стало заметно в период грузинской агрессии в августе 2009 года против Южной Осетии. Идеологическая кампания, развязанная в Грузии, совершенно определенно коррелировалась с политико-идеологическими установками стран Евросоюза и США. Западные СМИ отчетливо «отрабатывали» полученное задание. Настолько отчетливо, что любые попытки России изменить ситуации в информационном пространстве оказывались безуспешными. Ни

политические договоренности, ни личные связи, ни деньги России не помогли потому, что у Грузии и Запада была **единая идеологическая позиция, единые приоритеты**. Против них политическое, финансовое и иное влияние, как показывает история, неэффективно. Идеологические приоритеты, в которые, как известно, упаковываются вполне конкретные политические и экономические интересы. Более того, эти события показали, что в реальности, в политической практике трансформируются ценностные различия России и Запада, которые объективно существуют и никуда не исчезали. Как справедливо заметил М.В.Майоров, «Сразу же после нападения Грузии на Южную Осетию 8 августа 2008 г. поражало полное отсутствие в заявлениях и высказываниях большинства западных политиков даже намек на трагедию югоосетин, как будто Южной Осетии и ее народа не существует. Из их лексикона исчезли традиционные ссылки на такие ценности, как права человека и защита нацменьшинств, которые служили одним из центральных мотивов для оправдания военной операции против Сербии и признания независимости Косово. Это уже не двойные стандарты: что-то не в порядке с нравственностью. Не случайно бывший посол США в России А.Вершбоу в свое время сказал, что основные трудности в американо-российских отношениях **связаны с «ценностным разрывом»**. По правде говоря, мы не испытывали этого «разрыва» в реакции всего российского общества на события 11 сентября 2001 г. **Но если такие ценности предполагают симпатии к одним и полное пренебрежение к другим, то действительно можно говорить о разном их понимании**. Россия защищала в Южной Осетии право ее жителей на жизнь и развитие, а это уже нравственная категория»¹.

Таким образом расхождение в политике и ценностном понимании в 2008 году привело к **сознательному искажению образа России в мире**, превращению его в «антиобраз». Причем потребовалось для этого ничтожно мало времени, а все усилия России противодействовать этому давлению оказались малорезультативными.

Это означает, что внешний образ России должен, во-первых, **сознательно формироваться как внешнеполитический ресурс**,

¹ М.В. Майоров. Испытания августом 2008 / Мир и политика, № 4 (43), 2010 г., с. 9.

имеющий стратегическое значение для страны. А, во-вторых, он должен иметь в своей основе фундаментальные принципы и ценности, **которые невозможно извратить или исказить извне.** Во всяком случае быстро, когда этого потребует политическая конъюнктура, как это было не только в 2008 году, но и до этого многократно, например, в Югославии, накануне военной операции НАТО.

Важно отметить и то, что в отличие от политических и экономических интересов и приоритетов, идеологические интересы и приоритеты имеют стратегический характер. Они формируются и сохраняются иногда даже не десятками, а сотнями лет. Так, идеологические приоритеты Великобритании в августе 2009 года уходят вглубь истории, еще в XVIII веке, т.е. они стали традицией. В том числе и по отношению к России. Как подчеркнул Ан.Торкунов, традиционно «... Россию изображали агрессивной, деспотичной, варварской державой, исторически предрасположенной к захватам. Она, как утверждалось, не достойна права на цивилизаторскую миссию на Кавказе, где обитают горцы, которые, хотя пока и являются «детьми природы», все же обладают врожденной тягой к свободе, демократии, равенству и справедливости, то есть к западным ценностям. Поэтому данную миссию обречена выполнять Англия.

Причину столь трогательного попечительства никто и не скрывал – превратить Кавказ в барьер на пути «русской экспансии» в сторону Турции, Ирана, Персидского залива, Афганистана и, самое главное, Индии. Горцы должны были стать «стражами у ворот» британской колонии, хорошо вооруженными и хорошо организованными. Примечательно, что почти никто из британских политиков и военных экспертов не верил в реальность «русской угрозы» Индии, но откровенничать на сей счет они позволяли себе лишь в служебных меморандумах. Публично же отказываться от очень удобного лозунга «Индия в опасности!» лондонский кабинет не спешил. Чем еще, как незаконными оборонительными целями, оправдывать наступательную стратегию выставления заградительных аванпостов против России в тысячах километров от индийских границ?»¹.

¹ *Ан.Торкунов.* Письмена истории в реалиях современности / Российская газета, 16.02.2009 г.

Вместе с тем реалии растущей взаимозависимости России и Запада нельзя недооценивать. Значение этих реалий возрастает в связи с необходимостью проведения модернизации России. И не только технологической, но и общественно-политической. Вряд ли стоит ожидать от Запада искреннего стремления содействовать модернизации России, т.е. создавать себе конкурента в научно-технической и технологической области. Вопрос в том, насколько российская элита готова поступиться национальными интересами и ценностями в интересах модернизации? То, что ее попробуют заставить заплатить за это лично у меня не вызывает сомнений. Формула: **«уступка в системе национальных ценностей и интересов в обмен на модернизацию»** может стать реальной основой во взаимоотношениях России с Западом. Как справедливо отметил С.Ястржембский, «— Этот конфликт между интересами, которые есть у России и у Запада, и методами их реализации. К тому же не надо забывать о глобализации. Хочет или не хочет Запад это признавать, но Россия стала уже во многом частью глобализирующего мира, и отказывать России в этом — что называется, себе дороже. А там, где «себе дороже», Запад (особенно европейцы, обожающие комфорт) уже вряд ли решится на какие-либо обострения»¹.

Вопрос, на мой взгляд, заключается в том, **до какой степени** обострения готов идти Запад. Заключение Договора об СНВ в апреле 2010 года и грузинский конфликт в августе 2008 года показывают очень широкий спектр возможного сотрудничества и противостояния.

Позиция России в этих, во многом идеологических спорах (как, например, по поводу переноса памятника в Эстонии), имеет огромное значение. Именно **идеологическое позиционирование** новой, окрепшей России, которая преодолела кризис 90-х годов и преодолевает кризис 2008–2010 годов, будет **иметь решающее значение**: бесконечные уступки прежнего руководства СССР и России приучили нынешнее поколение западных политиков к тому, что Россия поддается политико-идеологическому давлению, слишком «восприимчива» к учету интересов Запада в ущерб своим национальным интересам.

¹ *В.Дымарский*. Сергей Ястржембский: Господа, Россия вернулась! / Российская газета. 22 февраля 2007 г., с.7.

Ситуация меняется и неизбежно будет меняться еще больше в будущем, что будет сложно по двум основным обстоятельствам. С субъективной точки зрения, правящая российская элита должна ясно идеологически **самоидентифицироваться**, осознать место и роль России в мире и научиться отстаивать свои национальные интересы. Что пока еще не произошло. Мы все еще спорим о том, насколько мы «Европа» или «Азия», а насколько собственно Россия. До тех пор, пока мы не поймем, что Россия «не Европа» и «не Азия», а Россия – со своей спецификой, традицией, путем развития, мы так и будем самоопределяться.

С объективной точки зрения, есть серьезные пределы, до которых может идти национальная самоидентификация и внешнеполитические амбиции. Они вызваны прежде всего существующим реальным соотношением сил в мире между Россией и Западом. Для того чтобы лучше понять эту взаимозависимость и масштабы, соотношение этих потенциалов, можно привести лишь один пример. По оптимистичным оценкам, к 2015 году российская нефтехимическая промышленность будет производить продукции на 40 млрд. долларов. В то же время уже сегодня аналогичный показатель у стран Евросоюза – 1619 млрд. (т.е. в 40 раз больше), а у США – 405 млрд. (т.е. в 10 раз больше)¹. Иными словами, будучи крупнейшим экспортером, Россия в десятки раз уступает и, вероятно, будет уступать основным переработчикам даже в долгосрочной перспективе. Тем более, что потребности развитых стран в углеводородах возможно сократятся на 30–40%.

Такое же соотношение сил и в других областях экономики, политики, военной области. Главный вопрос: до каких пределов Россия может позволить себе быть самостоятельной и проводить независимую политику? Любая независимость в эпоху глобализации имеет свои пределы. Даже у США. **Найти идеологически реальное разрешение этому противоречию – ближайшая задача**, российской элиты.

Это противоречие, на мой взгляд, прежде всего мировоззренческое, идеологическое, а не экономическое: нужно понять, как Россия, учитывая эти реалии, может вписаться в систему международных отношений, сохраняя свой суверенитет, развиваясь, но, одновременно, «вписываясь»

¹ Российская газета. 22 февраля 2007 г., Экономика, с.А5.

в реальность. Реальность, которую некоторые в современной России «просто» не хотят замечать. Идеологический вопрос становится вопросом экономическим.

Именно поэтому в настоящее время идеология и системы ценностей стали предметом самой острой политической, а иногда и вооруженной борьбы. Ладе история стала политикой. Образно на этот счет высказался Ан.Торкунов: «Призраки прошлого становятся полноправными участниками текущей политической дискуссии, незримо присутствуют на парламентских слушаниях и даже в каждодневной дипломатической практике. По крайней мере некоторых стран. Но если твой партнер хочет обсуждать раны, нанесенные историей, ты не можешь просто сказать ему «нет». Иначе он с тобой не будет обсуждать то, что интересно тебе. Таким образом, невольно историческая повестка втягивает в свой круг все новых и новых участников.

Не случайно президент Дмитрий Медведев часть своего доклада на совещании послов в МИДе (в 2008 году – *А.П.*) посвятил «исторической» теме в политике, заметив, что «мы просто не можем принять имеющие место в отдельных странах попытки (причем в условиях государственной поддержки) вытаскивать на свет тезисы «цивилизаторской, освободительной миссии» фашистов и их пособников»¹.

И создание в мае 2009 специальной президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории, как показало дальнейшее развитие событий, оказалось естественным и вполне эффективным шагом. На мой взгляд, пока, к сожалению, только первым, за которым должны последовать дальнейшие шаги.

Такая современная идеологическая борьба ведется агрессивно, в т.ч. государственными, а иногда и террористическими методами. В определенном смысле формы такой борьбы – «силовая демократизация» (бомбардировки, оккупация) и терроризм исламского радикализма – суть одного и того же явления – объективного роста агрессивности идеологий в эпоху глобализации. Примечательно, что все это происходит на общем фоне лозунгов гуманизации и толерантности. В этом смысле дискуссия о суверенной демократии в России, начатая в 2006 году В.Сурковым, и

¹ *Ан.Торкунов. О парадоксах и опасностях «исторической политики» / Независимая газета, 18.07.2008 г*

поддержанная в 2007–2010 годах Д.Медведевым, отнюдь не терминалогический спор. Это спор о том, как органически вписаться в глобализацию, сохранив свою идентичность и суверенитет.

1.3.4. Образ России как результат деятельности творческого класса

«... инновационная экономика основана на эффективном использовании «человеческого капитала»¹.

Т.Добрынина, В.Севостьянов

Вечная историческая борьба совершается в политической, религиозной, философской или какой-либо иной идеологической области»².

Ф.Энгельс

Будущий образ России формируется определенными социальными группами и доминирующей в идеологии частью элиты. Это могут (и бывают в разное время) быть самые неожиданные сочетания, которые, как показывает российская история, оказывают огромное влияние на политику России. От Ивана Грозного до Михаила Горбачева и В.Путина мы видим насколько сильна роль личности и ее окружения в истории России, как иногда представляемые слабыми социальными группами становятся движущей силой реформ, революций и социальных катастроф.

Вот и сегодня, говоря о модернизации страны, воображая себе будущий облик России, необходимо четко представлять **кто** будет двигателем этого процесса. Сегодня эту волю Д.Медведева и В.Путина к инновационному развитию представляют в основном управленцы-исполнители, преимущественно профессиональные чиновники, не объединенные по сути ничем, кроме своей «вертикали подчиненности». Между тем будущий образ России должен стать идеологическим продуктом, национальной идеологией модернизации, **продвигаемой конкретной социальной группой – творческим классом**.

По сути, в 2007–2010 годах Россия стоит перед таким же идеологическим выбором, перед которым она стояла в 1917 году и в конце 1980-х годов, **когда были сделаны неверные идеологические и политические выводы из очевидной потребности в модернизации страны и общества**. Уместно привести мысль В.Никонова относительно февраля 1917 года, которая адекватно отражает не только ту историческую ситуацию, но и вполне подходит к описанию нынешней ситуации в России: «Нигде в мире интеллектуалы («мы») так не противопоставляли себя власти («они»), как в России. Распространению

¹ *Т.В.Добрынина, В.Л.Севостьянов*. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы. Мир и политика № 4 (43), апрель 2010 г., с. 50.

² *К.Маркс, Ф.Энгельс*. Соч. Т.21, с. 259.

подобных настроений способствовала и сама власть, не подпуская интеллигентов к административной деятельности (впрочем, они и **сами к этому мало стремились**), что превращало их в антисистемную силу. **Интеллигенция не думала о том, чтобы улучшить, модернизировать государственный строй, – она стремилась его свергнуть.** Прогресс, демократия представлялись не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых мешает только одно – самодержавный строй. Большое значение для мировоззрения российской интеллигенции, которое в основе своей было если не западным, то космополитичным и беспочвенным, имела трансплантация на русскую почву некритически заимствованных идей французских просветителей XVIII века и немецких материалистов XIX века. **Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию»¹.**

Эти же «абстрактные теории» в 90-ые годы XX века привели к крупнейшему социально-экономическому кризису в России, демографической катастрофе и развалу государства. Сегодня это, кажется, признается уже большинством. И не только в России. Но это одна часть правды. Другая же заключается в том, что, отрицая чужие идеологии («абстрактные теории»), неизбежно придется опираться на свою, «доморощенную», ту, над которой заранее, изначально уже иронизируют отечественные интеллектуалы-западники.

В который уже раз мы пытаемся заимствовать не только чужие философские концепции, но и идеологические приоритеты, опираясь на ошибочные представления о роли интеллигенции и творческого класса, их взаимоотношения с властью. Происходит смещение понятий: общий, критический настрой интеллигенции по отношению к власти, прежде всего властной элите, характерный во все времена, в российских условиях превращается в **противопоставление творческого класса государству и остальному обществу.** Как справедливо заметил ректор МГИМО(У) Ан.Торкунов, «Для решения этих задач важно осмыслить привычные представления о роли интеллигенции в современном российском обществе. Российская интеллигенция, во всяком случае ее часть, всегда

¹ В.Никонов. Мартовские тезисы / Стратегия России. 2007 г., № 3(39), с.13.

любила отстраняться от власти. Такая отстраненность считалась залогом беспристрастности, без которой не может быть подлинного знания, справедливости и мудрости, хранителем и носителем которых интеллигенция себя представляла.

Отстраненность от власти части интеллигенции в советские годы стала **отстраненностью и от государства** (подч. *А.П.*). С тех пор многое изменилось. 1990–2000-е годы показали, что без эффективного государства в условиях российской жизни сложно обеспечить человеку и свободу, и справедливое воздаяние за его труд, и даже безопасность. Наша политическая система – все еще в стадии становления, она остается хрупкой.

Интеллигент не может не играть особой роли в укреплении демократических основ и суверенитета России. Это не только эмоциональная, психологическая и этическая базы фундаментальности для тех, кто занимается общественными науками. Это универсальный угол зрения, метаметодология производства знаний, способных не только объяснить противоречия русской жизни, но и найти пути их преодоления»¹.

Приходится признать, что не только философские и идеологические заимствования становятся модой, но и, как следствие, модели социально-экономического развития, способы решения проблем, стоящих перед обществом и государством. Между идеологическими заимствованиями и поведением элиты, процессом принятия решений наблюдается самая прямая, непосредственная связь. И, наоборот, опыт производственной и коммерческой деятельности (менеджеризм») пытаются перенести (особенно в России первого десятилетия) в государственную и общественную деятельность. Как правило, из этого ничего путного не выходит – менеджеры, приглашенные во власть оказываются неэффективными управленцами, а часто просто жуликами. Но тенденция такая существует. Как справедливо замечает Г.В.Сорина, «многие современные производители каких-то обыденных товаров и услуг, а вовсе не интеллектуальных продуктов, претендуют на то, что они не просто продают эти товары и услуги, но предлагают целую философию

¹ *Ан.Торкунов*. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета. 07.12.2007 г.

жизни, т.е. взгляд на мир и свое место в мире. Более того они предлагают инструменты изменения мира, в качестве которых как раз и выступают, с их точки зрения, рекламируемые ими товары и услуги. Новый мир, по их мнению, должен быть наполнен множеством предлагаемых ими предметов. При этом каждый человек индивидуально должен решать, насколько выстроенный другими мир соответствует его мироощущениям и мировоззрению, насколько этот мир достижим для него и т.д. Подобный подход к обыденности является, с одной стороны, своеобразным основанием для нового витка прагматической интерпретации философии, с другой – для построения различных философских концепций обыденности во множестве ее прагматических и семиотических контекстов»¹.

Нынешние модели политического устройства и идеологии, существующие на Западе, почему-то считаются по-прежнему идеальными и универсальными, а их критика (если такая и есть) касается лишь отдельных, частных аспектов (хотя и на Западе есть немало критиков). Типичный пример такого подхода дается во введении к работе «Концепции и определения демократии. Антология», где автор, известный политолог, пишет: «В настоящее время либеральная демократия остается наиболее эффективной моделью экономического и политического развития. Однако еще в 1920-е годы немецкий философ Освальд Шпенглер предупреждал: попытки механически пересадить на германское общество англосаксонские порядки в момент, когда в Германии идет напряженная борьба различных групп, приведут к тому, что демократия разорвет тело нации»².

Признавая за неолиберальными демократиями «наибольшую политическую и экономическую эффективность», автор изначально уходит от ответа на вопросы о необходимости и возможности существования более эффективных и современных моделей. Он умалчивает, что либеральные модели совершенны для узкого круга избранных развитых стран, паразитирующих, по сути, на отсталости остальных. Так, по оценке специалистов Международного института исследований экономического

¹ Г.В.Сорина. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / 2-е издание. М.: «Канон+», 2009 г. с. 15.

² Концепции определения демократии. Антология. М.: КомКнига. 2006 г., с.42.

развития, 90% всех мировых богатств находятся в странах Северной Америке (34%), Европе (30%) и «Азиатских тигров» (24%). При этом два процента населения владеют более половиной всех мировых богатств¹.

Профессор Гарвардского университета Роберт Бэрроу так суммировал результаты своих исследований этой проблемы: «Мысль о том, что демократия необходима для экономического роста, также неверна, как и утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности. Для страны со слабыми институтами «развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка». Наши расчеты и исторический анализ подтверждают его заключение².

Наконец, есть и еще более фундаментальные причины. Капитализм и его ведущая идеология – либерализм – отнюдь не вечны. Его идеология, экономическая система, которые развивались на протяжении столетий, к началу XXI века достигли той точки, где развитие уже может быть прекращено. Или замедлено, как минимум. Что в условиях ускорения мировых темпов развития равнозначно отставанию. На это указывает ряд признаков, которые, безусловно, говорят о необходимости смены идеологических приоритетов в мире и – что для нас важно особенно в России:

Во-первых, радикальные изменения в экономике, которая за короткое время прошла постиндустриальную и информационно-технологическую стадии развития, вплотную перейдя **к эпохе экономики знаний**. Можно даже говорить о периоде, определяющей чертой которой является культурная и духовная сфера, наука о человеке и развитии его психологических, психических и нравственных качеств. Здесь все больше значение приобретает уже не капитал, а знания и навыки, интеллектуальная собственность, а, главное, – **творческий потенциал личности**. Именно эти качества сегодня не только наиболее востребованы на рынке, но и дают наибольший относительный и абсолютный прирост ВВП.

И наоборот. Ресурсная экономика себя практически исчерпала. Приведем одну из возможных иллюстраций этого вывода. По оценке

¹ В.Полтерович, В.Попов. Демократия без материализма / Коммерсант. 15 декабря 2006 г., с.8.

² Р.Доброхотов. Мировая олигархия / Новые Известия. 7 декабря 2006 г., с.3.

многих экспертов, важнейшим ресурсом через 15–20 лет станет питьевая вода. Не только ее запасы, но и эффективность использования уже определяют эффективность экономической и социальной системы. По подсчетам российских специалистов, в 2000 году удельная водоемкость экономики в м³/год на 1 доллар ВВП составляла: в России – 0,3 м³/год, в Швеции – 0,012 м³/год, в Великобритании – 0,007 м³/год, в Белоруссии – 0,22 м³/год. Относительно уровня 1990 года удельная водоемкость экономики России выросла в два раза, Швеции – осталась на том же уровне, а Великобритании – в два раза уменьшилась¹. Если сегодня, в 2007 году, такая ситуация для богатых водными ресурсами стран еще терпима, то через 20–25 лет она неизбежно приведет к острейшему кризису. Причем, кризис будет тем острее, чем ниже эффективность использования пресной воды;

Во-вторых, такая же радикальная трансформация происходит и с человеком, когда потенциал его личности, прежде всего, интеллектуальный, а теперь уже и духовный, нравственный, становится определяющим фактором. Обладание финансовым капиталом продолжает играть определенное, но уже не решающее значение. «Просто» финансовый капитал без творческого его использования превращает личность в обычного рантье, который постепенно вытесняется из лидеров, определяющих экономические и финансовые позиции.

Это означает, с политической точки зрения, что реальное богатство – человеческий потенциал – будет определять в решающей степени соотношение сил в мире, степень безопасности, уровень суверенитета и государственного могущества. Как, впрочем, и военного тоже.

Это же означает, что прежние эквиваленты мощи – золотовалютные резервы, запасы природных ископаемых численность населения, эффективность вооруженных сил и т.д. – стремительно теряют свое значение;

В-третьих, стремительные изменения происходят как в социальной структуре общества, так и его роли в политической и экономической

¹ В.Данилов-Данильян. Ключевой фактор развития экономики / Стратегия России. 2007 г., № 3(39), с.69.

жизни страны, когда институты гражданского общества объективно начинают вытеснять и замещать институты государства и бизнеса.

Это сказывается прежде всего на эффективности госуправления. Неизбежное вытеснение творческим классом из управления бюрократии – общая тенденция. Противостоят ей бюрократической инерцией, «менеджеризмом», всякого рода «ручным управлением» и **другими неидеологическими методами** не только бесперспективно, но и, в конечном счете, трагично. Пример тому – крайне низкий коэффициент эффективности (особенно в условиях кризиса) действий власти. Как признает В.Дымарский, «если верить помощнику президента, а заодно и начальнику контрольного управления главы государства Константину Чуйченко, за прошлый год его непосредственный начальник дал 1753 поручения (аж на 30 проц. больше, чем в 2008 году). По словам Чуйченко, из них снято контроля (то есть выполнено) 1084, а рост по выполнению по сравнению с 2008 г. составил 15 процентов.

1084 выполненных поручения из 1753 составляют всего-то около 62 процентов. То есть дружный коллектив отечественных чиновников, спаянных общими (не путать с общественными) интересами, сводит на нет более 38% рабочего времени Медведева. А в 2008 г. все выглядело еще хуже: выполнено только 47%. (62–15=47) поручений президента, тогда как 53% его усилий, согласно несложному подсчету, потонули в бюрократическом болоте»¹.

Крайне низкая эффективность госуправления современной России – системная болезнь. Болезнь непонимания того, что объективно у власти должны находиться не бюрократы, менеджеры или финансисты, а креативные группы граждан. Так, принятое в марте 2010 года Д.Медведевым решение о том, что «Силиконовую долину» в Сколково «будет строить» В.Вексельберг, а спортивными федерациями руководить другие финансисты, – иллюстрация того, что вместо бюрократов, проваливших проекты, приходят не профессионалы, а представители финансовой элиты. Можно заранее предположить, что результаты будут аналогичными. Не помогут и практикуемые методы «сигналов», подаваемых обществу и элите Д.Медведевым и В.Путиным, и регулярные

¹ В.Дымарский. Неисполнительная исполнительная власть / Российская газета, 25.03.2010 г., с. 3.

«накачки», семинары и совещания, проводимые с губернаторами, активом «Единой России» и т.д. «Качество управления низкое и снижается»¹.

В этих условиях финансовый капитал начинает стремительно терять свое значение. Без его «социализации» он практически не применим. Он становится просто криминальным капиталом. Этому способствуют как налоговая политика ведущих государств (в особенности скандинавских стран), так и социально-политическая система, общественное устройство.

Но еще хуже обстоит дело с бюрократией, которая во власти становится **антисоциальной силой**. Необходимо признать, что до **определенной степени** люди, находящиеся на «государственной службе» – дружинники, дворяне, госслужащие вообще – выполняли позитивную функцию. Иногда даже, как показывает история – в решающей степени влияли на сохранение государства и его функций. Причем не только в прошлые столетия, но и в современной истории. Так, ослабление государственных институтов и роли «государевых людей» в 80-ые годы прошлого столетия привело к анархии и развалу государства и, наоборот, при В.Путине (до определенного момента) усиление их роли было крайне необходимо.

Но только до определенной степени. Всевластие дворянства в XVIII веке привело Россию к бесконечной череде переворотов, когда гвардия ставила нужного императора и снимала неудобного. Царская бюрократия на рубеже XX века реально правила Россией и не смогла предотвратить революции, а брежневская – обеспечить оптимальные темпы развития. Нынешнее всевластие бюрократии ведет не только к низкому качеству управления, но и коррупции, антисоциальной политике. Так, в условиях кризиса, например, по официальным данным Росстата в 2009 году среднемесячная заработная плата выросла на 4,4%, увеличив свой отрыв от простых граждан на 83%. Наиболее высокой в 2009 году оказалась среднемесячная зарплата в органах законодательной власти в регионах – 46,2 тыс. руб., рост в течение прошлого года составил 5,3%. На втором месте оказались заработки в исполнительной власти – 34,8 тыс. руб. (рост на 4,8%)². И это при том, что в среднем по стране (т.е.

¹ М.Цветкова. Кремлевская наука / Ведомости, 25.03.2010, с. 2.

фактически зарплата среднего класса) зарплата россиян составила в 2009 году 18,8 тыс. рублей.

Антисоциальность элиты говорит о том, что в системе **ее идеологических приоритетов** в реальности нет приоритета социальной справедливости и приоритета развития креативного класса, но сохраняются приоритеты неолиберализма. Таким образом, под фундамент неолиберализма заведены мощные бомбы, некоторые из которых уже практически разорвались. Думается, что самое ближайшее будущее покажет, как все эти факторы разрушения капитализма-либерализма будут детонировать еще сильнее. Надо понимать, что правящая бюрократия добровольно власти не отдаст. Для нее власть – это система официального и неофициального обогащения. Официального (зарплаты, льготы, дополнительные возможности, о которой говорилось выше, – это статусного фиксирования своей роли в политической системе, а неофициального – это те реальные денежные ресурсы, которые получают при условии сохранения власти. Так, почти 90% дел по экономическим преступлениям заводятся напрасно¹, т.е. для того, чтобы, по словам Д.Медведева, «кошмареть» бизнес.

У этой проблемы есть очевидная экономическая составляющая: эти деньги, изъятые из экономики, уходят в оффшоры. Они обескровливают всю экономическую систему, легализуется и не вкладывают в экономику. «Теневая» составляющая, как признается, достигает 40% ВВП. Я думаю, что много больше.

Для борьбы с этим необходима прежде всего **смена идеологических приоритетов**: ни объявленная Д.Медведевым война коррупции, ни «накажет» министров и губернаторов, ни «ручное управление», ни что-либо ещё не дадут эффекта до тех пор, пока не будут сменены **идеологические приоритеты страны**, ее элиты, зафиксированные в реальных программах развития, реальной (в т.ч. финансовой) политике, реальных, а не паркетно-пиаровских действиях администрации, да и всей власти.

² *Ан.Баикатова.* Нужно ли в России снижать оклады чиновников / Независимая газета, 24.03.2010 г., с. 4.

¹ «Белые воротнички» в тени погон / Российская газета, 25.03.2010 г., с. 8.

Эта «детонация» неизбежно окончательно изменит не только экономические и социальные модели, но и алгоритмы развития государств и, конечно же, всю идеологическую картину мира – господствующими, неизбежно, станут социально ориентированные идеологии и модели развития. Может быть, со временем, **только** социально-ориентированные. Очевидно, что чем скорее то или иное общество и государство откажутся от бесперспективных идеологических моделей и перейдут к новым социально-экономическим моделям развития, тем выше будут их темпы роста, лучше качество экономики и общества, крепче безопасность.

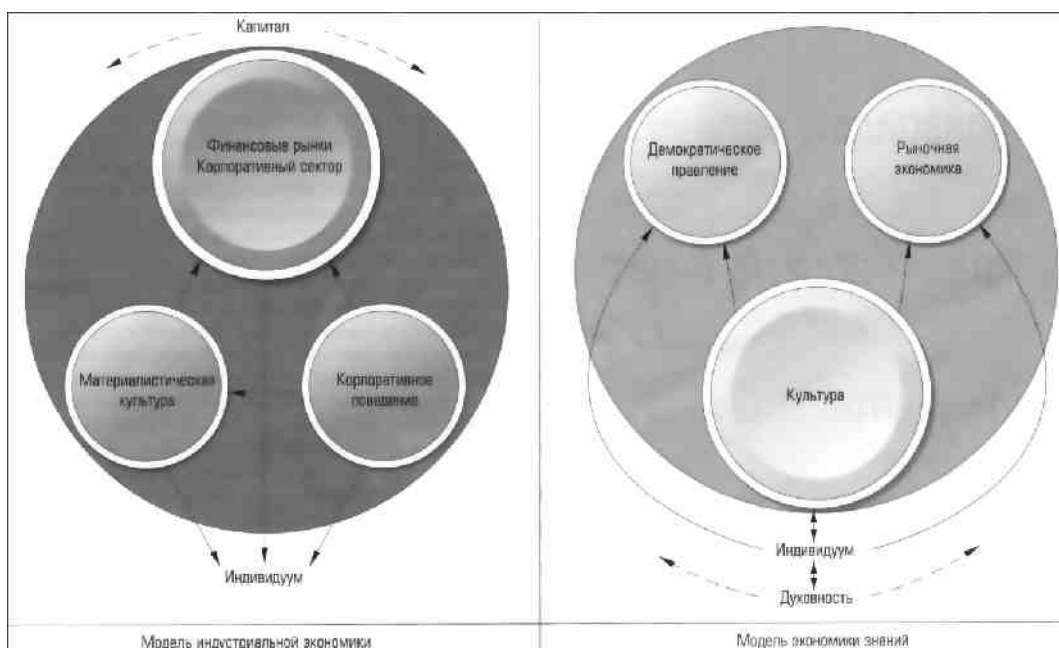
И наоборот: замедленность, инерционность, а тем более стремление сохранить абстрактные идеологические схемы, приведут не только к сокращению темпов роста, но и **неизбежным социально-политическим катаклизмам**. Более того, неизбежны и революционные политические потрясения. Как справедливо признает профессор Г.Константинов, «я думаю, что экономические потрясения неизбежны. Раз роль капитала изменится, и он перейдет на вторые позиции, значит, во время перехода, в промежутке, будет очень неприятный процесс. На самом деле, наверное, механизмом, который будет подталкивать к новой экономике, и должны быть финансовые кризисы. Люди будут терять огромные деньги, кто-то их будет приобретать и снова терять. Одно из очевидных предсказаний, на мой взгляд, состоит в том, что финансовой стабильности в мире в ближайшее время принципиально не будет. И через это придется пройти»¹.

Действительно, идеологическая и социально-политическая «картины мира» в среднесрочной перспективе могут радикально измениться вслед за изменением модели экономического развития. Как видно, например, из схемы западных политологов, главными факторами, определяющими состояние экономики и общества **станут культура и духовность**, т.е. следующий за информационным этапом станет культурно-духовный этап развития наиболее передовых государств.

Этот вывод имеет принципиальное значение. В том числе и для России. Весной 2007 года, когда стало ясно, что Правительство переходит от кризисного управления к среднесрочному планированию, особое значение приобрела фраза «оброненная» премьером на одном из

¹ В.Краснова. Когда демократия соберется с духом / Эксперт. 2007 г., № 3, с.32.

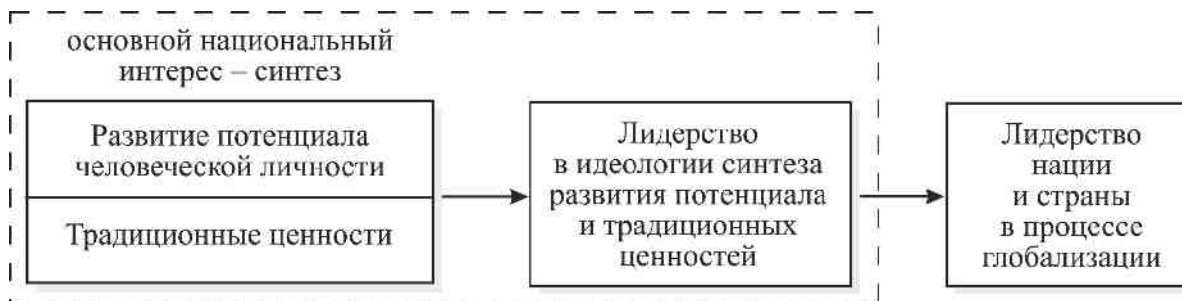
заседаний правительства о том, что «Президент потребовал подумать о стратегии». Выбор стратегии – это будет **неизбежный выбор между неолиберализмом и развитием**, между стабильностью, высокими темпами роста и развития и неизбежными социально-политическими катаклизмами и экономической стагнацией. Но, опять повторю, это **прежде всего идеологический выбор**.

Как видно из рисунка западных политологов, модель экономики знаний предполагает (в отличие от индустриальной модели), что образ государств-лидеров, экономика и общество станут **производными** от качества человеческой личности, а в более узком смысле, – **от общекультурного потенциала**. Это, в свою очередь, означает, что экономически, финансово, материально и политически новое общество и новое государство станут **следствием развития человеческого потенциала**. Иными словами, мы видим, что идеология и стратегия развития будущих лидеров глобализации не имеют ничего общего ни с классическим неолиберализмом XX века, ни с коммунизмом, ни с национализмом. **Новый образ государства должен быть сформулирован новой идеологии, которая в свою очередь, должна обеспечить базовыми принципами и приоритетами такую новую стратегию.**

Носителями такой идеологии, как неизбежно следует из этой логики, является творческий класс. Он же формирует и новый образ России, в т.ч.

за рубежом. И в основе этой идеологии лежит синтез национальных интересов, состоящих из сохранения традиционных ценностей и развития на их основе потенциала человеческой личности. Это может быть выражено в следующей формуле:

Понятно, что подобный синтез и идеологию, как и лидерство в мире, может обеспечить только тот класс, который заинтересован как в создании условий для развития потенциала личности и сохранения национальных ценностей, так и в превращении их в лидирующую идеологию, а нации – в мирового лидера. Как ни странно, но значительная часть элиты и общества (в меньшей степени) в этом просто не заинтересованы и, соответственно, даже не ставят такой цели. Российская элита по сути расколота именно по этому принципу: если какая-то часть согласна с В.Путиным и Д.Медведевым в том, что Россия должна войти в пятерку мировых лидеров, то еще, может быть, большая в этом нуждается. Одних вполне устраивает ситуация энергетического прироста, другим, скорее всего, хочется быстро заработать и потратить деньги в уже существующих странах-лидерах. Кто-то и сегодня верит, что мировым лидерам, в т.ч. и в идеологии, может быть только коммунистическая страна. Другими словами, блок, очерченный на рисунке штрихами, – идеология – не стал еще доминирующей установкой элиты. К сожалению, это означает, что мечты о мировом лидерстве могут оставаться в лучшем случае планами технологического развития.

Проблема также заключается в том, что творческий класс сам по себе не способен к самоорганизации на длительную перспективу – слишком разноплановую деятельность он осуществляет. Вряд ли это способны сделать и институты Гражданского общества, которые в состоянии организовать лишь некоторые сегменты креативного класса. Отсюда следует неизбежный вывод: государство, та часть передовой

элиты, которая понимает необходимость решения этой задачи, **должно взять на себя инициативу** по организации и продвижению интересов творческого сословия.

В этой связи с неизбежностью встает вопрос и о **создании соответствующих институтов, т.е. идеологических органов управления государством**. Кто-то ведь должен не только формулировать идеологические приоритеты, **но и реализовывать их на практике**. Сегодня такого органа ни в администрации, ни в правительстве нет. Речь не идет, конечно, о воссоздании Идеологического отдела ЦК КПСС, который строго следил за идеологической монополией в качестве, речь не идет и об органе, который бы координировал пропагандистскую активность администрации и правительства – такие структуры есть. Речь идет об органе, который был бы ответственным именно за формирование идеологических приоритетов властной элиты и их реализацию (отнюдь не выступая цензором и регулятором работы СМИ и других институтов Гражданского общества) в интересах творческого класса, которые в XXI веке отождествляются с национальными интересами.

Не случайно, даже симптоматично, в этой связи было появление в мае 2009 года президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Опыт ее работы, даже с учетом её общественного характера, показал, что как дискуссия между ее членами, так и конкретные результаты (фильмы, телепередачи, десятки книг и сотни статей) оказались не просто нужными обществу, но и смогли в ряде случаев даже переломить политико-идеологические наскоки. Появление этой Комиссии можно рассматривать как **проявление общественной потребности** в создании не только передовой идеологии, но и органов по управлению ею.

Глава 1.4. Алгоритм стратегии развития¹

«Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти!»²

Стратегия национальной безопасности России

«Стратегическая задача Китая – построение социалистического гармоничного общества...»³

Ху Цзуньтао

¹ Есть множество определений понятия «алгоритм», причем каждое из них отражает его важную особенность. Например, «АЛГОРИТМ – система правил, сформулированная **на понятном исполнителю языке**, которая определяет процесс перехода от допустимых исходных данных к некоторому результату и обладает свойствами массовости, конечности, определенности, детерминированности.

Слово «алгоритм» происходит от имени великого среднеазиатского ученого 8–9 вв. Аль-Хорезми

Слово «алгоритм» вновь стало употребительным с появлением электронных вычислительных машин для обозначения совокупности действий, составляющих некоторый процесс. Здесь подразумевается не только процесс решения некоторой математической задачи, но и кулинарный рецепт и инструкция по использованию стиральной машины, и многие другие последовательные правила, не имеющие отношения к математике, – все эти правила являются алгоритмами. В этом определении для меня важен вывод «на понятном исполнителю языке», ибо идеология должна быть изложена понятным языком для широкого круга граждан, а не «птичьими» макроэкономическими терминами.

Следующее определение (ru.wikipedia.org) – «Алгоритм – это **последовательность действий, направленных на получение определённого результата за конечное число шагов**» – на мой взгляд, очень важно. Именно такой последовательности нам сегодня и не хватает. Впрочем как и конечного результата.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г., № 537.

³ *Е.Подолько*. Гармония превыше Мамоны / Политический журнал. 23 июля 2007 г. № 21/22, с.62.

Глава 4. Алгоритм стратегии развития как производная от идеологии

Алгоритм стратегии развития¹ (т.е. последовательность шагов по реализации идеологии, как системы приоритетов и средств их реализации) формулируется в целом наборе законодательских и нормативных документов, утвержденных высшими органами власти России. Прежде всего в Стратегии национальной безопасности (до 2009 года – Концепции), которая, на мой взгляд, **в формализованном виде должна содержать собственно идеологию развития страны**. Эти документы отражают уровень понимания правящей элиты существа стоящих проблем и способов их решения. Адекватность элиты, ее профессионализм, либо их отсутствие (что случалось в недавней советской и российской истории), во многом определяют качество анализа реально (объективно) существующих проблем и национальных интересов. От этого во многом зависит эффективность избранной стратегии, степень мобилизации всех ресурсов общества и государства для их решения. Справедливо утверждение (и понимание этой задачи) академика Ан.Торкунова: «Перед Россией стоит задача всесторонней модернизации, которая во многом будет определять ее место в посткризисном мире. Для ее осуществления необходимы не только новые проекты, финансовая, техническая и научная база, но и **создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания**»². Как видно, Ан.Торкунов выносит в качестве важнейшей проблему «создания мотиваций» и «творческой атмосферы» (с чем я совершенно согласен), а не другие проблемы, например, сохранения макроэкономической стабильности, которая в течение нынешнего десятилетия регулярно ставилась как «самая приоритетная».

¹ За последние полтора-два десятилетия компьютер стал неотъемлемым атрибутом нашей жизни, компьютерная лексика становится всё более привычной. Слово «алгоритм» в наши дни известно, вероятно, каждому. Оно уверенно шагнуло даже в разговорную речь, и сегодня мы нередко встречаем в газетах и слышим в выступлениях политиков выражения вроде «алгоритм поведения», «алгоритм успеха» или даже «алгоритм предательства». Академик Н.Н.Моисеев назвал свою книгу «Алгоритмы развития», а известный врач Н.М.Амосов – «Алгоритм здоровья» и «Алгоритмы разума». А это означает, что слово живёт, обогащаясь всё новыми значениями и смысловыми оттенками. (<http://ru.wikibooks.org>).

² *Ан.Торкунов. Школа российской идентичности / Независимая газета, 14.10.2009.*

Остальные документы – послания президента, концепции социально-экономического развития, бюджетные послания, собственно бюджеты, как и концепции информационной безопасности, внешней политики, отраслевые, региональные и пр. концепции должны **вытекать, быть следствием** этого стратегически важного документа.

1.4.1. Алгоритм идеологии

«Вместо инноваций нам предлагают разговор о них и занимаются симуляцией инновационной деятельности»¹.

О.Матвейчев

Политическая идеология это доктрина, оправдывающая притязания той или иной социальной группы на власть и добивающаяся подчинению общественного мнения своим идеям. Соответственно алгоритм политической идеологии – формализованная доктрина, в которой, во-первых, обосновываются претензии на власть, а, во-вторых, претензии на доминировании в общественном мнении.

На практике эта идеология должна обеспечить привлекательный образ стратегии развития. Настолько привлекательный, что он должен был бы быть принятым общественным мнением.

Фундаментальные, базовые идеологические приоритеты и ценности должны лежать в основе такой Стратегии, т.е. она должна быть достаточно идеологизирована, а не примитивно прагматична. Чего пока, в полной мере, не видно.

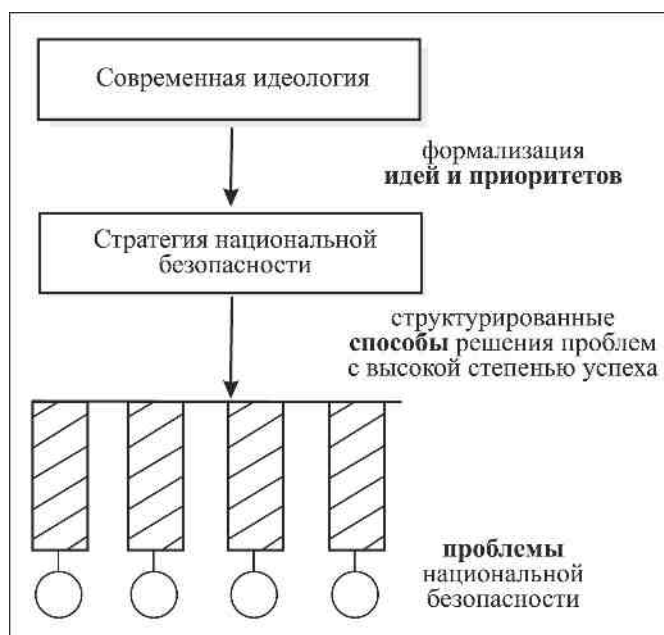
С другой стороны, пытаясь сформулировать алгоритм стратегии развития, надо понимать, что алгоритм сам по себе должен быть достаточно формализован. Вообще-то никого не должно пугать название этого приема. Не обязательно даже знать, как говорится в одной из статей², что такое алгоритм, для использования этого способа (что очень приятно для нашей малочитающей правящей элиты – *А.П.*)». И далее – одно из многих определений понятия алгоритм, которое мне больше всего нравится: **«алгоритм – это структурированный способ нахождения решения проблемы с высокой надежностью успеха».**

Таким образом современная идеология России должна быть формализована в нормативном документе, например, Стратегии национальной безопасности России, который, в свою очередь должен представлять собой «структурированный способ решения проблемы

¹ *О.Матвейчев.* Инновация и симуляция. Идеология фонд. / www.deologiya.ru/15.03.2009 г.

² Связывающие Алгоритмы / <http://www.superidea.ru/2006/05/12>.

(проблем) с высокой степенью надежности». Графически это можно представить следующим образом.

Используя эту формальную логику, мы неизбежно должны сделать важный вывод: создавать и развивать надо идеологию в следующей последовательности:

- описание и анализ проблем, их приоритетности, значимости и масштабности;
- выбор максимально эффективных способов их решения;
- объединение их в **систему, стратегию**;
- и лишь затем – описание системы ценностей, приоритетов и идей, объединенных в понятие «идеология».

Важно отметить, **во-первых**, последовательность действий, а именно: первично описание «проблем», угроз, вызовов национальной безопасности»; затем – методы и способы их решения и **только потом можно переходить** собственно к идеологии и философии.

Во-вторых, неизбежно следует вывод о прикладном характере идеологии, даже её прагматизме, а не о некой отвлеченной субстанции, «мешающей жить» серьезным государственным мужам.

Правильная постановка проблемы, таким образом, становится ключем («эффективным алгоритмом») к успеху, а неправильная – обречена на провал. Приведу пример. В 2009–2010 годах Д.Медведев неоднократно и

много говорил об инновациях и технологиях, формулируя **проблему** их скорейшего внедрения в экономику России. При этом в качестве главного средства (алгоритма), как правило, выступали организационно-финансовые решения. Типичный пример – мартовская (2010 г.) инициатива по созданию в Сколково «Силиконовой долины» – строительство центра, формирование инфраструктуры и т.д. Между тем, алгоритм решения этой проблемы иной, а именно: главный способ решения этой задачи – **создание атмосферы и возможностей** (в т.ч. материальных) **для российских научных школ и ученых**. Как справедливо отметил политолог Н.Злобин, **«Создание правильной творческой атмосферы является главной задачей российской технологической революции**. Конечно, важны научные города, нужны ученые из-за границы и т.д., но без свободной творческой атмосферы все это будет только имитацией инновационного развития, в лучшем случае способного, как это было в свое время в Японии, доводить до совершенства чужие купленные разработки и идеи. Это совсем не то, о чем говорит Медведев. Для формирования такой атмосферы России важнее не привоз ученых из-за рубежа или новые стройки, а, скажем, создание гарантий надежной правовой защиты интеллектуального продукта, прав на изобретения и инновации, а также **возможностей для ученых хорошо заработать на результатах своего труда**.

Так, практически у каждой исследовательской группы в Америке **есть в соседнем помещении своя частная компания**, работающая по модели «стартапа», задача которой в случае успеха исследовательского этапа немедленно капитализовать его и начать приносить доход. **То есть преобразовать науку в бизнес**. Там нет государственных чиновников, но работают юристы, защищающие права ученых, а также эксперты, тщательно отслеживающие ситуацию на рынке инвестиций. Там находятся компании, которые моментально из своих денег готовы обеспечить любые лаборатории и экспериментальные площадки, любые материалы и приборы для ученых. Кого там точно нет – это бюрократов. Там нет откатов и взяток, людей с печатями и машин с мигалками»¹.

¹ Н.Злобин. Модернизация в минималистском стиле / Российская газета, 24.03.2010 г., с.3.

Другая сторона спорного алгоритма, предложенного Д.Медведевым, – назначение крупного финансиста В.Вексельберга куратором этого проекта, – также представляется сомнительной. Уже говорилось, что «менеджерский» подход для государства (а тем более науки) себя не оправдал: нужны ученые-организаторы, такие как К.Курчатов, С.Королев, многочисленные советские конструкторы самолетов, танков, судов и т.п., а не бизнесмены. Научные достижения делаются учеными, а не финансистами, впрочем, как и спортивные.

Итак, необходимо изначально обратиться, во-первых к проблемам, стоящим перед нацией (вызовам, угрозам), определить их приоритетность, **во-вторых**, а, **в-третьих**, их значение для существования нации и государства. Попробую их сформулировать, но предварительно следует сделать очень важную, принципиальную оговорку. Идеология – субъективна с точки зрения отражения интересов тех или иных социальных групп граждан, а значит субъективными будут и представления о характере существующих перед нацией проблем.

В этом смысле классовый подход марксистов правилен (хотя К.Маркс и не любил сам термин «идеология», ставший марксистской наукой при советской власти). Так, для неолибералов и «оффшорной аристократии» угроза распространения НАТО на восток, потеря национального суверенитета, сырьевой характер экономики и др. – угрозы и проблемы не видятся критичными, либо вообще не существуют, но для нации это – приоритетные проблемы.

Вот почему принципиально важно изначально определить позицию, угол зрения. Под которым мы смотрим на анализ существующих и потенциальных проблем. На мой взгляд, мы должны анализировать их исходя из интересов наиболее передового класса современности – национальных творческих социальных групп населения нашей Родины, составляющих более 10% от всего числа граждан страны, или, как считает Р.Флорида, 15 млн. человек. Именно эти группы являются за рубежом той силой, благодаря которой создается более 90% ВВП и новейших достижений. Именно они – наиболее активны в общественной и политической жизни страны. И именно они отражают в достаточно полной мере интересы других социальных групп. Кроме того, именно эта социальная группа развивается наиболее динамично, а её численность и

влияние (что очень важно с точки зрения стратегической перспективы) стремительно растет. В отличие от партийных программ их интересы четко обозначены.

Другое важное замечание. Существующая Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (утвержденная 12 мая 2009 г.) уже нормативно определила такие ключевые проблемы. В ней, в частности, говорится: «Стратегия ... официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу...»¹. Поэтому, определяя проблемы и цели, а также алгоритмы их решения, неизбежно и полезно будет их сравнивать с принятой Стратегией, а также другими нормативными документами, власти.

Стратегия развития, (социальная, экономическая, военная, антикризисная и пр.) – прямое следствие идеологии. Она, таким образом, **невозможна без идеологического выбора**, т.е. выбора базовых ценностей и принципов. Практическую ценность этого вывода, кстати, продемонстрировал Китай, чья успешная стратегия развития является производной от идеологии, а та, в свою очередь, не только формулирует проблемы, но и формирует средства их решения. В настоящее время китайское руководство продолжает разработку и пропаганду политико-идеологической и культурно-цивилизационной доктрины китайской модели развития, которая оставляет за компартией Китая (КПК) все функции руководства и согласования интересов различных слоев общества, а также защиты социально-политической стабильности в стране².

¹ Стратегия национальной безопасности России до 2020 года / Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.

² *Е.Подолько*. Гармония превыше Мамоны / Политический журнал. 23 июля 2007 г. № 21\22, с.61.

1.4.2. Алгоритм стратегии

При разработке любой модели, любого алгоритма национальной стратегии особое значение уделяется **выделению проблем и угроз, национальной безопасности**, и их оценке и поиску вариантов их решения. «Чистая идеологическая доктрина не существует (разве что в умах философов и политологов), строго говоря, абстрактные схемы, а тем более алгоритмы, не очень-то и нужны: они могут **либо исходить из прикладного анализа** предоставляющего изначальный эмпирический материал, либо служит его теоретическим и методологическим обоснованием. Тем более, что оценки проблем, их приоритетность и даже значение, могут быть предметом серьезной политической дискуссии. Как справедливо отметил академик Ан.Торкунов, «Широкое осознание перечисленных ... угроз, вызовов и опасностей не сопровождается до сих пор выработкой **единых представлений** о порождающих их причинах, способах и стратегиях борьбы с ними»¹.

Действительно, процесс явно затянулся. Еще в 2003–2005 годах я написал о необходимости создания такого алгоритма. В частности, в специальной главе «В поиске эффективного алгоритма развития» книги «Глобализация и Гражданское общество». Я говорил: «Эта книга – обращение к российской элите и экспертному сообществу. Накануне перехода развитых стран-лидеров глобализации от информационно-технологической стадии развития к интеллектуально-духовной стремительно усиливается роль эффективности руководства страной и обществом. Параллельно должны возрастать ответственность, политическая и нравственная, элиты общества за принятие решений, а также профессионализм и способность к стратегическому прогнозу. От того, насколько российская элита сумеет справиться с этим вызовом, зависит будущее нашей страны»².

Эффективная социально-экономическая стратегия Китая является производной от долгосрочной идеологической доктрины, которая, следует признать, обладает как бесспорной преемственностью (несмотря

¹ Ан.Торкунов. Мир становится другим / Мир и политика, № 1(28), январь 2009 г.

² А.Подберезкин, С.Абакумов. Глобализация и Гражданское общество...

на смену четырех поколений лидеров) и гибкостью. Декларируя главную идеологическую цель – «построение гармоничного общества» – китайское руководство основной упор делает на реализацию ведущего принципа китайской модели развития – «человек как основа». Принципа, кстати, вполне универсального, в т.ч. и для западных государств сегодня, однако, с безусловной китайской спецификой. Как в правовом, так и в социально-экономическом отношении.

Начинать надо с оценки ситуации в мире, тех условий в которых находится страна. Россия в 2010 году находится в относительно выгодном положении. Сложилось ситуация, когда нам впервые не грозит большая война, нам не нужно тратить огромные ресурсы на поддержание военно-промышленного комплекса, и мы впервые освободились от обязательств политического характера, наносящих ущерб экономике. И к тому же у нас нет безумных проектов типа поворота северных рек на юг, или строительства авианосных соединений.. Эти «идеологические пирамиды XX в.» как бы сброшены с плеч российской экономики. Проблема в том, как мы воспользуемся предоставленным шансом для эффективного развития экономики, что можем извлечь из этой ситуации, – пишет Николай Петраков, академик РАН, директор Института рынка РАН.

В этой мысли, по сути, сконцентрирована идеология использования ресурсов при реализации современной стратегии России.

Но это одна оценка внешних условий, существования, один взгляд, один подход к использованию ресурсов нации для реализации поставленных задач. На мой взгляд, излишне оптимистичная, благостная, недооценивающая масштаба возможных угроз. Как показал конфликт с Грузией, подтвердивший известную для специалистов в военно-политической области аксиому, – военно-политическая обстановка может меняться стремительно, в течение месяцев, недель, иногда дней и часов, а стратегия, материальная база военной силы – годами, иногда десятилетиями. Поэтому недооценка внешней угрозы также важна, как и ее переоценка: переоценил – не осталось ресурсов развития; недооценил – можешь проиграть конфликт, войну, потерять государство, а, иногда, и нацию.

В этом смысле совершенно справедливо, что в Стратегии национальной безопасности до 2020 года оценке внешней угрозы посвящается самый первый (после «Общих положений») раздел, который так и называется: «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития», в котором достаточно подробно перечислены проблемы и угрозы, стоящие перед Россией сегодня и на перспективу до 2020¹.

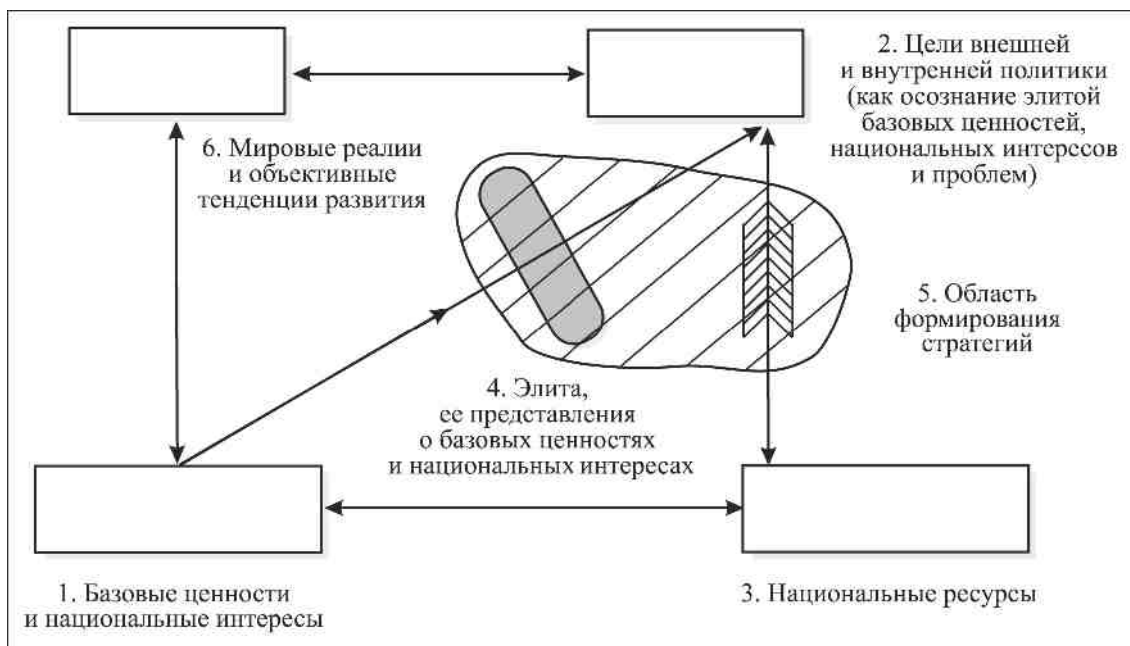
На мой взгляд, это описание излишне детализировано и абстрактно, в нем нет ясной приоритетности проблем и угроз, хотя в целом можно сказать, что Стратегия вполне адекватна (чего нельзя было сказать, например, о первой Концепции нацбезопасности 1996 года)

Главное – в Стратегии указывается на сохраняющуюся возможность и вероятность использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента (что с конца 80-х годов XX века ставили без конца под сомнение российские политики), а также обозначен главный внешнеполитический приоритет – развитие отношений со странами Содружества (хотя я бы поставил его значительно выше по тексту, а также подчеркнул, что это именно главный приоритет).

В целом взаимосвязь идеологии и стратегии выражается в **ясном алгоритме**. Он может быть представлен на следующем рисунке, в простой форме иллюстрирующем самые основные элементы идеологии и стратегии, где²:

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом от 12 мая 2009 г.

² В основу этого рисунка положены материалы спецкурса, проводимого ещё в 70-ые годы в МГИМО(У) М.А.Хрустаевым и Н.А.,Злобиным.

1. Базовые ценности и национальные интересы, которые могут быть формализованы как по отдельным категориям (военные, экономические, социо-культурные и т.д.), так и по временному (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные) и пространственному (глобальные, региональные, национальные) характеру. Эта категория принципиально важна, ибо она позволяет **нации оставаться нацией, а государству – государством.**

2. Цели внутренней и внешней политики – как осознанные (с разной степенью адекватности) национальные интересы, базовые ценности и, соответственно, проблемы – внешние и внутренние. Как видно из рисунка, на формирование целей решающее значение оказывают четыре группы факторов:

- национальные интересы, базовые национальные ценности;
- ресурсы и возможности государства и нации;
- мировые реалии и объективные тенденции развития в мире;
- адекватность и профессионализм элиты, ее способность разработать эффективную стратегию.

3. Национальные ресурсы и возможности, к которым относится весь спектр ресурсов (от демографических до сырьевых, а также интеллектуальных, образовательных и др.). При этом особое значение сегодня приобретает такой ресурс, как человеческий потенциал, накопленный нацией. При этом надо изначально понимать, что ресурсы

всегда ограничены. Не может в принципе такого, чтобы ресурсов хватало «всегда и на всё», поэтому при попытках решить те или иные проблемы, достичь поставленных целей, важно правильно распределить имеющиеся и будущие ресурсы.

4. Качество, адекватность и эффективность национальной элиты. Ее **способность к стратегическому прогнозу и планированию.** В частности, к эффективному госуправлению.

5. Область формирования национальной стратегии (социально-экономической, военной доктрины, финансовой и т.д.), которая, как видно, является **производной от заявленных целей и проблем, а также имеющихся ресурсов.**

6. Наконец, внешние факторы – мировые реалии и объективные мировые тенденции, которые сегодня во многом связаны с глобализацией. Это, прежде всего, военно-политическая ситуация в мире (наличие или отсутствие угрозы), экономическая ситуация (экономический подъем, спад или стагнация), мировые цены, научно-технические тенденции и пр.

Понятно, что формулировать проблемы, стоящие перед нацией, без учета этой составляющей, – невозможно. Более того, иногда эти факторы начинают доминировать, даже предопределять стратегию государства (постановку проблем и целей, а также распределение ресурсов). Так, в конце 30-х годов, накануне и в начале 2-ой мировой войны, СССР был вынужден направлять на подготовку к войне до 80% своих ресурсов, экономика была милитаризована, а возможностей для социально-экономического развития практически не оставалось.

К сожалению, в последние десятилетия мировые реалии и тенденции оценивались российской элитой не до конца адекватно. Так, в 80-ые и 90-ые годы существовала эйфория относительно готовности США и Запада использовать военную силу против других государств, даже утверждалось, что «наступил вечный мир». Во всяком случае до нападения на Югославию. Немалые иллюзии существовали и по отношению к России, когда считалось, что посткоммунистическая страна стала частью и союзником западных стран. Подобная неадекватность привела к существенным ошибкам, даже преступлениям во внешней и

внутренней политике страны – неоправданным уступкам, развалу армии и силовых структур, уходу государства из экономики и идеологии.

Базовые ценности и национальные интересы – объективные критерии, существующие вне частных представлений, но **адекватность (или неадекватность) их осознания правящей элиты ведет к формулированию целей, которые могут либо соответствовать национальным интересам и ценностям, либо им противоречить.** Спектр адекватности – широк. Во всяком случае, какое-то время, как это нередко бывает в истории. Если через «линзу» верных представлений элиты трансформируются объективные интересы в истинные цели, то это свидетельствует как о хорошем качестве элиты, так и о том, что перед будущей стратегией сформулированы верные цели. Естественно, что при адекватном восприятии целей необходима и адекватная оценка имеющихся ресурсов.

Но нации и государства существуют не в вакууме, а во вполне конкретной исторической реальности, в которой происходят жизненно важные для них процессы. Глобализация существенно усиливает это влияние, в ряде случаев и для многих стран делает его решающим. Так, мировые цены, военно-политическая ситуация, научно-технический прогресс и др. стали в последние годы важнейшими факторами, которые должны не только учитываться, но и заранее приниматься во внимание при принятии тех или иных решений. При формировании российских бюджетов, например, прогнозные оценки цен на нефть имеют важнейшее значение.

Наконец, достижение этих целей зависит от **искусства стратегии**, включая искусство использования имеющихся ресурсов, учет международных факторов. Именно искусства, в котором аккумулируются как знания по широкому, даже практически неограниченному спектру вопросов, опыт – политический, военный, экономический, идеологический – и талант управленца, политика. Так, если цели не подкреплены соответствующим ресурсом, то стратегия – авантюристична. Примеров мы знаем немало. С другой стороны, если цели значительно недооценивают собственные возможности и объемы ресурсов не амбициозны, то они не просто не амбициозны (как порой происходит в сегодняшней России), но ведут к стагнации.

В современной России мы сплошь и рядом видим и то, и другое. Мы нередко заявляем об амбициозных проектах, не осознавая до конца необходимый объем ресурсов (в т.ч. и ресурса времени). Или обращаемся для достижения поставленных целей к другим ресурсам, пытаемся решить эти задачи заведомо неэффективными методами.

Но чаще мы видим в силу бюрократического характера власти отсутствие амбициозных, «масштабных», как не раз говорили Д.Медведев и В.Путин, целей. Мы нередко заведомо низко ставим планку», не используем все свои резервы, ресурсы и возможности. Это, естественно делает наши стратегии неконкурентными, ибо чего-то значительного добиться без мобилизации всех ресурсов в интересах опережающего развития невозможно.

Таким образом, изначально базовые ценности и национальные интересы являются основной, **фундаментом любой стратегии**, которая, в свою очередь, также прямо зависит от формулируемых элитой целей. Все вместе – ценности, национальные интересы и цели – как система – выступают в качестве идеологии и становятся фундаментом для стратегии. Выбор той или иной стратегии, таким образом, зависит в конечном счете от базовых основ идеологии.

Но не только. На этот выбор оказывают серьезное воздействие два других, также идеологических, но уже вполне субъективных, фактора.

Во-первых, это **субъективное восприятие элитой** существующих реалий, прежде всего, национальных интересов, а также ценностей. Это восприятие иногда может не только не отражать потребностей нации, но и прямо противопоставлять им. Прежде всего из-за корыстных, как правило, экономических интересов, либо простого непрофессионализма. Но чаще – из-за ошибочных превалирующих идеологических постулатов.

Кроме того, возможна, даже вероятно, недооценка или переоценка элитой собственных ресурсов. И это – тоже элементы субъективизма в идеологии. И то, и другое одинаково плохо, ибо влияет на реальность формулирование внутривнутриполитических и внешнеполитических целей. Иногда самобичевание и уничижение в отношении собственного прошлого, реальных и мнимых ошибок, ведет к тому, что превалирующей идеологической тенденцией становится **недооценка** собственных культурных, исторических, интеллектуальных и политических ресурсов.

Требования «покаяния» в 80-е годы, огульная критика советского опыта, разговоры о «вечном русском пьянстве и лени», как это ни покажется странным находятся в одном русле с вполне прагматическими требованиями переоценки итогов 2-ой мировой войны (, значит, и роли СССР в послевоенном устройстве), от которых совсем уже недалеко до заявлений о выплате Россией компенсаций за оккупацию».

Между тем, культурный, духовный и исторический потенциал России не просто огромен, но имеет и особое значение на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Этот потенциал стремительно превращается в **фактор развития, мощный ресурс**. Связано это прежде всего с главной тенденцией мирового развития – **превращением творческого потенциала личности в ведущий фактор развития как экономики, так и общества**. Но, ведь основу этого человеческого потенциала составляет культура, образование и духовность. Соответственно их недооценка, а тем более пренебрежение к этим ресурсам, неизбежно ведет и к недооценке ресурсов всей нации.

Во-вторых, на идеологию (и, как следствие, – на стратегию) оказывают влияние внешние факторы. Как объективные – тенденции развития научно-технического прогресса, экономические тенденции, развитие мировых рынков и т.д., – так и субъективные – политика тех или иных государств. Подготовка фашистской Германии к войне во второй половине 30-х годов XX века, например заставила СССР всерьез, радикально изменить не только свои долгосрочные планы развития (включая пятилетки), но и повлияла на фундаментальные идеологические ценности ВКП(б), заставило изменить внешнеполитическую иерархию целей, скорректировать политику в отношении ресурсов, повлияло на социальную политику (отмена выходных, мобилизационная готовность и т.п.).

Иначе говоря, формулирование идеологии и вытекающей из нее стратегии (даже по этой вполне примитивной схеме) находится под влиянием многих объективных и субъективных факторов. Их адекватный учет, использование прямо зависит от искусства политиков, из знаний и нравственности, а, кроме того, способности к стратегическому прогнозу и планированию.

1.4.3. Переоценка алгоритма развития после 2006 года

В России с 2006 года мы находимся на стадии **переоценки как наших национальных интересов и базовых ценностей, так и разработки стратегии**. Происходит это по двум основным причинам.

Во-первых, в прежние десятилетия мы (точнее, наша элита) – и «коммунисты», и «демократы» – часто неадекватно оценивали наши ценности и интересы. Сегодня требуется не только вернуться к истокам наших национальных интересов, но и переосмыслить реальное место России в мире, выработать стратегию развития. Строго говоря, многочисленные выступления 2006–2010 годов В.Путина, Д.Медведева, С.Иванова, В.Суркова посвящены именно этому. И хорошо, что именно президент В.Путин сказал об этих ценностях весной 2007 года в своем послании Федеральному Собранию: «...духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – **это такой же важен фактор развития как политическая и экономическая стабильность**»¹ (подч. А.П.).

Завершился период экономического восстановления к 2007–2008 годам, но – и об этом мало ещё говорят – завершился период самобичевания, недооценки собственных возможностей, неоправданного и некритического оптимизма в отношении западных стран и их намерений. Мы устали не только от экономики неолибералов, но и от их идеологии. Настолько, что даже трудности кризиса 2008–2010 годов заметно не отразились на новом курсе, заявленном В.Путиным и продолженном Д.Медведевым. Идеология (точнее – неидеология) периода развала стала уступать место идеям (ещё не идеологии) развития и восстановления национальной идентичности.

Не случайно, что именно со второй половины нынешнего десятилетия появился запрос на различного рода стратегии и концепции, т.е. по сути идеологические продукты, в национальном, отраслевом, региональном и даже местном масштабе, рассчитанные на долгосрочную перспективу.

¹ В.Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 27 апреля 2007 г., с.3.

Во-вторых, как видно из рисунка описывающего алгоритм стратегии, определение национальных интересов зависит во многом и от имеющихся ресурсов. Повторю, – как материальных, так и нематериальных. Их, конечно же, в России стало больше, а значит и заявленные цели могут быть иные, более амбициозными. Напомню, что к 2007 году ВВП России достиг уровня 1990 года и даже кризис 2008–2010 годов качественно не изменил этой ситуации. Но, главное, мы начинаем учиться использовать не только материальные ресурсы, но и ресурсы человеческого потенциала – интеллектуальные, духовные, нравственные. Пока ещё плохо. И во многом потому, что о них заявлено в многочисленных стратегиях, но в реальности ещё мало что сделано. Этот процесс осмысления, развития неизбежно связан с идеологией, без которой говорить об эффективном использовании имеющихся ресурсов, формулировании реальных и амбициозных целей – бессмысленно. Кстати, в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года о развитии человеческого потенциала говорится на удивление мало. Этот фактор даже **не выступает в качестве главной цели развития общества и экономики**. Так, в Разделе III Стратегии (Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты (!!!)) они даже не упоминаются. Как цель, но только как объект инвестиций. Цитирую по документу, принятому, напомню, в мае 2009 года:

III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты

21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

– в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;

– в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;

– в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты.

23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

- повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;

- экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и **инвестиций в человеческий капитал**;

- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;

- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;

- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

Недооценка ресурса человеческого потенциала – прямое следствие недооценки идеологии в последние десятилетия, которая почти 20 лет не только не участвовала в идеологических спорах и разработке собственных моделей опережающего развития, но и сама «добровольно» превратилась в «рынок» для агрессивной экспансии чужих идеологий. За этот период на российском идеологическом и мировоззренческом рынке появилось множество чуждых идей и систем. Не стоит думать, что это произошло случайно: кто-то ведь финансировал исследования и

публикации, заботился о «своих» СМИ и институтах Гражданского общества.

Пока в СССР и России ликвидировались средства идеологической борьбы, созданные в годы конфронтации, в целом ряде стран создавались новые и модернизировались старые государственные и общественные институты, предназначавшиеся для этих целей, т.е. мы не только обезоружили себя перед чужими идеологиями, но и сами интеллектуально разоружились. Отчетливо это стало видно в 2008–2009 годах, когда внешняя и внутренняя политика России стала «вызывать беспокойство» и, соответственно ответную реакцию Запада».

Нации, чьи элиты не знают и не защищают своих национальных интересов и не могут сформулировать внятных целей, стратегий, – обречены на уничтожение. Но российская элита во многом формировалась в 90-ые годы, когда категории «национальные интересы», и «ценности» не только не признавались, но даже высмеивались, т.е. эта элита во многом росла и воспитывалась на наднациональных и безнравственных, в т.ч. неолиберальных, ценностях, заменивших коммунистическую идеологию под предлогом «деидеологизации».

Создание Комиссии по противодействию фальсификации истории в мае 2009 года стало первой публичной попыткой государства «вернуться в идеологию», хотя и до этого В.Путин, Д.Медведев, В.Сурков и говорили об этом. Но «вскользь», бессистемно, походя, не акцентируя специально внимания.

Не случайно в этой связи то, что появившаяся «идеология» Единой России» прямо отсылает читателя к идеологическим сигналам В.Путина. Так, в документе, подготовленном алтайскими единороссами «Ценности и приоритеты партии» в 2006 году, специальный раздел посвящен этой теме. Он так и называется «Идеология президента – идеология партии». Далее цитирую: ««Единая Россия» за основу своей деятельности принимает основополагающие ценности, изложенные в выступлениях Президента. Главной ценностью для партии является человек. Вот почему «Единая Россия» поддержала предложенные В.В.Путиным приоритетные национальные проекты: здоровье, качественное образование, доступное жильё, развитие ЛПК. Именно от успешного

развития этих сфер зависит будущее каждого конкретного человека, а значит и страны в целом.

Непосредственно вопросам приоритетных национальных проектов посвящено выступление Президента РФ В.В.Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального собрания и членами Президиума Государственного совета (05.09.05).

Партия выступила с предложениями всесторонней поддержки президентских инициатив, внесла свои конкретные предложения по их осуществлению и взяла на себя ответственность за их реализацию на местах»¹.

Таким не случайно и то, что антикризисная стратегия России в 2008–2010 годах не основывалась ни на стратегии развития (хотя иногда и появлялись дежурные ссылки о сохранении Концепции социально-экономического развития 2020 в условиях кризиса), ни на идеологии. Сами антикризисные мероприятия имели явно неидеологизированный, бессистемный характер. Что видно хотя бы из многочисленных выступлений на этот отчет, где идеология развития оставалась за скобками рассуждений об антикризисных мерах².

Попытки заменить национальную идеологию «общечеловеческими ценностями», «прагматизмом» и другими искусственными всевоидеологическими конструкциями привели не просто к провалу, а к поражению России в идеологической борьбе, утрате большинства позиций. И многие наши нынешние беды – запутанные национальные и федеративные отношения, экономическая дезинтеграция, «суверенитеты» и т.д., – лишь следствие «идеологического разоружения», поражения нации и государства. Мы не успели (или не смогли) трансформировать идеологию СССР, принадлежавшую индустриальной эпохе, к идеологии информационно-технологического этапа развития человечества. Мы вообще «забыли» об идеологии, созидании и развитии, занятые разрушением советского общества и государства. Сегодня важно ещё раз вспомнить о причинах и годах «возвращения идеологии».

¹ Altay Daily Review. 15.05.2006 г. / <http://www.bankfax.ru>

² См., например. *И.Родин*, Путин готовится к отчету / Независимая газета, 25.03.2010, с. 3.

Более того, первый период правления В.Путина, – период внутривластной стабилизации и восстановления экономики, также по разным причинам не способствовал разработке перспективных идей и моделей. Отчасти – по объективным причинам (было не до этого), но, отчасти, и из-за того, что главный политик (и он же должен был быть идеологом) – В.Путин – видимо сознательно не хотел брать на себя откровенно идеологические функции. Вплоть до 2006 года.

Между тем уже после завершения восстановительного периода 2000–2007 годов, объективно возникла потребность сформировался общественный запрос на идеологию как во внешней среде (необходимость идентификации себя в мире, своих интересов и целей), так и во внутренней (российскому обществу нужна цель развития). Причем, чем лучше обстояли дела в социально-экономической области, тем неотложнее, актуальнее становилось задача принятия стратегии и обязательная в этой связи задача формулирования идеологических приоритетов. Не случайно, что в послании президента России 2007 года обе эти задачи оказались совмещены. Так, примечательно, что ускорение темпов развития в первой половине 2007 года совпало с ускорением роста доходов населения: темпы промышленного роста и ВВП превысили 7%, а доходов граждан и реальной зарплаты – 13% и 18,4% соответственно¹.

В этот же период был сформирован прогноз и бюджет на 2008–2010 годы. В целом эту ситуацию весны 2007 года хорошо описал бывший посол Великобритании в Москве Р.Брейтуэйт: «Российские политики снова обрели необходимую уверенность в себе, чтобы высказывать свое видение национальных интересов России независимо от того, совпадает ли оно с мнением Запада. Но эта уверенность до сих пор зыбка, слишком зависима от цен на нефть, от внутренней политической стабильности, основанной на централизации и жесткой дисциплине. Чувство агрессивной уязвимости до сих пор сквозит во всех смелых речах»².

Это точное признание английского дипломата, на мой взгляд, говорит одновременно о непонимании Западом мотивов российской

¹ Население сдалось росту доходов / Коммерсант. 4 мая 2007 г., с.2.

² Р.Брейтуэйт. Хватит раскачивать лодку / Ведомости. 4 мая 2007 г.. с.А4.

элиты, с одной стороны, но, одновременно, и о том, что сами эти мотивы не до конца сформулированы, с другой.

Таким образом, усиление государства без его ясной идеологической составляющей, отмечено в 2006 году, привели к росту настороженности за рубежом, усилению враждебной критики в адрес России. Усиление идеологии, в основе которой находилась не доктрина, а выступления лидера, «сигналы» обществу неизбежно вызывает вопросы как за рубежом, так и внутри страны. И обеспокоенность тоже, ведь не ясно (куда в конечном счете заведут эти «сигналы»). Как отмечал в декабре 2006 года министр иностранных дел РФ С.Лавров, «нарастание такой критики происходит по мере того, как Россия становится более уверенной в своих силах. Наверное, всегда есть желание у конкурентов постараться своего партнера-конкурента как-то ослабить»¹.

Наверное, это самое простое объяснение. Но не обязательно самое верное. Дело в том, что сильное, независимое государство, которым становится Россия, должно четко себя позиционировать в мире. И прежде всего идеологически. Наши партнеры и союзники, а тем более оппоненты, должны ясно знать, чего мы хотим и что мы готовы за это заплатить, а за что нет. На мой взгляд, они готовы смириться даже с нашими завышенными амбициями, **если мы их толком сможем заявить и аргументировать**. Но с чем они определенно не готовы смириться, так это с нашей непрогнозируемостью, завуалированностью целей, вытекающей из отсутствия внятной идеологии и стратегии.

¹ М.Зыгарь. Великодержавный оптимизм / Коммерсант. 21 декабря 2006 г., с.9.

1.4.4. Инновация в алгоритме развития

«... есть много чудаков, принимающие «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую революцию» за всемирно-историческое событие...»¹.

О.Матвейчев

Важно, на мой взгляд, осознавать, что в эпоху глобализации, не имея своей ясной идеологии, мы ставим по угрозу как свою национальную идентичность и суверенитет, так и отказываем себе в продуманной долгосрочной стратегии инновационного и ускоренного развития, которая на самом деле является **следствием идеологии** и согласованного алгоритма стратегии развития. В конечном счете, лишаем себя будущего. Простой пример. На встрече с представителями крупного бизнеса 6 февраля 2007 года Владимир Путин призвал создать условия для диверсификации экономики, чтобы обеспечить «инновационный путь развития». И хотя эксперты оценили этот тезис как программный для последнего года президентства Путина, его выполнение столкнется с большими предвыборными трудностями², прежде всего, неготовностью **бизнеса и государства к реальному переходу на инновационный путь развития**.

Собственно эта и произошло в последующие три года: заявления и инновационные программы, не подкрепленные реальными механизмами реализации, причем механизмами системными, идеологическими, а не разовыми решениями, привели практически к нулевому результату к 2010 году. Горькая оценка неспособности к инновациям, прозвучавшая в 2010 году у Д.Медведева, во многом была предопределена всеми предыдущими действиями власти. Если вновь обратится к рисунку, на котором изображен алгоритм стратегии, то мы увидим, что обязательная роль в нем предполагается не только декларированию и даже нормативно-правовому оформлению **цели**, но и обеспечению такой стратегии необходимыми **ресурсами**. А необходимых ресурсов для развития человеческого потенциала и инноваций выделено не было. Так,

¹ *О.Матвейчев*. Инновация и симуляция. Идеология фонд. / www.deologiya.ru/15.03.2009 г.

² Дискурс кубышки / Ведомости. 15 февраля 2007 г., с.1.

только весной 2010 года было сказано о льготном налогообложении инноваций и образования, но при этом кредитная политика, как была, так и осталась, антиинновационной. В целом же можно констатировать, что в 2009–2010 годах власть только начала процесс обеспечения своей инновационной стратегии необходимыми ресурсами. Вопрос о том, насколько быстро пойдет этот процесс в условиях кризиса, остается открытым.

В 2010 году в США, например, свыше 90% прироста ВВП обеспечивается за счет экономики знаний и развития человеческого потенциала, а более 60% всех предприятий имеют инновационный характер (Для России этот показатель равен 5%).

Этой та реальная точка отсчета, от которой мы должны исходить при реализации стратегии опережающего развития. И начинать надо было с **системного анализа проблемы развития**, хотя бы самого простого, в котором раскрывался алгоритм стратегии.

Алгоритм раскрытия экономического развития страны, общества¹:

1. Влияние географического положения страны на развитие хозяйства.
2. Направления государственной экономической политики.
3. Развитие промышленности: районы; специализация регионов; виды, характер и особенности организации производства; типы промышленных предприятий; технические достижения; объем выпускаемой продукции и пути ее реализации.
4. Развитие торговли.
5. Развитие сельского хозяйства: земледелие (разновидности культур, развитие орудий труда и сельскохозяйственной техники, урожайность); скотоводство; промыслы; объем производимой продукции и пути ее реализации.
6. Развитие форм собственности.
7. Финансовое развитие страны (состояние денежной системы; банки, ростовщичество); финансовая политика государства.
8. Роль экономики в социально-политическом развитии страны.
9. Место страны в мировом производстве.

¹ <http://pedagog-novator.ru>, May 14th, 2009.

Действительно, сегодня не надо никому доказывать, что без инновационного взлета наша экономика обречена на прозябание, на вечное сохранение статуса сырьевого придатка ведущих мировых держав. Но кому сегодня в России реально нужна инновационная модель развития экономики? Как пессимистически считает начальник инспекции контроля расходов федерального бюджета на науку и образование Счетной палаты Вениамин Соколов, правительство замораживанием в различных фондах гигантских средств показывает, что федеральных чиновников эта идея, несмотря на декларации, мало волнует. Инновационная экономика не очень интересна и нашему бизнесу – он не предъявляет спроса на инновационный продукт. И уж тем более мы не нужны с нашими инновациями на международных рынках, там их и без того хватает. То есть отсутствуют три основных фактора, способных поднять инновационную среду. А потому в наших условиях инновационная модель развития изначально конфликтна. Поэтому для ее продвижения нужны **политическая воля и создание соответствующих институтов**¹. Одних деклараций мало.

Но не только. Сами по себе эти приоритеты идеологически до конца не выстроены, а тем более не подкреплены реальными, значимыми ресурсами. Так, в послании 2007 года Федеральному Собранию В.Путин декларировал выделение 180 млрд. рублей (7 млрд. долл.) на развитие нанотехнологий. США на четыре года выделили 3,7 млрд., а ЕЭС на 3 года – 1,3 млрд. евро. При этом не вполне ясно, почему эти расходы (сопоставимые со всеми расходами на фундаментальную науку) идут только на нанотехнологии. Как отмечают российские эксперты, «Приравнивание всего научного бюджета РФ к объему отдельно взятой наноинициативы – сильное решение. Даже во времена советского атомного или космического проектов пропорции были иными. Впрочем, эксперты уже устали повторять, что по всему НТП-фронту нынешняя Россия атаковать не в состоянии и стоит определиться с приоритетами. Вот вам и приоритет»².

По меньшей мере, это решение Президента РФ должно быть объяснено в рамках не только стратегии развития науки и экономики, **но**

¹ В.Гурвич. Подайте на инновации! / Политический журнал. 23 июля 2007 г., с.46.

² А.Громов и др. Стратегия на настоящее / Эксперт. 2007 г., № 17, с.61.

и идеологически. Так как это было в свое время с космическими и ядерными программами, ведь недофинансирование остальных областей фундаментальной науки и НИОКР – очевидно. Тем более непонятно, почему из инновационной политики властью в 2007–2010 годах «выпала» социо-гуманитарная сфера. Инновации – это, прежде всего, люди, развитие человеческого потенциала, а затем уже технологии. Эта приоритетность в деятельности власти спутана.

Мода на инновации и модернизацию, появившаяся в 2007–2010 годы в риторике руководителей разного уровня, – явление не плохое. Но эта мода может остаться только риторикой, если не последуют результаты. Пока мы этого не наблюдаем, что вынудило даже Д.Медведева и В.Путина не раз в 2009–2010 годах говорить о том, что инициативы тонут в бюрократической пучине.

Алгоритм стратегии опережающего развития предполагает, что **во-первых**, правильно, адекватно сформулированы проблемы и цели, **во-вторых**, они выстроены в приоритетном порядке, **в-третьих**, что они учитывают и используют мировые тенденции развития наконец, **в-четвертых**, что эти приоритеты обеспечены **всеми** необходимыми ресурсами государства и общества.

Последнее обстоятельство следует конкретизировать. Ресурсы – это не только финансы, но и весь спектр потенциальных возможностей. Причем не только государства, но и всего общества. От ресурса времени, до административного, организационного и прочих ресурсов, среди которых особое значение имеют моральный и психологический ресурсы (потенциалы). Не будучи мобилизованы (а в отсутствии, идеологии этого сделать нельзя), эти ресурсы не используются. И, наоборот, когда власть и общество понимают значение этих ресурсов для достижения желаемой цели, способны и хотят их мобилизовать то получается феноменальный результат. Вспомним, хотя бы, как в 1941–1942 годах проходила мобилизация этого потенциала. Если в 1939–1941 годах Германия и ее союзники имели примерно в 2–3 раза больше ВВП и производственных мощностей, чем СССР, то даже после оккупации значительной части европейской территории СССР к концу 1942 года наша Родина, ее Граждане смогли производить уже больше танков, самолётов, орудий, чем агрессоры.

Кроме того, за инновации надо платить. Реальными деньгами и временем, не ожидая немедленной отдачи. Но ни бизнес, ни правительство пока не готовы платить масштабные деньги за перспективные результаты. Бизнес – потому, что ему выгодно вкладываться в короткие и высокорентабельные проекты, а правительство – потому, что чиновник в принципе не думает о перспективе более года. Для этого такой чиновник должен стать государственным деятелем, т.е. **идеологом**. Да и сама правительственная команда должна быть спаяна **идеологией опережающего развития**. Пока что этот процесс ещё только начинается.

У этой идеологической проблемы, таким образом, есть прикладное, вполне экономическое значение: 2006–2009 годы **завершили стабилизационный**, восстановительный, «переходный» этап развития России, неизбежно и неотложно ставя проблему выбора дальнейшей экономической стратегии страны в XXI веке. Период «стабилизации», о котором Президент говорил еще в 2004 году, заканчивается. Уже сегодня заметны элементы нового периода – развития. Кризис 2008–2010 годов помешал этому процессу, в т.ч. и потому, что страна осталась со слабой структурой экономики и без идеологии развития, роль которой, конечно же, не смогла выполнить «Концепция 2020».

Вот почему важно представить не только власти, «для себя», но и для всей элиты и нации максимально адекватно **будущее России**¹.

А это уже **идеологический выбор**. Причем общенациональный. Это обязательное условие при принятии сегодняшних важнейших политико-

¹ С удовлетворением хочу отметить, что в 2006 году проблема разработки стратегии страны стала уже не только очевидной, но и предметом для обсуждения. В 2000 году, когда была опубликована книга «Стратегия для будущего Президента России», это еще не было столь очевидным. Целые группы авторов, включая коллективы внутри ветвей власти в 2004–2005 годах занимались этой проблемой. Приведем лишь один пример – книгу коллектива ученых Института экономики РАН под руководством Л.Абалкина «Взгляд в завтрашний день», где в предисловии делается примечательное замечание: «Вопрос о будущем России, о завтрашнем дне страны волнует миллионы россиян. Ответ на него имеет не только политический и социально-экономический смысл, но и духовно-нравственное содержание. Без четкого видения контуров будущего усилия по преобразованию общества бессмысленны. Нарастают апатия и пассивность, усиливается стремление урвать у жизни какие-то блага уже сейчас. Для четкого взгляда в будущее нужна долгосрочная стратегия. Ее разработка и принятие – это составное звено самоопределения России». (Л.Абалкин. Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН. 2005. с.1.).

экономических решений. Нужно ясное направление, вектор, ошибка в выборе которого сейчас на крошечную величину, приведет в будущем – лет так через 10–15 – к огромным отклонениям. Иногда уже непоправимым.

Глава 1.5. Выбор элитой¹ идеологии предопределяет выбор стратегии развития

«Самое главное – это идеология развития. Когда она есть, все остальные вопросы носят технический характер»².

М.Ковальчук
член-корреспондент РАН

«...духовность и креативность делают человека реальной силой, наиболее значимой составляющей не только социума, но вселенной»³.

В.Петровский

Выбор стратегии развития предполагает признание следующих реалий:

– Существование **объективных** национальных интересов и ценностей, не зависящих от конъюнктурных факторов и представлений, лежащих в основе любой политики и идеологии (группа 1)

– **Объективно** существующих национальных ресурсов и возможностей (природных, материальных, но, прежде всего, человеческих), показанных в качестве групп факторов 3.

– Действие **объективных** мировых процессов и существование объективных международных геополитических, экономических, военно-политических и иных) реалий (группа б).

– **Субъективное** представление национальной элиты как об этих трех группах факторов, так и формируемых элитой под их воздействием целей и задач внутренней и внешней политики (группа 2).

¹ В качестве рабочего определения термина «элита» можно использовать следующее: «элита» – **верхний слой правящего класса или отдельных групп**. Под элитой, как правило, понимают высшие слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития, науки и культуры. Теория элиты развивалась еще Платоном, Карлейлем, Ницше, но как система взглядов была сформулирована в XX в. Парето, Моской, Михельсом, Миллсом и др.

Все названные мыслители, говоря об элите, имели в виду небольшую группу наиболее активных, компетентных, влиятельных людей, определяющих в конечном счете поведение многих социальных структур, общества в целом. Именно данные личности преимущественно «производят» идеи, меняют характер общественных отношений, создают новые возможности, что называется, творят историю. И в этом смысле вполне можно согласиться со следующими словами Г.Лебона: «Изучение цивилизаций показывает, что в действительности только очень незначительной кучке избранных мы обязаны всеми завоеванными успехами... Благоприятствовать их появлению и их развитию, значит благоприятствовать расцветанию прогресса, которым будет пользоваться все человечество». (Современная политико-административная элита России / <http://www.erudition.ru>.)

² Идеология технологии / <http://www.fasi.gov.ru/news/press/>

³ Духовность Креативность. Воображение. Творчество. <http://detstvo.ru>.

– **Субъективном** представлении о стратегии, которая является частью политики, направленной на эффективное использование национальных ресурсов в интересах достижения сформулированных элитой целей (группа 5).

– Наконец, признание того, что политическая деятельность и идеология представляют собой **систему взглядов правящей элиты** на все эти группы факторов и механизмы влияния и взаимодействия между ними, т.е. **вид субъективной деятельности части общества**. Это субъективное восприятие выражается в том, что на формировании идеологии и стратегии развития влияют три группы важных субъективных частных факторов: а) **адекватность** восприятие элитой страны, прежде всего ее руководством, базовых национальных интересов и ценностей; б) учет элитой международных реалий; и, наконец, в) эффективное использование (управление) элитой национальных ресурсов. Но это – принципиальная схема, конкретная реализация которой зависит от **выбора элиты**.

Так как элита в этой схеме играет исключительно важную роль, то следует конкретизировать это понятие. Чтобы специально не заниматься российской элитологией, сущность на признанного авторитета в этой области профессора МГИМО (У) Г.К.Ашина, который много лет занимается это проблемой¹.

Элита очень по-разному может оценивать как национальные интересы и ценности (группа «1»), международные реалии (группа «б»), так и национальные ресурсы (группа «3»). И не только оценивать по-разному, но и влиять на эти факторы. Или не оценивать вообще. Очень правильно по этому поводу сказал Ан.Чубайс: «Власть не может принять

¹ Г.К.Ашин. Элитология: история, теория, современность: монография. М. МГИМО (У), 2010 г., с. 281.

решения, если до этого оно не было выработано элитой»¹. Способность адекватной оценки зависит от многих качеств элиты – профессионализма, опыта, патриотичности, нравственности, способности к стратегическому прогнозу и т.д., – но, прежде всего, от сложившейся в конкретное время у элиты **системы доминантных взглядов, т.е. идеологии**. Поэтому и адекватность в конечном счете сводится к идеологическому выбору. Вот почему для меня особенное значение имеет именно идеология элиты в конкретный, иногда очень короткий период времени. Её еще можно назвать привычным термином «позиция», которую занимает тот или иной представитель элиты или группа (многие еще не отвыкли и от термина «линия партии»). Часто эта «позиция» маломотивирована, нередко неадекватно, но ее стараются придерживаться. Из-за того, что этой «линии» следует власть. Иногда эта «позиция» – заведомо ошибочная, но от нее сознательно не хотят отказываться по разным причинам: боязни «потерять лицо», инерции мышления, из-за различных обязательств и т.д., но чаще сугубо личных или групповых интересов. На примере М.Горбачева и Б.Ельцина мы не раз видели, что принципиальной важности решения становились следствием амбиций, обид, интриг.

Исторически для России субъективный фактор – роль лидера и политика элиты – всегда имело огромное значение. Вспомним, хотя бы, роль Петра I, В.Ленина, И.Сталина, М.Горбачева, Б.Ельцина, чья деятельность привела к глубоким, системным изменениям государства и общества. В отличие от развитых стран, чьи элиты ограничены в масштабе своих действий (вспомним, хотя бы случай с Р.Никсоном), российская элита, как показывает опыт, может радикально, даже революционно влиять на судьбу страны. Как в положительном, так и отрицательном смысле.

Если вернуться к уже упоминавшемуся рисунку², то мы увидим, что именно элита должна придти по основным идеологическим вопросам если не к консенсусу, то взаимопониманию, ясно обозначать как проблемы, так и цели развития. В противном случае расхождение в заявленных целях и

¹ Т.Кособокова. Элите не хватает интеллекта / <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>.

² Напомню, что эта концепция была разработана ныне покойным профессором МГИМО (У) М.А.Хрустальевым. См., например: *М.А.Хрустальев. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии*. М.: НОФМО, 2008.

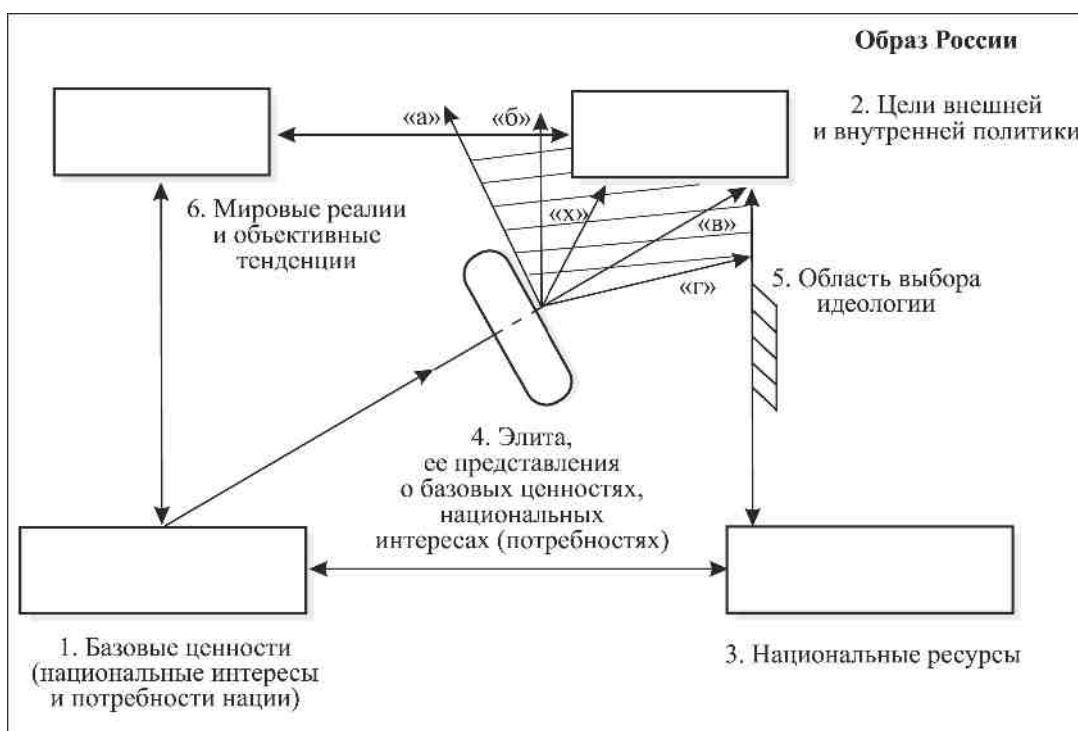
методах их достижения будет непреодолимо. Именно такая ситуация сложилась к концу 2010 года в современной России, где элита оказалась расколотой. В том числе и по вопросу модернизации.

Значительная часть элиты уже фактически эмигрировала на Запад, приобрела там собственность, учит детей и находится «в состоянии переезда». Эта часть, как ее справедливо назвал В.Сурков, – «оффшорная демократия», вообще не заинтересована участвовать в модернизации России, рассматривая ее как лишь источник существования на Западе. Кто же захочет отремонтировать дом, предназначенный на продажу? Если только для того, чтобы продать подороже. Отток капиталов за рубеж в период кризиса 2008–2010 годов, принявший огромные масштабы, показал, что эта часть элиты не просто велика, но и стремительно растет.

Что еще хуже – к этой части элиты, не верящей в перспективу России, присоединяется в массовом порядке средний класс, даже те, кто находится на более низкой ступени социальной лестницы. Если в 90-е годы уезжали для того, чтобы пережить трудности, то теперь – от неверия в будущее страны.

Другая часть элиты также не заинтересована в модернизации потому, что приспособилась жить в условиях ресурсной экономики, коррупции и безответственности. Ей нужно только, чтобы ее «не трогали», меньше «грузили проблемами» и «не мешали жить». Вполне довольная своим уровнем жизни и возможностями, наблюдая за внешними событиями безучастно, «из-за высоких заборов (стен)», эта часть элиты уверена, что ничего изменить нельзя и менять не надо. Надо лишь успеть вовремя приспособиться к меняющимся обстоятельствам: как это было при М.Горбачеве, Б.Ельцине, В.Путине, а теперь – Д.Медведеве.

Наконец, третья часть элиты занимает активную политическую позицию, которая может резко отличаться в отдельных моментах, но ориентирована в конечном итоге на развитие страны. Вот для этой-то элиты необходимо не только **консолидироваться**, чтобы, во-первых, преодолеть саботаж первой и второй групп элит, а, во-вторых, начинать двигаться в каком-то одном направлении. Пусть с различными тактическими нюансами. На рисунке эти вектора условно названы «х» и «в».

Такой разноречивой в формулировании элитой целей, может привести к тому, что ее часть может предлагать неадекватно завышенные (слишком амбициозные) цели – вариант «г», – не соответствующие ресурсам страны и международным реалиям. В то же время другая часть элиты будет предлагать (как это существует сегодня в финансовой части элиты) заниженные цели, также не адекватные потребностям и интересам страны – вариант «а». Если вариант «а» ориентирован на более значительный учет реалий глобализации и, соответственно, уделяет меньше значение национальным интересам и ценностям, то вариант «г» – можно назвать в большей степени изоляционистским: при его выборе не только меньше учитываются реалии глобализации, но и делается значительно больший акцент на использовании национальных ресурсов. (На практике это, например, варианты концепций внешней политики Д.Медведева после его выступления в июле 2010 года в МИДе и В.Путина – в Мюнхене).

Другими словами у элиты различные есть варианты формулирования как образа России (целей внешней и внутренней политики), так и использования национальных ресурсов. От варианта «а» до «г», при существовании множества промежуточных вариантов (в данном примере указаны только «б» и «в»).

На практике этот сектор возможностей не так уж и широк. Если правящая элита адекватна (что, отнюдь, не всегда факт), то она выбирает один из реалистичных вариантов, не выходя за пределы этого сектора. Хотя бывают и исключения. Так, в начале 80-ых годов советская элита приближалась в своем выборе к вектору «г», иногда даже выходя за его пределы, изматывая свою экономику обязательствами, а в 90-ые годы российская элита «перепрыгнула» в своей не адекватности за все пределы вектора «а», попытавшись «вскочить» в развитую рыночную экономику, заплатив любую цену.

В рамках одного идеологического вектора – «политики В.Путина» – в действительности можно увидеть два – вариант «б» и вариант «в», – которые весьма близки друг другу, но отнюдь не идентичны. «Мюнхенская речь» В.Путина созвучна больше варианту «в», а выступление Д.Медведева перед послами в 2010 году – варианту «б», «назначение губернаторов» – варианту «в», а «выборы с назначением» – варианту «б» и т.д.

Соответственно и с точки зрения ресурсных национальных затрат «разброс» между вариантами достаточно широк. Там, с точки зрения затрат на оборону, вариант «а» предполагает расходы до 0,5% ВВП, а вариант «г» – 5% и более. (Напомню, что в 80-ые годы считалось, что расходы на оборону более 8% ВВП, как это было, например, в СССР, вели к экономическому изматыванию страны.

Таким образом идеологический выбор элиты **предопределяет выбор стратегии развития**, оставляя для нее очень узкое «окно возможностей». Вот почему крайне важно точно, прежде всего идеологически, определиться элите с вектором развития. Прочитую еще раз А.Чубайса, с которым впервые соглашусь за последние 20 лет. Более того, выскажу свое безусловное согласие с его тезисами, заявленными в сентябре 2010 года на конференции в Перми¹:

– «Элите не хватает интеллекта, поэтому Россия не может начать модернизацию»;

– «... за полтора года модернизации в этом направлении сделаны лишь разрозненные шаги ...»;

¹ Цит. по: *Т.Кособокова*. Элите не хватает интеллекта / <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>.

– «... разрабатывать стратегию некому: интеллекта на это у элиты нет ...»;

– необходимо «заняться внятной инновационной стратегией страны, хотя бы на 10 лет»;

– «необходимо переходить от набора разрозненных мер к целостной, внятной стратегии»;

– «власть не может принимать решение, если оно до этого не было выработано элитой»;

– «власть может в лучшем случае оформить (более или менее удачно и вовремя – А.П.) и взять на себя ответственность за выбор»;

– «... от масштаба этого политического вызова радикально отстают политическая элита»;

– «интеллектуальная элита радикально отстала от политических лидеров ...»;

То, что А.Чубайс сталкивается с теми же проблемами «интеллектуальной безопасности и скудоумия» у себя в корпорации – лишняя иллюстрация правильности его общих тезисов.

Теперь о том, что не сказал А.Чубайс «Я даже догадываюсь почему: это то, что **стратегия** (т.е. искусство эффективного использования ресурсов ради достижения поставленных целей) без идеологии **не бывает**. Применительно к модернизации это означает, что **процесс модернизации** должен **преследовать ясные политико-идеологические цели**.

Но и это не всё. Разнобой внутри элиты относительно целей развития усугубляется неизбежным разнобоем относительно средств, ресурсов, а, в конечном счете, самой стратегии. В отсутствии единого представления эта «совокупность понятий», по-Зиновьеву, может привести к прямо противоположным подходам, ведь споры, даже война, из-за ресурсов – обычное явление. Действительно, если взять, например, процесс формирования бюджета, то на всех его стадиях – от определения приоритетов до голосования в Федеральном Собрании и итоговой подписи Президента – происходит борьба не только концептуальная,

идеологическая, политическая, но и аппаратная, ресурсная, наконец, просто личная¹.

В любом случае требуется хотя бы относительное единство внутри правящей элиты по идеологии, т.е. всей «совокупности понятий», которого сейчас нет. Причем его нет даже по принципиальным вопросам. Так, определяя в качестве приоритетной цели инновационное развитие, в т.ч. энергосбережение, экономию ресурсов и т.д., значительная часть правящей элиты игнорирует эту совокупность задач, что в конечном счете приводит к абсолютной невосприимчивости экономики к инновациям. Одно из объяснений этому дает депутат ГД РФ А. Савельев: «— У нас есть органы, которые отвечают за определение стратегии развития России. Даже есть документы, в которых эта стратегия сформулирована. Например, военная доктрина, доктрина национальной безопасности страны, ежегодное послание президента РФ, где называются основные направления стратегического развития страны. То есть, что касается выражения стратегии на бумаге, то она обозначена. Не видно только главного — ее реализации.

Вместо обозначенной стратегии у нас проводится в жизнь **идеологическая доктрина**. Она либеральная, ультралиберальная или, как ее в последнее время стали правильно называть, либертатная. Она не имеет никакого отношения к классическому и современному западному либерализму. В российской почве находят отражение лишь своеобразно интерпретированные положения либерализма. Их суть буквально можно свести к одному: пусть страна погибает, лишь бы принцип действовал. На мой взгляд, эти либертатные положения и являются сегодня той самой стратегией развития, которую реализовывают государственные органы»².

Другими словами в нынешней России у элиты есть две стратегии, две идеологии — «на бумаге» и в выступлении Д.Медведева и В.Путина, и в реальной, в т.ч. экономической и социальной жизни. Одна — путинско-медведевская — вполне адекватная, нормативно оформленная в более 150

¹ Так, например, после прихода к власти в России неолибералов расходы на оборону за один год сократились в 3 раза (!). См. подробнее: *И.Н.Тимофеев* Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами / Полис, № 4, 2009 г., с. 21.

² *А.Савельев*. Стратегия политической элиты — «закатать» Россию «в асфальт» / www.savelev.ru. 16.05.2006 г.

стратегиях но **не работающая**. Именно это и продемонстрировали последние два года попыток модернизации, когда частные шаги, ежедневно предпринимаемые президентом и премьером, дают крайне незначительный эффект. У нее нет идеологии.

Другая стратегия, нигде не афишированная, не подкрепленная никакими долгосрочными стратегиями и концепциями развития, – **реальная**, работающая. В ее основе лежит идеология дикого российского неолиберализма – вседозволенного воровства, коррупции, кумовства.

Все это очень напоминает последние годы советской власти, когда существовали две моральные шкалы ценностей – «для себя» и «для других». Когда неэффективность госуправления стала темой анекдотов, а популярные лидеры превратились в предмет насмешек. Как и сама власть, на которой сначала стали иронизировать, потом перестали бояться, потом – считаться, а в итоге – просто отодвинули за ненадобностью. Вместе с великой страной, ее культурой, ценностями и национальными интересами.

1.5.1. Адекватность¹ идеологического восприятия правящей элитой

«В системной модернизации важнейшую роль играет ... «перезагрузка» ценностно-смысловых приоритетов ...»².

Ан.Торкунов

«Власть не может принять решения, если оно до этого не было выработано элитой»³.

АЧубайс

Адекватность элиты означает:

- **адекватность** отношения к (объективным) национальным интересам / потребностям и ценностям;
- **адекватность** в оценке мировых реалий и процессов международной жизни;
- **адекватность** в оценке национальных ресурсов и возможностей, т.е. полному учету и правильной оценке возможностей нации (например, духовных, культурных, а не только ресурсных);
- **адекватность** в формулировании целей внутренней и внешней политики.

Другими словами, адекватность это **субъективное качество** высшего слоя правящего класса – элиты-страны, которое отражает более или менее точно **объективные реалии**: чем точнее – тем адекватнее. Или наоборот, – не отражает: тогда это называется неадекватностью. Примеров в недавней российской политической истории – великое множество, но объяснения неадекватности могут быть самыми разными – от психических особенностей личностей, до вполне объективных процессов, которые ставят личность (социальную группу) в экстремальные условия, когда от неё трудно ожидать адекватности. Например, в случае радикальных социальных изменений.

Адекватность во многом является следствием качества идеологической системы, господствующей в определенное время в обществе, либо (как стремились сделать в последние годы в России) ее отсутствия. Соответственно, чем выше уровень гуманитарного значения

¹ Адекватность – зд. совпадение качественных характеристик определенным требованиям общества.

² *Ан.Торкунов*. Школа российской идентичности / Независимая газета, 14.10.2009.

³ *Т.Кособокова*. Элите не хватает интеллекта / <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/20/focus/511972>.

вообще и «идеологичности» общества, тем адекватнее элита такого общества. И, наоборот. Мы видим, что развитие страны, где сформировалась система ценностей, а элита в целом осознает национальные интересы, неадекватные представители элиты быстро становятся маргиналами. Как и те, кто нарушают не только писанные, но и не писанные законы и нормы (т.е. идеологию) существующие для элиты. Эта «страховка», «защита от дурака» предохраняет общество и элиту от самоуничтожения и социальных катаклизмов.

Адекватность элиты – совпадение качественных характеристик не только отдельных представителей, но и отдельных групп элиты современным общественным требованиям, – очень важное условие эффективности любой политики или стратегии. На мой взгляд, обязательными качествами элиты должны быть:

- профессионализм, выражаемый в высоком качестве образования и опыта;
- нравственность, соответствующая нормам общественной жизни современности;
- способность к стратегическому прогнозу, оценке последствий своих действий;
- патриотизм, как приверженность национальным интересам и ценностям.
- способность к творчеству (креативность).

Это можно выразить на следующем рисунке:

Как видно из этого рисунка, именно от адекватности элиты зависит адекватность идеологии и эффективность стратегии, а, как следствие, и результаты такой стратегии, выраженные в формировании современной экономики и общественных институтов.

На практике, однако, все пять обязательных качеств присущи минимальной доли российской элиты. По некоторым оценкам, например,

хорошее высшее образование имеет не более, 50% федеральных и региональных чиновников. О нравственности, в условия разгула коррупции, говорить еще труднее. Способность к стратегическому прогнозу – минимальна, – о чем свидетельствует хотя бы то, что большинство законов представляют собой редакцию прежних законодательных актов. Наконец, Увеличить адекватность элиты сегодня трудно, но можно. Это означает как политику продвижения тех личностей, чьи качества соответствуют общественным требованиям (что займет длительное время), так и формирования идеологии. Как системы взглядов, которой **должны соответствовать** представители правящей элиты. Если хотите своего рода «партийных норм», с которыми **обязаны** считаться представители элиты под угрозой «вымывания из ее рядов». Это можно предоставить следующим образом:

Другими словами власть искусственно **ставит элиту в идеологические рамки**, вынуждает ее представителей соответствовать общественным потребностям и нормам, т.е. быть адекватной. Это означает использование властью инструментов не только административных, финансовых и правовых, но и силовых. Впрочем, это было уже при реформах не только И.Грозного, Петра I или И.Сталина, но и в период существования «морального кодекса строителя коммунизма», а для этого – в периоды господства католической церкви или протестантизма (который сегодня так хвалят отечественные либералы).

Чем точнее идеологический выбор элиты (чем она адекватнее), **тем эффективнее может быть избрана «стратегия развития**, потому что именно этот выбор определяет «коридор» возможных стратегий. Идеальный идеологический выбор связан в этом случае уже настолько с адекватностью элиты, сколько с другими, объективными факторами – соотношением сил, конкретной ситуацией в стране и в мире и т.д.

Другими словами, искусство стратегии становится искусством возможного действия элиты в данных условиях. Именно адекватное восприятие элитой страны основных составляющих идеологии позволяет говорить о возможности формирования эффективной **стратегии развития**, без которой, в свою очередь, как справедливо говорил М.В.Ковальчук, «все остальные вопросы носят технический характер».

Уместно в этой связи напомнить еще раз о том, что понимается под идеологией. Определений этому понятию уже проводилось много, но в данном контексте, а именно: «понимания элитой идеологии развития», полезно использовать характеристику покойного философа А.А.Зиновьева, который писал в своей книге «Идеология партии будущего» следующее: «Предварительно (! – *А.П.*) идеологию можно определить как **совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений** и т.п. людей обо всём том, что в **данных условиях** (! – *А.П.*) и в **данной человеческой общности** (! – *А.П.*) считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения»¹.

Эту «совокупность понятий» элиты необходимо прокомментировать, ибо от нее сегодня **слишком много зависит не только для разработки идеологии стратегии опережающего развития**, но и совершенно конкретных, практически, даже жизненно важных действий. Например, взрывы в московском метро, прозвучавшие в марте 2010 года, как и многие другие террористические акты до этого, свидетельствуют о том, что против России ведется война, в основе которой находится **идеологическая мотивация** (создание исламского государства на Кавказе, борьба на смерть с неверными т.д.). Противостоять агрессивной идеологии может **только система политико-идеологических мер**, т.е. идеология, в которую входят и экономические, и военные меры, но в качестве дополнительных инструментов. Сами по себе военные или социальные ответные меры малоэффективны.

В России однако, похоже, правящая элита этого не понимает, так как предлагает исключительно силовые или экономические способы противодействия. Которые будут **заведомо неэффективны против агрессивного идеологии**. Так, создание «единого антитеррористического центра» на Кавказе в дополнение к уже имеющимся силовым возможностям

¹ А.А.Зиновьев. Идеология партии будущего / <http://lib.rus.ec/b>.

мало что дает, ибо действия **террористов происходят по всей территории России**. Как идеология, терроризм глобален и тотален. Соответственно региональные усилия изначально малоэффективны. Что делать, например, с террористами в Сибири или на Дальнем Востоке?

Также неэффективных и только экономических «вливания» в кавказский регион, во-первых, потому что часть этих средств уходит террористам, а, во-вторых, потому что среди террористов находятся не только обездоленные – малообразованные и бедные, – но и вполне благополучные и образованные граждане.

Не подходят и меры, ориентированные на этнический характер преступности. Так, уничтоженный в марте 2010 года лидер террористов Бурятский, был наполовину русский, а на половину – бурят.

Таким образом выбор эффективных антитеррористических мер прямо зависит от идеологического выбора элиты, в частности, создания эффективной идеологической системы, в которую органично входят как экономические, социальные, так и силовые компоненты. В этой связи можно согласиться с Ю.Латыниной, которая полагает, что «касается того, что хотят наши террористы. Они хотели, начиная с 1999 г., (на мой взгляд, значительно раньше – А.П.) освобождения всего Северного Кавказа, это полностью укладывалось как в их идеологию, так и в более широкую идеологию оборонительного джихада, который они ведут на земле, которая когда-то была Землей Ислама.

... цитирую Анзора Астемирова: «Если мусульманин выступает против мусульман на стороне неверных, то отношение к нему такое же, как к неверным, то есть, его кровь больше не является запретной и его можно убить. Признание конкретного человека «неверным» означает, что его следует убить, его имущество – халяль, его жены сразу считаются разведенными, его дети не наследуют от него, и родители не оставляют ему наследства». **«Мусульмане, которые словом или делом помогают неверным против мусульман, – с ними следует сражаться так же, как и с неверными»**, – поэтому не ополчайтесь на мечети, на них уже достаточно ополчаются сами ваххабиты»¹.

Ответ на террор, повторю, должен быть прежде всего в области идеологии. Может быть именно реакция патриарха Кирилла была самой

¹ Ю.Латынина. Взрывы в московском метро / www.echo.msk.ru. 30.03.2010 г.

адекватной. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал сограждан не паниковать и быть солидарными друг с другом. «К несчастью, это не первый за последние месяцы теракт, совершенный в России. И мы отчетливо видим, что опасность подстерегает каждого из нас в любую минуту», – сказал глава РПЦ. Его слова передала Актуальным комментариям пресс-служба патриарха. Как подчеркнул Кирилл, «отвечать на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением». «Пусть нашим ответом станет единство нашего народа, его твердая воля к тому, чтобы остановить террористов и тех, кто их поддерживает, финансирует или оправдывает. Их настигнет Божия кара. Верю, что не замедлит и человеческая справедливость», – сказал он¹.

Повторю еще раз: идеологический выбор элиты имеет принципиальное значение не только для экономики и планов развития, но и повсеместной деятельности государства и общества, деятельности сегодняшней и завтрашней во всех областях. Этот выбор – начало любой политики, любого процесса. От законодательного и информационного, до силового и экономического. В случае с терроризмом этот выбор означает, **во-первых**, что в России, на всей ее территории, а не только на Кавказе, **много лет идет война**. И наши действия должны быть адекватными, такими же как у любого государства, которое находится в состоянии войны. **Во-вторых**, противодействовать терроризму только военными действиями на Кавказе или экономическими вливаниями, как показывает история, означает продолжение войны на условиях противника. Нужна идеология, **выбор элитой стратегии войны**.

Сказанное об идеологическом выборе элите в полной мере относится и к реформированию политической системы и государственного устройства России, а тем более модернизации страны, ведь мы так еще до конца и не определились по какому пути пойдём: некоторые в элите полагают, что нам ничего не нужно изобретать и можно довольствоваться западным опытом; другая часть элиты полагает, что нам нужно вернуться «к истокам» – традиционным ценностям российской империи, – а другие – вернуть советское прошлое. Наконец, значительная часть элиты уже уехала из России или собирается ее покинуть. Ей модернизация вообще не нужна, но она будет мешать модернизации потому, что любые попытки совершенствовать

¹ Столица выдержала атаку / <http://actualcomment.ru>. 29.03.2010 г.

политическую систему страны ограничат их доступ к ресурсам, т.е. тому, что им только и нужно от России.

Здесь элите необходимо определиться прежде всего. И это – идеологический выбор, который, на мой взгляд, синтезирует как традиционные российские и советские ценности, так и опыт западных государств. Этот выбор будет означать фактический раздел элиты на «своих» (кто хочет модернизации и жить в России) и «чужих» (кто не связывает своё будущее со страной). Этого не избежать, но это же будет означать конфликт внутри элиты.

Другая часть выбора – реформа государственного управления, которое сегодня не просто малоэффективно, но и не способно вообще реформировать страну. Когда решения готовятся годами, а процент их выполнения не превышает 30%, то можно говорить уже о стойкой неспособности власти контролировать ситуацию. Тем более о ее неспособности проводить модернизацию. Следует признать, что значительная часть элиты по разным причинам саботирует решения власти. Поэтому власти предстоит сломать сопротивление этой части элиты. Если надо, то авторитарными методами. И не надо бояться упреков в «антидемократичности». В данном случае модернизация предполагает развитие институтов демократии, параллельность процессов, но отнюдь не потерю контроля над ситуацией. Опыт КНР – очень показателен. Там реформы сопровождаются обязательным принципом «сохранения стабильности», который можно трактовать и как сохранение контроля над ситуацией в стране. Как справедливо подчеркивает академик Ан.Торкунов, «никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности»¹. Тем более в условиях реформирования политической системы.

Поэтому сегодня важнейшей задачей является **ликвидация второй, неолиберальной (а на деле – коррупционной и безнравственной) идеологии с тем, чтобы «бумажная», «пиаровско-паркетная» идеология стала реальной.** Элита, конечно же, и сама может сделать выбор между двумя противоположными идеологиями, но для этого многие ее представители будут вынуждены «наступить на горло собственной песне» – доходам, поведению, образу мышления. Такой

¹ Ан.Торкунов. Инициатива Медведева сильна амбициями / Русский журнал. 21.10.2009 г.

выбор российской элиты (в основной ее массе) малореален, поэтому остается одно: как не раз было в истории России, власти придется сделать этот выбор административно-силовыми методами, заставив непокорную часть элиты подчиниться своей воле, либо ликвидировать её. Как это было с В.Гусинским, Б.Березовским, М.Ходорковским и сотнями чиновников, против которых в последние годы была возбуждена масса уголовных дел.

Понятно, что такие шаги должны сопровождаться массовой идеологической кампанией, но не отдельными решениями, как сегодня, а созданием **идеологической системы** нетерпения к коррупции, казнокрадству и бюрократической вольнице. Однажды В.Сурков сделал примечательное замечание на форуме «Стратегия 2020»: «нужно учитывать немаловажный аспект русской политической и управленческой традиции, что «элита» – это не пожизненное звание, – заметил Владислав Сурков. – Когда мы видим людей, которые руководят территориями или партиями, вот сколько существует новая Россия, столько они ими руководят, – от этой нацеленности на пожизненное присутствие на своих постах тоже надо избавляться. Здесь проблема не в косности системы, а в нашей ментальности. Никто не хочет уходить, потому что каждый считает, что заслуживает своего руководящего положения, хотя, возможно, это не так»¹.

Такая идеологическая система нетерпения – часть идеологии развития, без которой развитие невозможно. Как **невозможно развитие и без смены значительной части элиты**, которая в принципе не заинтересована в развитии России. Ни опережающем, ни сырьевом – никак. Как справедливо отмечает О.Маслов, «Необходимо признать, что технология возникновения российской элиты также базируется на принципе отделения собственной судьбы от судьбы своего народа и своего государства. Как отметил В.Найшуль: «Если мы посмотрим на нашу нынешнюю элиту, то можно сказать, что она ведет себя отвязно. Отвязно не в смысле – плохо, а в смысле – независимо. Ее стиль состоит в том, что «мы никому ничего не должны». Подавляющее большинство состоятельных людей в России искренне считают, что они не получили свое богатство от народа, что в их нынешних состояниях нет труда

¹ Без лифтов / Российская газета. 24 июня 2008 г.

предыдущих поколений граждан нашей страны, и именно это позволяет утверждать, что принципиальной разницы между «оффшорной аристократией» и «национальной буржуазией» нет. Ключевыми для понимания элитного взгляда на реальность являются слова А.Коха о том, что государственная собственность до приватизации 90-х годов прошлого века была «ничьей»¹.

Таким образом выбор элитой идеологии и стратегии развития будет либо добровольным, либо вынужденным (когда «кстати, не исключается и ликвидация части элиты»), т.е. будет не просто выбор идеологии, но и **выбор элиты**, т.е. революция в той или иной форме: сверху или снизу.

Без ясной идеологии нет и ясного отношения к **стратегическому прогнозу**, а, тем более, – стратегическому планированию. Поэтому идеологический выбор (пусть навязанный) означает в конечном счете выбор оптимальной стратегии развития страны (включая социально-экономическую), а также во многом предопределяет стратегический прогноз и качество стратегического планирования.

К сожалению, такой способностью сегодня не могут похвастаться многие в России. Мы часто яростно спорим о настоящем, стремительно переписываем историю (нередко неправильно, плохо), но при этом мало говорим **о будущем**. А между тем, такой разговор очень нужен. Мы должны представлять не только, **каким** будет мир через 15–20 лет, но и **каким мы хотим** его видеть в России.

При этом важнейшее условие такого прогноза понимание того, **каково будет соотношение сил в мире и какова будет наша роль?** Примечательно, что общественный запрос на стратегический прогноз сформировался именно к 2007 году, когда стали появляться качественные стратегические прогнозы уже не только на Западе, но и в России. Отмечу, кстати, что никакие прогнозы, включая текущие не предсказывали кризис 2008 года. Более того, инерция была настолько сильна, что в России вплоть до ноября 2008 года отказывались его признавать.

Особенно хотелось бы выделить такой прогноз, который был подготовлен к конференции в РИО-Центре 16 мая 2007 года, проходившей под руководством Д.А.Медведева («Россия в 2008–2016 гг.:

¹ *О.Маслов*. Российская элита начала XXI века в оценках современников и будущее российской элиты / <http://www.polit.nnov.ru/2006/10/09>.

сценарии экономического развития»)¹. Так, коллектив авторов из ВШЭ-СВОП, анализируя на рубеже 2007 года тенденции мирового развития, сделал следующий обобщающий вывод: «... основным сценарием до 2017 г. мы считаем умеренное общемировое развитие на основе продолжающейся глобализации и сочетания на национальном уровне стратегий приспособления, эволюционного совершенствования и радикального реформирования»².

Строго говоря, это выбор элиты не только как прогноз, но и **как политический выбор**, даже личностный выбор: жить ли в России или за рубежом, связывать судьбу своих детей с «этой страной» либо с другой. В зависимости от такого политического и личного выбора будущего образа России уже сегодня формулируются предложения о соответствующей стратегии, даже идеологии страны. В конечном счете это выбор существования в «глобальном» или национальном мире. Так, если принять этот вывод за основу, то в стратегии развития признается не только ведущая роль глобализации, но и «национальных стратегий приспособления» к ней, а также «эволюционного совершенствования» и «радикального реформирования», т.е. предлагается целый набор идеологических принципов. Не бесспорных, на мой взгляд.

Можно принять эти принципы или предложения, например, национализма (изоляционизма) или неолиберализма, но в любом случае необходимо будет сделать **идеологический выбор**. Так, признавая ведущей тенденцией «умеренное общемировое развитие», признаем ли мы и для России «умеренные» темпы, или делаем для нас (а также Китая, Индии, Бразилии) исключение, формулируя общенациональную задачу «опережающего», а не умеренного развития?

Другая тема – сочетаемость «стратегий приспособления» с глобализацией. Понятно, что России предстоит вписаться в общемировые тенденции глобализации. Не ясно однако **до какой степени**. Например, насколько это «вписывание» ведет к отказу от традиционных ценностей? Или от существующих правовых, нравственных норм и правил?

¹ Россия в 2008–2016 г.г.: сценарии экономического развития. Материалы конференции. 16 мая 2007 г. РИО-Центр.

² Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: ВШЭ – РИО-Центр. 2007 г., с.17.

Сегодня эта тема актуальный предмет дискуссий. Ежедневно и ежедневно мы пытаемся решить собственные проблемы, используя для этого западный опыт. Иногда с пользой, но чаще – нет. Прежде всего потому, что воспринимаем его как идеал, некритично, без учета российской специфики. Без идеологии, без идеологического самоопределения элиты, это будет продолжаться бесконечно, как бесконечно будут повторяться и ошибки.

Ответ на этот вопрос – принципиален. Может быть, даже самый важный в выборе стратегии развития. Можно согласиться – и В.Путин не случайно акцентировал в своем послании 2007 года на это внимание, – что Сегодняшний мир – это не только противостояние военно-политических систем (как в XIX – первой половине XX века), и уже даже не только финансово-экономических (как в конце XX века).

Действительно, сегодня наряду с геополитикой и геоэкономикой важнейшим фактором является геокультурная экспансия, геокультурное противостояние. Русская культура, в основе которой лежит русский язык, – по своей сути имперская, имеющая мощный потенциал притягательности и влияния.

У такой культуры и истории просто **обязана быть своя национальная идея и своя идеология**. Другой – чужой не национальной – граждане России просто не воспримут.

Теперь о привязке к конкретному историческому моменту, а именно периоду 2010–2012 годов. Если разговор об идеологии был актуален всегда и остается таковым, то конкретный исторический период, в котором такой разговор ведется, имеет важнейшее значение. Так, в начале 90-х годов, когда большинство отказалось от марксизма, стояла проблема выбора развития СССР (СНГ)–России в посткоммунистический период. После 90-х – выбора в условиях развала экономики и государства. Сегодня – в кризисных условиях, которым однако предшествовал период подъема. Оценки, возможно, на всех периодах серьезно не отличаются, но **отношение**, эмоциональное, прежде всего, отличается серьезно. Об этом справедливо говорил в своей лекции в МГИМО (У) 26 марта 2010 года директор ВЦИОМ В.Федоров: « ... «Мы стали богаче, самостоятельнее, самокритичнее, менее тревожны, стали менее искать причины и проблемы вовне... Сегодня россияне больше

опираются на собственные силы». Сегодня мы живем на границе эпох (смена случилась осенью 2008 года – вспоминаем тогдашние экономические и политические перемены). Теперь есть смысл вести сравнение не с «лихими 90-ми, а с успешными 2000-ми. Люди строят стратегии, ориентируясь на эти годы». Что может означать этот подъем планки? **Вероятнее всего, рост критического восприятия действительности. Главное, чтоб он вырос в желание изменять порядок деятельности в существующих институтах, а не в бунтарские позывы или пустопорожнюю критику** (т.е. В.Федоров выделил чисто идеологическую идею целеполагания в качестве ключевой).¹

Политическими и даже экономическими (при всей мощи «Газпрома») средствами удержать постсоветское пространство в качестве зоны российского влияния становится все труднее, однако на культурно-языковом уровне это по-прежнему зона именно российского влияния (характерный пример: на конкурсе «Евровидение» и Грузия, и Украина, и Молдавия, и даже прибалтийские страны дружно голосуют за песни, исполняющиеся на русском языке)»².

Выбор элитой идеологии предполагает признание того, что сохранение и развитие традиционных культурных и духовных ценностей является в XXI веке мощным идеологическим инструментом. Такой выбор – не только обязательное условие сохранения национальной идентичности, но и важнейшее условие опережающего экономического и социального развития, а также инструмент внешнеполитического влияния.

Качественно новый продукт – идеи, технологии, товары, услуги могут быть созданы **только самостоятельно, на основе существующих научных, культурных и духовных традиций**. На чужой почве можно создать только компиляцию, развить чьи-то идеи, что по определению, не дает возможности претендовать на первенство, опережающее развитие. Признание этого – **тоже идеологический выбор стратегии**.

Важно понимать, что, только адекватно представляя контуры будущего и делая осознанный идеологический выбор, можно начинать

¹ В.Федоров. <http://blogs.yandex.ru>

² А.Громов и др. Стратегия на настоящее / Эксперт. 2007 г., № 17, с.60.

формировать осознанную социально-экономическую политику, ибо само будущее может преподнести неожиданные угрозы и вызовы. Способность представить, а лучше – спрогнозировать будущее – важнейшее **условие** для правильного выбора, для разработки современной идеологии, эффективной и долгосрочной стратегии развития страны.

1.5.2. Стратегический (идеологический) прогноз¹ как определяющий элемент стратегии развития

«Перед Россией в несколько новом свете стоит задача всесторонней модернизации, от исхода которой во многом может зависеть ее место в посткризисном мире»².

Ан.Торкунов

«Россию охватила новая страсть – долгосрочное стратегическое планирование и прогнозирование»³.

Е.Соболева

Стратегический прогноз является основой государственной стратегии и, а ее **сущностью** – стратегическое планирование. Вот почему принципиально важно не ошибиться в стратегическом, долгосрочном прогнозе, на котором основывается политическая стратегия государства. Именно политическая, а не только социально-экономическая, как сегодня в России. Политическая в данном контексте означает **идеологическая**.

Стратегический прогноз развития государства и общества, как система аргументированных, обоснованных представлений правящей элиты страны об основных направлениях развития государства, общества и экономики, о будущем государства и общества, а также состоянии мирового окружения, является первым и самым фундаментальным шагом в разработке государственной стратегии.

При этом, следует оговориться:

– стратегический прогноз государства не может и не должен быть экстраполяции финансовых и экономических тенденций, которые могут являться лишь его частью. Прогноз – во многом **желаемое состояние будущего объекта**, т.е. **совокупность целей**, имеющих стратегический характер;

– стратегический прогноз носит **вероятностный характер** и зависит во многом от воли и ресурсов, которые готовы потратить элита на реализацию поставленных целей;

¹ Стратегический прогноз – зд. система аргументированных представлений об основных направлениях развития и будущем состоянии объекта и его окружения на долгосрочную перспективу (15 и более лет

² *Ан.Торкунов*. Дефицит демократии и международное сотрудничество / «Международные процессы», № 3(21), сентябрь-декабрь 2009 г.

³ *Е.Соболева*. Макроэкономические сценарии и прогнозы / <http://www.finam.ru>. 03.08.2007 г.

– стратегический прогноз охватывает всю совокупность элементов политико-идеологической системы, а не только вероятные стратегические цели. В нем должна быть заложена оценка эволюции национальных интересов и ценностей, международных реалий и, конечно же, развития ресурсной базы. Адекватный идеологический прогноз направлен не только на использование существующих, но и на поиск новых ресурсов, возможностей, а также представляет собой политическое и дипломатическое искусство поиска новых внутривнутриполитических и внешнеполитических возможностей для развития государства.

При этом важнейшее значение имеет политико-идеологический выбор элиты. Сделав выбор, элита вполне может **просчитать последствия такого выбора**, т.е. составить политико-идеологический и социально-экономический прогноз последствий своих действий. Такое утверждение имеет принципиальное значение, ибо стратегический прогноз, являющийся основой стратегии, может и должен быть не экстраполяцией существующих тенденций, а нести в себе волевой заряд, образ желаемого будущего, вполне осознанную цель развития. К сожалению, этого часто не происходит по следующим основным причинам:

– неспособности большинства элиты к действительно стратегическому прогнозу, т.е. представители элиты в своей массе не обладают таким качеством (которое, кстати, я отношу к обязательному требованию к представителю элиты), не способны просчитать последствия принимаемых решений с высокой степенью вероятности;

– обстоятельствам, когда приходится принимать вынужденное решение в условиях цейтнота времени и для осмысления ситуации просто не хватает возможностей (такая ситуация наблюдается почти всегда в последние два десятилетия в России). «Ручное управление», к сожалению, стало привычным. Переход от него к идеологическому управлению еще не стал потребностью, хотя в 2008–2010 годы и появились первые высказывания в пользу этого;

– нравственным недостаткам, когда представители элиты сознательно принимают ошибочное для страны, но выгодное для себя решение. Ситуация – нередкая не только в России. Это и есть, на самом

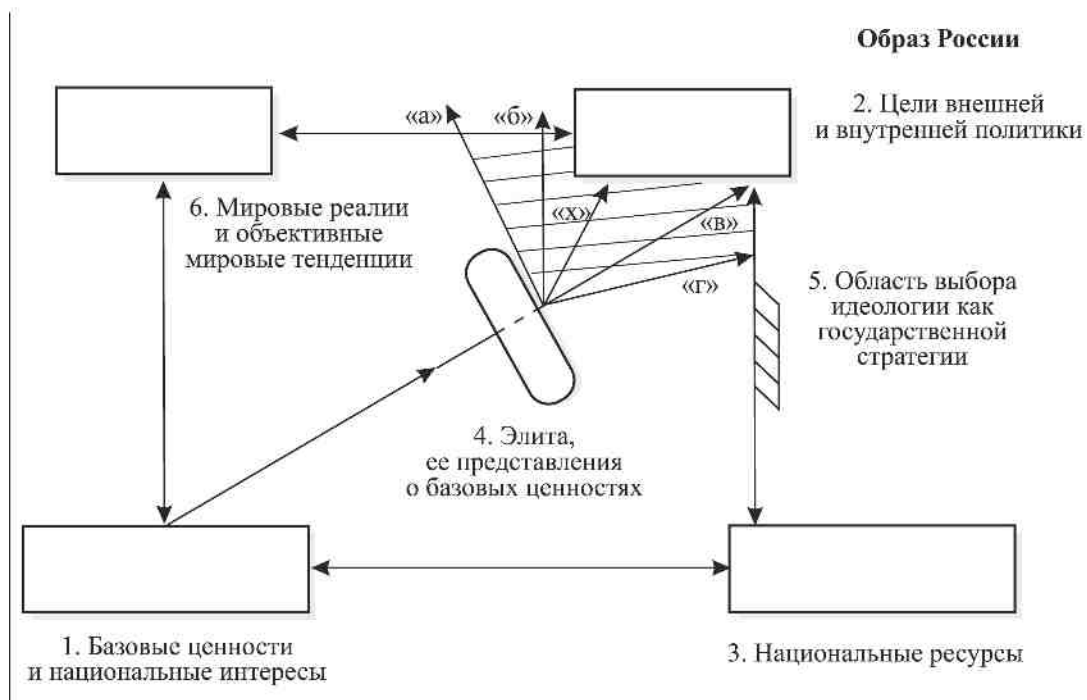
деле, коррупция, ставшая **системой управления** обществом и экономикой;

– недостатку ресурсов, когда есть представление о негативных последствиях, но имеющихся ресурсов явно недостаточно. Это происходит в том числе и потому, что многие ресурсы недооцениваются (как, например, НЧК) или просто не учитываются (идеологический, моральный ресурс).

Подчеркну, что для представителей элиты, ответственных за принятие решений, необходимо именно **идеологический** (комплексный) прогноз последствий своего **идеологического** выбора, а не социально-экономический, макроэкономический, либо какой-либо иной частный прогноз.

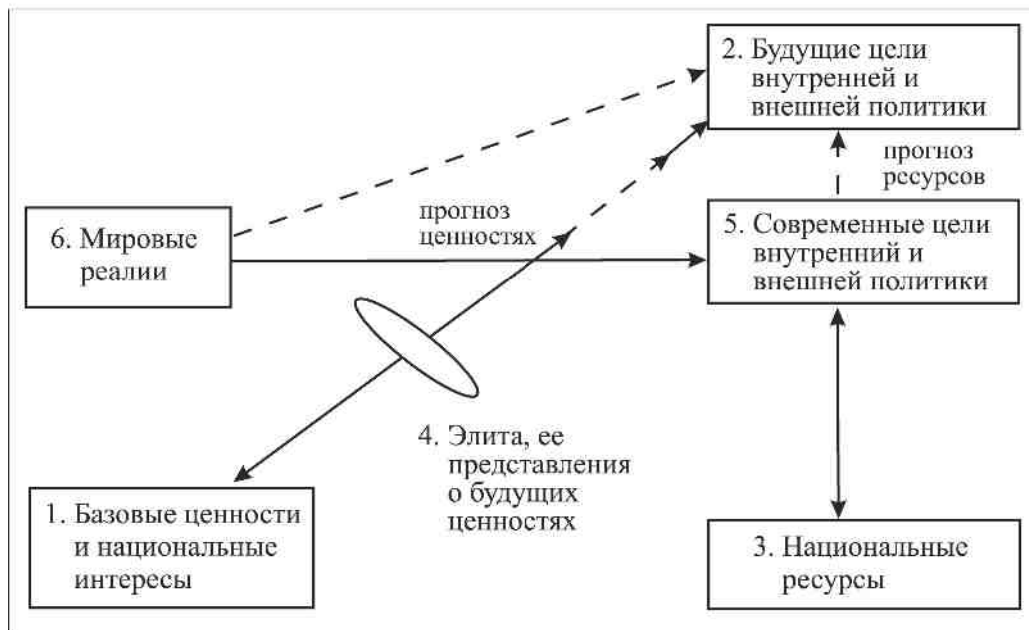
Возвращаясь к рисунку, описывающему политико-идеологическую систему, я выделяю **сферу** идеологического (стратегического) прогноза, которая охватывает, прежде всего, желательное состояние сформулированных целей, а также реакцию внешнего фактора и вероятные затраты ресурсов. Цель – идеологическая, которая, как справедливо считает М.А.Хрусталеv «является самоценностью»¹.

Традиционная политико-идеологическая система

¹ М.А.Хрусталеv. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008, с. 35.

Стратегический прогноз состояния политико-идеологической системы

Как видно из этого рисунка, стратегический прогноз предполагает:

1. Оценку национальных интересов и базовых ценностей в будущем.
2. Оценку международных реалий, прежде всего, соотношения сил в мире и основных тенденций¹.

3. Оценку будущих ресурсов и возможностей нации (ВВП, НЧК, материальных, природных ресурсов, нравственного состояния общества и т.д.).

Понятно, что если вы идеологически выбираете, например, вариант «а» – максимально отражающий доминирующие тенденции глобализации и в минимальной степени требующий национальных ресурсов, – то вы должны прогнозировать, что в стратегической перспективе страна станет частью **глобальной системы**. Со всеми вытекающими из этого последствиями для национальной системы ценностей, национальных интересов и суверенитета. Вполне может оказаться, например, что нация как таковая перестанет существовать, оказавшись «размытой» в число других субъектов международных отношений, а ресурсы станут достоянием этих субъектов.

¹ Такая оценка может включать и использование методов моделирования. См. подробнее: М.А.Хрусталева. Методология прикладного политического анализа: учебное пособие. М.: Проспект, 2010, с. 16–18.

Если же вы делаете выбор в пользу варианта «г», то неизбежно длительная, некомфортная борьба за национальную идентичность, сопровождаемая значительными требованиями ресурсов. Как следует из выступления В.В.Путина на Госсовете в феврале 2008 года, посвященного долгосрочной стратегии социально-экономического развития, правящая российская элита выбрала промежуточный (варианты «х» и «в») вариант – сохранения национальной идентичности в условиях глобализации и необходимости модернизации российской экономике. Вариант, в котором значительное внимание уделяется опережающему развитию человеческого капитала: «Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе – наш **абсолютный национальный приоритет** (подч. А.П.)»¹.

Примечательно, что в том же выступлении В.Путин дал блестящий пример разницы между идеологическим прогнозом и экстраполяцией. Применительно к развитию демографической ситуации в стране он сказал: «Считаю, что в ближайшие 3–4 года мы уже в состоянии добиться стабилизации населения (он оказался прав: по итогам 2010 года ожидается именно такой результат – А.П.), прогнозировали, что такое будет возможно только через 10–12 лет»².

Можно признать, что в этом выступлении и принятой чуть позже Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в целом вполне адекватно формулировалась стратегия развития страны до 2020, основанная на соответствующем стратегическом прогнозе. В частности, отдельные главы (2-ая и 3-я) были посвящены инновационному развитию и развитию человеческого капитала. Трудно возразить, например, против таких абзацев Концепции: «Современное общество, характеризующееся ростом значимости культурного и творческого развития человека, ставит новые задачи в области развития культуры и массовых коммуникаций. В контексте современных тенденций должен радикально измениться взгляд на

¹ В.Путин. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. / <http://www.kremlin.ru>.

² В.Путин. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. / <http://www.kremlin.ru>.

культуру как на стратегический ресурс новой экономики, обеспечения инновационного развития страны.

Ориентация на творческое развитие свободного человека, формирование и удовлетворение спроса в культурном разнообразии обуславливают переход к новой модели сферы культуры, реализации ее потенциала как лидера креативной экономики. Отвечая на новые вызовы, культура должна сохранить фундамент подлинности, установить баланс традиций и современности, обеспечить национальную идентичность.

Цель государственной политики в сфере культуры, искусства и массовых коммуникаций – формирование и реализация национальной идентичности, развитие культурного потенциала регионов России, обеспечивающего повышение конкурентоспособности, развитие творчества, инноваций и социального благополучия в обществе, формирование ориентации личности и социальных групп на ценности, обеспечивающие успешную модернизацию российского общества»¹.

Не трудно сопоставить последствия подобного идеологического выбора между неолиберализмом и консерватизмом. Важно, чтобы элита, общественное мнение и нация точно знали вероятный результат, последствия принимаемых решений. Сегодня для этого есть все необходимые инструменты. Например, метод ситанализа², математические, социологические и другие модели, которые в совокупности способны представить вполне адекватный прогноз на 10–15 лет. Так, говоря о приоритете модернизации, можно уже сейчас сказать, что если это высший приоритет, самостоятельная ценность, то можно идти двумя путями, заранее прогнозируя их последствия.

Первый – неолиберальный – технологические заимствования, которые неизбежно будут сопровождаться переносом **чужой** системы ценностей и чуждых национальных интересов. При этом результат в долгосрочной перспективе – весьма сомнителен: заимствования никогда не сделают страну лидером. Они, конечно, помогут войти в «пятерку

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.Ж МЭР, март 2008 г., с. 49.

² **Ситанализ** – зд. метод прогнозирования отдельных политических ситуаций. См. подробнее: *Е.М.Примаков*. Ситуационный анализ как аналитический жанр. В кн.: Примаков Е.М., Хрустале М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. М. МГИМО (У), 2006 г., с. 6.

мировых лидеров», но вот цена такого вхождения будет измеряться идентичностью и суверенитетом.

Второй – неоконсервативный (вариант «г») – потребует мобилизации нации и ее ресурсов, но без гарантированного результата. Пример, тому СССР, который смог добиться лидерства на некоторых направлениях, но в целом доказал несостоятельность политики неоизоляционизма.

Идеальный вариант – вариант «х» – требует творческого сочетания, синтеза национальных интересов и ценностей, учета ресурсных возможностей и преимуществ глобализации. Похоже, что в 2008 году выбранный стратегический прогноз и стратегия были вполне адекватны. Последующий кризис 2008–2010 годов во многом остановил реализацию этой стратегии. Мне представляется, что были две основные причины, которые на самом деле лишь косвенно были связаны с мировым кризисом.

Первая. В целом адекватный прогноз и Концепция были экстраполяцией существовавших тенденций. Стратегический прогноз не мог предсказать случившегося через несколько месяцев мирового кризиса, но стратегия **должна была остаться даже в условиях кризиса.** Более того, именно в условиях кризиса и других тактических событий больше всего нужна стратегия, когда частности, пусть даже важные, **не заслоняют главной цели.** Антикризисные меры Правительства, на мой взгляд, были в целом не только запоздалые, но и «выказали» из общего стратегического курса на развитие человеческого потенциала и инновации. Лишь к лету 2010 года, после некоторой стабилизации, Д.Медведев вновь вернулся к провозглашенной в 2008 году стратегии (хотя формально в 2008–2010 годы ее никто и не отменял).

В таких же кризисных условиях США и другие развитие страны продолжали свои стратегии модернизации, опирающиеся на развитие человеческого потенциала. Это выражалось прежде всего в росте инвестиций в образование и наукоемкие технологии. Так, в «Стратегии национальной безопасности» США, озвученной Б.Обамой в мае 2010 года, эти приоритеты особенно выделялись¹.

Вторая, главная причина, – идеологическая – заключалась в том, что в прогнозе и стратегии развития не было ясно сказано о том, **какие**

¹ National Security Strategy, Wash. May 2010.

силы должны были реализовывать этот прогноз и стратегию. К этому вопросу общество вернулось лишь осенью 2010 года, когда мнения резко разошлись: В.Сурков, например, считал, что такой силы просто нет, кто-то, что это должно быть государство, а кто-то – интеллигенция.

На мой взгляд, это главная причина нереализованной стратегии: элите не удалось мобилизоваться и привлечь креативные слои общества.

В своем развитии за последние 20 лет искусство стратегического прогноза в России прошло несколько этапов. Первый – неолиберальный – отрицающий даже саму постановку этой проблемы. Он полностью игнорировал не только позитивный советский опыт стратегических прогнозов, но и опыт крупных западных корпораций и государств.

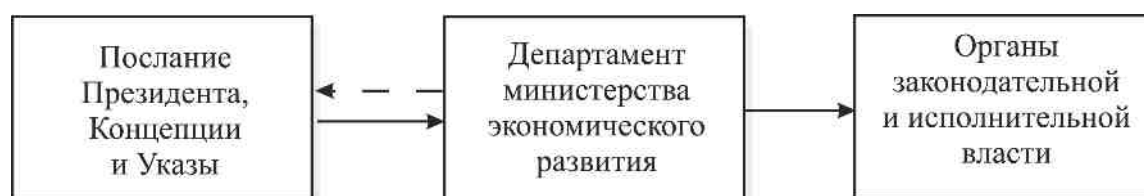
Так, советский опыт выражался в следующем. На первом этапе формулировалась идеологическая задача на 4–7 лет. Как правило, на очередном съезде КПСС, который готовился достаточно обстоятельно не только в недрах партийного аппарата, но и исследовательских институтах и министерствах. Это и был **идеологический выбор, основанный на идеологическом прогнозе.**

Следующий этап: на высшем уровне (в то время съезд партии) принимались основные направления развития страны, в разработке которых и последующей реализации принимали участие тысячи организаций. Наконец, этот идеологический документ оформлялся специальным Законом и другими нормативными документами, неисполнение которых приравнивалось к административным и даже уголовным преступлениям. Таким образом формировался механизм реализации прогноза, включающий: во-первых, политическую постановку задачи, во-вторых, идеологическую мобилизацию, в-третьих, стратегическое планирование, в-четвертых, нормативно-административный контроль. Другими словами стратегический прогноз не только на первом этапе (формулирования цели), но и на стадиях его реализации имел мобилизационно-идеологический характер.

Общая схема принятия и выполнения решения о развитии в СССР

В современной России отказались от всей этой схемы, **не предложив ничего взамен**. На практике сегодня действует (точнее – бездействует *А.П.*) следующий механизм.

Послания Президента России, Концепции развития и другие документы **не формулируют** идеологического выбора, не претендуют на идеологический прогноз (в лучшем случае прогноз социально-экономического развития, подготовленный соответствующим доказательством МЭРа), они **не имеют** обязательной силы (даже закон о бюджете, строго говоря, не является обязательным, а о поручениях, выполняемых на 20% – говорить вообще не приходится) и, естественно, как правило не выполняются.

Но, главное, стратегический прогноз, не подкрепленный стратегическим планированием и реальным механизмом реализации, так и **не становится стратегией**: принимаемые решения нередко прямо противоречат избранной стратегии, а чаще – просто игнорируют избранную стратегию развития.

Опыт зарубежных стран, прежде всего США, Израиля, но в большей степени Китая (а также советский опыт) показывает, что для реализации стратегического прогноза, даже изначальной его подготовки, нужна **политическая воля и идеология**, в соответствии с которыми создаются необходимые институты реализации поставленных целей. И в США, и в Израиле, о в СССР, а тем более в Китае, реализация стратегии

становилась **общенациональной задачей**. Элита (через отдельные социальные слои или партию) **мобилизовывала нацию**. Как признает известный китаевед из МГИМО (У) В.Корсунов, «Стилистика идеологических лозунгов Ху Цзиньтао и его призывы к «дальнейшему усилению и улучшению идейно-нравственного строительства», предусматривающие, в том числе, контроль за Интернетом и за **изложением древней и современной истории Китая, стали сегодня основой официального «коммунистического» дискурса, ставящего идеологические построения неолибералов и неоконсерваторов на положение маргиналов**. Стремление партийных идеологов обновлять официальную теорию в соответствии с запросами времени и **сделать идеологию монополю правящей партии общенародной**, пополняя пропагандистский арсенал за счет традиционной системы ценностей конфуцианства, оказавшегося на поверку более емкой парадигмой, чем все учения пришедшие в Китай извне, **несомненно укрепляет легитимность власти КПК**. Поиски китайской идентичности и наиболее адекватных форм правления и администрирования, свободных от политики как продукта цивилизации Запада, представляются наиболее продуктивными **на фоне кризиса европоцентристской идеи однолинейного прогресса»¹**.

Именно этого пока не произошло в России, где реализовывать стратегический прогноз некому: мотивация элиты отсутствует, идеологической мобилизации нет. Единственной силой, которая могла бы сдвинуть дело с мертвой точки, могла бы быть **идеологическая партия**, которой также нет. Либо, как уже бывало в российской истории, союз чиновников и креативной части общества.

Следует сразу же оговориться, что существует принципиальная разница между различными представлениями о стратегическом прогнозе в российской элите. Сегодня, как правило, под этим термином понимается долгосрочный социально-экономический прогноз или какой-то другой (климатический, отраслевой, региональный), прогноз, который зачастую выступает простой экстраполяцией как правило,

¹ В.А.Корсун. Идеологический облик КНР на современном этапе модернизации. 24.09.2010 / <http://www.mgimo.ru>.

макроэкономической, существующих тенденций на 10–15 лет². Он не несет в себе ни идеологической, ни политической нагрузки. Более того, любыми способами ее исключает.

В действительности, стратегический прогноз – это прежде всего продукт идеологии, т.е. в достаточной степени согласованное представление правящей элиты в данное время и в данном месте о будущем страны и мира, о том каким образом использовать ресурсы. Это представление должно основываться на объективных и реальных

² См. например: Стратегический прогноз (<http://strategieplan.ru>), где, в частности, говорится: Под стратегическим прогнозом понимается эмпирическое или научно обоснованное суждение, гипотеза о возможных состояниях объекта прогнозирования в будущем, характеризующих это состояние показателях об альтернативных путях развития и сроках его существования. Таким образом, национальный прогноз отражает комплекс аргументированных предположений, выраженных в качественной и количественной формах, о будущих параметрах развития национальной экономики.

Стратегическое прогнозирование выступает в качестве важнейшего связующего звена между теорией и практикой регулирования всех областей жизни общества. Оно выполняет две функции. Первая из них – предсказательная или описательная. Вторая, непосредственно связанная с первой, – предписательная, или предугадательная, способствующая оформлению прогноза в план деятельности.

Предсказательная функция состоит в описании возможных или желательных перспектив, состояний прогнозирования в будущем.

Предписательная, или предугадательная, функция стратегического прогнозирования состоит в подготовке проектов решения различных проблем планирования, использовании информации о будущем в целенаправленной деятельности различных субъектов управления.

Классификация прогнозов может строиться в зависимости от различных критериев и признаков, целей, задач, объектов прогнозирования и методов его организации. К числу наиболее важных из них относятся: масштаб прогнозирования, время и характер решаемых проблем, характер объекта, функция прогноза.

По масштабу прогнозирования выделяют:

а) макроэкономические (развитие национальной экономики в целом) и структурные (межотраслевые и межрегиональные) прогнозы;

б) прогнозы развития отдельных комплексов национальной экономики (топливно-энергетического, агропромышленного, инвестиционного, производственной и социальной инфраструктуры, финансово-кредитного и т.д.);

в) прогнозы отраслевые и региональные;

г) прогнозы деятельности хозяйствующих субъектов и их ассоциаций, а также отдельных производств и продуктов.

По времени и характеру решаемых проблем прогнозы подразделяются на: а) стратегические и тактические; б) оперативные; в) краткосрочные; г) среднесрочные; д) долгосрочные. Стратегические прогнозы имеют своей целью предвидение важнейших характеристик (параметров) формирования управляемых объектов в среднесрочной и далее перспективах. Оперативные предназначены для выявления возможностей по решению конкретных проблем стратегических прогнозов в текущей деятельности и краткосрочных перспективах. Оперативный прогноз имеет период упреждения до одного месяца; краткосрочный – от 1 месяца до 1 года; среднесрочный – от года до пяти лет; долгосрочный – от 5 до 15–20 лет и свыше.

национальных интересах, видении мира, адекватной оценке ресурсов и являться **важнейшим условием** точного целеполагания и стратегического планирования. Так, в своё время, при разработке стратегических прогнозов регионального развития в СССР исходили из идеологического принципа наличия в стране единого народнохозяйственного комплекса. Этот принцип рассматривался в качестве «главнейшего резерва национальной экономики»¹. С развалом СССР исчез, естественно, не только принцип единого комплекса, но и сам комплекс. Более того, по сути дела был поставлен под сомнение и принцип единого народнохозяйственного комплекса в России, что также может иметь далеко идущие экономические и политические последствия – регионализацию и «самостоятельность» субъектов РФ, с угрозой которой кроме столкнулся В.Путин в 1999–2000 годах.

И реформа РАО ЕЭС, РЖД, Минатоммаша и других структур единого народнохозяйственного комплекса, как и проведенная до этого приватизация, основывались отнюдь не на принципе сохранения единого комплекса. Более того, Ан.Чубайс прямо говорил о том, что приватизация **преследовала прежде всего идеологические, а отнюдь не экономические цели**. «Вместо стабилизации экономики реформаторы центр своих усилий придвинули на приватизацию государственной и муниципальной собственности ... экономическая составляющая этого феномена была отодвинута на второй план, так как сами приватизационные мероприятия были подчинены в первую очередь нуждам закрепления у власти так называемых «демократических» сил во главе с Б.Н.Ельциным»², т.е. идеологическим идеям.

Таким образом выбор элитой страны идеологических целей развития изначально во многом предопределяет и выбор вариантов стратегических прогнозов, которые ложатся в основу стратегий. Если, например, элита сформулировала в качестве приоритетной цели развития военно-промышленного комплекса (как это было во времена СССР или в

¹ См., подробнее: *Э.Исаев, А.Ярлыканов*. Факторы долгосрочной, модернизации финансов регионов / Вестник аналитика, № 1 (39), 2010 г., с. 90–91.

² *М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин, С.П.Стреляев*. Приватизация и приватизаторы (Теория и практика российской приватизации). М., Воскресенье, 2005 г., с. 113.

современном Израиле), то, соответственно, огромные ресурсы страны направлялись прежде всего для достижения именно этой цели.

В 2008 году российская элита (точнее, – ее самая высшая часть) сформулировала социально-экономический прогноз, основанный на экстраполяции тенденций 2000–2007 годов, лишь частично скорректированных требованиями современности. Выстроенная в Концепции 2020 система приоритетов, основанная на прогнозе вызовов и угроз, лишь частично отражала реалии. Главный вызов времени – возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития – был замечен и учтен. Но поставлен в системе приоритетных угроз не на первое, а на третье место¹.

Оказались не вполне конкретными определения и негативных тенденций, вытекающих из этого вызова. Как следует из Концепции 2020, эти негативные тенденции определялись следующим образом:

- стабилизация численности российского населения и занятых в экономике на основе эффективного регулирования миграции и изменения образа жизни людей, повышения здоровья нации и уровня социального оптимизма;

- эффективно функционирующие отрасли, определяющие качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, жилищный сектор) высокие стандарты жизни населения;

- превращение среднего класса российского общества в его доминирующую силу, сокращение социального неравенства;

- достижение уровня развитых стран по производительности труда, которая будет определяться не столько «фондовооруженностью» периода индустриального развития, сколько уровнем образования и креативностью самого человека;

Ни одна из этих задач не стала приоритетной на практике и к 2010 году эти тенденции изменить к лучшему так и не удалось. И не только из-за кризиса, но и из-за неспособности четко сформулировать цели, а не тенденции. Стратегия 2020, не будучи формально никем отмененной, осталась декларацией, а «стратегический прогноз МЭРа», который лег в ее основу, постарались забыть.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: август, 2008 г., с. 8.

Возвращаясь к схеме соотношения интересов – целей – ресурсов, в которой в упрощенном виде формализуется идеология правящей элиты, мы увидим, что стратегический научный прогноз играет важную роль, прежде всего, с точки зрения формирования потенциального «коридора возможностей».

Допущения, поправка и корректировка такого идеологического прогноза не являются принципиальными. При благоприятных условиях такой прогноз реализуется быстрее. При неблагоприятных (в условиях кризиса, например) – **медленнее**. Но это прогноз реализуется, т.е. видна положительная динамика. За 2008–201 годы такой динамики отмечено не было.

В зависимости от стратегического прогноза влияния внешних условий, ресурсного обеспечения и других факторов, правящая элита формулирует **возможные проблемы и свои цели на долгосрочную перспективу**. Понятно, что такой прогноз может очень различаться по своей методике и амбициозности. Так, стратегический прогноз может включать множество факторов и учитывать большое количество возможностей, но может и не учитывать их (как в реальности происходит, когда фактически учитываются только макроэкономические показатели).

Влияние стратегических прогнозов огромно, ибо они нередко формируют реальность, включая **позицию правящей элиты на будущее**, становится отправной точкой для всего процесса стратегического планирования. В том случае, если происходит идеологическая мобилизация. Которой в России нет. Попытки, предпринятые «Единой Россией», развить дискуссию вокруг Стратегии 2020 успешными признать нельзя. Интеллектуальные клубы даже не вышли в свою среду интеллектуалов, не говоря уже о массовом участии в дискуссии, а тем более процессе реализации стратегии 2020 креативных слоев общества.

Вместе с тем неизбежность стратегических прогнозов в общественных науках очевидна. Они делаются ежедневно, ежечасно. Так, например, ректор МГИМО (У) Ан.Торкунов в своей работе «Российская модель демократии и современное глобальное управление» пишет: Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет подходить на модели демократического устройства во Франции, США

или Германии ...»¹. Это ли не прогноз развития общественно-политической системы в России?

Неполные, неточные или ошибочные стратегические прогнозы могут серьезно повлиять на политику, в т.ч. экономическую, власть. Особенно наглядно это видно на примере военной истории, когда неверный прогноз приводил к поражению страны или наносил ей огромный ущерб. Так, прогноз И.Сталина о возможном начале войны с Германией лишь в 1942–1943 годах, привел к поражению Красной Армии в ходе летне-осенней кампании 1941 года. Прогнозы «построения коммунизма», «решения жилищной проблемы к 1980 г.», «решению продовольственной проблемы» – к краху КПСС.

Нередко стратегические прогнозы имеют характер дезинформации, сделанной в расчете на возможные – политические, военные, экономические или иные – выгоды. Так, стратегический прогноз относительно так называемых озоновых дыр, сделанный в 70-е годы XX века был, как считают некоторые специалисты, направлен на навязывание ряда технологий другим странам. Во многом аналогичная ситуация складывается и со стратегическим прогнозом относительно потепления климата и вредных выбросов, который оспаривается многими экспертами².

¹ Цит. по: *Ан.Торкунов. По дороге в будущее / ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 47.*

² См. подробнее: Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России (www.topnews.ru/news), где, в частности, говорится, что, проводимые учеными различных стран мира с помощью климатических моделей исследования позволяют строить прогнозы изменений климата на длительный срок (вплоть до конца XXI в.), рассматривая при этом различные сценарии природных и антропогенных воздействий на климатическую систему и оценивая в качестве предполагаемой реакции на эти воздействия изменения в ней. Признавая важность таких исследований, следует, однако, отметить, что остается открытым вопрос о первоочередных мерах реагирования на те изменения климата, которые наблюдаются уже сейчас и ожидаются в ближайшей перспективе.

Наблюдаемые изменения климата на территории Российской Федерации характеризуются значительным ростом температуры холодных сезонов года, ростом испаряемости при сохранении и даже при снижении количества атмосферных осадков за теплый период года, возрастанием повторяемости засух, изменением годового стока рек и его сезонным перераспределением, изменением условий ледовитости в бассейне Северного Ледовитого океана и в устьях северных рек. Перечисленные тенденции, как и многие другие особенности меняющегося климата различных частей территории России, оказывают существенные воздействия на условия жизни граждан и социально-экономическую деятельность».

Что крайне важно, правящая элита в ряде случаев делает **принципиальный идеологический выбор** в пользу того или иного приоритета и цели **в зависимости от прогноза развития событий**, т.е. прогнозы становятся не только основой стратегии, но и главным аргументом в пользу политико-идеологического выбора. При этом научная обоснованность прогноза, как способа определения будущего состояния объекта и стратегии его развития в условиях неопределенности, неизбежно несет субъективный отпечаток. Так, прогнозы развития мировой экономики до 2025 года показывают, что к этому времени произойдет решительное изменение **соотношения сил в мире**. Согласно докладу национального разведывательного совета США (2025 г.), уже к 2025 году на ведущие позиции в мировой экономике выйдут Китай и Индия. К ним, вероятно, присоединится и Россия. Впрочем, в крайних случаях возможны и негативные явления вроде развития авторитаризма. В докладе указывается, что в ближайшие годы мир ждет беспрецедентный «перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток». Авторы приходят к выводу, что в 2025 году восьмерка ведущих экономик будет выглядеть так: США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Россия. Есть и другие, менее оптимистичные, для США оценки.

Так, например, если говорить с точки зрения развития НЧК, то численность лиц с высшим образованием в КОР за последние 10 лет выросла в 8 раз и достигла 300 млн. человек. Сегодня Китай – главный экспортер наукоемкой продукции в мире и в США, а по итогам 2009 года его экономика стала второй экономикой в мире. Растут и политические амбиции Пекина, в зону «коренных интересов» которого попадают все новые острова, моря и территории. Учитывая же стабильно высокие темпы развития Китая, резкое изменение в соотношении сил в мире может наступить намного раньше. Пока что китайские власти строго придерживаются правила «скрывать свои возможности и дожидаться своего часа»¹, но что может наступить тогда, когда они откажутся от этого лозунга? Стратегический прогноз намерений, которые могут

¹ М.Бахвалова, А.Зотин, И.Носырев. Восточный гамбит. Куда заведет мир растущее противостояние Китая и США? РБК, № 9, 2010 г., с. 44–45.

вытекать из новых возможностей, имеет жизненно важное значение. И не только для США, но и России.

В этой связи напомним, что любой политический анализ начинается с анализа соотношения сил (политических, военных, экономических и др.) в мире. Если анализ, сделанный в докладе Нацсовета США по разведке США верен, то из него вытекают серьезные выводы, игнорировать которые – ни в политике, ни в экономике, ни в военном деле – мы не можем **уже сегодня**. Подписав, например, Договор по ограничению СНВ в апреле 2010 года, мы, тем саамы, взяли на себя обязательства, которые будут простираться даже дольше, чем до 2025 года: ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы не позволят нам превысить эти уровни к тому периоду. Вместе с тем, российские экспорты, подготовив этот договор, конечно же просчитали и то, какого уровня достигнут ядерные потенциалы быстро развивающихся Китая и Индии к 2025 году.

Кроме того, они конечно же должны были оценить и возможности российской экономики (причем не абстрактные, а конкретные, по отраслям, заводам, КБ), чтобы поддерживать эти уровни.

Даже на относительно простом примере Договора СНВ–3 видно, что в стратегическом прогнозе далеко не всё можно просчитать, хотя он предельно просто устанавливает количественные ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы. Так, например, трудно оценить их качество (точность, защищенность, мобильность, эффективность систем управления и прочие характеристики), а также даже систему зачёта¹.

Тем более сложнее это сделать в экономике, где трудно (если вообще возможно) оценить темпы научно-технической революции, технологические решения, мировую конъюнктуру цен (мы не можем прогнозировать цены на нефть, как показывает опыт, даже на год, а тем более, на 15–20 лет), социальную структуру общества и т.п. Вообще всё, что касается человека, общества, а в целом социально-гуманитарной области, долгосрочный научный прогноз сделать крайне трудно. Тем более непригодна макроэкономическая экстраполяция. Но и отказываться от него нельзя, ведь мы должны хотя бы попытаться представить себе,

¹ См., пример: *А.Терехов*. Нетрадиционная арифметика Москвы и Вашингтона / Независимая газета, 1 апреля 2010 г.

что будет через 15–20 лет. Поэтому огромное значение приобретает точная **оценка существующих тенденций**, которая является единственной реальной базой для рассуждений. При обязательной оговорке – в стратегических прогнозах простая экстраполяция таких тенденций (которая сегодня сплошь и рядом практикуется макроэкономистами) – недопустима: наука, общество, человек, как и экономика, и даже политика, развиваются не только последовательно, но и скачкообразно – бывают как «перескакивания» через этапы развития, так и «откат», деградация. Кризис 2008–2010 годов еще раз это показал. Как, впрочем, и то, что многие страны извлекли из него пользу просто потому, что обладали долгосрочными стратегиями развития и политико-идеологическими прогнозами и программами.

В этой связи огромное значение имеет учёт базовых критериев – исторического и культурного наследия, нравственного и духовного потенциала нации, широких (и объективных) национальных интересов и ценностей. Именно они дают очень важную дополнительную и самую стабильную информацию для стратегических прогнозов. Так, сложившиеся научные школы в России, высокий образовательный потенциал, огромное культурное и духовное наследие нации позволяют рассчитывать нашей стране на быстрое, даже опережающее развитие, «перескакивание» через экономические и технологические этапы, а не последовательное «догоняющее лидеров» развитие. Это положение должно быть положено в основу долгосрочного прогноза.

Из этого следует, также, что если правящая элита сделает выбор и ставку на опережающее развитие человеческого потенциала, который базируется на огромном культурном наследии, то стратегический прогноз для России может **быть очень оптимистичен, даже амбициозен**. Он будет мало связан с простой экстраполяцией динамики развития нынешней экономики и общества. А это очень важно, ведь недооценить свои возможности не менее опасно, чем переоценить.

Если элитой будет сделан **выбор в пользу развития человеческого потенциала**, то **ресурсы должны перераспределиться в соответствии с этим приоритетом**, т.е. от выбора элиты (в основу которого должен быть положен стратегический прогноз как **обоснование** этого выбора) зависит распределение ресурсов нации. Сегодня складывается впечатление, что в

стратегических прогнозах и действиях власти доминирует метод экстраполяции существующих тенденций. Что, конечно же, неверно. Стратегический прогноз может послужить основой для формирования амбициозных целей развития и, соответственно, вылиться в напряженные исходные условия для стратегического планирования. Что будет не авантюрой, а реальной оценкой наших возможностей. Так, никто, например, в Финляндии во время кризиса 90-х годов не прогнозировал возможного роста ВВП страны со 150 млрд. до 273 млрд. долларов только за 2000–2008 годы.

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

В целом стратегический прогноз для нации принципиально отличается от многочисленных разновидностей отраслевых, региональных и иных прогнозов прежде всего **своей идеологичностью**. Эта идеологичность неизбежна, так как стратегический прогноз должен быть комплексным, включать структурную характеристику общества, экономики и государства (объекта прогнозирования), международной среды, механизмов их функционирования и основных трендов, угроз, возможных сценариев поведения и т.д. Все эти факторы, учитываемые в работе, неизбежно несут на себе идеологический, субъективный отпечаток. Так, для сравнения рассмотрим условия для стратегического

прогноза предприятия (организации)¹. Как считается, составление стратегических прогнозов, или прогнозирование, состоит, во-первых, в анализе экономических, социальных, технических и других процессов, происходящих в организации и ее окружении, связей между ними, оценке сложившейся ситуации и выявлении узловых проблем. Во-вторых, в формировании видения будущего организации и условий ее функционирования, трудностей и практических задач. В-третьих, в обосновании, сопоставлении и анализе различных вариантов развития организации, ее кадрового, производственного и научно-технического потенциала, желательных результатов деятельности и возможных стратегий в различных сферах.

Прогноз долгосрочного развития общества и государства значительно сложнее, многофакторнее и многомернее, чем стратегический прогноз развития корпорации. И прежде всего тем, что он должен учитывать взаимовлияние таких групп факторов как «национальные интересы и ценности», «ресурсы и возможности», «международные реалии», которые сами по себе являются сверхсложными системами. Тем более, что анализ этих групп факторов носит вполне субъективный характер.

Из этого неизбежно следует, что стратегические прогнозы должны основываться не только на научных методиках, но и **идеологических концепциях**, способных «связать» в единую суперсистему эти группы факторов. Сегодня стратегический социально-экономический прогноз, например, практически не учитывает не только развитие международных процессов, но и не дает глубокого анализа ресурсов развития, а тем более национальных интересов в долгосрочной перспективе. Фактически он дает только узкий «срез», экстраполяцию социально-экономической ситуации, существующей к моменту его написания (в случае со Стратегией 2020 – до марта 2008 г.).

Таким образом, стратегическое прогнозирование – как научный способ выявления будущего состояния организации и определения стратегии ее развития в условиях неопределенности внешней и внутренней ситуации, применительно к стратегическому прогнозу

¹ Стратегический прогноз. Управленческая стратегия / <http://www.pragmatist.ru/upravlencheskaya-strategiya/strategicheskij-prognoz.html>.

развития страны должно **основываться на идеологической концепции**, которую сформулировала правящая элита.

Экстраполяция, как метод стратегического прогноза, (или проекция в будущее), суть которого состоит в автоматическом перенесении существующих тенденций на будущее, – неприемлем, даже вреден.

Метод экстраполяции должен быть заменен на концептуально-идеологический метод, который может и должен включать различные – политические, философские социологические и т.д. – методы и методики. А те, в свою очередь, основывать ее на идеологическом выборе. На мой взгляд, Россия, ее элита такой выбор еще не сделали. С одной стороны, например, сохраняются значительные военные расходы (более 2,5% ВВП), которые выглядят вполне разумными по сравнению с развитыми странами, но, может быть, чрезмерны, если приоритет сегодня отдавать развитию человеческого потенциала. Я, например, не уверен, что России нужны дорогостоящие авианесущие суда (со всей сопутствующей инфраструктурой), средств от которых хватило бы на развитие сотни университетов и научных центров.

С другой стороны, не сформулированы четко **цели развития**, а именно в качестве главной цели не поставлена задача развития НЧК. Соответственно не ясна вполне и стратегия, прогноз и планы МЭРа и Минфина, включая и трехлетний бюджет, которые являются по сути инерционной макроэкономической экстраполяцией. А не стратегией. Тем более общенациональной. И уж, тем более, идеологией. «Истина рождается как ересь, а умирает как тривиальность», эта мысль Г.Гегеля лежит в основе прогноза¹.

Следует в этой связи только приветствовать попытки долгосрочного прогноза развития науки и технологии до 2030 года, сделанные в РАН. В частности доклад, подготовленный в декабре 2008 года, по поручению Президента России Д.Медведева. По мнению академика А.Некипелова, «план Путина» подразумевал отход от топливно-сырьевого сценария, в связи с чем «проблема технологического прогнозирования вышла на

¹ Р.Ф.Додельцев. Введение в науку о науке. Часть I. М. МГИМО (У), 2010 г., с. 155.

первый план»². Она стала уже банальной задачей, решением которой занимается более 70 стран. Но не в России.

Но далеко не всегда из этих оценок делаются правильные выводы. В частности, мало учитываются базовые приоритеты и ценности, например, российской науки (о чем говорилось выше). Примечательно, что при обсуждении доклада академик А.Дынкин справедливо отметил, что «Россия выбрала ошибочный путь (стратегию – *А.П.*) – приобретать высокие технологии за рубежом и сокращать едва ли ни до нуля вложения в собственную науку»¹. К сожалению, нынешние рассуждения о модернизации фактически сводятся к заимствованию чужих идей, техники и технологий. Соответственно и стратегический прогноз такой модернизации выглядит как прогноз освоения технологических заимствований. Но, если вернуться к трем составляющим национальное богатство страны – материальным активам (10–15%), – то мы увидим, как минимум 4 стратегии.

Первая стратегия, в основе которой лежит прогноз развития НЧК, опережающего развития человеческого потенциала, составляющего абсолютно большую часть национального богатства. Соответственно и темпы, и масштаб прироста ВВП, рост производительности труда и другие факторы будут значительно весомее, чем при акценте, например, на развитие природных ресурсов.

Вторая стратегия, в основе которой лежит нынешняя концепция модернизации, – технологические заимствования материальных активов. На мой взгляд, эта стратегия может быть только дополнительной к основной стратегии. В ее основе закладывается стратегический прогноз развития науки и техники за рубежом, который изначально ставит Россию в положение догоняющего игрока.

Третья стратегия – ресурсного развития. Это нынешняя, реально существующая и «работающая» стратегия, в основе которой лежит стратегический прогноз развития ресурсных отраслей экономики и соответствующая экспортная ориентация.

² Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008 г.

¹ Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008 г.

Наконец, **четвертая стратегия** – комплексного развития всех трех составляющих национальное богатство страны. Ее слабость – в отсутствии стратегии. Сегодня мы «сползаем» именно к этому варианту.

На выбор стратегического прогноза влияют прежде всего фундаментальные факторы – интересы национальной безопасности, система ценностей и национальные приоритеты, которые **могут осознаваться** национальной элитой либо нет. Другими словами стратегический прогноз должен начинаться с этого анализа. Именно базовые национальные интересы и ценности должны быть **основой** для любого национального стратегического прогноза. При этом сохранение и развитие нации и государства является **главным интересом**, а все остальные интересы – производными от него. Говоря о будущем России, эксперты американо-израильского центра по стратегическому прогнозированию, например, прямо указывают на главную угрозу национальным интересам страны: «Спад России и использование этой ситуации со стороны США привели нас к вероразделу. В случае если Украина потеряна Москвой, Грузия становится доминирующей страной на Кавказе, а события в Киргизии перекинутся на всю Центральную Азию (все это очень легко представить), поставя проблему выживания самой Российской Федерации. Мы будем очевидцами второй революции: часть Российской Федерации отсоединится от нее. Россия, которую мы знаем сегодня, больше не будет существовать»¹.

Фактическое отрицание сегодня в России политико-идеологического прогноза свидетельствует об отставании не только в стратегическом прогнозировании, но и реализации стратегии, которое может (и уже ведет) привести к невыполнению даже той вседостратегии, которая существует сегодня. Что стало особенно заметно к концу 2010 года. Отсутствие реальных результатов, скромные достижения и низкая эффективность от вложенных средств – откровенно бросается в глаза. Это выражается и в отсутствии реального стратегического планирования, которое может быть только идеологическим. Бюджетное планирование, в т.ч. на 3 года, лишь отчасти компенсирует этот недостаток. Все другие попытки реализовать стратегическое планирование на практике означают

¹ Американо-израильский стратегический прогноз: России больше не будет / www.regnum.ru/news/452480.html

подменой его макроэкономической экстраполяцией. Не более того: реалистичного экономического прогноза не может быть в принципе. Что ясно показало развитие России в 2008–2010 годах. В результате осенью 2010 года элита была вынуждена признать, что «российское общество не готово к задуманным Кремлем преобразованиям ...», что для гармоничного развития необходимо создать коалицию людей с долгим взглядом, которые готовы поставить долгосрочные интересы впереди краткосрочных». Так говорилось в сентябре 2010 года на конференции «Стратегия 2020 г.»¹.

Как подсказывает теория и подтверждает практика, основу для всех управленческих решений обеспечивает основанное на стратегическом прогнозе стратегическое планирование. Здесь можно возразить и поспорить о том, есть ли смысл в стратегическом планировании в такое нестабильное во всех отношениях время. Мне показалось очень наглядным высказывание новосибирского губернатора по поводу необходимости стратегического планирования. Он сказал примерно следующее: «Если бы мы пять лет тому назад предвидели, что на дорогах так быстро появится большое количество машин, мы бы построили совсем другие дороги»². Объективно потребность в идеологии, стратегическом планировании и прогнозе существовала всегда. Но субъективно советская и российская элита (как это ни покажется дико сегодня) эту потребность отрицала: неолибералы 90-х годов исходили из того, что «невидимая рука рынка» отрегулирует не только экономические, но и социальные отношения.

Между тем, те, с кого брали пример, – американцы – так не думали и не делали. Приведу пример, использованный мной еще в работе 1999 года, из доклада министра обороны США Конгрессу страны. Точнее, той его части, которая посвящена стратегическому прогнозу и планированию: **«Куда мы идем.** Наша работа над «Всесторонним обзором» велась по следующему пути: анализ угроз – **выработка стратегии** – разработка плана действий по осуществлению намеченных мероприятий –

¹ *А.Литвинова.* Враги модернизации. РБК daily. 30 сентября 2010 г. / <http://www.rbcdaily.ru/2010/09/30/focus/514701>

² *Г.И.Кукатова.* Стратегическое планирование / http://www.bgunb.ru/links/master/school/doc_2001/kukatova1.html.

определение необходимых ресурсов. Мы начали с того, что по-новому, непредубежденно, взглянули на обстановку в мире и перспективы ее развития, чтобы определить угрозы, опасности и возможности для обеспечения национальной безопасности США. Кроме того, мы признали, что мир продолжает быстро изменяться. Мы не можем полностью понять или предугадать те перемены, которые могут произойти в мире за пределами временных рамок, предусматриваемых обычными планами развития вооруженных сил и военными бюджетами. **Наша стратегия учитывает эту неопределенность и соответственно будет готовить наши вооруженные силы.**

Исходя из этого анализа обстановки в мире, мы разработали всеохватывающую военную стратегию, которая с учетом существующей и будущей ситуации в мире определяет требуемые военные потребности и формулирует программы и планы действий по их обеспечению. Основываясь на выдвинутой президентом США «Стратегии национальной безопасности», мы определили, что военная стратегия США на ближнесрочную и долгосрочную перспективу **должна формировать стратегическую обстановку в мире в интересах продвижения американских интересов** (выделено мной. – А.П.), поддерживать возможности по реагированию на любые возможные угрозы и готовиться сегодня к угрозам и опасностям завтрашнего дня и более отдаленного будущего. В основе этой стратегии лежит неоспоримый факт, что, являясь глобальной державой с глобальными интересами, которые необходимо защищать, США должны продолжать активно участвовать во всех мировых делах через дипломатическую, экономическую и военную деятельность.

Разработав стратегию, мы определили пути ее осуществления через основы военной мощи на сегодняшний день и на будущее: качество личного состава, боеготовность вооруженных сил, наиболее передовая организация, военная доктрина и вооружение. Нам нужен высококачественный личный состав, который мог бы управлять более сложной военной техникой и руководить более сложными совместными боевыми действиями. Нам нужны боеготовые силы, т.к. в современном мире часто происходят внезапные события, требующие немедленного задействования тех контингентов, которые имеются в наличии.

Информационная революция влечет за собой революцию в военном деле, которая приведет к кардинальным изменениям в способах действий ВС США»¹.

Однако, даже отрицая ее необходимость в 90-е годы, российская неолиберальная элита все равно была вынуждена действовать в соответствии с этой объективной потребностью: просто научное видение в политико-экономической области подменялось чуждыми идеологическими штампами, а иногда просто самовлюбленным отношением к действительности. Никто ведь в элите не вел публичных дискуссий о будущем страны, стараясь «просто» сделать «как там», – «на либеральном, свободном и богатом Западе». Главное – давалось почувствовать, – чтобы все было «не так как здесь», «в этой стране», где «все не как у людей». И в целом это получилось... на время: общество, оказавшись деидеологизированным, послушно терпело выходки неолибералов и их абстрактные истины.

Сложнее для неолибералов было использовать чужие идеологические штампы (хотя и пытались) в области национальной безопасности, там где речь шла о военно-технической составляющей. Приведем для подтверждения пример из военно-стратегической области, где был сделан точный стратегический прогноз. Заклучая в 2002 году Договор о сокращении стратегических вооружений (СНП), мы не только брали обязательство сократить к 2012 году количество ядерных боеприпасов до 2200 единиц, но и прогнозировали (с разной степенью эффективности) как развитие американской системы ПРО, так и собственных ядерных вооружений. Причем конкретно, до отдельных единиц ядерного оружия, размещенных на всех трех компонентах нашей ядерной триады.

Таким образом, был сделан точный прогноз развития систем СНВ и ПРО на долгосрочную перспективу. И соответствующие выводы. По признанию директора 4-го ЦНИИ Минобороны В.Василенко, «на основе анализа публикуемых результатов экспериментальной отработки комплексов ПРО США имеются основания предполагать, что до 2015–2020 гг. ограничения Договора СНП не войдут в противоречие с

¹ *А.И.Подберезкина, А.В.Макарова. «Стратегия для будущего президента России: Русский путь». М., РАУ-корпорация, 2000 г., с. 89.*

условиями, необходимыми для обеспечения ядерного сдерживания. При этом, однако, потребуются качественное совершенствование группировки СЯС РФ в части наращивания ее возможностей по преодолению противоракетной обороны, повышения живучести ударных средств СЯС, а также оперативных и технических характеристик информационно-разведывательных и управляющих систем СЯС»¹.

Из этого прогноза следует несколько принципиальных выводов, имеющих решающее значение для всех сфер деятельности государства. Так, если он верен, то мы можем рассчитывать, по меньшей мере до 2020 года на то, что во внешней политике России сохранится ее наиболее эффективный инструмент – ядерное сдерживание, т.е. способность противостоять силовому давлению со стороны США и других стран.

Соответственно, следуя логике, Россия во внешней политике до 2020 года отчасти будет компенсировать свою относительную экономическую и технологическую слабость наличием эффективного ядерного потенциала. В целом же, вывод, следующий из прогноза, означает, что ядерная составляющая суверенитета страны обеспечена, как минимум, до 2015–2020 годов. Это создает возможность для относительно безопасного экономического развития, **концентрации значительных ресурсов на целях развития**. Этот период временный. Надо отчетливо понимать, что, во-первых, если в это время не будут подготовлены новые отечественные научно-технические разработки, то после 2015 года суверенитет России может быть поставлен под сомнение. Во-вторых, это же означает, что, такой период может быть использован для концентрации усилий на развитии отечественной науки и НЧК в целом на базе отечественного ВПК. Что сделали в свое время в Израиле, обеспечив ему самые передовые технологические позиции.

Другое дело, что в этот прогноз вносились и будут вноситься коррективы. И со стороны США, и со стороны России. Прежде всего, в пользу его меньшей оптимистичности (что привело, в частности, к быстрому росту военных расходов в 2003–2007 годы). Но в целом прогноз не привел к катастрофическим ошибкам.

¹ С.Умнов. СЯС России: наращивание возможностей по преодолению противоракетной обороны / ВПК. 2006 г. 6–14 марта, с.9.

Другой пример, иллюстрирующий важность стратегического прогноза, показывает, что в области неядерных вооружений, выделяемые сегодня Россией ресурсы недостаточны для обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Так, планируя увеличение поставок вооружений (которое сегодня пока в несколько раз ниже необходимого уровня), российские специалисты считают, что «... даже такое радикальное увеличение объемов закупок позволит перевооружить весь парк вооружений и военной техники... **только к 2030 году**. При этом будет реализован лишь, так называемый, «компромиссный» вариант: 50% на содержание и техническое оснащение Вооруженных Сил и 50% на их развитие. Как показывают предварительные расчеты, для обеспечения реализуемости «компромиссного» варианта развития начиная с 2006 г. расходы по разделу бюджета «Национальная оборона» должны составлять не менее 3,5% от ВВП. Данный прогноз основан на макроэкономических проектировках Минэкономразвития РФ на период до 2015 г.»¹.

Подобный вывод, который следует из стратегического прогноза, означает, по сути, не только экономический, **но и политический выбор**, который предстоит сделать власти: либо ослабление безопасности, фактическая потеря боеспособности неядерных сил, либо рост оборонных расходов, а значит отвлечение средств от целей социально-экономического развития, снижение в конечном счете темпов развития. Речь идет о сотнях миллиардов рублей, а «цена ошибки» – безопасность страны или социальное благополучие граждан, ослабление усилий по развитию потенциала человеческой личности.

Этот политико-идеологический выбор, лежащий в основе любого стратегического прогноза, всегда стоит перед любым правительством. Так, США, в конечном счете (несмотря на всю свою милитаризацию), выбрали **социальную модель бюджета**. Согласно расчетам Бюджетного управления конгресса США, в 2000 г. 43,2% федеральных расходов непосредственно шло старикам и детям, а в 2010 г. эта доля должна превысить 50% федерального бюджета².

¹ В.Михайлов. Состояние армии все еще критическое / ВПК. 2006 г. 4–14 марта, с.7.

При этом для США сохраняется актуальность и политического выбора. В последнее время множатся сигналы, свидетельствующие о возможности нового мирового финансового кризиса – наподобие того, что привел к американской «великой депрессии». Приближается, как считают некоторые эксперты, глобальный экономический коллапс, о котором не раз предупреждал Линдон Ларуш, безуспешно призывающий уже много лет к радикальному реформированию всей финансово-денежной системы западной цивилизации и избавлению ее от господства финансовой олигархии. Он считает, в частности, что для спасения цивилизации в обозримом будущем срочно необходимо создание мировой коалиции сил вокруг ключевых договоренностей, которые будут достигнуты четырьмя ведущими странами (Ларуш имеет в виду США, Россию, Китай и Индию). Это предупреждение, сделанное накануне кризиса 2008–2010 годов, как показали последовавшие события, было **точным стратегический прогнозом** которым не воспользовались. Но выводы сделаны были. Прежде всего с точки зрения совершенствования международных финансовых институтов и роли государства. Его актуальность сохраняется и после того, как мировые лидеры стали выкарабкиваться из кризиса 2008–2010 годов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рецепт, предлагаемые различными авторами, носят частный, а не системный характер. Так, предлагается, например соглашение, «возвращающее нас к рузвельтовским планам послевоенного мира как системы сотрудничества суверенных наций-государств, объединяемых **единой системой американского типа** (21) с фиксированными курсами валют, работающей на развитие всей планеты.

Этот вывод вызывает сомнение. Строительство механизма международного сотрудничества по американскому образцу невозможно по двум основным причинам. Во-первых, из-за того, что стремительно меняется соотношение сил в мире и вряд ли возможен прогноз, когда в стратегической перспективе новые мировые центры силы захотят договариваться 30–40-х годов прошлого века.

² *Н.М.Травкина.* Политические факторы роста социальных расходов правительства США / США и Канада: экономика, политика и культура. Отдельный оттиск, с. 3–5.

Во-вторых, – и это может быть главное – в мире конкурируют не только различные центры силы, но и различные идеологии, системы ценностей. Между ними компромиссе на американской, либеральной основе, невозможен в принципе. Китай, например, претендует не просто на сохранение социалистической идеологии, но и **идеологическое лидерство в мире этой идеологии**, провозглашая лозунг «Китай – оплот мирового социализма».

Крайне наивно было бы сказать, что ислам, как идеология (а также более 1 млрд. мусульман, проживающих в исламских странах), захочет принять американскую идеологическую модель и систему ценностей. Совсем наоборот: можно оказать усиление радикальных элементов этой идеологии, которые являются основой для политического радикализма, экстремизма и даже терроризма.

Маловероятно, что Россия и другие государства, где в основе национальной систем ценностей лежит православие, успешно противостоявшее более тысячи лет католицизму и протестантизму, вдруг откажется от своей системы ценностей.

Можно выразиться абсолютно просто: идеологически, все действия должны вести к **строительству новой справедливой мировой политико-экономической системы развития при конкурировании различных идеологий**, управляющей отношениями между государствами и народами планеты. Эта точка – исходная для стратегического прогноза «Объединение США, России, Китая и Индии в качестве ведущих партнеров подлинной программы Объединенных Наций» является обязательным условием, которым нельзя жертвовать в пользу других забот¹, но при понимании того, что идеологически конкуренция будет не только сохраняться но и обостряться. Это не просто «другие заботы», это – основа существования всех государств.

¹ Цит. по: Требуется единение великих / Красная Звезда. 6–14 июня 2007 г., с. 10.

1.5.3. Эффективное использование ресурсов¹

как условие реализации стратегии

«Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов (подч. А.П.) ...»².

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.

«Одно из определяющих условий модернизационного рывка – адекватная оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем»³.

Ан.Торкунов

Если первое условие эффективной стратегии – адекватный идеологический выбор и целеполагание, – то второе – максимальный учет и использование **всех имеющихся у нации ресурсов**. Здесь важна как приоритетность, т.е. определение **значения** ресурсов в тот или иной период времени, так и максимальный учет тех ресурсов, которые не всегда заметны, «бросаются в глаза». Как, например, финансовые ресурсы или ЗВР, которые обладают быстрой ликвидностью. Так, главный ресурс сегодня для России – это время, и именно его не хватает в нашу критическую эпоху для выработки «программного обеспечения», в частности, национальной идеи в России»⁴, сказал пророчески С.П.Капица. И был абсолютно прав. Другой «незамеченный» ресурс – творческий потенциал нации, моральная атмосфера в обществе, наконец, идеология объединяющая идея. Под термином «эффективное использование» я понимаю, во-первых, **точную и полную оценку** существующих и потенциальных ресурсов, а, во-вторых, их максимально эффективную реализацию, т.е. достижение обозначенных в стратегии целей при минимальном затратах ресурсов⁵. Последнее обстоятельство имеет огромное значение: в принципе достижимы любые разумные цели, если

¹ Ресурс – зд. мера возможности выполнения какой-либо деятельности для достижения какой-либо цели.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

³ *Ан.Торкунов*. Школа российской идентичности / Независимая газета, 14 октября 2009 г.

⁴ *С.П.Капица*. Об ускорении исторического времени. Статья / Новая и новейшая история, № 6, 2004 Г., С. 15.

⁵ Следует отличать понятия «ресурсы» и «влияние». Ресурсы могут быть использованы неэффективно, либо вообще не использоваться. Они могут использоваться даже во вред. См. подробнее: А.Ю.Мельвиль и др. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества / Полис, № 4, 2009 г., с. 85.

ресурсы неограниченны. Искусство стратегии однако заключается в том, чтобы добиваться поставленных целей при минимальном затратах ресурсов. Иногда используют и критерий «стоимость-эффективность», который определяет достижение поставленных целей разумными ресурсами. К сожалению, в России нередко даже адекватные цели достигаются чрезмерными усилиями, неэффективно. Строительство дорого, например, в несколько раз дороже, чем в развитых странах.

Применительно к заявленным целям модернизации мы сегодня наблюдаем именно такую картину. Выделяемые средства на инновации и новейшие технологии нередко делают минимальный эффект, совершенно неадекватны полученным результатам. Это, например, видно из затрат на интеллектуальную собственность (которые в 2009 г. составили 5% от потраченных средств), или результатов работы госкорпорации «Роснано» и «Ростехнологии».

Кроме того, термин «эффективное использование ресурсов» означает понимание правящей элитой страны важнейших **особенностей** использования ресурсов для достижения стратегических целей в XXI веке. А они таковы:

– учитывая, что НЧК стал **главным ресурсом развития**, можно говорить с новой взаимосвязи между целями и ресурсами, которая заключается в том, что развитие ресурса НЧК **становится целью стратегии**.

Это означает, что чем больше общество тратит своих возможностей на развитие НЧП, в особенности его новых составляющих культуры, творчества и т.д., тем больше этот ресурс развивается и тем ближе становится стратегическая цель – созданные максимально благоприятных возможностей для развития личности и всего НЧП. Так, вложения в НЧП являются одновременно и тратой ресурсов для достижения главной цели, и развитием главного ресурса – НЧП. На практике это означает, например, что сознательное и искусственное увеличение роста душевых доходов (в особенности, целевым образом направляемых на развитие НЧП, например, стипендий, доплат ученым и работниками культуры и т.п.) ведет к росту НЧП, росту производительности труда и реализации главной цели. Побочные явления (инфляция, бюджетные пропорции и пр.) не исключают этого в целом положительного эффекта для развития;

– НЧК – это **новая национальная собственность**, которая не может быть отторгнута в эпоху глобализации, вывезена за рубеж или продана. Это – главная и неотъемлемая часть национального богатства;

– НЧП – это самый современный и точный показатель суверенитета государства, его способности проводить самостоятельную политику и быть уязвимым по отношению к влиянию извне. Так, составная часть НЧП – развитые институты гражданского общества, культурно-образовательный потенциал, идеология патриотизма собственно не только делают население нацией, но и осуществляют процесс национальной самоидентификации. Таким образом получается, что лучшее средство укрепления суверенитета – развития НЧП;

– наконец, НЧП становится (в форме своих институтов и людей) главным внешнеполитическим инструментом влияния. Это в полной мере уже относится к институтам гражданского общества, но в еще большей степени – к личностям, чей творческий потенциал становится главной ценностью, товаром и инструментом влияния в мире. Другими словами. Среди всех прочих внешнеполитических инструментов государства (включая военную силу) национальный человеческий потенциал как в форме его институтов, так и отдельных личностей, становится в XXI веке главным инструментом влияния.

Возвращаясь к алгоритму идеологии, мы должны ясно представлять себе то, что также существует важная взаимозависимость между ресурсами, с одной стороны, и базовыми интересами и ценностями – с другой. Сами по себе ресурсы являются базовой национальной ценностью и интересом. И не только природные, но и такие важные сегодня, как национальный человеческий потенциал, являющийся основным ресурсом развития. Поэтому в системе национальных интересов в настоящие дни развитие НЧП становится **самой приоритетной задачей** среди других важнейших задач обеспечения национальной безопасности.

Важно отметить, что, кроме того, на эти взаимосвязи оказывает воздействие и комплекс вопросов, связанных с международными реалиями, которые нельзя недооценивать, а тем более не учитывать. Причем в двух, очень важных аспектах. С одной стороны, глобализация и вытекающие из этого процесса реалии, оказывают, безусловно,

сильнейшее влияние на формирование целей внутренней и внешней политики. Это влияние – очевидно. Налицо усиливающаяся тенденция «размывания» национальных ценностей. Что явственно становится основой для политических и даже военных конфликтов. Как очевидно и то, что оно усиливается по мере развития глобализации. Оно проявилось, например, в сокращении суверенитета отдельных стран, получившим название поствестфальская эра, или даже передача значительной части суверенитета над национальным органам, как, например, в странах Евросоюза.

Более того, влияние глобализации стало сказываться не только на формировании политических целей, но и на всей ценностной и культурной системе базовых ценностей, вступая нередко в прямое противоречие с ними. Как отмечалось в докладе высокопоставленного сотрудника ООН, «если посмотреть на мир 2009 года, мы увидим, что из 143 конфликтов 108 имели культурное измерение»¹.

Другой аспект внешнего воздействия – превращение внешнего влияния **в ресурс, средство реализации**, внешней стратегии, по отношению к стратегии национальной. Пока что это внешнее влияние не стало решающим (по крайней мере для тех стран, которые не потеряли свой суверенитет), но оно усиливается настолько, что отчетливо звучит мнение о его будущем решающем влиянии на формирование и реализацию национальных стратегий. Что особенно заметно на примере «мягкой силы». Как отмечал Ж.Сампайю – высокий представитель Генерального секретаря ООН по Альянсу цивилизаций, «С моей точки зрения, совершенно очевидно, что мы являемся свидетелями рождения нового мира, который принесет с собой новую модель управления и мирового порядка. В этом новом, едином мире, по-видимому, управление приобретет глобальное измерение и **обоснованность инструментов «мягкой силы» станет решающей из-за природы вызовов, с которыми нам придется сталкиваться**»² (подч. *А.П.*).

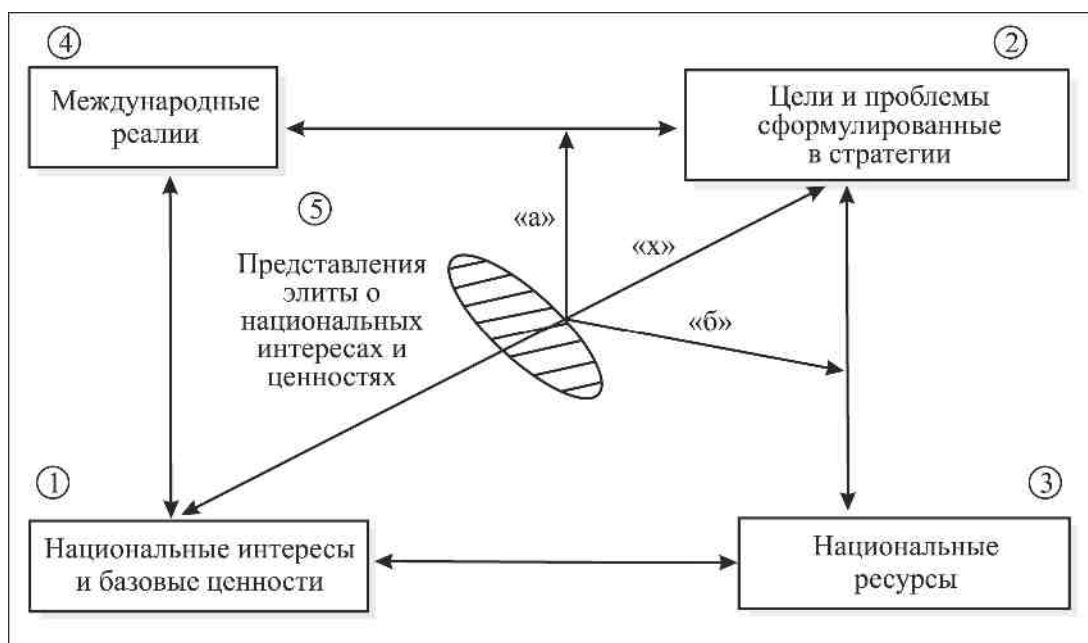
¹ Ж.Сампайю. «Мягкая сила» – веление современности / Международная жизнь, № 9, 2010, с. 4.

² Ж.Сампайю. «Мягкая сила» – веление современности / Международная жизнь, № 9, 2010, с. 4.

Таким образом ресурсы, предназначенные для достижения сформулированных с стратегии целей, имеют не только внутреннее, но и внешнее измерение. В особенности, если речь идет об использовании человеческих ресурсов и национального человеческого капитала.

На рисунке это может выглядеть следующим образом:

1. Комплекс базовых ценностей и национальных интересов.
2. Цели и проблемы, сформулированные в стратегии.
3. Национальные ресурсы.
4. Международные реалии.
5. Представления национальной элиты.

Цели и сформулированные угрозы и проблемы, как уже говорилось, могут быть неадекватны имеющимся ресурсам, либо – завышенными, либо – заниженными. И то, и другое плохо. Это, повторю, прежде всего зависит от идеологического выбора и сформулированной стратегии развития государства.

Также и интересы и базовые ценности могут в разной степени учитывать имеющиеся у нации ресурсы. Их адекватное использование зависит не «на прямую», а косвенно, через восприятия элитой и ее идеологического выбора. Но сам этот выбор и стратегия, его

реализующая, конечно, сказываются как на национальных ресурсах, так и национальных интересах.

Поэтому важно еще раз остановиться на более подробном анализе категории «национальные ресурсы». Наиболее часто встречающееся определение гласит: «Ресурсы (от франц. *resource* – вспомогательное средство) – ценности, запасы, возможности, денежные средства, источники средств, доходов (например, природные ресурсы, экономические ресурсы)»¹. Или другое определение: «Ресурсы – источники предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях. Ресурсы подразделяются на три основные группы:

- материальные;
- трудовые ресурсы, в том числе интеллектуальные ресурсы;
- природные (естественные) ресурсы»².

Сравнивая эти два определения, можно легко обнаружить одно **принципиальное различие**, а именно: во втором определении под эту категорию попадают те ресурсы, которые «можно реализовать», т.е. ресурсы делятся на потенциальные и используемые, или «потенциал» и «фактор», понимая, что фактор – используемый потенциал³. Предлагаю простую формализацию категорий «ресурсы» в матричной форме, которая позволит лучше оценить эффективность их использования:

Формализованная матрица категории «национальные ресурсы»

Вид национального ресурса (новизна)	Потенциальный (потенциал)	Используемый (фактор)
I. Материальные ресурсы		
1. Экономический потенциал	ВВП	ВВП на уровне 1990 г., мощности потребления -50% от 1990 г., структура экономики и экспорта

¹ Краткая российская энциклопедия. Т. 3, с. 3.

² Ресурсы / <http://www.glossary.ru/cgi-bin/>.

³ Часто используется и такое понятие как фактор производства, которое означает **ресурсы**, необходимые для производства товаров и услуг (трудовые ресурсы, капитал, природные ресурсы, сырьевые и т.д.).

2. Финансовый потенциал	ЗВР, внешние займы	Хуже
3. Технологический потенциал	Слабый	Ухудшается
II. Нематериальные ресурсы		
1. Образование	Ухудшается, сокращается	Количество студентов сокращается, качество ухудшается
2. Наука	Сокращается	40% от численности ученых 1990 г.
3. Творческий потенциал	Не учитывается	Не работает, только 5% предприятий внедряет ежегодно инновации
4. Социальная активность	До 20% от всей численности, не стимулируется условиями	Менее 2%
5. Духовные ресурсы	Малоактивны	Низкое: членство в партиях, институтах Гражданского общества, в т.ч. профсоюзов, низкое
6. Моральные	Не используется	
III. Природные ресурсы		
1. Энергетические		
2. Пресная вода		
3. Металлы		
4. Лесные, рыбные запасы		
5. Воздух, экология		
IV. Демографические ресурсы		
1. Численность населения	142.0 млн. чел.	Сокращается. Темпы сокращения падают 2007–2008 годов
2. Численность активного населения	70–80 млн. чел.	90%
3. Численность занятого населения	60–65 млн. чел.	80–85%
V. Время как ресурс		

Даже самый простой анализ формализации имеющихся потенциальных и используемых ресурсов позволяет сделать следующие, к сожалению, неутешительные выводы относительно эффективности использования имеющихся ресурсов российской правящей элитой.

Первое, самое главное, заключается в том, что НЧП стал не только главным ресурсом, но и целью развития, что до конца еще не понимается правящей элитой. При этом любые усилия по развитию НЧП совпадают с усилиями по реализации главной цели стратегии развития, т.е. НЧП стал уже не только ресурсом, но и целью (самоцелью) и главной ценностью, а также главным национальным интересом. Подобная взаимосвязь по оси «ресурсы-цель», и оси «ценности/интересы – ресурсы» требует особенного внимания и НЧП.

Если говорить коротко, то любые усилия по развитию НЧП, прежде всего, в таких областях, как:

- образование;
- наука;
- творчество;
- уровень жизни;
- здравоохранение и др.

Становятся как самоцелью, так и приоритетным способом увеличения национальных ресурсов. Инвестиции в НЧП становятся не просто критически важными, но и самыми эффективными, ибо они являются одновременно и самым эффективным способом достижения стратегических целей и самым эффективным способом увеличения ресурсов.

Второе. Нация, прежде всего правящая российская элита, в целом крайне неэффективно использует все виды ресурсов. Причем, если природные ресурсы используются относительно полно, но затратно, то материальные – не более, чем на 50%, а нематериальные – либо на очень незначительную долю, **либо вообще не учитываются**. Не случайно в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года эти **ресурсы**, как потенциальные, а тем более реальные возможности государства и общества, практически не учитываются. Между тем они имеют огромное значение с самых различных точек зрения. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ (в 3-м разделе, названном

«Развитие человеческого потенциала») есть, конечно, соответствующий подраздел, где образование рассматривается как «необходимое условие формирования инновационной экономики» и «важнейшей предпосылкой динамичного экономического роста и социального развития общества». Но **«стратегическая цель государственной политики в области образования»** сводится к **«повышению доступности качественного образования»**¹ (подч. в Концепции). Это, естественно, не может быть целью, тем более стратегической. В лучшем случае - одной из задач.

Образование имеет ключевое значение для России, да и стран СНГ по целому ряду причин. Основные из них следующие:

– Накопленный образовательный потенциал, единое культурно-образовательное пространство стран СНГ предоставляет этим странам исключительное экономическое конкурентное преимущество этих стран. Сегодня образование следует рассматривать как наиболее эффективную отрасль экономики, непосредственно влияющую на уровень и темпы развития государств. Не случайно государства-лидеры по качеству жизни – Финляндия, Ирландия, Дания - являются и мировыми лидерами в области образования. Не случайно и то, что две ведущих экономики мира – США и КНР – делают особый акцент в своей стратегии развития на образовании, как главном факторе развития НЧК. Заняв пост генсека КПК в 2002 г., например, 60-летний Ху Цзиньтао сделал все, чтобы подвергнуть коррекции официальный идеологический курс, **расставив в нем новые гуманистические акценты в виде концепций «братъ человека в качестве основы» и «гармоничного социума», что сегодня активно переносится и на сферу международных отношений.** Призывы Ху к КПК «следовать помыслам народа, помышлять об интересах народа и заполучить сердце народа» стоят ближе к традиционным конфуцианским представлениям о гуманном правлении на основе человеколюбия и справедливости, чем к западным идеям представительной демократии»².

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР, М., март 2008 г., с. 41–45.

² В.А.Корсун. Идеологический облик КНР на современном этапе. 24.09.2010 / <http://www.mgimo.ru>.

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в мае 2010 года, подчеркивается необходимость сохранения американского лидерства в образовании, которое выражается, в частности, в том, что в процентном отношении к числу граждан США должны превосходить другие государства по числу студентов. В Китае за последние 10 лет число лиц с высшим образованием выросло в 8 раз, достигнув 350 миллионов человек¹. Это – самый высокий показатель в мире, определяющий человеческий капитал, позволяющий уже сегодня Китаю претендовать на лидерство в научно-технической и технологической областях². Некоторые страны уже ставят в качестве долгосрочной цели всеобщее (не обязательное) высшее образование.

В этой связи наши государства могут не только использовать общее огромное культурное и образовательное наследие, но и **объединить усилия в его развитии**. В частности, в создании единой общей базы учебных и культурных программ. Опыт Массачусетского технологического института, сделавшего общедоступными все учебные курсы, – весьма показателен и может служить примером для стран СНГ. Создавать качественные учебные курсы дорого и многим странам просто не под силу, да и времени требует немало, а вот воспользоваться продуктом, созданным друзьями, – совершенно естественно. Тем более, что сегодня технологически это сделать совсем не трудно.

– Большинство из сотен военных и вооруженных конфликтов, состоявшихся в мире в 2009 году, имели под собой социокультурные корни. Развивая единое культурное и образовательное пространство, страны СНГ предпринимают по сути самые эффективные меры по предотвращению, профилактике насилия.

Отдельно следует сказать и о том, что общие усилия в области образования – лучшее средство для взаимного обогащения культур, а не просто воспитание толерантности. Мы, надо признать, многое потеряли из того колоссального образовательного и культурного наследия, которое нам досталось в прошлом веке. В какой-то мере мы обокрали сами себя, лишив достижений, созданных в СССР.

¹ М.Бахвалова, А.Зотин, И.Носырев. Восточный гамбит / РБК, № 9, 2010 г., с. 44–45.

² China: The Balance Sheet N.-Y., Public Affairs. 2006 г., p. 73–117.

– Следует понимать, что с геополитической точки зрения страны СНГ представляют собой такую же международную реальность как и страны Евросоюза, которые после вступления в силу лиссабонских соглашений в декабре 2009 года фактически превратились в конфедерацию. Мы понимаем, что если в Европе интеграционным стимулом послужило создание общего рынка и единой валюты, то в странах СНГ это может и должно стать единый рынок образования и культуры. Другими словами, мотором интеграции в СНГ должно стать образование и воссоздание единого культурного пространства. Против которого, кстати, выступает очень мало противников

Второе. Главный ресурс и фактор развития современной экономики и общества – человеческий потенциал – не только не является сегодня в России фактором развития, но и не учитывается в числе потенциалов. О нем лишь известно из вполне абстрактных рассуждений и политических заявлений. Это видно на примере человеческого ресурса в исследование и разработках¹.

Динамика численности занятых в сфере НиР, баланс оттока человеческих ресурсов, в том числе и «утечка умов» из страны, и их притока, в том числе и за счет иммиграции, определенно свидетельствуют **о резком сокращении (количественном убывании) человеческих ресурсов** и, как следствие, о неотслеживаемом и неконтролируемом убывании человеческого капитала в сфере НиР. Сокращение касается всех фиксируемых государственной статистикой групп занятых в сфере НиР (см. табл.).

Численность занятых в сфере НиР (на конец года, тыс. чел, человек)

Год	Всего	в т.ч. исследовател и	техники	вспомогательный персонал	прочие
1990	1943,4	992,6	234,8	512,5	203,5
1991	1677,8	878,5	200,6	416,6	182,1
1992	1532,6	804,0	180,7	382,2	165,7
1993	1315	644,9	133,9	379,4	156,9
1994	1106,3	525,3	115,5	291,3	174,1

¹ *Е.В.Семенов.* Человеческий капитал в российской науке / <http://emag.iits.ru/arc/>.

1995	1051	518,7	101,4	274,9	166,0
1996	990,7	484,8	87,8	260,0	158,2
1997	934,6	455,1	80,3	244,9	154,3
1998	855,2	417,0	74,8	220,1	143,3
1999	872,4	420,2	72,4	235,8	143,9
2000	887,7	426,0	75,2	240,5	146,1
2001	885,6	422,2	75,4	238,9	149,0
2002	870,9	414,7	74,6	232,6	149,0
2003	858,5	409,8	71,7	229,2	147,8
2004	839,3	401,4	70,0	223,4	144,6
2005	813,2	391,1	66,0	215,6	140,6

За период с 1990 по 2005 годы численность занятых в сфере НиР сократилась более чем на один миллион сто тридцать тысяч человек (с 1943,4 тыс. чел. до 813,2 тыс. чел.). Даже без учета качественных показателей совершенно очевидно резкое, если не катастрофическое, сокращение **человеческих ресурсов в сфере НиР**. Численность исследователей за тот же период сократилась более чем на шестьсот тысяч человек (с 992,6 тыс. чел. до 391,1 тыс. чел.).

Третье. Выбор идеологии и стратегии развития предполагает, что элита выбирает **приоритеты для расходования своих ресурсов**: достижение тех или иных целей невозможно без соответствующего ресурсного обеспечения. Под ресурсными приоритетами здесь понимается совокупность возможностей – экономических, демографических, финансовых, политических, военных, природных, нравственных, духовных и пр. – нации государства, которые могут быть направлены на приоритетное достижение тех или иных целей. Очевидна взаимосвязь: приоритетные цели – приоритетное выделение ресурсов. Можно декларировать приоритеты, как, например, развитие потенциала человеческой личности, но не обеспечить эти приоритеты в полной мере ресурсами. Так, в современной России совершенно очевидна нарушенная взаимосвязь между заявленным приоритетом на развитие потенциала человеческой личности и фактическим сокращением выделяемых

ресурсов на фундаментальную и прикладную науку, образование и культуру.

Другой важный аспект: некоторые из ресурсов (такие, например, как территория, природные ресурсы) величины относительно постоянные, другие (например, демографические) меняются медленно, а некоторые (ВВП, ЗВР и т.д.) относительно быстро. В идеологии и стратегии эти качества должны учитываться в полной мере. Так, для эффективного долгосрочного использования природных ресурсов необходима такая же долгосрочная политика, учитывающая многие факторы – перспективные геологоразведочные работы, будущее ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, климатические последствия и т.д.

Для демографических ресурсов нужна идеология и стратегия, которая рассчитана на несколько десятилетий¹. Это процессы рождаемости и смертности (где существует множество факторов), иммиграционные процессы, но, главное, в условиях роста значения потенциала человеческой личности, – **качество человеческого потенциала**, ведь принципиально важна не столько численность населения будущей России, сколько такие критерии, как: образованность, культура, духовность, способность к творчеству и инновациям.

Наконец, третья группа – там, где тактические изменения происходят относительно быстро, за 3–5 лет. Их место в идеологии нельзя недооценивать потому, что они могут стать мощным ресурсом для реализации долгосрочных идеологических целей и задач национальной стратегии. Либо эти ресурсы – как в сегодняшней России – так и остаются потенциалом, т.е. не реализованным фактором развития. Так, выгодная для России конъюнктура мировых цен на энергоносители в 2001–2007 годах не была использована в долгосрочных интересах. Накопленные резервы – не стали ресурсами развития, превратившие всего лишь в «подушку безопасности», резерв, который не спас Россию от резкого падения ВВП и промышленного производства. Этот резерв не был использован ни в интересах промышленной политики, ни для

¹ В этой связи уместно вспомнить о длинных демографических циклах, описанных С.П.Капицей в статье «Об ускорении исторического времени» / Новая и новейшая история, № 4, 2004 г.

изменения отсталой экономической и социальной структуры. Что наглядно проявилось в период кризиса 2008–2010 годов¹.

Новая, эффективная идеология предполагает эффективное использование в этих целях **всех имеющихся ресурсов**, при общем понимании принципов, приоритетов и целей развития. В этой связи российская элита должна, **во-первых**, полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т.ч. и неиспользуемые идеологические ресурсы, такие как творческий, моральный и нравственный потенциал, духовные ресурсы, волю, патриотизм (что далеко не всегда делалось в России); **во-вторых**, распределять ресурсы адекватно намеченным политическим целям.

Если в качестве приоритетной политико-идеологической цели ставится развитие потенциала человеческой личности, то и ресурсы должны распределяться также в приоритетном порядке. Прежде всего на науку, образование, здравоохранение, в целом – на создание и улучшение условий развития НЧК. Если, например, приоритетная политическая цель – социальное благополучие граждан, – то, соответственно, на ее реализацию выделяются в приоритетном порядке и ресурсы.

Отдельная тема – внешнеполитические и оборонные проблемы национальной безопасности. Ныне – политически и стратегически – Россия, ее правящий класс формулирует, например, относительно «скромные» внешнеполитические амбиции, или даже «очень скромные» (например, отказ от амбиций на постсоветском пространстве). Соответственно и военные расходы сохраняются на уровне 2,5–2,7% ВВП, что соответствует уровню развитых стран.

При этом мы можем инвестировать освобождающиеся ресурсы в развитие экономики и социальной сферы, что является главным фактором в пользу таких объемов финансирования. Но это чревато тем, что в **долгосрочной перспективе стране** будет нанесен серьезный внешнеполитический и экономический ущерб. Восстановить влияние в этих странах России будет сложнее и дороже. Укрепить безопасность – еще дороже. Является ли подобная экономия эффективной тратой ресурсов?

¹ См. подробнее: *A.Aslund, S.Guriev, A.Kuching. Russia After the Global Economic Crises. Wash.: June 2010, p. 9–39.*

В свое время, в 20–50-е годы, советское руководство также стояло перед таким выбором: либо танки, либо масло. В 20-е годы выбрали «масло», сократив армию, а в 50-е – «пушки». В конечном счете, гонка вооружений стала одним из основных факторов, сделавших советскую экономику неэффективной. Поэтому, выбирая приоритетные цели, мы должны тщательно взвешивать свои ресурсные возможности, соотнося их с приоритетами развития.

Если мы говорим о сохранении позиций России на постсоветском пространстве и в мире, то обеспечение таких позиций можно эффективно обеспечить не за счет военной силы, а **главного ресурса XXI века – идеологического лидерства, реализуемого высоким качеством человеческого потенциала.** Уверен, что в XXI веке культурное, интеллектуальное, творческое, образовательное, духовное и другие формы идеологического влияния и лидерства уже стали самыми эффективными средствами внешней политики.

Может быть это потребует сокращения военных расходов, направляемых не на НИОКР и другие области, связанные с НЧК, а на иные нужды. Это может быть оправдано как временная мера. В свое время военные расходы Японии составляли 1% ВВП, что позволило ей однако не только сделать технологический и экономический рывок в 60–70-е годы, но и заявить об идеологическом лидерстве японской модели развития, занять место, вплоть до 2010 года, второй «экономике мира».

Но позволят ли нам интересы национальной безопасности в будущем подобные расходы? Понятно, что если они будут сокращены до 1% ВВП, то огромные средства могут быть направлены на развитие потенциала личности (что, на мой взгляд, укрепит обороноспособность лучше, чем лишний авианесущий крейсер), но, с другой стороны, не приведет ли это к тому, что у России не останется через 10 лет собственно военного потенциала?

Ответить на этот вопрос может только комплексный, идеологический (военный, экономический, социальный, научно-технический и т.д.), а не макроэкономический стратегический прогноз. Понятно, что такой стратегический прогноз потребует от власти идеологического обеспечения: выбор целей и приоритетов – функция идеологии.

Как и обеспечение в полной мере этих целей необходимыми ресурсами. Но, главное, все-таки **идеологический выбор**. И его необходимо ясно сформулировать. Если в качестве приоритетной цели мы формулируем обеспечение интересов национальной безопасности, т.е. суверенитета, территориальной целостности, национальной специфики, языковой и культурной общности и самобытности, то исключать возможность, даже неизбежность защиты таких интересов **с помощью военной силы невозможно**. Последние десятилетия продемонстрировали, что все разговоры 70-х и 80-х годов прошлого века об «исчезновении фактора военной силы в международных отношениях» – наивные, даже вредные. Войны, тем более военных конфликтов, исключить нельзя. Но – и это важно – можно и нужно определить, во-первых, ту реальную роль, которую может играть военная сила в ее различных формах:

- политической (шантаж, угроза, сдерживание);
- ведения глобальной войны;
- ведения локальных войн.

Исходя из признания этой идеологической роли, необходимо определить **такую военную доктрину**, которая обеспечила бы максимально эффективную политику **военного строительства и военного искусства**, т.е. защиту интересов безопасности России при минимальном затратах ресурсов. Это можно изобразить на следующем рисунке.

**Цели внешней и военной политики,
вытекающие из идеологических целей
и национальной стратегии**

Из этого рисунка видно, что обеспечение идеологических интересов и целей России возможно множеством средств и способов, которые, в конечном счете, вытекают и замыкаются на **потенциале человеческой личности**. Именно этот потенциал является базовым не только для целей развития нации, но и для **обеспечения ее безопасности военными средствами**.

Здесь очень важна четкая самоидентификация. Прежде всего нации и государства с ее ролью в мире и обязательствами по отношению к собственным гражданам, адекватная идентификация элиты по времени и в пространстве. Если, скажем, нация – государство идентифицирует себя как великую державу, то она и вести (или, по крайней мере, попытаться вести) себя будет соответствующим образом. «Мы те, кем себя ощущаем,

и наша страна – это то, что мы знаем о ней, – говорил историк А.Б.Горянин»¹.

Другими словами, от национальной идентификации, адекватного восприятия себя и окружающего мира зависит не только адекватнее формирование ценностной системы и целеполагания, но и формируется интерес (потребность) в ресурсах. Если мы, например, воспринимаем себя как культурно-духовного мирового лидера, то и потребности, а также ресурсы будут во многом определяться такой самоидентификацией. И, наоборот, если мы себя воспринимаем как государство, претендующее на глобальное военное соперничество (как СССР), то и ресурсы, их использования во многом изначально предопределены такой самоидентификацией.

По большому счету в XXI веке собственно военных расходов при реализации эффективной идеологии **не бывает**. Любые военные инвестиции – это инвестиции прежде всего в идеи, людей, технологии, **где собственно военные издержки стремятся к нулю**, а именно серийному производству вооружений и военной техники (которое, будучи качественными, легко находит выгодный сбыт на внешнем рынке). Если, конечно же, такое серийное производство происходит на национальной научно-технической базе.

Даже информационная политика перестает быть обособленной частью, становится разделом единой идеологии. Если, например, прогнозируется неизбежная война, то требуются определенные ресурсы, усилия и время, чтобы подготовить собственное население и общественное мнение к предстоящим военным действиям и вероятным потерям (так, вооруженным действиям против Югославии предшествовала целенаправленная шестимесячная идеологическая кампания НАТО. В этих целях в НАТО был создан даже специальный орган. Та же ситуация была и с Ираком, Ираном, Сирией и т.д.). Требуются и заранее выделенные общенациональные информационные ресурсы. Освещение военных действий и даже управления происходит в основном не на военных, а на гражданских спутника и СМИ.

¹ Цит. по: Э.Я.Баталов. Русская идея и американская мечта. М.Ж Прогресс-Традиция, 2009 г., с. 13.

Новые образцы вооружений и военной техники создаются десятилетиями. В случае ошибки в прогнозе – последствия для государства неизбежно будут катастрофическими. Поэтому отказываться от собственной военно-научной политики нельзя. Вот почему, кстати, огромные деньги тратятся на «возможную» войну (которой может никогда и не быть). Так, например, создание системы ПРО для России потребовало бы 15–20 лет и сотни миллиардов долларов. Но, с другой стороны, если ее не будет, то созданный к 2020 году, возможно, наступательно-оборонительный комплекс ядерных сил США сможет нанести «разоружающий» удар по России. Что, разумеется, обесценивает любую экономию на военных расходах. Но отнюдь не случайно американская программа СОИ начала 80-х годов была не столько военной программой, сколько комплексом научно-технических программ.

Поэтому решение элитой вопроса приоритетности ресурсов – важнейшая функция управления, связанная как со стратегий, так и с доминирующей идеологией. С точки зрения затрат ресурсов, «уход из идеологии», официально декларированный советским, а позже и российским руководством, отнюдь не означал, что, **во-первых**, сама «идеология ушла», а тем более «исчезла» идеологическая борьба, в т.ч. в России, а, **во-вторых**, что перестали действовать ее механизмы – стратегические прогнозы, концепции и планы развития. Просто их составление в эти годы было серьезно затруднено, искусственно сдерживалось, что, естественно, отразилось на качестве принимаемых политических решений, которые, как правило, носили бессистемный, рефлекторный, а иногда и алогичный характер. Особенно в период правления М.Горбачева-Б.Ельцина.

«Возвращение идеологии» в России наступает параллельно с внутривнутриполитической стабилизацией. Не трудно заметить, если захотеть, что эти процессы взаимосвязаны. Более того, некоторые аспекты стабилизации, например, борьба с терроризмом, имеют преимущественно идеологическую основу. Поэтому скорость внутривнутриполитических процессов стабилизации будет **прямо пропорциональна** скорости идеологизации политики. Причем идеология выступает здесь более мощным и влиятельным ресурсом, чем социально-экономический. Сегодня этот факт практически игнорируется. Почему-то думается, что

международный терроризм является прямым следствием социально-экономических проблем, что отнюдь не является очевидным. Более того, трудно назвать вполне обеспеченных материально террористов бедными людьми. Скорее, как показывает практика (и не только за рубежом, но и в России) террористы являются вполне благополучными с точки зрения материального достатка и даже образования личностями. В конечном счете надо скорее признать, что ситуация в этой области стала меняться по мере идеологического «выздоровления» российского общества. Но этот процесс идет не быстро. В том числе и по причине недооценки идеологии.

Можно отчасти понять власть: в период выхода из жестокого кризиса или «стабилизации» ей было не до прогнозов и идеологий. Она действовала часто рефлекторно, на «ручном управлении», – иначе и не могла. Нужно было сохранить государство и суверенитет, управляемость (хотя бы минимальную) в стране. Собственно это откровенно признал В.Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2005 году. Именно этим, а не «хитростью В.Путина», объясняется отсутствие идеологической концепции, подчеркнутый «прагматизм», «функционализм» политики Президента России в 1999–2004 годах.

Но вот период «стабилизации» заканчивается, и все настойчивее начинаются разговоры (пока что, к сожалению, разговоры) о развитии, в том числе и споры об эффективном ресурсном обеспечении такого развития. Проблема однако в том, что до тех пор пока не ясна **вся идеологическая система**, нет ясности и в Стратегии, являющейся всего лишь нормативным ее оформлением, а тем более приоритетах ресурсного обеспечения. Заявления В.Путина об «удвоении ВВП» в 2005–2007 годах, «опережающих темпах роста» следует рассматривать, как первую официальную попытку показать обществу готовность сформулировать идеологические цели, в частности, перейти от «стабилизации» к «развитию». Пока что на уровне политической декларации, идеи. Примечательно, что сегодня многие уже забыли, как негативно была встречена частью общества и СМИ эта идея. Прежде всего, со стороны тех, кто все годы до этого декларировал отрицание идеологии, ее замены принципом – «рынок все сам отрегулирует».

В дальнейшем, в 2008–2010 годах Д.Медведев декларировал цели инновационного развития и модернизации. К сожалению, эти процессы так и не были подробно описаны, превратились из средства, процесса развития, в самоцель. Тем самым остался скрытым важнейший ресурс развития – НЧП. Он, как бы, «не вписался» в процесс модернизации. Модернизация стала универсальным клише, расхожим термином, лишенным национального содержания. Что, конечно же неверно. Американские авторы доклада, посвященного процессу модернизации, справедливо отметили это противоречие: **«успех или фиаско этих мер, как и прочих, будет зависеть от качества их исполнения, а также того, насколько хорошо учтены в них конкретная ситуация в стране и мире, политические проблемы и насколько хорошо осознаны причины, по которым те или иные меры сработали или провалились в других странах (подч. Авт.). То есть, в любом случае новая инновационная политика должна учитывать российские реалии и принимать во внимание специфику географии, истории и культуры России, а не состоять из механически перенесенного на российскую почву чужого опыта (подч. А.П.)¹**. Что, собственно говоря, мы и наблюдаем сегодня в России.

Объективно рождению новых идей способствовало частичное оздоровление экономики, освобождение от внешней финансовой зависимости, и появление определенных **свободных ресурсов**. Прежде всего финансовых. Вся энергия элиты поэтому была направлена в «освоение» этих финансовых ресурсов. Иногда при этом мало задумывались, а нужны ли вообще эти инвестиции. И куда именно. В 2005–2008 годах мы столкнулись с ситуацией, сохранившейся не смотря на кризис до сего дня, когда приоритеты в расходовании ресурсов четко так и не были определены. Заявленный социальный приоритет, сам по себе, конечно, важен. Но он имеет колоссальное значение только под углом зрения развития НЧП, а не его части – социального. Наличие «излишков» лишь оживило дискуссии о возможности и необходимости развития в т.ч., как сформулировал Президент РФ В.В.Путин, –

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 105

«опережающего». Эти разговоры были переведены в практическое русло осенью 2005 года, когда обществу была предложена идея приоритетных национальных проектов. С точки зрения опережающего развития нацпроекты стали первой крупномасштабной инициативой в политике власти **создать механизмы развития**. В том числе и НЧП. Да и сама власть рассматривала их именно как «пилотные», пробные, но одновременно и крупные, общенациональные мероприятия. С точки зрения расходования появившихся ресурсов – нацпроекты стали попыткой, **частным случаем** их использования, в условиях, когда нет ни идеологии, ни стратегии развития, ни эффективных механизмов их реализации. Они явились в этих условиях результатом «ручного управления», а не сознательной реализации заявленной стратегии, т.е. стали частным случаем, примером, а не системой. Вместе с тем и такой пример оказался удачным. Надо сказать, что во многом эта идея удалась уже в 2007 году. Первый год реализации нацпроекта «Доступное жилье», например, показал, что темпы роста строительной отрасли превысили 15% (по сравнению с 5% ростом всего промпроизводства в стране). 2007 год, привёл к росту в этой отрасли на 25–27%, что стало лучшим доказательством возможности опережающего экономического развития. А к 2010 году во многом удалось добиться решения главной задачи – изменения демографической тенденции 1992–2009 годов, когда абсолютное сокращение численности практически удалось остановить.

С точки зрения приоритета ресурса НЧП это означает, что быстрого и значительного результата можно добиться даже в частном случае, если, во-первых, власть увидит и сформулирует такую задачу, а, во-вторых, если ее энергии хватит хотя бы на несколько лет (в данном случае 5 лет) для того, чтобы попытаться эту задачу решить.

Подытоживая, можно сказать следующее. Сознательное выделение приоритета в развитии важнейшего ресурса – НЧП, – означает возможность не только эффективного использования, но и наращивания этого ресурса, который, в свою очередь, становится важнейшей политико-идеологической целью развития.

1.5.4. Стратегический прогноз для России на первую четверть XXI в.

«... особую значимость продолжает сохранять идеология ... именно идеология формулирует тот политический идеал ..., достижение которого становится самоцелью (самоценностью)»¹.

*М.Хрусталев,
профессор МГИМО (У)*

«Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал»².

*В.Путин,
президент России*

Сегодня Россия, как и все человечество, переживает фазовый переход³, который проявляется в переходе в качественно новое состояние, новые пространственные и временные структуры, когда происходят качественные изменения в самом характере развития. Уникальность этого времени уже не подвергается сомнению, хотя существо происходящих процессов в мировой экономике и обществе неизвестно. Ясно только, что как и вода, нагретая до определенного состояния, превращается в пар, так и современное общество ожидает переход **в какое-то новое состояние**, параметры которого можно лишь предполагать, опираясь на комплексные исследования естественных и общественных наук. Пока, что ясно: кризис 2008–2010 годов не был заурядным мировым кризисом. Тем более только финансово-экономическим. Он стал предвестником перехода **в качественно новое состояние человеческой цивилизации**. Вопрос: в какое?

Понимать это надо, хотя бы потому, что новое фазовое состояние цивилизации неизбежно внесет качественные изменения. Пока что мы только догадываемся, какими они будут. Но важно отдавать себе отчет, что они, во-первых, будут, во-вторых, что общество, государство и экономика станут иными, а, в-третьих, что наша долгосрочная стратегия должна каким-то образом их учитывать. Или хотя бы понимать их неизбежность. Как понимать и те, что простые математические модели или макроэкономические экстраполяции не пригодны для создания долгосрочного национального прогноза и, тем более, стратегии развития,

¹ М.А.Хрусталев. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008, с. 35.

² В.Путин. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. / <http://www.kremlin.ru>.

³ См. подробнее: С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / Новая и новейшая история, № 6, 2004 г., с. 13.

ибо эффективный прогноз и стратегия предполагают **достижение конкретных целей**. Сам по себе прогноз и стратегия малофункциональны, если они не ведут к достижению стратегических целей. Как справедливо заметил китайский философ Сунь-цзы в своей великой работе «Искусство войны», «В войне нужна победа, а не военные действия»¹.

Это прикладное значение прогнозов и стратегий – главное требование. И самое трудновыполнимое. Сегодня уже не надо доказывать, как в 90-ые годы, необходимость стратегических прогнозов. Общество и элита дозрели до этого. Но надо вести споры и размышлять об их адекватности и практической полезности. В противном случае появляются ложные прогнозы и ложные стратегии, которые не помогают, а мешают практической реализации стратегии развития.

И начинать надо не с экстраполяции, а с попыток качественного анализа возможных трендов исторического развития цивилизации, частью которой является российское общество и его экономика, т.е. с анализа внешних условий и международных реалий. Так, например, не может не обратить на себя внимание концепция ряда ученых, ставшая известной благодаря С.П.Капице. В частности, проблема «ускорения» истории, т.е.е этапов ее развития, имеющих фундаментальное значение для стратегического прогноза применительно ко всему человечеству и, естественно, России.

Периодизацию истории и сжатие исторического времени подробно обсуждает петербургский историк И.М.Дьяконов. Здесь уместно привести слова из его обобщающей монографии «Пути истории»:

«Нет сомнения в том, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения. От появления *Homo sapiens* до конца I фазы прошло не менее 30 тыс. лет, II фаза длилась около 7 тыс. лет. III фаза - около 2 тыс. лет, IV фаза - около 1,5 тыс. лет, V фаза - около тысячи лет, VI фаза – около 300 лет, VII фаза - немногим более 100 лет.

Продолжительность VIII фазы пока определить невозможно. Нанесенные на график, эти фазы складываются в экспоненциальное

¹ Сунь-цзы. Искусство войны (под ред. Т.Клири). Пер. с англ. М.: Изд. «София». 2008 г., с. 87.

развитие, которое предполагает, в конце концов, переход к вертикальной линии или, вернее, к точке - так называемой сингулярности. По экспоненциальному же графику развиваются научно-технические достижения человечества, а также, как упомянуто, и численность населения Земли. Вертикальная линия на графике равносильна переходу в бесконечность. В применении к истории понятие «бесконечность» лишено смысла: не могут дальнейшие фазы исторического развития, все убыстряясь, смениться на годы, месяцы, недели, дни, часы и секунды.

Если не предвидеть катастрофы - хочется верить, что премудрый *Homo sapiens* сумеет ее предотвратить, - тогда, очевидно, следует ожидать вмешательства каких-то сил, которые изменят эти графики. Хорошо, если они переведут их на платформу, плохо, если изменение выразится в стремительном падении линии на графиках от какой-либо достигнутой вершины. Будем все же надеяться, что уже вскоре человечество ждут непрогрессирующие или слабо прогрессирующие фазы».

«Дьяконов справедливо проводит аналогию с физическим понятием фаз и фазовыми переходами между ними. Он с удивительной полнотой и четкостью описал свое видение исторического процесса, которое в деталях совпадает с развитыми в модели представлениями. Пусть выделенные им фазы не совпадают с демографическими циклами. Этого совпадения и не следует ожидать в силу трудности идентификации указанных фаз и неопределенности критериев установления их пределов. Но здесь с полной ясностью указано на сжатие исторического времени и на то, что наша эпоха есть время кризиса. Прохождение и выход из кризиса описаны в модели.

При таком подходе происходит также и усреднение времени. Иными словами, скорость роста зависит не от мгновенного значения населения мира, а от его среднего значения в течение времени усреднения, которое становится все больше по мере ухода в прошлое. Таким образом в модель вводится память о прошлом. Так модель смогла описать рост за все время существования человечества. Результатом расчетов стала таблица, где

представлен как рост населения Земли, так и развитие человечества с момента его возникновения до современности¹.

Развитие человечества в логарифмическом масштабе

Эпоха	Период	Дата годы	Число людей	Культурный период	ΔТлет	История, культура, технология	
С	Т ₁	2150	11 x 10 ⁹	Стабилизация населения Земли	125	Переход к пределу 11 x 10 ⁹ Изменение возрастного распределения Глобализация	
		2050	10 x 10 ⁹				
В	11	2000	6x 10 ⁹	Мировой демографич. переход	45	Урбанизация	
	10	1955	3 x 10 ⁹	Новейшая Новая история Средние века Древний мир Неолит Мезолит Мустье Ашель Шелль Олдувай	45	Компьютеры Ядерная энергия	
	9	1840	10 ⁹		125	Мировые войны Электричество	
	8	1500	10 ⁸		340	Промышленная революция Книгопечать	
	7	500 нэ			1000	Географические открытия Падение Рима	
	6	2000 днэ			2500	Христос, Осевое время Греческая цивилизация Индия, Китай, Будда, Конфуций	
	5	9000			7000	Междуречье, Египет Письменность, Города Одомашнивание, Сел. хоз.	
	4	29000			20000	Керамика, Бронза Микролиты	
	3	80000			51000	Заселение Америки	
	2	0,22 мл			10 ⁶	1,4 x 10 ⁵	Номо sapiens Речь, огонь
	1	0,60 мл			10 ⁵	3,8 x 10 ⁵	Заселение Европы и Азии Рубила
1	1,6 мл	1,0x 10 ⁶				Галечная культура, Чоппер Номо habilis	
А	Т ₀	4,4 мл		(1)	Антропогенез	2,8 x 10 ⁶	Отделение гоминидов от гоминоидов

Но наше, российское, общество должно иметь свою модель, свой прогноз развития при любых обстоятельствах. В том числе и потому, что эта субъективная модель, может стать, повлияет и на глобальные процессы развития человечества. Понятно, что национальный

¹ С.П.Каница. Об ускорении исторического времени / Новая и новейшая история / <http://vivovooco.rsl.ru/VV/JORNAL/NEWHIST/KAPTIME.HTM> / № 6, 2004 г., с. 15.

стратегический прогноз **невозможно вычлени**ть из комплексного стратегического прогноза общечеловеческого развития, но представить его в качестве **части этой системы** – просто необходимо. В конце концов наше общество имеет ограничение ресурса влияния на человечество (например, менее 3% мирового ВВП), но вполне контролирует собственные ресурсы и планы развития¹.

Стратегический прогноз для России в основном предопределен, но не макроэкономической экстраполяцией, а **идеологическим выбором элиты**, которая изначально закладывает в него (или должна формулировать) не только цель развития, но и **сущность** этого развития.

В этом смысле макроэкономическая экстраполяция применительно к такой сложной системе, которой является общество, не просто бесполезна, но даже вредна: ни один прогноз (и лежащие в их основе сценарии развития) не подтверждается даже в среднесрочной перспективе. Не говоря уже о стратегическом прогнозе. Даже когда утверждают, что такие прогнозы и модели учитывают множество факторов.

В этой связи хотел бы поддержать своего давнего единомышленника С.П.Капицу, уже не раз пытавшегося установить соответствие между представлениями современного естествознания и исторических наук, в его выводе, имеющем для целей настоящей работы принципиальное значение: «Линейные модели, учитывающие, казалось бы, все возможные факторы, не состоятельны при анализе поведения сложных систем»². Применительно к этому разделу, посвященному стратегическому прогнозу для России, это означает, **во-первых**, необходимость отказа от социально-экономической экстраполяции как метода и, соответственно, стратегий (концепций), основанных на таких прогнозах. **Во-вторых**, признание безусловного приоритета волевой установки, «желаемого образа» над экономическими и финансовыми тенденциями, т.е. признание приоритета идеологического прогноза над макроэкономической экстраполяцией. **В-третьих**, признание особого

¹ См. подробнее: С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / Новая и новейшая история, № 6, 2004 г., с. 13.

² С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / Новая и новейшая история, № 6, 2004 г., с. 5.

значения в таких прогнозах нематериальных факторов развития – прежде всего связанных с НЧК (демографического, творческого, социального и т.д.).

Другими словами, если экстраполяция делает прогноз «снизу» (от достигнутого уровня), то идеологический прогноз – «сверху» (от желаемого образа). Такая сложная социально-экономическая система как нация в действительности гораздо больше зависит от субъективных факторов, чем от внешне объективных экономических тенденций. Даже на нашей памяти мы видим 60% падения ВВП в 90-ые годы в России и такой же 60% рост в Финляндии, последовавшие после кризиса 90-х годов.

Споры о будущем России, которые начались сразу же после развала СССР, не прекращаются и сегодня. Более того, именно в связи с перспективами модернизации, ставшими предметом острой дискуссии в 2004–2010 годы, эти споры стали особенно актуальными. Причем не только по поводу модернизации, но и будущей политической системы, демократии, будущего общества и т.д., что свидетельствует о **системности** этой проблемы¹.

Но эти же споры велись и задолго до этого, ассоциируясь то с будущим империи, то с будущим СССР. Как писал Н.А.Бердяев, «Вместо третьего Рима в России удалось осуществить третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима ... Третий Интернационал есть не Интернационал, а **русская национальная идея**. Это есть трансформация русского мессианизма». Выступая в качестве кандидата на президентских выборах в 2000 году главным слоганом я сделал, слоган – «**Россия – империя XXI века**»².

Действительно, неизбежно приходишь к выводу, что не экстраполяция существующих макроэкономический реалий, а **тот образ, ставший политико-идеологической целью**, который создает российская элита, становится **изначальной точкой для формирования стратегического прогноза, стратегического планирования, а, в**

¹ См., например: *А.Юсуповский*. Политсистему обмануть нельзя / Русский журнал, 31 июня 2010 г. / <http://www.russ.ru/pole>.

² *С.С.Сулакишин*. Национальная идея как объект научного анализа / Мир и политика, № 7 (46), 2010 г., с.21.

конечном счете, стратегии развития России. Образ, который можно назвать национальной идеей. Последовательность такова:

Важность такого стратегического прогноза основанного на национальной идее, – очевидна. Но, пока что не для правящей элиты страны, которая признала в 2005–2010 годы полезность и необходимость лишь **частных** – отраслевых, региональных и пр. – прогнозов развития. В самые последние годы в России не только осознали их значение, но и предприняли некоторые попытки их подготовки. Заговорили даже о «буме стратегических прогнозов». Большинство из которых, к сожалению, носили узко отраслевой (региональной) характер, не будучи привязаны ни к главным политико-идеологическим целям, ни к стратегии развития всей страны.

Кроме узко отраслевых и региональных долгосрочных прогнозов, были сделаны и комплексные. В качестве одного из таких примеров можно привести прогноз, подготовленный Центром макроэкономического анализа и прогнозирования под руководством А.Р.Белоусова в 2005 году¹. Все эти прогнозы, однако, изначально либо исключали, либо недооценивали значение формулирования политико-идеологической **цели**, национальной идеи развития. Прогноз А.Р.Белоусова – не только один из самых добросовестных макроэкономических прогнозов, но и одна из первых попыток выйти за рамки простой экономической экстраполяции. Хотя – должен сразу же оговориться – России нужен скорее макроисторический прогноз.

Целесообразно подробно привести основные положения долгосрочных сценариев и их прокомментировать, ибо они на сегодня позволяют сделать вывод в целом об уровне стратегических прогнозов в России:

¹ *А.Р.Белоусов.* Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года. М.: Центр макроэкономического анализа и прогнозов, 2005 г., с.141.

«Долгосрочные сценарии, по мнению авторов, предполагает анализ возникающих в перспективе возможностей и «кризисных узлов» позволяет выделить **четыре фундаментальных фактора**, лежащих в основе долгосрочных сценариев развития российской экономики:

– реализация сравнительных преимуществ российской экономики – энергетического, научно-исследовательского, транзитного и сельскохозяйственного потенциала – за счет ее рационального включения в мировое хозяйство и привлечения капиталов;

– модернизация массовых производств, производящих продукцию средней степени сложности, что дает возможность использовать преимущества емких внутренних рынков;

– формирование массового среднего класса, позволяющее развернуть модернизацию социальной инфраструктуры и развивать образование и здравоохранение;

– формирование «рублевой зоны» и интеграция евроазиатского экономического пространства вокруг России.

Удивительно, но среди фундаментальных факторов, лежащих в основе долгосрочных сценариев, нет важнейших, к числу которых я бы отнес:

– огромное культурное, духовное и историческое наследие России и СССР, имеющее ключевое значение для развития человечества. Причем это наследие выражается, в том числе и в большом материальном, включая промышленность, потенциал, который фактически игнорировался в последние 20 лет. Между тем, «экономическое чудо» Сингапура началось именно с создания промышленности, ориентированной на скромный (2 млн. чел.) рынок. России не нужно ничего создавать «с нуля», нужно реанимировать свою промышленность и сельское хозяйство, обеспеченное, как минимум, рынком РФ и бывших советских республик. Как признает создатель сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю, «... мы сконцентрировали наши усилия на создании промышленности ... мы ввели протекционистские меры для произведенных в Сингапуре автомобилей, холодильников, кондиционеров ...»¹.

¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 гг.: из третьего мира – в первый / науч. ред. А.Д.Воскресенский и др. М.: МГИМО (У), 2010 г., с. 53.

К числу материального наследия СССР можно отнести к отрасли ВПК, которые обеспечили, например, Израилю и США быстрый технологический рост¹. Как совершенно справедливо заметил Д.Медведев, «оборонно-промышленный комплекс, естественно, должен стать **не только активным потребителем такого рода разработок, но и генератором инноваций, что, собственно, сегодня мне показывали здесь и что мы можем наблюдать в разных местах, к сожалению, может быть, не так активно, как нам бы этого хотелось (не везде это происходит)**, но тем не менее всё-таки у нас есть свои неплохие заделы. Только в этом случае мы обеспечим и конкурентоспособность в военной и технологической сферах, и модернизацию экономики, и, соответственно, должный уровень национальной безопасности в нашей стране.

Все инновационные направления, по которым наша Комиссия работает, являются приоритетными не только для гражданской сферы, но и для оборонно-промышленного комплекса. Уверен, что разработки оборонно-промышленного комплекса в области **новейших медицинских, IT-технологий, космических, ядерных исследований, естественно, даже при учёте специфики таких исследований в конечном счёте не должны замыкаться внутри отрасли, они должны быть логично вписаны в контекст развития нашей страны**»².

Сегодня, например, 9 базовых технологий включены 52 критические военные технологии, определяющие долгосрочные (стратегические) научно-технические приоритеты.

– геополитическое положение России, объединяющее сегодня два ведущих субъекта международных отношений, – Евросоюз и Китай, – а также граничащее со всей центральной (и фактически) Южной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем;

– возможная привлекательность для остального мира российской идеологической инициативы, даже лидерства в создании новых моделей взаимоотношения государств и внутри государств. Если глобализация –

¹ См. подробнее: Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. pp. 5–6, 35–36.

² Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 22 сентября 2010 г. / <http://www.kremlin.ru/transcripts/8985>.

этап трансформации биосферы в ноосферу, то соглашусь с редактором журнала «Мир и политика», считающим, что «... глобально-цивилизационная миссия России приобретает уникальное значение – и благодаря нашей территории, и благодаря нашему ресурсному и интеллектуальному потенциалу»¹. Я и сам об этом не раз писал в 80-ые и 90-ые годы, отталкиваясь от изучения наследия В.И.Вернадского.

– наконец, уникальность России, как империи, чей опыт заслуживает всяческого изучения, говорит в пользу того, что эта форма государства может быть праобразом, образцом для других государств (а не федераций и конфедераций), как почему-то считается. В этом смысле согласен с В.И.Якуниным, считающим, что «В перспективе либо не будет России, либо не будет проекта мировой империи. Борьба здесь идет в глобальном плане»².

Понятно, что анализ фундаментальных факторов развития России изначально предполагает **признание** приоритета именно этих действительно фундаментальных факторов, а лишь затем – того, что называется «фундаментальными факторами» в экономике. В этой связи нужны ответы на самые принципиальные вопросы, которые велись и ведутся в России многими философами, политическими и публицистами. С.С.Сулакшин, например, приводит следующую таблицу, в которой в хронологическом порядке приводится «перечень значимых и знаковых попыток определения национальной идеи в истории российской мысли, выбранное из многих десятков работ»³.

Поиск национальной идеи

Автор	Название работы	Год
Владимир Мономах	Поучение детям	1117
Вассиан Рыло	Послание на Угру	1480
Филофей	Послания	XVI в.
Ломоносов М.В.	Рассуждение о размножении и сохранении российского народа	1761
Хомяков А.С.	О старом и новом	1839

¹ Глобализм и ноосфера / Мир и политика, № 7 (46), 2010 г., с. 5.

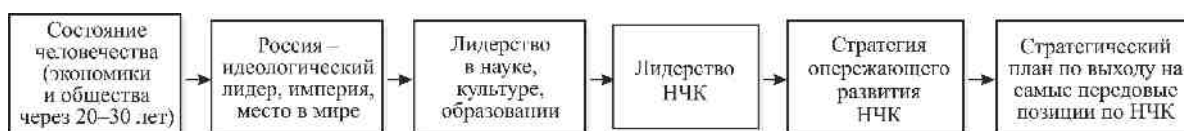
² Место и роль России в процессах глобализации / Мир и политика, № 7 (46), 2010 г.

³ С.С.Сулакшин. Национальная идея как объект научного анализа / Мир и политика, № 7 (46), 2010 г., с.23–24.

Герцен А.И.	Русский народ и социализм	1851
Фадеев Р.А.	Чем нам быть	1874
	Русское общество в настоящем и будущем	1874
Соловьев В.С.	L'idee russe	1888
Астафьев П.Е.	Национальность и общечеловеческие задачи. К русской народной психологии	1890
Айвазов И.Г.	Всемирная задача христианства	1905
Менделеев Д.И.	Заветные мысли	1905
Соболевский А.И.	Чего желаем мы, русские?	1907
Бердяев Н.А.	Судьба России	1918
Масленников А.М.	Идеология Российской Императорской Власти	1921
Карсавин Л.П.	Восток, Запад и Русская Идея	1922
Федотов Г.П.	И есть и будет. Размышления о России и революции	1932
Ильин И.А.	Наши задачи (цикл статей)	1956
Карташев А.В.	Воссоздание Святой Руси	1956
Семанов С.Н.	О ценностях относительных и вечных	1970
Серафим (Соболев)	Русская идеология	1987
Солженицын А.И.	Как нам обустроить Россию	1990
Сагатовский В.Н.	Русская идея: продолжим ли прерванный путь?	1994
Платонов О.А.	Русская цивилизация. Святая Русь. Энциклопедия русской цивилизации	1995 2000
Зиновьев А.А.	Идеология партии будущего	2003
Троицкая Н.	Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом	1995
Бабурин С.Н.	Российский путь	1995
Подберезкин А.И.	Русский путь	1995
Кобылянский В.А.	Русская идея и возрождение России	1997
Осипов Г.В.	Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты	1997
Иоанн, митр.	Русская симфония	1998
Путилов С.В.	Национальная идея как форма концептуализации национального самосознания	1999
Можайскова И.В.	Духовный образ русской цивилизации и судьба России	2011–2002
Панарин А.С.	Православная цивилизация в глобальном мире	2002
Калашников М.	Вперед, в СССР-2	2003
Дугин А.Г.	Проект «Евразия»	2004
Назаров М.В.	Вождю Третьего Рима	2004
Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М.	Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России	2004

Кобяков А.Б., Аверьянов В.В. и др.	Русская доктрина	2005
Нарочницкая Н.А.	Русский мир	2007
Кара-Мурза С.Г.	Матрица «Россия»	2007

Таким образом без учета действительно фундаментальных факторов (а не только макроэкономических трендов) невозможно, как это пытаются сегодня делать, построить не только долгосрочных сценариев, но и сделать сколько-нибудь качественного стратегического прогноза для России. Так, например, если мы исходим из указанных выше действительно фундаментальных факторов, то такой прогноз должен иметь следующий логический ряд:

Между тем такой подход А.Р.Белюсова позволяет по его мнению, сформировать **четыре базовых сценария**, в зависимости от включения перечисленных факторов. Первый «базовый сценарий» – **«Сверх-индустриальная модернизация»:**

- разворачивание долгосрочных проектов, реализующих энергетический, научно-исследовательский, транспортный (транзитный) и сельскохозяйственный потенциал российской экономики;

- модернизация перерабатывающих производств, в т.ч. на основе иностранных инвестиций и «технологического трансфера», обеспечивающая рост их конкурентоспособности на внутренних рынках;

- формирование массового среднего класса, предъявляющего спрос на жилье, услуги образования и здравоохранения;

- формирование «рублевой зоны», интегрирующей экономики России, Украины, Казахстана, Белоруссии и других сопредельных стран «ближнего зарубежья».

Этот «базовый сценарий» по сути аналогичен программам модернизации, появившемся через несколько лет. Его главный недостаток, как и всей «модернизационной идеи», заключается в том, что он **не учитывает российской специфики**: он как бы «не видит» нацию

вообще, «не замечает» государства, игнорирует роль НЧК и креативного класса. Его универсализм применим к любому государству, превращая модернизацию в «сверхидею», самостоятельную цель, тогда как сама по себе модернизация – всего лишь постоянный процесс (затухающий или активизируемый в зависимости от воли элиты).

Все перечисленные процессы в рамках «сверхиндустриализации» – имеют действительно актуальный, но частный характер. Если же речь вести о действительной сверхиндустриализации, то надо, на мой взгляд, четко определить другие приоритеты, которые выглядят следующим образом:

- опережающее развитие НЧК, прежде всего, всеобщее высшее образование, идеальный доступ к достижениям культуры, развитие отечественной науки, НИОКР и технологий, свободный доступ к информационным ресурсам и т.д.;

- сознательное развитие творческого потенциала нации, поддержка позитивных изменений в социальной структуре общества, активизации деятельности институтов гражданского общества, прежде всего, местного самоуправления;

- усиление роли государства и правящей элиты на переходном периоде (15–20 лет), которые должны взять на себя политическую ответственность за модернизацию;

- сознательные усилия государства и общества на повышение идеологической роли России в мире как культурного и духовного лидера.

Следующий «базовый сценарий», предлагавшийся А.Р.Белоусовым, назван **«Бросок в глобализацию»**. Он включает:

- развертывание долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества российской экономики;

- форсированное открытие внутренних рынков, сопряженное с ростом импорта готовых товаров и свертыванием недостаточно конкурентоспособных перерабатывающих производств;

- сохранение высокой экономической дифференциации населения, препятствующей формированию массового среднего класса и модернизации социальной инфраструктуры;

- формирование «рублевой зоны» и усиление интеграционных процессов на основе реализации крупномасштабных проектов в сфере

энергетики и транспорта.

Следующий сценарий – «бросок в глобализацию» – по сути повтор либеральной попытки начала 90-х годов. Он не только не способен обеспечить сколько-нибудь достоверный стратегический прогноз (который будет целиком зависеть от мировой конъюнктуры), но и, тем более, позитивного результата: Россия превратится сначала в придаток экономики развитых государств, затем – «поделится» суверенитетом, а потом - окончательно исчезнет как нация и государство. В лучшем случае она останется «периферийной» провинцией Евросоюза или – что вероятнее - Китая.

Третий «базовый сценарий» – **«Экономический изоляционизм»** = предусматривал стратегию «опоры на собственные силы». Он включает в себя:

- отказ от ускоренной интеграции в мировую экономику, позволяющей реализовать сравнительные преимущества российской экономики;

- ставка на модернизацию перерабатывающих производств в рамках «опоры на собственные силы» – на основе рационального импортозамещения и привлечения иностранных инвестиций при сдерживании открытия внутренних рынков;

- выравнивание экономической дифференциации населения в рамках проведения активной социальной политики и развертывание модернизации социальной сферы;

- вероятное усиление дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве вследствие пассивности России в реализации международных энергетических и транспортных проектов.

Этот сценарий – слишком гипотетичен, чтобы его серьезно обсуждать. Сегодня, даже в той отрасли, где Россия считается «безнадежно» отставшей, российской продукцией (в т.ч. в ЮВА) ежемесячно пользуется, по оценке Г.Красникова, более 28 млн. человек, а производство отечественных микрочипов происходит в кооперации с 42 странами¹.

¹ On-line-интервью Г.Красникова. 28.08.2008 г. /
<http://www.sitronics.ru/press/sitronics/2206/>.

Наконец, «четвертый сценарий» – «**Энергетический аутизм**», также несет на себе явно гипотетический оттенок. Он предусматривает:

- отказ от реализации долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества экономики;

- консервация экспортно-сырьевой модели развития при сужении ее потенциала в связи с замедлением роста экспорта углеводородов, открытием внутренних рынков готовых товаров, снижением ценовой конкурентоспособности перерабатывающих производств;

- усиление экономической дифференциации населения, отказ от модернизации социальной инфраструктуры;

- усиление дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, отказ от формирования «рублевой зоны».

Недостатки – также очевидны. Серьезных дискуссий и решений нет.

Стратегический прогноз для России во многом зависит от общемировых тенденций. Только зная реальное или вероятное направление движения развития мирового общества, его основные закономерности, можно и нужно определять **приоритеты политического и экономического развития страны**. Так, очевидно, что быстро растущее производство, особенно в США, Китае и Индии, потребует значительного увеличения добычи углеводородного сырья. Собственно этим сегодня, прежде всего, объясняется быстрый рост цен, сказывающийся, в т.ч., и на российской экономике¹.

¹ На состоявшейся осенью 2005 года в Москве конференции «Россия через четверть века – стратегия развития» были представлены три опровергающих друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия. Самый пессимистичный из них принадлежит гендиректора ЦМАКП Андрею Белоусову. По нему «уже в ближайшие десять лет России предстоит пройти через целый ряд локальных кризисов». По словам Белоусова, возникают новые риски и угрозы, связанные с перерастанием локальных кризисов в новый системный кризис, аналогичный тому, который Россия пережила в 1990-е годы. «Это может привести к нарастаю хаоса, потере управляемости и в конечном счете – распаду страны», – прогнозирует эксперт. Впрочем, распад грозит лишь в крайнем случае. Белоусов рассматривает четыре базовых сценария «сверхиндустриальная модернизация», «Бросок в глобализацию», «Экономический неоиоляционизм» и «Энергетический аутизм», названные в соответствии с тем, какая стратегия будет выбрана российским правительством и как сложатся внешние условия. В наилучшем варианте Россия к 2020 году интегрируется в мировое сообщество и одновременно модернизирует перерабатывающую промышленность, что позволит ей стать достаточно стабильной страной. Благосостояние населения (которое оценивается по величине ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) приблизится к уровню современных Франции и Германии – 30 тыс. долл. Темпы роста ВВП при этом составят не более 6%

Примечательно, что появившиеся в 2005 году и после многочисленные прогнозы не проясняют ситуации. Приведем пример¹: «Если правительство не справится с накопившимися в экономике проблемами, то Россию ждут три экономических кризиса подряд – в 2008, 2012 и 2017 годах. Такой пессимистичный прогноз в конце 2005 года обнародовал Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). Впрочем, другие исследовательские организации, наоборот, считают, что «через 20 лет Россия достигнет уровня благосостояния, сравнимого с ведущими странами мира».

2008–2010 годы показали, что принципиально выбор сделан не был.

Мы по-прежнему развиваемся по сценарию распродажи ресурсов, не понимая, что временная финансовая стабилизация **ничего не дает для развития**. А мощь современного государства определяется, прежде всего, **качеством и структурой его экономического потенциала**, что измеряется **уровнем наукоемкости и конкурентоспособности**. И по одному, и по другому показателю страна **не развивается**, а значит –

в год. При худшем варианте Россия будет жить за счет экспорта энергоносителей, жестко защищая внутренний рынок от импорта. При этом темпы роста экономики уменьшатся до 2%, население сократится до 130–131 млн. человек, общество резко расслоится, а ВВП на душу населения едва превысит 20 тыс. долл. В этом случае, по словам Белоусова, «Россия откажется на периферии мирового развития как стагнирующая страна, генератор неопределенности и кризисных процессов».

Впрочем, другие аналитики смотрят в будущее с куда большим оптимизмом. Президент «Леонтьевского центра» Сергей Васильев напомнил о прогнозе развития мировой экономики до 2025 года, обнародованном инвестиционным банком Goldman Sachs. Зарубежные аналитики исходят из того, что нефтяные цены в ближайшие четверть века останутся высокими из-за увеличивающегося спроса со стороны активно развивающихся Индии и Китая. При таком сценарии Россия может увеличить ВВП на душу населения с нынешних 8 тыс. долл. до почти 23 тыс. долл. и станет «экономическим середняком» уровня Индонезии и Турции. В то же время показатели таких развитых стран, как Япония и Германия, останутся на неизменном уровне (около 30 тыс. долл. При этом произойдет смена лидера мировой экономики: Китай и Индия значительно обгонят по объемам ВВП ныне крупнейшую экономику мира – США, хотя в целом китайцы и индийцы будут жить сравнительно бедно: на каждого жителя этих стран придется соответственно 7,3 тыс. долл. и 16,3 тыс. долл. ВВП. Еще более оптимистичен замдиректора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Александр Дынкин. По прогнозу ИМЭМО, в 2011–2020 годах рост мировой экономики увеличится с 2,9% до 4,2%. При этом Россия по объему экономики поднимется с 10-го на 6-е место в мире, а Китай возглавит этот список, незначительно обогнав США. (Эксперты представили три опровергающие друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия / Бизнес. 2005 г. 31 октября).

¹ Эксперты представили три опровергающие друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия / Бизнес. 2005 г. 31 октября.

относительно других стран – **слабеет**. На этот вывод не повлияло даже принятие в марте 2008 года Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, подготовленной Минэкономразвития¹, где в целом адекватно была проведена как оценка вызовов предстоящего долгосрочного периода (Раздел 1.2), так и целевых ориентиров (Раздел 1.3). В частности, к четырем важнейшим вызовам было отнесено:

- усиление глобальной конкуренции;
- новая волна технологических изменений;
- возрастание роли человеческого капитала;
- исчерпание источников экспортно-сырьевого развития.

Сложнее оказалось с определением **стратегической цели** и формированием «образа будущего». Как указывается в документе², «**Стратегической целью** является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП» (подч. *А.П.*). Сразу же уточню: если этот уровень объема ВВП страны, то это означает, что 140 миллионов Россия должна сравняться с 50-и миллионной Великобританией.

На мой взгляд, эта цель заведомо понижает планку наших возможностей «Достижение этой цели означает формирование качественно нового **«образа будущего»** России к концу следующего десятилетия», – признается в Концепции. Далее в документе раскрывается содержание этого понятия, которое требует хотя бы коротких комментариев. Первый критерий – **«Выход России на стандарты благосостояния развитых стран»**, когда обобщающий показатель уровня жизни, ВВП на душу населения по паритету

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР. М. март, 2008 г.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР. М. март, 2008 г., с. 9–11.

покупательной способности, увеличится с 13,7 тысяч долларов США в 2006 году (42% от среднего уровня ОЭСР) до 30 тысяч долларов в 2020 году (70%) и около 50 тысяч долларов в 2030 году. Средняя ожидаемая продолжительности жизни, – в тот же период, – возрастет до 75 лет».

Таким образом Концепция прогнозирует в долгосрочной перспективе (до 2030 года) **отставание** России, ведь к тому времени, по оценкам некоторых экспертов, душевой доход в развитых странах может увеличиться на 70–80%, т.е. достигнет уровня 70–75 тыс. долларов на человека.

Иначе говоря, прогноз изначально (даже при оптимистичном сценарии) закладывает в основу долгосрочной стратегии развития нации **отставание**. Между тем, как, на мой взгляд, можно и нужно изначально закладывать в прогнозе **опережающие темпы развития**, не экстраполируя сегодняшнюю ситуацию, а формируя сознательно **новую будущую реальность**. Действительно, если в Китае на протяжении нескольких десятилетий темпы роста ВВП превышают 10% в год, то почему нам нужно экстраполировать наши темпы роста в 6–7%? Уверен, что учитывая недозагруженность нашей обрабатывающей промышленности (по ряду отраслей до 70%), а также сверхбыстрые возможные темпы роста новых отраслей – до 40% ежегодно, а тем более принципиально новые отрасли, которые появятся до 2030 года, мы можем «поставить планку» роста ВВП в 15–18%. Если, конечно, захотела это сделать. В этом случае душевой доход может быть запланирован до 50 тыс. долл. к 2020 году и 70–75 тыс. долл. – к 2030.

Следующая цель – **Высокое качество и комфортные условия жизни населения**. В Концепции конкретизируется: «Будет обеспечена всеобщая доступность услуг образования и здравоохранения, соответствующих уровню наиболее развитых стран, средний уровень обеспеченности жильем составит к 2020 году 30–35 кв. м. на человека (или около 100 кв.м. на среднестатистическую семью)».

Трудно согласиться и с этим положением. Во-первых, потому, что «доступность образования» – неконкретный тезис. Речь должна идти о всеобщем высшем образовании для всех граждан (как в Японии) или о сохранении самой высокой в процентном отношении доли лиц высшим образованием (как в США).

Крайне неудовлетворительна и другая цель – 30–35 кв.м. на человека жилья к 2020 году. Сегодня норма строительства в развитых странах составляет 1 кв.м. на человека в год или 140 млн. кв. м. в год на Россию. Но в стране в большинстве регионов строится 0,3–0,4 кв.м. Это означает, что мы должны выйти на уровень развитых стран по вводу площадей сегодня, сейчас. Учитывая наше отставание последних 2-х десятилетий, эта норма должна составлять 1,2–1,4 кв.м. на человека в год. Только тогда, при решении этой задачи, мы сможем рассчитывать на выход на мировой уровень по этому показателю к 2030 году.

Следующее условия и задачи также не выдерживают критики. Они скорее представляют собой декларацию о самых общих намерениях, и не конкретный прогноз и программу действий. Цитирую по тексту Концепции:

«– **Благоприятная среда обитания человека.** Доля населения, проживающего в местах с неблагоприятной экологической обстановкой снизится с 43% в 2007 году до 14% в 2020 году;

– **Изменение социальной структуры общества** в пользу среднего класса, снижение экономической дифференциации населения и резкое сокращение бедности.

– **Инновационное лидерство России** в мире на основе передовых научно-исследовательских разработок, высоких технологий и образовательных услуг. Россия должна занять значимое место на рынках высокотехнологичных товаров (не менее 10 процентов) и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям. Будут сформированы условия для массового появления новых компаний во всех секторах экономики и в первую очередь в секторах «экономики знаний»;

– **Лидерство России в поставках энергоресурсов** на мировые рынки, в том числе за счет географической и продуктовой диверсификации поставок, превращения России в логистический узел глобальной энергетической инфраструктуры и ключевого участника выработки правил функционирования глобальных энергетических рынков.

– **Создание разветвленной транспортной сети**, обеспечивающей высокую территориальную мобильность населения и глобальную конкурентоспособность России на рынках транспортных услуг.

– **Лидерство России в интеграционных процессах на евразийском пространстве**, превращение в один из глобальных центров мирохозяйственных связей, в том числе в качестве мирового финансового центра.

– **Новая модель пространственного развития России** на основе формирования новых территориальных центров роста и уменьшения масштабов регионального неравенства.

– **Гарантированная реализация конституционных прав граждан**, включая развитую систему демократических институтов, наличие эффективных механизмов правоприменения и системы обеспечения национальной безопасности»¹.

Таким образом вышеперечисленные задачи, которые должны были бы выглядеть как концепция и долгосрочный план развития, таковыми не являются:

– они не ставят адекватной заявленной цели применительно к конкретным задачам, заведомо занижая уровень задач, программируя по сути отставание России до 2030 года и – что важно – далее;

– они не конкретны, не обязательны и не подкреплены аргументами. Эти задачи по сути дела представляют собой декларацию о намерениях, причем не подкрепленную общественной экспертизой;

– эти задачи, основанные на долгосрочном прогнозе, на самом деле не подкреплены ни прогнозом мирового развития, ни волей правящего класса;

– наконец, эта концепция не является следствием политико-идеологических установок элиты, сконцентрированных в ее воле. Она – простая экстраполяция сегодняшних констатаций.

Не случайно в период кризиса 2008–2010 годов эта Концепция легко «забилась», хотя попытки ее реанимации периодически и предпринимались. Она не была стратегией, обязательной к выполнению, но так и осталась одной из экспертных деклараций.

Не случайно и то, что подобный аморфный стратегический прогноз стал банальностью, которая в 2008–2010 годах повторялась многократно на самых разных уровнях, не будучи, как правило, подкрепленной

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР. М.: март 2008 г., с. 9–10.

реальными механизмами реализации, либо конкретными плановыми корректировками. Прочитую еще раз эту абстрактную, правильную, неконкретную и ... ни к чему не обязывающую банальность: **«Системное достижение поставленной цели состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития. Это позволит резко расширить конкурентный потенциал российской экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и, на этой основе, задействовать новые источники экономического роста и повышения благосостояния. Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности использования природных ресурсов и производственного капитала (подч. А.П.)** Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов и мировой конъюнктуры, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций»¹.

Это очень симптоматичное, характерное для Концепции, признание: производство новых идей и технологий уже признается, но ставится как второстепенная (после природной ренты) возможность развития. Между тем именно развитие НЧК, включая идеи и технологии, уже стало главным условием развития экономики и общества.

Слабеет она и по другим показателям, среди которых наиболее трагичные – демографический, уровень здоровья населения, заболевания СПИДом, наркоманией, число погибших в авариях.

Привычно представление об огромном научном и образовательном потенциале России. По количеству ученых (но не по результатам их работы) он действительно большой и сопоставим с уровнем других государств. Но, во-первых, он уже значительно (в несколько раз!), уступает советскому, а, во-вторых, он, очевидно, **не успевает за современными стандартами**. Просто его отставание не так заметно.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР. М. март, 2008 г., с. 11.

Поэтому складывается устойчивое впечатление, что человечество уверенно идет в одном направлении, а именно – в направлении развития экономики знаний, а Россия – в другом. И с этим **принципиальным выводом** пока что трудно спорить.

Огромная роль здесь принадлежит **качеству правящего класса**, точнее – качеству принимаемых решений. Увидеть главную цель, отмобилизовать ресурсы нации на ее достижение, добиться ее реализации – все эти свойства, похоже, отсутствуют у современной политической элиты России. Цель – не сформулирована, ресурсы – не выделены, исполнение – очевидно неэффективное.

Роль правящей элиты в период модернизации резко повышается в связи с тем, что большинство граждан (при отсутствии идеологической мобилизации) не заинтересовано в модернизации, а тот относительно узкий социальный слой «модернизаторов», называемый «креативным классом», – дистанцирован как от собственности, так и принимаемых решений. В этой связи резко усиливается роль той части национальной элиты, которая непосредственно связана с контролем над институтами государства. Но не только роль, но и **политическая ответственность**. «Широкое внедрение инноваций невыгодно тем, кто хочет сохранить свои рабочие места. Следовательно, они всеми силами будут противиться модернизации, говорит профессор социологии Университета Пенсильвании Рэндалл Коллинз. «Доля людей, активных в плане инноваций, составляет всего 6%. Подавляющее большинство — консерваторы», — подсчитал ректор ГУ-ВШЭ Ярослав Кузьминов. К примеру, бизнесу проще сделать ставку на дешевую рабочую силу, нежели вкладываться в технологическое развитие.

В связи с этим эксперты спорят, какая социальная группа должна форсировать прогресс, чтобы в обществе не наступила «ломка». Профессор факультета политологии МГИМО Оксана Гаман-Голутвина считает, что это должны быть госструктуры. Тем более что власти готовы софинансировать инновационные проекты и облегчать налоговое бремя для заинтересованных. Михаил Ремизов согласен: «Для развития модернизации очень важен импульс сверху. Если вспомнить историю (к примеру, Петровскую эпоху или Францию времен Кольбера), то именно

государство форсировало развитие, когда понимало, что дальнейшее бездействие может привести к краху»¹.

Решить эту проблему можно только **идеологическими мерами** посредством мобилизации активной части общества, прежде всего креативного класса, к задачам мобилизации. В определенном смысле это означает повторить опыт первых пятилеток в СССР, который, на самом деле, не является исключительно советским опытом: в русской традиции было немало примеров национальной мобилизации (поход Минина и Пожарского, например).

Поэтому вопрос о том, **куда** идет Россия и человечество, это, прежде всего, вопрос о том, **куда ведут правящие круги этих стран человечество**, а заодно и весь мир. И **кто** ведет.

Продолжение поступательного развития технологической цивилизации, игнорирующей человека, уже не просто исчерпало свои ресурсы. Оно ведет к биологической катастрофе. На повестке дня иной – социально ориентированный – алгоритм развития государств.

Примечательно, что экономические и социально-экономические прогнозы фактически игнорируют эту ведущую тенденцию. В лучшем случае к ней относятся как к социальной (по привычке – затратной) составляющей, хотя эмпирически в передовых странах уже пришли к выводу о том, что социальная политика становится фактором экономического развития, а не торможения.

Так, например, своевременный учет приоритетности фактора образования Соединенными Штатами в 80-е годы прошлого столетия, а также роли информационных и коммуникационных систем, привело к тому, что США именно в этот период сделали мощный рывок в экономическом и военном развитии. В результате они не только оправились от «вьетнамского синдрома», но и стали доминировать в мире.

Аналогичная ситуация происходила и в других странах. И не только в часто в этой связи упоминаемых – в Японии, Китае, Сингапуре. Ирландия, которая еще в середине 80-х годов (когда в СССР началась «перестройка») была беднейшей страной Европы, сделала ставку на

¹ *А.Литвинова. Враги модернизации / РБК daily, 30.09.2010 / <http://www.rbcdaily.ru/print.shtml>.*

образование, объявив его **важнейшей экономической отраслью**. Результат – через 20 лет она вплотную приблизилась к европейским и мировым лидерам – скандинавским государствам. Подчеркнем, **не имея** серьезных сырьевых и иных ресурсов, **не находясь** в райских климатических условиях. Более того, внутренние и внешние проблемы, в т.ч. в Ольстере, серьезно осложняли развитие этой страны. Очевидные успехи – результат **дальновидности, ответственности и профессионализма ирландской элиты**.

То, что этот случай не исключение, подтверждает и пример двух других стран – Финляндии и Израиля, которые также за последние два десятилетия сделали стремительный рывок в своем развитии. Именно из-за дальновидности своих элит, их способности к адекватному стратегическому прогнозу, изначальной нацеленности на стратегическую перспективу. Как делают вывод американские исследователи, «За последние десятилетия Финляндия достигла существенного роста, перестав быть зависимой от природных ресурсов страной с низкими доходами населения и превратившись в одно из ведущих индустриальных государств. Прогресс был обусловлен в основном развитием **двух отраслей: лесной промышленности и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)**. Помимо того что правительство Финляндии инвестировало значительные средства в инновационную систему, частный сектор и благоприятные рыночные условия также сыграли значимую роль в преобразовании экономики.

Сейчас идет второе десятилетие расцвета «экономики знаний», и Финляндия по-прежнему вселяет в исследователей оптимизм. Система образования страны признана одной из лучших в мире; хорошие (и не очень хорошие) сотрудники получают зарплату значительно большую, чем их коллеги в других странах. Финляндия входит также в число немногих государств, где на финансирование научных исследований выделяется значимая доля от ВВП»¹.

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 22.

Строго говоря, это – прямая подсказка правящей элите России: необходимо резко увеличить усилия в области образования, прежде всего, в направлении создания новых специальностей, отвечающих уровню мирового развития. В стратегический прогноз в этом случае можно заложить изначально как высокие темпы роста (по аналогии с Финляндией и Израилем) ВВП, значительно превышающий нынешний уровень экстраполяции, так и сознательное изменение социальной структуры общества, которое **уже сегодня**, в современной России, требует срочных усилий. Как признают представители рекрутинговых компаний, сегодня как никогда высок спрос на новые специальности, порождаемые деятельностью государства. «Самые востребованные новые профессии сегодня на 80% находятся в высокотехнологичных сферах»¹, – признает, например, президент Headhunter Ю.Вировец.

Таким образом, если не просто декларировать приоритетность и «доступность» высшего образования, а изначально сделать ставку на его массовый характер, особенно по отношению к сознательному созданию массовых новых специальностей, то это означает существенные изначальные коррективы в стратегическом прогнозе. Как с точки зрения роста ВВП и качества экономики, так и с точки зрения сознательного изменения социальной структуры общества.

Это означает, что государству, параллельно с созданием в массовом порядке новых специальностей, необходимо также в массовом порядке создавать новые инновационные предприятия, институты и структуры. Сознательная роль государства – очень важна, ибо сегодня **только государство** способно активно инициировать этот процесс. Пример Финляндии в этой области очень показателен: «... Формирование финской инновационной системы можно разделить на две фазы: создание ключевых организационных элементов экосистемы, которые до поры до времени не играли существенной роли в экономике, и собственно запуск инновационной системы в момент кризиса»², – пишут американские эксперты. Добавлю, что неслучайно именно в 2008–2010 годах

¹ *О.Жермелёва*. Модернизация дошла до хедхантеров / РБК daily, 23 сентября 2010 г., с. 2.

² Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 23.

Финляндия занимала 1–2 места по Индексу развития человеческого потенциала. Которого она достигла за счет сознательных усилий правительства за последние 20 лет.

Опыт СССР, когда в 40-е и 50-е годы были выделены две приоритетные отрасли – ракетостроение и ядерная – подтверждает необходимость концентрации усилий на ограниченном количестве приоритетных научно-технических направлений, которые могут стать локомотивами движения научно-технической революции. Как это было чуть позже в Финляндии.

В этой связи, с точки зрения стратегического прогнозирования, важнее не адаптированные математические модели экстраполяции, используемые для стратегических прогнозов, а экспертные оценки. Самые разные. В том числе представителей и сторонников разных идеологических направлений. Как «мнение о будущем» экспертного сообщества, безусловно, интересна повторю, любая попытка. В частности, фонда ИНДЕМ, сделанная под руководством Г.Сатарова и Ю.Благовеценского, которая основана на методе статистического анализа. Структурируя возможные «варианты будущего» с помощью сценария, эксперты предложили следующие сценарии для долгосрочного прогнозирования еще в разгаре кризиса 2008 года³. Примечательно, что будущее России связывается не с экономической экстраполяцией, а вероятными сценариями эволюции политического режима.

№	Название сценария	Описание сценария
1	Вялая Россия	Это инерционный сценарий, отражающий сохранение текущих тенденций неустойчивости и потенции любых других сценариев. Реформы спорадические и часто имитационные, власть слаба и неэффективна, элиты разрозненны, общество демобилизовано.
2	Диктатура развития	Ужесточение режима силами группировки, которая берет на себя ответственность за «наведение порядка» в стране, «прекращение воровства и беззакония ради ускорения модернизации». Этакий пиночетовский вариант.
3	Охранная диктатура	Резкое ужесточение режима ради сохранения власти действующей группировки или какой-либо ее части, побеждающей других

³ Г.Сатаров, Ю.Благовеценский. «Что будет с Россией?» Политические сценарии 2008–2009» (доклад) / <http://www.В.Рыжков>. Официальный сайт. 28 октября 2008 г.

		конкурентов. В сфере модернизации продолжается имитация вместе с воровством.
4	Революция	Нелегитимная или квазилегитимная смена режима с опорой на уличную активность больших групп населения. Несущественная реальная политическая окраска сил, перехватывающих власть.
5	Smart Russia	Движение к модернизации по западному сценарию, восстановление нормальной политической конкуренции, повышение эффективности правовых институтов и т.п.

Таким образом попыток прогноза для России было сделано немало. Экспертное мнение, безусловно, готово воспринимать такие попытки. И не только экспертное сообщество, но и общественное мнение, которое, тем не менее, ждет от властной элиты внятного ответа на вопрос:

Так, куда же идет человечество? Какие основные результаты его развития – и во многом, как следствие, развития Росси, можно прогнозировать? Речь, конечно, не идет о точном прогнозе, хотя он возможен и, безусловно, необходим. Задача гораздо скромнее: привлечь внимание к **необходимости**, даже крайней необходимости для России **стратегического, идеологического прогноза**, где **сознательная** роль элиты перестает недооцениваться. Пусть не как в Китае – на 50 лет – а, хотя бы на 20–30. Ведь именно сознательно-волевой прогноз лежит в основе **любой** стратегии и **любого** планирования: социально-экономического, демографического, финансового и т.д. Условия предполагаемого долгосрочного развития отнюдь не сводятся только к макроэкономическим. Более того, именно макроэкономические условия играют отнюдь не самую главную роль.

На наш взгляд, они следующие:

С социально-политической точки зрения в 2025–2050-х годах в странах-лидерах основные функции государства **радикально сместятся в пользу институтов гражданского общества – органов местного самоуправления и общественных организаций**. Это вызвано растущим экономическим и политическим значением креативных слоев населения и роли НЧК.

Похоже, что в США и других странах осознали фактор социального развития и расчищают ему дорогу сознательно. Их политика по укреплению прав человека, «силовой демократизации», навязываемая

нередко силой другим государствам, является не только идеологически искренней (хотя и, безусловно, несущая черты двойных стандартов), но и **прагматичной**. Обладая колоссальным преимуществом в соотношении экономических сил и общественных институтов, им не следует без крайне необходимости прибегать к военной силе. «Гибкая сила» – как показала Украина, Киргизия, Молдова – более эффективна: она дешевле и результативней. Они завоевывают народы и **пространства своим примером**. Причем делают это на долгосрочной основе, не жалея ресурсов.

Важно подчеркнуть, что **чем активнее** будет идти процесс социализации общества, **чем меньше** функций останется у федеральных правительств, тем **быстрее будет развиваться** экономика, совершенствоваться общественное и государственное устройство. Речь не идет, конечно, о функциях обеспечения национальной безопасности. И – что важно для России – тем **сильнее** будет нарастать разрыв с нашей страной. И экономический, и социальный.

Это означает, что распределение бюджета, например, кардинально сместится на местный уровень, доля которого будет доходить до 90%. Федеральным и региональным органам власти останется 10–15% общественных денег.

С экономической точки зрения, креативный класс будет создавать уже до 90–95% прироста ВВП.

Сегодня в прогнозах, повторим, доминируют оценки быстрого роста ВВП в будущем 15–20 лет. Они доходят (как, например, в докладе Национального комитета по разведке США) до 80%. Но важно подчеркнуть, что:

– **во-первых**, это будет совершенно **иная, более технологичная, более социальная экономика, ориентированная на человека**;

– **во-вторых**, она будет **радикально менее ресурс- и энергоемкой, экологичной**;

– **в-третьих**, ее структура **радикально изменится**;

наконец, **в-четвертых**, если все это удастся реализовать, то собственно количественные оценки, например, душевого ВВП, будут значительно выше. Видимо в разы, т.е. **на сотни процентов**. Именно из-за растущей роли НЧК.

С точки зрения роли государства: государство **не исчезнет**, оно **усилится за счет концентрации сил на исключительно важных для нации направлениях** – национальной безопасности (правоохранительная система также «спустится» на местный уровень): военной, экономической, политической, информационной. Возможности государств, в т.ч. и в мире, резко возрастут, а **усиление военной силы станет более реальной**. Всеобщего мира и благоденствия не наступит. Будет **жесткая конкурентная борьба за ресурсы, за распространение своего образа жизни, наконец, за контроль над демографическим развитием**.

Нации еще больше разделятся на «передовых» (сверхбогатых) и «отсталых» (бедных). Но, как говорится в Евангелие, «никто не забыт у Отца Небесного в Его великом семействе. Он бог не Иудеев только, но и язычников. Он – Бог и Спаситель всех сынов адамовых». Вопиющее разделение государств и социальное неравенство не могут привести к миру. Значит – нарастает реальная угроза войны...

С точки зрения развития политических систем. Вероятно, исчезнет классическая партийная демократия, уступив место общественным организациям и органам местного самоуправления. Вообще идет процесс **стремительного усиления институтов гражданского общества**, вытеснение ими политических институтов. Эти институты гражданского общества смогут эффективно – в режиме on-line – участвовать в управлении страной. Точнее – фактически управлять ею.

Соответственно те страны, **которые смогут быстрее других создать систему институтов общественного самоуправления, смогут значительно усилить эффективность управления и темпы социально-экономического развития**.

Создаваемая уже сегодня международная сеть, даже система институтов гражданского общества, сможет стать **эффективным инструментом внешней политики ведущих стран, через которую они будут навязывать свою волю**. Прежде всего, тем странам, которые **не успеют** создать эффективное гражданское общество.

С **социальной точки зрения** сегодня происходит примерно то же, что и в СССР в 60-е годы. Пока шли разговоры о диктатуре пролетариата и его роли в мире в СССР, именно в развитых странах в середине 60-х

годов пролетариат уступил свое место – и численно, и политически – служащим и другим представителям среднего класса. Именно эти слои в последующие десятилетия резко изменили структуру экономик развитых стран, социальную структуру общества, создали по сути дела **новое общество и государство**.

Такой же перелом ожидает развитые страны и в какой-то степени Россию в ближайшие 15–20 лет. На смену служащим придут интеллектуалы-производители, которые могут работать как по найму, так и самостоятельно. Состоится класс собственников-менеджеров, обладающих высоким уровнем образования, материальным достатком и социальным статусом. К 2025–2035 годам **структура современного общества** радикально изменится: фактически исчезнет рабочий класс и с/х рабочие в их классическом восприятии. Практически все население будет иметь высшее образование, включающее постоянную (не прерываемую) систему переподготовки. Общество станет практически целиком **интеллектуальным**. При этом:

– вероятно, все потребности общества и государства могут быть обеспечены усилиями 20–30% трудоспособного населения, занятого в экономике знаний. Остальная часть будет учиться, заниматься общественным трудом и т.д. Значительно увеличится доля лиц, занятых в области культуры, искусства, духовной сфере;

– знания, информация, став главной частью любой отрасли экономики, приведут к **доминированию** социального слоя интеллектуалов и деятелей культуры в обществе. Это доминирование будет включать **не только участие в управлении**, т.е. в политике, но и **контроль над собственностью**. Вероятность смыкания интеллекта, управленческого ресурса и прав собственности становится чрезвычайно высока.

С точки зрения собственности, интеллектуальная собственность станет **господствующей формой собственности**, вытеснив собственность на средства производства, ресурсы, недвижимость на далекую периферию. Ее соотношение с другими формами собственности изменится в десятки, а вскоре и сотни раз.

Очень высока вероятность того, что технологический этап развития приведет как к синтезу имеющихся наукоемких технологий, так и

появлению принципиально новых передовых технологий. Очевидно уже сегодня, что те государства, которые будут лидерами в создании, освоении или заимствовании этих достижений, **станут не только технологическими, но и экономическими, финансовыми и политическими лидерами,** в т.ч. и по уровню технологического и военного развития

Сегодня представляется бесспорным, что таким лидером будут США. В несколько меньшей степени – объединенная Европа, Китай и Индия, Но вполне вероятно, что и новые растущие гиганты – Пакистан, Бразилия, Индонезия – смогут приблизиться к лидерам.

Соответственно будущее место России будет прежде всего и **непосредственно зависеть как от возможности самостоятельного создания, так и внедрения этих достижений.** Пока что в России только заговорили об этом. В первом послании Президента России 1994 года были две главы о роли наукоемких технологий и образования. Они вошли в текст послания. Это было 11 лет назад. За это время **практически ничего так и не было сделано.** Это сегодняшняя реальность. Хотя есть и очень скромные обнадеживающие моменты.

С точки зрения темпов развития, необходимо прогнозировать скачки. Надо отчетливо видеть, что если России удастся в полной мере уяснить и конструктивно учесть сегодняшние тенденции (т.е. радикально изменить курс), то возможно не просто сокращение имеющегося разрыва, но и совершение «скачка» **через этапы технологического развития.** Можно прогнозировать, что в этом случае на отдельных направлениях научно-технического прогресса и развития наукоемких технологий можно не только догнать, но и **опередить ведущие страны мира.** И это должно стать сверхидеей, главной задачей не только МЭРТ, но и Федерального собрания, всей России. В определенной степени это должно стать стержнем программ всех партий, общественных организаций и других институтов гражданского общества.

Соответственно, что при реализации скачка в новой расстановке мировых сил роль России, ее экономика – качественно и по объему – будет иная, а именно – Россия **вернется в клуб великих держав,** сохранит суверенитет и национальную идентичность.

С точки зрения идеологии мобилизации, необходима концентрация усилий на использование новейших достижений НТР для экономического рывка в целом известная для СССР задача. И в 30-е, и в 50-е годы страна доказала свою способность к мобилизационным действиям. Но в нынешнем случае эта способность мобилизоваться и концентрироваться на основных участках прорыва должна нести **качественно иное содержание**. Это не должны быть экстенсивные меры. Наоборот, необходимо отбирать из имеющихся вариантов развития только те, которые обеспечат прирост в сотни и тысячи процентов.

Основные стратегические направления известны – это наука, образование и все, что связано с развитием человека. Но проблема заключается не только в том, чтобы эти направления сделать приоритетными, с реальным отражением в бюджетном планировании всех уровней. Проблема в том, **как** создать эффективные **институциональные механизмы**, как задействовать этот имеющийся потенциал не на 1–2%, а хотя бы на 50-70%!

Решение, на наш взгляд, может быть одним – все тот же пресловутый план развития, когда перед отраслями ставятся задачи достижения конкретных и очень высоких рубежей. Например, за год увеличить инновационную активность на 50%.

И последнее по порядку, но **первое по значению**. Никакого рывка сделано не будет, если общество, все ветви власти **не будут объединены этой идеей**. Сама по себе эта идея может возникнуть только в объединенном обществе – **нравственно, духовно и социально справедливым**. Строго говоря, это и есть главное условие развития.

С международной точки зрения страны-лидеры станут определять мировую политику не только в традиционных областях – внешней и военной политике, – но и информационной, культурной, духовной.

Речь идет, прежде всего, о США. Но не только. Очевидное усиление Китая, Индии, их превращение в глобальные державы не могут не остаться без последствий. Первое и самое главное для России: если она останется слабой, то соседи-гиганты так или иначе разделят ее. Не следует быть наивными – огромные пространства и ресурсы не могут принадлежать слабой нации и слабому государству.

Можно прогнозировать, что объединенная Европа станет другим важным центром силы, сопоставимым с США, Китаем и Индией. В этой связи можно допустить возникновение проблем, даже конфликтов в трансатлантических отношениях.

Другой важный фактор – ислам. Можно допустить, что не только идеологически, но и экономически и политически может начаться процесс интеграции. Причем стремительный.

С точки зрения суверенитета государств. Особенно радикально изменится **внутренняя политика государств**: традиционный суверенитет исчезнет, уступив место контролю со стороны международных и неправительственных организаций. Естественно, стран – лидеров глобализации

Прогнозируемые перемены произойдут в определенный отрезок времени, а именно – 15–25 лет. Темпы могут и будут разные, более того, неизбежны появления новых угроз и новых факторов. Иногда влиятельных. Но динамика перемен может и должна **прогнозироваться** со стороны государства и общества в России.

При этом важны критерии оценок. Иногда от их правильного выбора зависит направление движения.

Прежде всего, о том, **в чем измерять?**

Если говорить об эффективности развития в экономических терминах, то в начале нынешнего века для многих стало ясно, что прежние макроэкономические количественные показатели **стремительно теряют свое значение**. В современном обществе, например, объем ВВП, темпы его роста, показатели торгового баланса, дефицитности бюджета и пр. уступили место качественным **показателям развития** человеческого потенциала (ИРЧП), «информвооруженности», а в целом показателям, характеризующим **уровень и темпы развития личности**.

Нынешнее Правительство России **так не думает**. Очевидно несоответствие, **неадекватность реакции исполнительной власти на существующие реалии**. Это, естественно, не может не остаться без последствий. И не остается: реальные действия исполнительной власти – формирование бюджета, принимаемые решения и т.п. – исходят из устаревших количественным макроэкономических критериев, характерных для 80-х годов прошлого века.

Выбор стратегии развития России на ближайшую и долгосрочную перспективы прямо зависит от того, насколько верно правящий класс страны представляет себе истинные движущие силы развития, **которые выражаются в критериях развития.** Из которых самый важный сегодня – НЧК. Именно поэтому цена ошибки сегодня чрезвычайно высока: теряется время, ресурсы, снижается динамизм развития.

Так, определение правящей элитой СССР будущего международных отношений как наивно-безоблачное, основанное исключительно на общечеловеческих ценностях, а не на национальных интересах, привело к отходу во внешней политике не только от классовых принципов, но и от принципа защиты национальных интересов. Результат хорошо известен – развал СССР, Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, потеря союзников.

Примечательно, даже очень, признание президента американского Совета по исследованию социальных проблем Крейта Калхуна: «Капиталистическая экономика провоцирует рост неравенства, открывает двери преступности, особенно связанной с наркотиками и проституцией, – это явления, которые были практически полностью изжиты в коммунистическом Китае. Теперь они возвращаются обратно. Китайская версия модернизации, да и почти все ранее упомянутые версии, повторяет центральную ошибку теории модернизации. Они воображают, что развитие, происходящее внутри их страны, целиком и полностью зависит от того, хорошо или плохо управляется и развивается эта страна. В то время как на самом деле успешное или неуспешное развитие отдельной страны во многом определяется не ее собственной волей к победе, а тем, чего от нее хочет остальной мир и насколько он позволяет ей успешно развиваться»¹.

Приходится с сожалением констатировать, что сегодня в среде российской политической элиты **нет даже относительного единства в понимании закономерностей развития современного мира, критериях оценки эффективности социально-экономического развития.** Причем речь идет не о тактических, партийных или социальных расхождениях, а **об отсутствии самого общего понимания**

¹ *О.Власова.* Теория развитого капитализма / Эксперт. 2006 г.. № 7(501), с.75.

стратегии развития мира, общества и государства. Мы до сих пор спорим **кто** мы, **как** мы соотносимся с другими странами, **что** мы хотим.

Это наносит серьезный ущерб, прежде всего, практическим действиям исполнительной и законодательной власти России. Концептуальные расхождения настолько серьезны, что не могут не сказаться, например, на разработке законопроектов или планов социально-экономического развития, не говоря уже о частных решениях в области внешней, внутренней, экономической или военной политики.

Расхождения точек зрения различных групп политиков выходят **далеко за пределы допустимого**, если речь идет о единых стратегических и принципиальных основах **государственной политики**. В очередной раз российские политики предпочли классовые и личные цели общенациональным и государственным.

Глава 1.6. Вглядываясь в будущее: прогнозы против идей¹

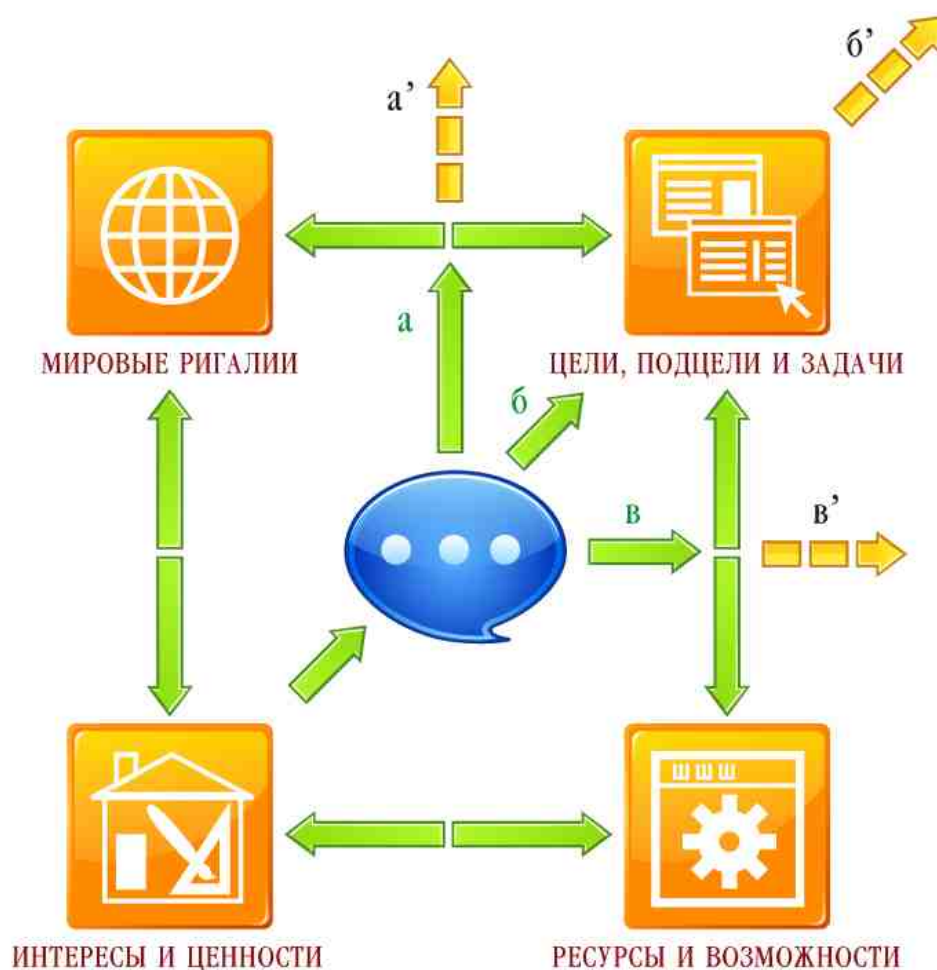
«Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем ... идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали и радужные перспективы»².

Неизвестный блогер

«... «нельзя верить в «безбожную науку», и «безбожная наука» хромает»³.

А.Эйнштейн

Глава 6. Вглядываясь в будущее: прогнозы против идей

¹ Идеи – мысленный прообраз какого-то явления, предмета, выделяющий его главные, существенный черты / <http://ru.wikipedia.org>.

² Идеология отсутствия идеологии / <http://p-development.narod.ru>

³ А.Подберезкин. Человеческий капитал. Т. I. М.: Европа 2007 г., с. 205.

Очевидная необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования не отвергает, а **предполагают** в качестве таковых идеи и образы, которые разрабатываются учеными, футурологами, писателями и религиозными деятелями. Эта внешне «не научная» деятельность, как показывает человеческая история, не только крайне важна, но и нередко оказывается много точнее самых выверенных математических прогнозов. Известно много примеров того как писатели или ученые, обладающие даром предвидения, могли гораздо точнее описать будущие события, чем прикладные специалисты. И этим объясняется особая роль социо-гуманитарных наук.

Есть еще три обстоятельства, имеющие принципиально важное значение. Во-первых, человечество вступает в период, когда открытия в областях, связанных с человеком, будут иметь решающее значение. Еще больше, чем в последние четверть века, чем открытия в области информатики и связи.

Второе обстоятельство заключается в том, что человеческое общество и происходящие в нем процессы настолько сложная система, что самые точные модели, математические и социально-экономические прогнозы оказываются несостоятельными. Это ясно показал кризис 2008–2010 годов, разрушивший всю систему долгосрочного прогнозирования.

Наконец, в-третьих, необходимо всегда помнить, что **вера** в созданный образ, уверенность в правоте и целеустремленность – ресурс огромной важности. Иногда искусственно созданный образ, самая амбициозная цель становятся реальностью если им сопутствует **вера**. Но никогда значимая цель (даже если она вполне обоснована научно и подкреплена необходимыми ресурсами) не может быть достигнута без **веры** и **воли** того, кто к этому стремится. В **свое время** этой теме я посвятил целую книгу¹.

Ничто не создается человеком прежде, чем сформируется будущий образ. Человек – это архитектор, который, в отличие от пчелы, знает чего он хочет хотя бы в виде будущего образа. Формирование будущего образа страны нельзя ограничить даже самым точным стратегическим

¹ См. *А.Подберезкин. Русский Путь. Четвертое издание. М.: РАУ-Университет, 1999 г.*

прогнозом. Этот образ – продукт воображения, воли, действий вполне конкретных людей и социальных групп. «Убежден, – говорил В.Путин, – что наше будущее будет таковым, какой образ сформируется в сердцах большинства россиян»¹.

Формулируя приоритеты и цели идеологии – стратегии, как я уже говорил, необходимо помнить, что ничто так не влияет на эффективность государственного управления и само будущее государства, как ясно представление граждан о его перспективах и будущем. Как справедливо отмечает исследователь этого явления Н.Н.Большова, «Большое значение для эффективности государства имеет наличие перспективного и долгосрочного проекта общества, объединяющего всех его членов»².

«Большой и эффективный» проект, в свою очередь, следует оценивать не абстрактно (как в свое время оперировали псевдокритериями «гласности», «плюрализма», «перестройки»), а исходя из реальных, объективных критериев, таких, как национальные интересы и ценности, международные реалии, ресурсы, адекватной оценкой элитой этих критериев, в том числе выдвижение новых идей и формирование стратегического прогноза и планирования. Это так сказать, вполне научный, хотя и несколько упрощенный подход.

Но кроме научного метода могут быть и иные, основанные на вере, интуиции, предположении, футурологических и иных принципах, которые можно отнести уже к области **политического искусства**. Эти врожденные идеи, описанные в философии, – крайне важны. Нередко именно они оказываются более точными, чем чисто научные оценки, анализы и экстраполяции. История знает множество примеров такого точного ненаучного «Стратегического прогноза». Так, по признанию Г.Коля, он был уверен, что станет канцлером Германии еще в возрасте 17 лет, В.Жириновский – о том, что он будет министром, – в 20 лет.

По моим наблюдениям, такой долгосрочный прогноз, подкрепленный работой и верой в его точность, как правило, завершается положительным результатом, в этом заключается одна из глубинных

¹ Выбери свое будущее / <http://dic.academic.ru/dic/>.

² Н.Н.Большова. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству – нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) / Вестник МГИМО (У), № 5 (8). 2009 г., с. 94.

загадок, хотя никто ведь не удивляется, если писатель или политик «заглядывает в будущее» точнее чем его современник – ученый. На мой взгляд, это объясняется тем, что у творческих и профессиональных людей существуют общие базовые знания и опыт, которые необходимы для управленцев высшего уровня. Кстати, по мнению специалистов в этой области А.Харрисона и М.Стьюарта, «70% уровня управленческой компетентности составляют общие для всех руководителей навыки»¹.

На мой взгляд, формулирование идеологических целей должно происходить обязательно с использованием методов, которые я бы назвал «творческим воображением». Образ будущего должен быть не только научно обоснован, но и **творчески представлен** как желательный. Вслед за этим, задача идеологии заставить в него **поверить** и **организовать** напряженную работу по его реализации. Поэтому очень важно, чтобы созданный образ получил **позитивное идеологическое** обеспечение. Этот метод имеет практическое значение для попыток «построения будущего» с целью решения конкретных политических проблем. Особенно если он опирается на историческую традицию и культурное наследие. Так, в политической истории современной России присутствуют уже два примера передачи власти, которые фактически использовали опыт престолонаследия, сложившийся еще в Древней Руси. Номинация (назначение наследниками В.Путина и Д.Медведева) не только не нарушила «конституционные нормы, но и сохранила традицию, является бесспорным примером развития правовой мысли и государственного права»².

Парадоксально, но вполне объяснимо и то, что точность стратегических прогнозов, созданных при помощи количественных методов, как правило уступает идеологическому, творческому воображению. Никто, например, не мог предсказать развал СССР, а до этого Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, ведь еще за год до этого подписывались «эпохальные» документы. Тем

¹ См.: *Л.Востряков, Е.Чириков. Американские и российские администраторы культуры о критериях успешности управления: формирование нового профессионализма / Власть, № 5, 2010 г., с. 109.*

² См., подробнее: *С.А.Мельников. Престолонаследие как фактор эволюции Древнерусского государства (IX–XV вв.). Автореферат диссертации. М.: НИИ Счетной Палаты РФ, 2010, с. 10.*

более никто из ученых еще в 80-ые годы XX века не предполагал отход от планового хозяйства к рынку и многопартийности. Любопытно сегодня в этой связи читать документы, принятые правящей элитой СССР и России, конца 80-х, начала 90-х годов¹.

Конечно, 90-ые годы кризиса катастрофически отразились на состоянии всей экономики, уровне прогнозирования и планирования, который был сведен практически к нулю (за исключением, как уже говорилось, военных областей). Но, главное, в конце XX и начале XXI века господствовала неолиберальная идеология, отрицавшая возможность и необходимость как научного стратегического прогноза, так и вообще формулирования модели развития и образа будущего.

Оздоровление экономики, а в ещё больше степени, – отход от неолиберальных идей, привело «снизу» к росту общественной потребности в прогнозе и стратегии. Как, впрочем, и общественной дискуссии о будущем России среди политиков, писателей, лиц творческих профессий. В результате в 2004–2006 гг. родилось большое количество специальных долгосрочных прогнозов, посвященных как отдельным отраслям экономики, так и отдельным проблемам, регионам. Можно сказать, что наблюдался «прогнозный бум». Приведем лишь некоторые примеры таких «частных» прогнозов:

– Прогноз добычи нефти в Ханты-Мансийском округе в 2020 году (показывает, что объемы добычи могут составлять до 250 млн. тонн, что будет равно примерно половине всей нефтедобычи в стране в то время);

– Прогноз добычи нефти в России к 2020 году (добыча нефти составит от 450 до 520 млн.т. в год);

– По оценкам «Газпрома», на рынке Юго-Восточной Азии к 2020 году будет поставляться около 110 млрд. куб.м. газа;

– Прогноз развития гидроэнергетики до 2020 и 2050 годов;

– По прогнозам, потребление куриного мяса в России к 2020 году увеличится в 4 раза...;

– Мировая потребность в деловой древесине к 2020 году увеличится на 100 млн. куб.м.

¹ См., например. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) Том I. Под общ. Ред. С.М.Шахрая, М: 2009 г.

– По оценкам Еврокомиссии доля России в европейском импорте к 2020 году сохранится на уровне 2% (при сохранении доли нефти на уровне 30%, а газа – 50%);

– К 2015–2020 годам будет создана постоянная станция на Луне;

– К 2020 году Россия войдет в число 10 наиболее популярных туристических направлений...;

– К 2020 году число российских студентов в Великобритании вырастет в 1,5 раза. Примечательно, что по прогнозам к 2020 году доходы от приема наших студентов в Великобритании вырастут со 100 млн. до 300 млн. фунтов;

– По оценкам врачей, доля суицидов в соотношении с другими причинами смертности к 2020 году возрастет в 1,5 раза;

– По мнению специалистов, если политику в борьбе с ВИЧ не изменить, то к 2020 году Россия потеряет половину своего населения и т.д.

Как видно, общественная и экономическая потребность, вопреки неолиберальным идеологическим установкам 90-х годов, привела к массовому прогнозированию и, отчасти, стратегическому планированию в отдельных отраслях. Но не в целом по стране, где прогноз неизбежно имеет идеологический характер. Такой идеологический прогноз попытались заменить Концепцией социально-экономического развития до 2020 года.

Изначально, таким образом, по мере появления общественной потребности в долгосрочном прогнозе были допущены принципиальные ошибки. Их, на мой взгляд, по меньшей мере пять:

Во-первых, из-за отсутствия идеологии развития множество появившихся прогнозов **не были скоординированы**. Они «выхватывали» отдельные экономические отрасли и социальные области, некоторые частные сферы деятельности и регионы без взаимосвязи между ними.

Во-вторых, не было **государственного органа**, способного соотнести эти прогнозы между собой, сделать их совместимыми и не взаимоисключающими. Больше всего в то время боялись упреков «возврата к ГОСПЛАНу», поручив фактически разработку национального прогноза одному из департаментов МЭРа.

В-третьих, эти прогнозы изначально были инерционны, они фактически экстраполировали существующие тенденции на перспективу 15–20 и даже 30 лет.

В-четвертых, эти прогнозы не вытекали, не являлись следствием общей идеологии (которой не было) развития и единой стратегии. Соответственно как приоритеты, так и цели формировались произвольно.

Наконец, **в-пятых**, не было прорывных творческих идей, смелой постановки проблем, попыток сформулировать возможные угрозы России и способы их решения.

В таком виде и при таких системных просчетах и недостатках от стратегических прогнозов было мало толку: они не только не создавали установки и темпов развития, но и, нередко, были просто вредны. Как справедливо заметил позже Д.Медведев, «... благополучие России в ... будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий»¹.

Вместе с тем нельзя отрицать и полезного опыта попыток увидеть будущее. Стратегические прогнозы, идеи и оценки будущего, как и идеологические споры о путях развития, очевидно получили толчок в этот период. Не случайно, что именно в 2005–2007 годы появились и первые идеологические выступления В.Суркова, Д.Медведева и В.Путина, а также С.Иванова, других государственных деятелей. Особенное значение имели попытки составления региональных прогнозов и стратегий, которые стали активно создаваться в 2005–2007 годы, вовлекая в это процесс новые творческие коллективы в регионах. Это связано как с быстрым исправлением диспропорций в развитии регионов, включая ускорение регионального развития, так и практической потребностью в планах долгосрочного регионального развития. Это хорошо видно по показателям бюджета Красноярского края, который стремительно рос в 2002–2007 годах².

Исполнение бюджета Красноярского края (млрд. долл.)

	2002	2003	2004	2005	2006
Доходы	18,2	20,9	32,8	46,6	73,9

¹ Д.Медведев. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г.

² Н.Иваницкая. Красноярский профицит / Ведомости. 26 января 2007 г., с.А3.

Расходы	20	23,6	31,5	50	65,1
Дефицит\профицит	-1,8	-2,7	-1,3	-3,4	8,8

Улучшилась финансовая ситуация и в ряде других регионах. По итогам 11 месяцев 2006 года, например, осталось всего 10 убыточных регионов, причем большая часть дефицита – «мизерная», отмечает гендиректор экономической экспертной группы. А.Андряков. Кроме Красноярского края, из разряда дефицитных в профицитные смогли перейти, в частности, Ненецкий и Агинский Бурятский АО, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Калмыкия, говорит Андряков. У первого из них по итогам 11 месяцев 2005 г. был дефицит в 2% от доходов, а за 11 месяцев 2006 г. – профицит в 40% от доходов. Доходы региона выросли на 66%. Похожий рост доходов и в Агинском Бурятском АО: от дефицита в 6% доходов округ перешел к 40%-му профициту. Всё это создавало объективные предпосылки необходимости стратегических прогнозов. Но не только. В центре и на местах, в регионах, городах стремительно усилилось стремление понять, увидеть свое будущее. Это стремление формировало с неизбежностью «идеологический заказ», который выражался в поиске облика новой России и региона, в конечном счете новых идей, которых, следует признать, не хватало тогда и сейчас как в Кремле и правительстве, так и в регионах.

Эта потребность в перспективах социальных и иных идеях особенно возросла в период кризиса 2008–2010 годов, когда большинство общества признало, что инерционный энергоресурсный сценарий развития уже не может обеспечить будущего России. Именно в этот период деклараций и дискуссий об инновационном пути развития страны правящая элита стала осознавать, что в основе любых инноваций лежат прежде всего **люди** – человеческий потенциал – и идеи, т.е. творческий потенциал нации. Будущий образ России уже стали связывать с инновациями, идеями и их носителями, а не механической экстраполяцией роста ВВП и других макроэкономических показателей. Как справедливо отметил один из авторов, «В наше время, когда основные производственные фонды предельно изношены, именно новые инновационные идеи должны стать иницирующим фактором возрождения. Необходим рынок идей, состязание идей, выдвижение перспективных идей. Только новые

творческие идеи способны привести к инновационным решениям и энергичному продвижению общества вперед»¹.

Более того, можно признать, что постоянно идет не только борьба идеологий и идей, но – что для нас особенно важно – **идей и представлением о будущем**, в том числе и нации. Верные идеи не только могут дать нам верное представление о будущем (нередко точнее, чем в прогнозе), но и в конечном счете обеспечить выживание и развитие. Именно поэтому для нас стоит проблема не просто адекватной идеологии, но такой идеологии, которая стала бы инструментом, **механизмом собирания идей**. Как справедливо писал М.В.Сухарев, «Материя, как известно, не возникает из ничего и не исчезает. Поэтому пере материей не стоит проблема существования. Эта проблема стоит именно перед идеей. Идеи, не способные сохраняться в материи, исчезают, а эту материю захватывают другие идеи. Именно поэтому вся история Вселенной является историей борьбы идей за обладание материей. Великолепной иллюстрацией является биологическая эволюция, в которой удачная идея биологического вида тиражируется в миллионах живых существ»².

К концу 2006 года стало ясно, что необходимы (прежде всего, в связи с идеей трехлетнего бюджета) не только отраслевые, но и среднесрочные прогнозы, которые бы легли в основу бюджетного планирования на 2008–2010 годы. Повторю, со всем набором предыдущих ошибок. Первые такие прогнозы появились уже в феврале 2007 года. Так, 20 февраля МЭР опубликовал «сценарные условия социально-экономического развития РФ до 2010 года», которые в обобщенном виде выглядели следующим образом³:

¹ Рынок идей: формирование и развитие / <http://www.spravedlivo-online.ru/contcut/news>.

² М.В.Сухарев. Эволюция общества, как движение идей / В сб.: Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии. Петрозаводск, 2001, с. 34.

³ А.Шаповалов. Экономике заставят расти за счет госинвестиций / Коммерсант. 20 февраля 2007 г., с.2.

Основные параметры прогноза на 2007–2010 годы

Показатель	2007	2008	2009	2010
ВВП (годовые темпы роста, %)	6,1	5,9	5,9	6,1
Продукция промышленности (годовые темпы роста, %)	4,3	4,5	4,7	4,5
Инфляция (%)	7,5–8	6,5–7	6,3–6,8	5,8–6,5
Курс доллара (среднегодовой, руб./\$)	26,2	26,1	26,4	27
Инвестиции в основной капитал (годовые темпы роста, %)	12,4	11,2	10,8	9,8
<i>Источник: МЭРТ.</i>				

В 2010 году можно с любопытством оценить **качество** этих прогнозов, а также оценки МЭРа в те годы. Так, положение дел в экономике, по расчетам Министерства, должно было выглядеть так: фактор внешнеэкономической конъюнктуры, который «определял высокие темпы роста в предшествующие годы», снизится с 2,6% (из 6,4% прироста ВВП) в 2005 году до 1% (из 6,1% прироста ВВП) в 2007 году и до 2010 года будет давать **не более 1–1,5% ВВП в год**. Зато общий рост инвестиций (включая государственные инфраструктурные инвестиции) обеспечат от 0,25% до 0,47% дополнительного прироста ВВП в год, а «ускоренный рост инвестиций в инновационный сектор экономики и высокотехнологичные проекты обрабатывающей промышленности» – еще 0,25%. Следует ли говорить, что ни один из этих показателей к 2011 году выполнен не был. Даже приблизительно, даже векторно. Наоборот. Все прогнозы оказались неверны. И не из-за кризиса 2008–2010 годов, а из-за своей инерционности и неидеологичности.

1.6.2. Кто формулирует идеи?

«Идеи и предложения существуют в форме «невыраженных» знаний»¹.

«Учит ли нас история? Если да, то чему? Если нет, то почему?»².

*Ан. Торкунов,
ректор МГИМО*

Ответ на вопрос о том, кто **генерирует идеи** отличается от ответа на вопрос о том, кто **их формулирует** на общественно-политическом уровне. Ответ на первый вопрос ясен: идеи генерируют творческие (креативные) социальные группы, иногда называемые креативным классом. Этот класс в развитых странах составляет, по оценкам экспертов, 10–15% населения. Этот же класс является сегодня в развитых странах главным создателем идей, инноваций и обеспечивает до 35% прироста ВВП.

Креативный класс составляет **часть всего общества**. Он не определяется только доходами, уровнем образования или только психологическими, лидерскими, творческими качествами. Его представители есть и среди богатых, и нищих, и бедных, но самая большая определяющая доля его среди представителей среднего класса. Можно сказать, что средний класс является основой для формирования творческих социальных групп. Соответственно, чем больше доля среднего класса в социальной структуре общества, тем выше доля креативных слоев. В свою очередь общепризнанные, что к среднему классу относятся те, кто по уровню доходов, образования и самоидентификации соответствуют этому параметру. Для нынешней России характерно то, что средний класс, а тем более креативные социальные слои, составляют неоправданно низкую долю в социальной структуре общества. Соответственно их **влияние** на политическую, экономическую и культурную жизнь страны значительно ниже, чем в развитых странах³.

¹ Управление идеями: как организовать процесс / www.management.com.ua/strategy

² *Ан. Торкунов*. Письмена истории в реалиях современности / Российская газета, 16 февраля 2009 г.

³ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.

Как Вы оцениваете уровень своего материального положения?

Высокий, материальных затруднений нет	1,3
Сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману	17,1
Средний, денег хватает лишь на основные продукты и одежду	57,6
Денег не хватает на продукты и одежды	16,4
Очень низкий, живу в крайней нужде	3,4
Затруднились ответить	4,2

Задача политического руководства – систематизировать, обобщать и продвигать эти идеи и знания, сделать их механизмом управления обществом и экономикой в виде обобщенной идеологии и вытекающей из нее стратегии развития². Но политическое руководство не может и не должна заменять собой общество и креативный класс. В противном случае, оно превращается в самодовольный бюрократический механизм, требующий слепого подчинения и исполнительской дисциплины. Надо признать, что иногда складывается именно такое впечатление: принимаемые решения – запоздалые и не всегда адекватные, – характеризуются нередко мнимой простотой и отсутствием креативности. Да и исполнение этих решений оставляет желать лучшего. Даже по признанию президента Д.Медведева, сделанного в марте 2010 года, только чуть более 50% поручений выполняются в срок.

Происходит это потому, что политический лидер, «начальник» (как иногда в аппарате называют высших руководителей) должен быть и **идеологическим лидером**, стоять на вершине идеологической пирамиды управления обществом. В этом случае его «сигналы» проходят напрямую к исполнителям, **минуя неизбежную бюрократическую нормативную процедуру**, т.е. процесс реализации решений редко ускоряется. Так, существующая ныне процедура принятия и исполнения решений занимает в лучшем случае 9–10 месяцев (оформление поручения Президента/Премьера – согласование в аппарате Правительства и

² При этом нужно помнить, что такая идеология должна быть применима как для «столичной», так и «провинциальной» элит «ведь в России сосуществуют две социокультурные цивилизации». См., подробнее: «А.А.Овсянников. «Социология столичности: смыслы и стратегии / Вестник МГИМО (У), № 5 (8), 2009 г., с. 110–115.

Администрации – согласование в департаментах отдельных ведомств и т.д.), а в отношении регионов – лет.

Парадоксально, но факт: сегодня в России нет не только признанной общенациональной идеологии и признаваемой системы ценностей, но и органа, который бы отвечал за ее формулирование. Отчасти за нормативное оформление идеологии отвечает Совет безопасности, точнее – его аппарат, который подготовил Стратегию национальной безопасности России до 2020 года; отчасти – департамент Министерства экономического развития, который подготовил Концепцию социально-экономического развития до 2020 года; отчасти – МИД, который подготовил Концепцию внешней политики России (подчеркнуто деидеологизированную). Но **единого органа** в государстве или в администрации Президента РФ нет. Единственная идеологическая структура – Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам Российской Федерации.

Эта Комиссия была создана в мае 2009 года как общественный орган при Президенте РФ, перед которым стояла идеологическая, но в целом **частная задача** – противодействовать кампании, развязанной в некоторых странах (преимущественно странах Балтии, Польше, Чехии и ряда других), но искажению истории периода 1938–1945 годов. Прежде всего роли Советского Союза и советского руководства в этот период.

Но уже с самого начала работы Комиссии стало ясно, что, **во-первых**, за историческими спорами стоят вполне конкретные идеологические и политические цели, прежде всего пересмотр итогов Второй мировой войны. Можно даже было выделить еще более частные идеологические задачи¹:

– сконцентрировать внимание общественности на «пакте Молотова–Риббентропа», превратить это событие в главное условие для начала нацистской агрессии в Европе;

– уравнивать фашистский режим Гитлера и авторитарный режим Сталина;

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.

– принизить роль СССР, возложив на него ответственность за войну и тем самым лишив его прав держав-победителей;

– перенести недостатки сталинского режима на нынешний политический режим в России, объединив их в единое представление о тоталитаризме;

– в целом ослабить тот громадный политико-культурный потенциал, который достался в результате победы СССР нашей нынешней России как правопреемнице.

Но, кроме идеологических, развязанная против России кампания имела и вполне прагматические – политические и даже экономические цели. Ослабление идеологического капитала России может привести к тому, что под сомнение будут поставлены политические результаты Второй мировой войны, и ту роль, которую играет Россия в Совете Безопасности ООН.

Комиссия сыграла, безусловно, положительную роль. За 2009–2010 годы ей удалось серьезно активизировать интеллектуальный и медийный потенциал России на защиту не только исторической справедливости, но и отбить идеологические атаки, которые планировались в августе 2009 года в связи с юбилеем советско-германского договора и в сентябре – в связи с годовщиной советско-финской войны. Но, главное, Комиссия показала, что у власти есть ресурсы для противодействия, а также то, что когда существует политическая воля, эти ресурсы могут быть использованы вполне эффективно. Не случайно и то, что она нашла серьезную поддержку в общественном мнении России уже через полгода. Так, по соцопросам, проведенным министерством культуры, ее деятельность оценили положительно в той или иной степени почти 70% населения¹.

В 2009 г. Президентом РФ была основана комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Как Вы оцениваете создание этой комиссии?

Положительно	42,8
--------------	------

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.

Скорее положительно	26,7
Скорее отрицательно	2,9
Отрицательно	2,3
Затруднились ответить	25,3

Таким образом Комиссия продемонстрировала способность государства отстаивать и формулировать свои исторические ценности и идеологические задачи, с одной стороны, и то, что в этой области существует огромное поле возможностей. Аналогичный результат, кстати, продемонстрировали и другие инициативы власти, прежде всего, поездка В.Путина в Катынь в апреле 2010 года, а также работа российско-польской Комиссии по сложным вопросам.

Но, в целом, ясно ощущается недостаток присутствия государства и власти в идеологии. Периодически, с идеологическими сигналами выступают Д.Медведев, В.Путин, В.Сурков, но, надо признать, что это частные сигналы, которые **не сводятся в единую систему взглядов**, т.е. идеологию, даже не претендуют на неё.

Отсутствие системы в идеологической работе власти ведет к тому, что такие «сигналы» не только часто не слышат, но и общественное мнение их перестает воспринимать. Это происходит, на мой взгляд, по двум основным причинам. Во-первых, бессистемные, частные идеологические сигналы неизбежно вскоре «забываются», вытесняются реальными или медийными событиями уже через несколько дней.

Во-вторых, сказывается отсутствие единого идеологического центра, который бы координировал, планировал, мониторил и реализовывал бы эти идеологические установки не только на перспективу нескольких месяцев, но и на несколько лет, а в идеале – десятилетий. Более того, отсутствие такого центра ведет к противоречиям, в том числе идеологическим, принципиальным, не только внутри элиты, но и самой власти. Полярные утверждения Б.Грызлова и С.Миронова по принципиальным вопросам известны, но элита, внимательно наблюдающая за идеологическими нюансами, видит и другие противоречия принципиального порядка и по принципиальным вопросам, которые выходят за рамки общеполитической дискуссии.

Вот почему, на мой взгляд, назрел вопрос о создании структуры, **координирующей идеологическую активность государства**. Такая функция всегда являлась важнейшей для политического руководства любой страны, но в России, где существует множество всяких органов власти и управления, эту функцию реализовывать некому. Речь не идет, конечно же, о создании еще одной пресс-службы, которая сегодня выполняет тактические задачи, но именно структуры, отвечающей за идеологию, т.е. формулирование целей, долгосрочное планирование и координацию идеологических ресурсов государства.

В качестве «поставщика идей» выступают творческие социальные группы нации – креативный класс, – которые **канализируют эти идеи** через разнообразные институты Гражданского общества – политические партии, экспертные сообщества, СМИ и т.д. Отсюда следует неизбежный вывод: чем сильнее креативный класс и институты Гражданского общества, тем **качественнее идеи**. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Креативные группы и личности имеются в любой социальной группе – и среди богатых, и среднего класса, и среди государственных служащих и даже маргинальных слоев населения. Но их наивысшая «плотность» наблюдается среди лиц творческих профессий – прежде всего ученых, профессорско-преподавательского состава, деятелей культуры, средств массовой информации, – которые обладают не только профессиональными знаниями и навыками, но и набором психологических и психических качеств. Абсолютное большинство их представителей относится к среднему классу (около 20% населения) и тем, кто в России относится прежде всего к бедным слоям населения (около 40%). Эта активная часть общества материально и идеологически практически исключена из процесса творчества, ее численность среди лиц творческих профессий уменьшается (ученых, например, за последние 20 лет – более чем на 60%). Вернуть ее к творческой активности, которая является в XXI основным ресурсом экономического и социального развития, можно **идеологическими мерами**, т.е. идеология может стать средством мобилизации творческого ресурса нации.

Конечно и среди правящей элиты, даже бюрократии, есть креативные личности. Все зависит от их психологических и психических

особенностей, которые проявляются в т.ч. в идеологии в разные периоды времени. С идеологическими концепциями, например, регулярно выступает Ю.Лужков¹, В.Якунин, С.Иванов и другие высокопоставленные чиновники, фиксирующие свои идеологические позиции. В том числе и по принципиальным вопросам. Так, в 2009–2010 годах, Ю.Лужков неоднократно проводил тезис о том, что «экономические теории монетаризма стали идеологической базой спекулятивного капитализма», т.е., что в основе нынешней общественно-экономической формации лежит **идеология**.

Огромное значение для развития страны, формирования ее идеологии и стратегии имеют **социально-гуманитарные науки**. Именно они формируют не только философскую и эмпирическую основу для любых общественно-политических и идеологических концепций, ту «среду», в которой они могут развиваться, но и профессиональные подходы, квалифицированную экспертизу. К сожалению, в последние десятилетия эта основа сознательно разрушается. Причем не только из-за последствий социально-экономического кризиса и влияния извне, но, прежде всего, из-за игнорирования значения социально-гуманитарных знаний вообще и идеологии, в частности.

Примечательно, что даже поворот властной элиты к науке, произошедший в последние годы, **не повлиял на эту область в положительном плане**. Можно только приветствовать наконец-то внимание власти к достижениям научно-технической революции, новым технологиям и их носителям, но этот процесс протекает при **полном игнорировании значения социально-гуманитарных знаний**. Это проявляется и в развале соответствующих институтов РАН, и в политике Минобра, который признает только естественно-научные науки, и, к сожалению, отношения Президента РФ и Председателя Правительства. По их инициативе, например, среди исследовательских Университетов и направлений деятельности не просто доминируют, но абсолютно присутствуют только естественно-научные центры.

¹ См., например: *Ю.Лужков. Транскапитализм и Россия*. М.: Московские учебники и картография, 2009, с.72; *Капитализм и Россия. Выпадение из будущего?* М.: Московские учебники и картография, 2009, с. 136.

Это, конечно же, в корне неверно, ибо элита не способна предложить профессионально подготовленные идеи и концепции общественно-политического и экономического развития **без национальных социогуманитарных исследований.**

Наконец, следующая проблема, – профессиональная социогуманитарная подготовка элиты и принимаемых его решений. У этой проблемы есть два аспекта. Во-первых, слабая гуманитарная подготовка элиты, которая в основном сформирована из хозяйственников и силовиков, а не идеологов. Как правило, с соответствующим образованием и знаниями. Это привело к тому, что в последние десятилетия появилось множество «специалистов» – обществоведов, «политологов» и профессиональных комментаторов, не имеющих даже не очень хорошего, но вообще гуманитарного образования. Поэтому качество такой элиты сегодня крайне низкое. Как и принимаемые ею решения.

Во-вторых, в России сегодня отсутствуют идеологические органы. И не только в Администрации Президента или Аппарате Правительства, но и в СМИ, министерствах и ведомствах. Это – прямое последствие проводившейся со времен А.Н.Яковлева «деидеологизации». Соответственно некому предлагать для руководства и идеологические рекомендации, заниматься целеполаганием, стратегическим планированием, координацией идеологических ресурсов и т.д. Эти функции возлагаются на соответствующие информационные управления и пресс-службы, т.е. структуры, занимающиеся не идеологией, а **продвижением готовых идей в СМИ.** Тогда, кто же готовит идеи? Кто их отбирает, систематизирует, предлагает руководству страны?

Поступающие в Кремль, Белый дом, ведомства инициативы и идеи, тем не менее, кому-то надо обобщать, систематизировать и готовить проекты решений на уровне лиц, принимающих такие решения. Прежде, при ЦК КПСС, это были Идеологические отделы ЦК и группы консультантов, а теперь не ясно кто, этим занимается, да и есть ли вообще такой функциональный орган?

Пока что в этой идеологической области, как ни странно, активно ведут себя неолибералы, прежде всего макроэкономисты, которые в действительности и формулируют **идеологию** развития страны.

Сегодня, таким образом, сложилась неправильная ситуация, при которой реальные приоритеты социально-экономического развития формирует не элита страны и высшие органы власти, а **финансово-экономический блок правительства в лице МЭРа и Минфина**. И хотя в МЭРе делают **основную ставку на государство** как на главного инвестора и инициатора разнообразных социальных «нацпроектов», реальную программу и распределение ресурсов предлагают именно российские денежные власти. Соответственно и предлагаемые способы решения всех проблем, прежде всего финансово-монетаристские. Как показал кризис 2008–2010 годов, все его аспекты – а их было великое множество – были сведены к финансовой стабилизации.

Таким образом ключевые стратегические и идеологические проблемы в современной России пытается ставить и решает МЭР, т.е. всего лишь министерство, пусть сверхкрупное, но министерство, а не Президент, Госсовет или Совет безопасности, а на практики их формулируют финансовые власти.

На мой взгляд, такие задачи должны готовиться отдельным органом Администрации (в Совбезе, например, с участием Правительства, Федерального Собрания, общественных и политических институтов) и формулироваться в стратегии национальной безопасности, которая, является нормативным оформлением идеологии. Стратегия, думается, должна иметь **обязательный – с политической и нормативной точки зрения характер – для подготовки бюджетов, других законов и решений, т.е. для деятельности всех министерств, ведомств, региональных властей**. Сегодня этого нет. Нет общенациональной идеологии, а стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, принятая в мае 2009 года, отдаленно напоминает обязательный документ, на который ориентируется исполнительная и законодательная, а, тем более, судебная власть.

Элита, прежде всего политическая, включающая высшее политическое руководство страны, должна, опираясь на идеологию (т.е., повторю еще раз, **на систему** взглядов, ценностей и принципов) и на ее формализованное изложение в Стратегии национальной безопасности, принимать обязательные для исполнения всеми ветвями власти решения. На практике это означает в сегодняшней России, что **элита должна**

сформулировать политико-идеологическую задачу монетарным властям, а не наоборот. Так, если в президентском послании 2007 года стоит задача строить в перспективе по 1 кв.м. ежегодно на человека, т.е. 140 млн. кв.м. в год, то эта задача сформулирована высшим **политическим руководством.** Ее решение должно быть реализовано Правительством и региональными властями. А не наоборот, когда задачу (в масштабах страны) ставят отдельные министерства, чаще всего Минфин и МЭР.

Сегодня такие масштабные и долгосрочные, т.е. стратегические задачи должны в реальности стать прерогативой политического руководства страны в рамках некой идеологии, которую разделяют большинство граждан. Это может быть либо президент, либо победившая партия. Либо они вместе, а не ведомство, регион, либо какой-то чиновник.

Из-за того, что МЭР или Минфин берется за выполнение не свойственных им (идеологических) функций, они и выполняют их по-своему, «неидеологически», как министерства финансов и экономики. Год от года, может быть и лучше, в рамках своих достаточно узких функциональных обязанностей, а в целом – плохо.

Простой пример. Все прогнозы МЭРа – инерционны. В них нет не только идеологической «сверхзадачи», но даже и учета внешних факторов и стимулов развития. Что подтверждает и последующая неизбежная корректировка, которая делается, как правило, уже через несколько месяцев.

Главная проблема всех существующих прогнозов, и долгосрочных в особенности, это то, что они деидеологизированы, просто экстраполируют существующие экономические тенденции и факторы на будущее, а не ставят задачу, даже сверхзадачу, которая вытекает из общей идеи. Такой прогноз, не учитывает многих важнейших факторов, а, главное, не направлены на решение проблем, сформулированных руководством страны. Что, в итоге гарантирует – такой прогноз наверняка будет не соответствовать действительности: появление новых факторов, открытий, проблем и т.д. неизбежно приведет к серьезным, если не сказать качественным коррективам.

Так, практически не поддаются прогнозированию открытия в фундаментальной науке, а ведь Россия принадлежит к очень узкому клубу стран, занимающихся этой сферой. Но открытия в этой области имеют решающее значение. Дело в том, что фундаментальная наука – это особый «организм», очень хрупкий и своеобразный. Создать ее крайне сложно, разрушить легче легкого. Причем в науке действуют свои нравственные и моральные законы, выработанные научным сообществом за несколько веков, которые экономически невозможно просчитать. Впервые этот своеобразный кодекс чести ученых, стоящих на четырех принципах, был сформулирован известным американским социологом Робертом Мертоном¹.

При этом попытки коммерциализировать, приспособить фундаментальную науку (именно науку, а не результаты) к экономическим потребностям МЭРа, – бессмысленны. По данным соцопросов, проведенных в МГУ, ученых, желающих заниматься внедрением своих результатов в бизнес – менее 1%. Это означает, что коммерциализация науки не только бесполезна, но и обесценивает главный ресурс современного развития – науку, образование, культуру, знания и духовность вообще. Весь этот огромный неэкономический ресурс знаний остается за пределами потребностей «практической экономики». Но это же лишает и профессиональные прогнозы и платы МЭРа реального смысла. Достаточно сказать, что при составлении комплексных стратегических прогнозов, таких, например, как в США и Китае, работают коллективы из тысяч исследователей, представляющих самые различные области знаний. И, кстати, не только знаний но и культуры, искусства, духовности.

Подобная методологическая ошибка ведет не только к ошибкам политическим, идеологическим, но даже экономическим: узкие специалисты-экономисты не могут выйти за рамки такого же узкого коридора своих знаний и опыта, что неизбежно ведет к крупным ошибкам. Таким, например, как недофинансирование культуры, науки и образования в принятом бюджете на 2008–2010 годы.

Вот почему важна именно идеология, которая оперирует качественными характеристиками высшего порядка по отношению к

¹ Ю.Медведев. В академики по расчету / Российская газета. 26 июля 2006 г., с.10.

экономике. Она помогает не только уйти от экономического детерминизма, но и сделать прогноз и стратегию менее ошибочной. Кроме того, с политической точки зрения именно идеология формулирует задачи перед всеми исполнителями, а не только теми, кому непосредственно поручена их реализация. Так, если политически будет сформулирована задача опережающего развития (как следствие соответствующей идеологемы), то ее выполнять должны будут **все регионы**, а не только несколько областей, которые обеспечивают сегодня прирост ВВП в 12–15%, **все отрасли**, а не только строительная и энергетического машиностроения.

Простая экстраполяция полезна и необходима на начальном этапе формирования стратегии, ибо позволяет сделать сравнение, рассмотреть реальное (сегодняшнее) соотношение сил в мире и место в нем России. Так, динамика последних 7 лет подъема экономики при В.Путине выражена отчетливо в следующих данных,¹ которые были просто экстраполированы правительством на следующие три года – 2008–2010. Подобная экстраполяция, конечно же, не учитывала многих факторов.

Основные показатели мировой экономики

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006п
Рост ВВП, %							
Мир	4,7	2,4	3,0	4,0	5,1	4,3	4,3
Развитые страны	3,9	1,2	1,5	1,9	3,3	2,5	2,7
США	3,7	0,8	1,6	2,7	4,2	3,5	3,3
Канада	5,2	1,8	3,1	2,0	2,9	2,9	3,2
Великобритания	4,0	2,2	2,0	2,5	3,2	1,9	2,2
Германия	3,1	1,2	0,1	-0,2	1,6	0,8	1,2
Франция	4,1	2,1	1,3	0,9	2,0	1,5	1,8
Италия	3,0	1,8	0,4	0,3	1,2	0,0	1,4
Япония	2,4	0,2	-0,3	1,4	2,7	2,0	2,0
Развивающиеся страны	5,8	4,1	4,8	6,5	7,3	6,4	6,1
Бразилия	4,4	1,3	1,9	0,5	4,9	3,3	3,5
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	5,5	5,3
Индия	5,4	3,9	4,7	7,4	7,3	7,1	6,3
Китай	8,0	7,5	8,3	9,5	9,5	9,0	8,2

¹Экономическое обозрение. Институт энергетики и финансов. 2006 г. январь, № 2, с.2–3.

Инфляция (ИПЦ),%							
Развитые страны	2,2	2,1	1,5	1,8	2,0	2,0	1,9
США	3,4	2,8	1,6	2,3	2,7	2,7	2,4
ЕС–15	2,1	2,4	2,3	2,1	2,2	1,9	1,7
Япония	-0,9	-0,7	-1,0	-0,2	0,0	-0,2	0,3
Развивающиеся страны	7,1	6,7	6,0	6,0	5,7	5,5	4,6
Бразилия	7,1	6,8	8,4	14,8	6,6	6,5	4,6
Россия	20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	11,8	9,7
Индия	4,0	3,8	4,3	3,8	3,8	4,0	3,6
Китай	0,4	0,7	-0,8	1,2	3,9	3,0	2,5
Внешняя торговля, млрд. долл.							
США							
Экспорт	782	729	693	725	819	908	-
Импорт	1259	1179	1200	1303	1526	1733	-
ЕС–15							
Экспорт	2252	2263	2403	2845	3370	3589	-
Импорт	2257	2215	2293	2752	3299	3561	-
Япония							
Экспорт	479	404	417	472	566	600	-
Импорт	380	349	337	383	455	522	-
Бразилия							
Экспорт	55	58	60	73	96	н\д	-
Импорт	58	58	49	50	65	н\д	-
Россия							
Экспорт	106	102	107	136	183	247	-
Импорт	49	59	67	84	106	123	-

И не только кризис 2008–2010 годов (который вообще мало кто прогнозировал), или цены на энергоносители (которые также никто не может с уверенностью прогнозировать), но и такие долгосрочные тенденции в мире, как снижение энергоемкости и материалоемкости производств, увеличение доли наукоемкой продукции, наконец, рост значения потенциала человеческой личности в экономике и обществе.

На самом деле эти и другие тенденции изначально должны были быть заложены не только в стратегических прогнозах, но и планах социально-экономического развития, бюджетных посланиях, наконец, в самых бюджетных не только как экономические, но, прежде всего, устойчивые идеологические и политические тенденции. Что, естественно,

не могут себе позволить ни МЭР, ни Минфин, но что должно быть обязательно заложено в стратегии развития государства. Как минимум, в качестве идей и тенденций, которых, кстати, российская наука и общественность во все времена выдвигали немало.

Приведу собственный пример. Еще в 1991–1994 годах было подготовлено большое количество записок, проектов законов и даже больших монографий, которые **предупреждали** власть о многих проблемах, ставших на повестку дня только недавно. Так, например, в книге «Национальная доктрина России»¹ я писал о необходимости выделения в программах Президента и партий ясных идеологических приоритетов, которые бы и означали фактический **выбор** Властью.

В этой же работе я говорил о том, что в 1992 году впервые смертность превысила рождаемость и прогнозировал дальнейшее развитие этой тенденции (что только через 12 лет привело к появлению национального проекта и демография» и разработке специальных программ), о том, что необходимо использовать собственные ресурсы, а не рассчитывать на Запад, прежде всего культурной, образовательной и духовной потенциал нации и т.д. Эти идеи в большинстве своем были восприняты с **опозданием** в 10–16 лет, а некоторые до сих пор остаются идеями. Разрыв между новыми идеями в фундаментальной науке и реальной экономике, составляющей в России десятки лет, стал традицией, которая была перенесена и в общественно-политическую реальность, – где, как оказалось, нет вообще связи между идеями, генерируемыми представителями креативного класса, и представителями политического класса России.

Примечательно, что при этом на уровне самоорганизации общественных наук происходят прямо противоположные тенденции. С одной стороны, сокращается количество последователей, умирают целые школы в РАН, университетах и институтах, а, с другой, – появляется множество независимых исследовательских и псевдоисследовательских институтов, центров и служб, некоторые из которых могут предлагать вполне конкурентоспособную научную продукцию для лиц, принимающих решения. Проблема, как представляется, в том, чтобы

¹ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты) / Подберезкин А.И. – рук. авт. кол-ва. М.: РАУ-корпорация 1994 г., с. 21–23.

организовать взаимодействие между властью и генераторами идей не на личном уровне (как это есть, например, у Г.Павловского, В.Фадеева и еще нескольких человек), а на постоянной систематической и **формализованной** основе.

В этих целях могут быть использованы, естественно, Советы и Комиссии при Президенте России, деятельность которых необходимо переводить с общественной на общественно-профессиональную основу. Их потенциал – как показал опыт Комиссии по противодействию фальсификации истории России – может быть **очень высоким**, но для этого такой потенциал должен стать фактором, т.е. быть реализованным, что к сожалению, не всегда происходит.

Главное в прогнозах даже не господствующее в них экстраполяция, а то, что она становится уже **не экономической тенденцией, а превращается в политико-идеологическое целеполагание**, т.е. формулирует **цели развития государства и общества, не только как в данном случае на среднесрочную, но и на стратегическую перспективу**.

При этом возникает множество вопросов, на которые МЭР, Минфин и другие ведомства не способны ответить в принципе, т.е. изначально, отдавая инициативу выдвижения идей, их оформление в стратегические прогнозы и планирование финансово-экономическим ведомствам, закладывается долгосрочная ошибка. Так, например, учитывая, что каждый процент прироста крупных экономик «весит» значительно больше, чем процент российского прироста (только прирост экономики США в 2005 году был равен всему ВВП России), становится понятным, что, сохраняя нынешний алгоритм развития, догнать ведущие державы мира экономика нашей страны может только в очень и очень отдаленной перспективе. Если вообще когда-нибудь это будет возможно.

Вопрос – политический и идеологический – в том, **насколько** отдаленной? Если нам потребуется 30 лет, чтобы догнать Германию и 70 лет – Китай и США, – то главный вопрос для России будет таким: а сможет ли выжить в эти годы нация и государство? Хватит ли нам ресурсов обеспечить суверенитет и национальную безопасность? Ответ на эти вопросы лежит в политической и идеологической областях, а не в финансово-экономических. Так, рассчитывать на спокойное, мирное

развитие Россия вряд ли может. Как справедливо отмечал в свое время заместитель директора Центра анализа, стратегии и технологий Константин Макиенко, «США с их полуторатриллионным военным бюджетом более чем какое-либо иное государство в мире, закупают вооружение в количествах, которые, выражаясь языком господина Кейси, «значительно превосходят потребности их обороны» и не способствуют не только региональной, но и глобальной стабильности»¹.

Подписание Д.Медведевым и Б.Обамой Договора о сокращении стратегических вооружений в апреле 2010 года, является хорошим примером для стратегического прогноза в военно-технической области: в ходе реализации этих договоренностей в ближайшие годы предполагается сокращение ядерных боеприпасов и их носителей у России и США, что должно укрепить стратегическую стабильность. Но в этой связи возникает ряд других вопросов, которые не являлись предметом договоренностей, а именно:

– как быть с тем, что многие функции стратегического потенциала будут выполняться неядерным оружием и системами боевого управления?

– как учитывать рост ядерных потенциалов других стран, чей удельный вес в 2010 году составлял 10% от российско-американского, но неизбежно увеличится в результате сокращений США и России и развития их ядерных сил?

– как быть с развитием систем противоракетной обороны и боевого управления. Которые де-факто уже стали частью наступательно-оборонительного комплекса стратегических сил США?

– наконец, как быть с тем фактом, что растущая военная мощь США, которая прежде компенсировалась российским потенциалом, станет доминирующей в мир. Не случайно подписание договора о сокращении стратегических вооружений состоялось в апреле 2010 года в Праге, где за год до этого Б.Обама заявил о необходимости ядерного разоружения.

Эти и другие соображения не находят и не могут находить своего отражения в концепциях и планах, разрабатываемых в Минфине и МЭРе, но такие планы в принципе должны быть следствием более общей

¹ *И.Родин*. Чавес обсудил с Путиным проблем многополярности / Независимая газета. 28 июля 2006 г., с.3.

концепции развития страны. На эту роль не может претендовать и стратегия национальной безопасности до 2020 года, утвержденная в мае 2009 года Президентом РФ, именно в силу своего относительно частного, неидеологического характера, где нет ни сверхзадачи и сверхидеи развития России, ни национальной идеи. Конечно, в качестве такой «сверхидеи» можно сформулировать, как это сделано в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, цели экономического роста: «53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

54. Обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации»¹.

Но в этой «идее» есть только одна конкретная задача – «войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП», – которая, **во-первых**, не является бесспорной (например, почему не ВВП на душу населения или по индексу развития человеческого потенциала? Или доли России в Мировой наукоемкой продукции, или образовании и науке?), а, **во-вторых**, эта идея и **главная цель развития** не обсуждалась широко ни экспертным сообществом, ни общественным мнением в стране. Она, в том числе и поэтому. Не стала национальной идеей, оставшись одной из идей очередного нормативного документа, о котором забыли все после его принятия. Любопытно, а сколько же раз за год – с мая 2009 года по май 2010 года – ссылались на эту Стратегию руководители страны и представители ее элиты?

Отсутствие механизма «продвижения идей» во властную элиту опасно и поэтому, что сама по себе властная элита в ее нынешнем виде концентрирует в основном представителей власти, а не креативных групп

¹ Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

граждан. Но у таких представителей власти, как правило, нет времени и возможности осмыслить, проанализировать ситуацию, они действуют в режиме постоянного цейтнота и форс-мажора. Отсюда – на стратегические решения банально не остается времени и сил.

В любом случае многие факторы рисков остаются за скобками правительственных прогнозов и оценки руководителю страны. В лучшем случае принимается во внимание фактор цены на углеводороды и темпы развития (падения) мировой экономики, т.е. самые общие макроэкономические показатели. Хотя в условиях кризиса 2008–2010 годов основными показателями в развитых странах стали **социальные** (безработица, уровень доходов), а не финансовые.

Что же касается внешнеполитических или внутривнутриполитических факторов, то они не только не учитываются, но и вообще игнорируются. Как, например, объяснить отказ учитывать в годы правления республиканской администрации возможные действия США, в частности, приход на пост министра обороны Р.Гейтса (посвятившего свою жизнь развалу СССР)¹? Или резкий рост на 2007 год расходов в США на «защиту демократии» в мире, который возможно привел к активизации антироссийской политики на Кавказе, Осетии, Абхазии, Украине, да и в других постсоветских государствах?

Сегодня требуется жесткий анализ идеологических основ всей предыдущей политики – экономической, финансовой, социальной – России. Не только за 90-ые годы прошлого столетия но и за первое десятилетие нынешнего. Как в условиях относительно благоприятного фона развития, так и в условиях кризиса 2008–2010 годов. И не случайно такой анализ делается не только оппозицией (политической – Г.Зюганов, С.Миронов, В.Жириновский, Г.Семитин, но и интеллектуальной), но и представителями самой правящей элиты. Так, только в 2009 году Ю.Лужковым было опубликовано две книги, посвященные этой теме². Другой представитель властной элиты – В.Якунин – даже создал специальный центр для такого анализа под руководством С.Султаншина, который подготовил десятки критических работ и провел несколько

¹ В.Сычева. Рыцарь секретного образа / Итоги. 20 ноября 2006 г., с.40.

² Ю.Лужков. Транскапитализм и Россия. М.: 2009 г.; Ю.Лужков. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009 г.

«резонансных» научно-практических конференций. Так, Ю.Лужков, например, сделал весьма примечательный и сугубо идеологический вывод: «Связанные с этим кризисом (2008–2009 г. – *А.П.*) основные выводы для человечества только кажутся финансовыми и экономическими, тогда как их масштаб в разы превосходит сферу экономики»¹.

Примечательно, что Ю.Лужков, как и другие критики, **избегают идеологической оценки** (за исключением С.Миронова, заявившего, что он «не будет строить капитализм»), но неизбежно подталкивают своих слушателей и читателей к этим, т.е. идеологическим выводам.

И главная идея, которая в том или ином виде обсуждается сегодня, это – **идеологическая**: каков алгоритм развития общества, экономики и государства, предлагаемый правящей элитой.

Спор идей, на самом деле, имеет не философский (кого сегодня в России волнует философия?), а вполне даже экономическое обоснование. Дело в том, что российское общество и часть элиты в принципе перестало устраивать нынешний алгоритм развития, который ни в период «тучных годов», ни в период кризиса так и не смог продемонстрировать свою эффективность. Причин, как уже понимают, много, но главное это то, что отставание России по всем направлениям не сокращается, а увеличивается.

Темпы роста ведущих стран мира за последние десятилетия – как в благоприятные, так и кризисные годы – были достаточно высокими, а США, Индии и Китая, даже очень высокими. Если же добавить, что и в предыдущие 15–20 лет (т.е. в годы, когда экономика России деградировала или развивалась экстенсивно) в этих странах были устойчивые и высокие темпы развития, то это означает, что Россия смогла лишь отчасти присоединиться в последние годы к «рывку» США, Китая и Индии. Во многом благодаря изменению цен на рынке сырья, хотя я уверен, что это не единственный фактор.

«Стремительный» рост экономики России объясняется просто: после обвала 1990–97 г.г. и еще одного кризиса 1998 года, все показатели России снизились до уровня 50-х годов. «Рывок» – лишь отчасти

¹ Ю.Лужков. Транскапитализм и Россия. М.: 2009 г.; Ю.Лужков. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009 г., с. 6.

восстановил (80–85%) экономику 1990 г. РСФСР к 2006 году и сравнял ее с докризисным (1990 г.) уровнем к 2007 году. Именно с 2007 года начался **рост, а не восстановление**. О чем свидетельствуют следующие данные.

Основные показатели экономики России

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006 к 2000
ВВП в текущих ценах, млрд. руб.	7306	8944	10818	13243	16752	21280	300%
ВВП на душу населения. Долл.	1772	2100	2374	2984	4041	5264	300%
% к предыдущему периоду, в постоянных ценах							
ВВП	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,0	
Конечное потребление	5,6	6,8	7,0	6,2	9,2	9,0	
Инвестиционный спрос	18,1	10,2	2,8	12,8	10,8	9,9	
Промышленное производство	11,9	4,9	3,7	7,0	6,1	4,0	
млрд. руб.							
Доходы фед. бюджета	1132	1594	2205	2586	3426	4239	400%
Расходы фед. бюджета	1051	1355	2063	2372	2706	3237	300%
Профицит фед. Бюджета	81	240	142	214	720	1002	1200%
Первичный профицит	365	424	378	438	935	1345	350%
% ВВП							
Доходы фед. бюджета	15,5	17,8	20,4	19,6	20,4	21,1	
Расходы фед. бюджета	14,1	14,8	19,0	17,9	16,1	16,1	
Профицит фед. Бюджета	1,1	3,0	1,4	1,7	4,4	5,0	500%
Первичный профицит	5,0	3,2	3,5	3,3	5,6	6,3	

Подчеркну, – рост, а не развитие. Развитие экономики в России так и не началось, даже в условиях сверхблагоприятной мировой конъюнктуры 200 – начала 2008 годов. Что же касается экстенсивного роста, то он немедленно прекратился, более того, превратился в самое стремительное падение из всех развитых экономик (кроме Украины) в 2008–2010 годах.

Повторю, что эту главную тенденцию видят и знают все. К 2010 году сложилась ситуация, когда даже представители властной элиты стали говорить о системных недостатках стратегии развития (которая, на самом деле, не была на стратегией, ни развитием, а в лучшем случае – попытками финансовой элиты использовать благоприятную конъюнктуру мировых цен).

Другой аспект, признанный правящей элитой в 2010 году, – неэффективность управленческих решений бюрократии, более того, их заведомо коррупционный характер. Именно в 2009–2010 годах

Д.Медведев попытался внести очередные коррективы в систему управления экономикой, обществом и государством, носившие в ряде случаев, подчеркнуто идеологический характер. Так, назначение Т.Хлопонина полпредом Президента ФФРФ на Кавказе, а В.Вексельберга – «куратором» проекта в Сколково – весьма символические. Когда решался кадровый вопрос о Сколково, как сообщил источник в администрации, олигарха выбрали по принципу потому, что «чиновнику это лучше не поручать»¹.

На самом деле я сомневаюсь в эффективности подобной кадровой стратегии правящей элиты. Разочаровавшись в эффективности госчиновников, не обязательно правильным делать ставку на бизнес, который в России имеем весьма спорные и неэкономические условия для развития. Мне кажется, что лучший управленец XXI века, это человек, обладающий:

- а) профессиональными знаниями (в данном случае, – ученый);
- б) творческими способностями, в т.ч. организационными;
- в) способность к стратегическому прогнозу и планированию.

Стало к 2010 году очевидным, что необходима широкая научная и экспертная дискуссия, в которой уже не только оппозиция, но и элита пришла бы к пониманию относительно новых идей, их прогноза, стратегии и идеологии развития. В противном случае, будет неизбежна несогласованность как между отраслевыми стратегиями и планами, так и региональными. Так, энергетическая стратегия России на период до 2020 года исходит из роста ВВП страны к тому времени в 2,2–3 раза. Это, кстати, прямо противоречит задаче, сформулированной Президентом РФ, а также создает возможность катастрофической ошибки: если ВВП будет расти быстрее, то экономика будет поставлена в условия энергетического кризиса еще задолго до 2020 года. Что, уже, собственно говоря, и происходит – энергетический кризис стал фактом еще в 2007 году.

Отсутствие общенациональной идеологии развития уже больно бьет экономически. Вот почему послание В.Путина 2007 года выглядело как эквивалент среднесрочного прогноза и стратегии, которые были подкреплены проектом бюджета на 2008–2010 годы.

¹ Человек-кремний / Коммерсант, 24 марта 2010 г., с. 1.

Следующие послания, уже Д.Медведева, имели политико-идеологический характер, но они не являлись строгой идеологической системой, а, скорее, эмпирическим набором «сигналов» обществу и его элите.

Между тем у ученых как уже говорилось существуют и более сложные, комплексные идеи и стратегические прогнозы, учитывающие огромное количество факторов, но, главное подтверждение практикой.. Так, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) провел еще до кризиса исследование, в ходе которого, например, выяснилось, что в ближайшие 15 лет страну ждет целый ряд кризисов. Важно подчеркнуть, что появление таких прогнозов без предложения и вариантов решения фундаментальных мировоззренческих и идеологических задач, – уже само по себе противоречие, граничащее с крупной ошибкой, но, тем не менее, доказывает прагматическую ценность таких идей.

Приведем другой пример, касающийся уже не энергетики, а образования. Почему-то в 2001–2010 годы сложилось представление (причем не только у Минобра, но и в Правительстве) о том, что в России уже достаточно лиц с высшим образованием. Отчасти это вытекало из объективного факта роста числа студентов в России в последнее десятилетие, но отчасти, из-за того, что руководство страны считает главной проблемой в России качество образования, а не его доступность. Эта оценка и идея легла в основу всей политики Минобра 2005–2010 годов.

Между тем, в России число людей с высшим образованием **заметно отстает от уровня стран-лидеров**, где высшее образование имеют 22% граждан (в России 20,8%), а в США – 30%. Стратегическая перспектива, по мнению ректора СГА М.Карпенко – и я с ним целиком согласен, потребует через 15 лет того, чтобы уже 60% граждан обладали высшим образованием¹. Таким образом, если сегодня, не предпринять очень серьезных усилий по повышению доступности образования, то через 15 лет Россия уже не сможет обеспечить себя квалифицированной рабочей силой. Более того, **стратегическая идея** Россия должна заключаться (как

¹ М.Карпенко. ВУЗ для всех / Завтра. 2006 г. № 49, с. 4.

это есть в Японии, например) в превращении к 2030 году высшего образования **во всеобщее**. Эта задача уже Президента, а не Минобра.

Таким образом, проблема в том, что отставание в выдвижении новых идей, в решении идеологических задач и осмысленном формулировании целей развития общества и государства, ведет к выдвижению ложных идей, **созданию неточных, неверных прогнозов и планов развития, которые не учитывают и не опираются на идеологические и политические факторы.**

Факторы фундаментальные, базовые, а значит и менее подверженные конъюнктуре и влиянию извне. Такой подход, например, долгие годы господствовал в Правительстве РФ при формировании проектов бюджетов и планов социально-экономического развития, когда международные факторы учитывались в минимальной степени (цена на нефть, темпы развития ВВП), а внутривнутриполитические задачи вообще не были сформулированы. Они «просто» были заменены макроэкономической экстраполяцией.

Типичный пример тому – добросовестный прогноз экономического развития России до 2020 года, подготовленный экономическим советником премьер-министра РФ М.Фрадкова Андреем Белоусовым. Экономист, в частности, пояснил, что расчеты проводились, исходя из колебаний стоимости нефти на уровне 45–50 долларов за баррель. При условии сохранения стоимости нефти в этом диапазоне, по его мнению, «есть еще 6–7 лет, чтобы перестроить экономику и вписаться в те риски, которые мы видим».

Этот и аналогичные справедливые идеи период благоприятных мировых цен так и не были услышаны Минфином до кризиса. Вместо создания нормального инвестиционного климата, кредитной политики, инвестиций свободных ресурсов в экономику, все ресурсы отправлялись «в кубышку», а затем, в период кризиса 2008–2010 годов, тупо тратились. И первая, и вторая политика не требовала ни особенных усилий, ни творческих способностей, но в результате, к 2010 году, Россия вновь вернулась к уровню развития ... 1990 года. Более того, о некоторых отраслях, как справедливо заметил Ю.Лужков в апреле 2010 года в своем выступлении в Дипакадемии, уже «поздно говорить как об отраслях, которые можно восстановить. Их нужно создавать заново».

Между тем, в прогнозе не учитывается мнение экспертов о том, что мировых запасов нефти (во всяком случае, в большинстве стран, включая Россию) вряд ли вообще хватит до 2020 года. Более того, при стабильном росте мировой экономики (до 80% к 2020 году) трудно ожидать, что цена на нефть опустится до 40–50 долл. И уж совсем не понятно, как можно «встроиться» в мировую экономику «за 6–7 лет», когда за 2000–2010 годы, т.е. за тот же период, структура экономики страны практически не изменилась.

Еще больше вопросов вызывают предлагаемые им описания «кризисных периодов». Прогнозировать «социальный» кризис – дело заведомо, как показывает опыт, бесперспективное: Г.Зюганов его прогнозирует с 1991 года каждую осень, а В.И.Ленин накануне февральской революции 1917 года (точнее, за несколько недель) вообще говорил о том, что его поколение не увидит революционных изменений.

Так, говоря о возможных кризисных периодах, Белоусов, сославшись на расчеты, назвал три таких периода: 2007–2008 годы, 2011–2012 годы и 2015–2017 годы. Первый «кризисный узел» должен был носить в основном административный и социально-политический характер при минимальных экономических рисках. На самом деле, как мы уже знаем, кризис начался не в 2007, а в конце 2008 года. И носил он финансовый, фондовый и идеологический характер.

Уже в 2009–20102 годах российская экономика столкнется с более сложными проблемами, которые вызваны не только кризисом: в первую очередь структурными и демографическими, – существенное сокращение трудоспособного населения создал сильное давление на систему пенсионного обеспечения, падение доходов, инфляция, рост цен и тарифов, которые немислимы в период кризиса в развитых странах, показали всю ошибочность существующего алгоритма развития.

Нужны новые идеи и их носители во властной элите, ведь в 2011–2020 годах риски, как считают ученые, могут достигнуть максимальных значений за счет обострения теперь уже социально-экономических проблем и нарастания неэффективности государственного управления. Обострятся к тому времени и медико-социальные проблемы (скажется рост числа ВИЧ-инфицированных и наркоманов), и проблема истощения природных ресурсов (нефтяных месторождений Поволжья, например). Не

исключено, что к этому периоду в результате эффективной энергосберегающей политики может снизиться спрос на энергоресурсы у развитых стран. Все эти вызовы требуют принципиально новых идей и стратегий развития России.

1.6.3. Университеты – кузница идей

«Вплоть до середины XIX века слово «просвещение» употреблялось в самом широком смысле, заменяя термин «культура ...»¹.

«Для осуществления модернизации необходимы не только новые идеи, проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания»².

Ан. Торкунов

Научные идеи не появляются сами по себе. Если, конечно, они не рождаются в головах психопатов. Тем более, идеи общественно-политические и идеологические. На мой взгляд, для их появления нужны следующие предпосылки.

– культурное, историческое национальное наследие, которое создает «питательную среду» для развития идей;

– научные национальные школы, способные обеспечить все этапы образовательно-исследовательского развития – от бакалавра и магистра до аспирантуры и последующего научного взросления;

– качественный человеческий потенциал, определяемый такими известными критериями как: образование, здоровье, социально-экономические условия, информвооруженность, научное и культурное общение;

– создание государством и обществом условий для развития научного знания – как материальных, так и моральных, психологических.

Для развития и появления общественно-политических и социогуманитарных идей в России последние десятилетия были непростым временем. С одной стороны, именно эта область после отмены официальной идеологии получила максимально широкие возможности для творческого развития, но, с другой, пренебрежение государством этой областью знаний в последние десятилетия, продолжающиеся и сегодня, привело к разрушению научных школ, массовому уходу специалистов и – как ответная реакция – появлению огромного числа непрофессионалов и активному вмешательству

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России / Москва, Кремль, 19 января 2010 г.

² *Ан. Торкунов*. Дефицит демократии и международное сотрудничество / Международные процессы, № 3 (27), сентябрь–декабрь 2009 г.

в научный процесс внешних сил (государственных и общественных) по своему заинтересованных в этом процессе. Так, например, идеологическое влияние на экономическую политику России в Сибири отчетливо выражено в работе известных американских специалистов Ф.Хилла и К.Гадди «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России», где, в частности, говорится: « ... самой серьезной из всех помех на пути изменения российской экономической географии является то, что Сибирь продолжает рассматриваться в качестве основы развития России в будущем»¹. Глава этой книги так и называется «Преемственность идеологий».

Поэтому к 2010 году можно говорить о глубоком кризисе в социогуманитарной науке, науке, которая должна обеспечивать элиту необходимой информацией для принятия решений.

Этот кризис в социогуманитарной науке имеет очень важные идеологические и политические последствия. **Во-первых**, правящая элита очевидно недополучает **качественной научной информации о состоянии государства, общества и экономики**, прежде всего анализа происходящих процессов в стране. Сегодня можно говорить о том, что в России реально существует тысячи исследовательских центров и учебных заведений, среди которых, может быть, десятков – другой в состоянии профессионально проанализировать те или иные процессы: система исследовательских институтов РАН стремительно деградирует, а внешние учебные учреждения заняты преимущественно платными образовательными услугами. Отраслевые и региональные НИИ фактически исчезли, а негосударственные исследовательские центры ориентированы не на фундаментальную науку, а под заказ – PR-сопровождение или личные амбиции состоятельных граждан. В этих условиях только лучшие российские университеты способны сохранить и даже несколько развить социогуманитарные знания, печатать свои издания, готовить инициативные записки и т.д.

Во-вторых, сама правящая российская элита, **очевидно, недооценивает роль социогуманитарных наук и знаний**. Это видно из многих проявлений, в частности, позиции Минобра, да и руководства

¹ Ф.Хилли, К.Гадди. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научнообразовательный форум по международным отношениям 2007 г., с. 193.

страны. Так, среди победивших на конкурсе 12 исследовательских университетов в августе 2009 года, только 1 был гуманитарный – ВШЭ. Это означает, что деградация общественных наук будет продолжаться, а значит будет ухудшаться и та информация, которой пользуется правящая элита. Хочу подчеркнуть, чтобы использование инноваций, чужих технологий и закупка специалистов, о которых стало модно говорить в 2009–2010 годы, сама по себе спорная политика. Общество и государство не могут в принципе развиваться опережающими темпами, а тем более стать лидерами, используя заимствования и чужие знания. Можно только догонять, что иногда и оправдано. Но использование чужих гуманитарных знаний в качестве основы для исследований – уже опасно, ведь они не учитывают ни культурной, ни исторической специфики России, а тем более ее устоявшихся реалий. Как, например, можно ответить, опираясь на чужие знания, на такой ценностной вопрос?¹

В какие исторические периоды, на Ваш взгляд, Россия имела или имеет статус великой мировой державой? *(Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших).*

После Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (в составе СССР)	67,8
В годы правления Петра I	56,1
В настоящее время	23,3
После Отечественной войны 1812 г.	18,8
В 20 веке до Октябрьской революции	13,0
В 80–90-е годы 20 века, когда начались горбачевская перестройка и ельцинские реформы	3,8
Никогда не была великой мировой державой	4,4
Другое	2,4

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г., с. 9.

Или как объективно можно определить, опираясь только на западные исследования, национальные интересы, ценности и приоритеты развития России?

Конечно, такие попытки были в 90-ые годы прошлого века, в частности, во внешней и военной политике, когда российские интересы безопасности «путались» с интересами США и НАТО, а в экономической области проводилась приватизация по американским рецептам. К чему это привело мы хорошо знаем. Но, что примечательно, эти попытки не прекратились и сегодня, особенно если речь идёт об экономике и финансах, где господствуют (а не просто существуют) неолиберальные научные школы.

Известно, что место того или иного государства в мире сегодня во многом определяется уже не только традиционными критериями: величиной ВВП, превосходством в военной мощи или финансовыми ресурсами, – но прежде всего **качеством человеческого капитала**. В свою очередь, качество человеческого капитала, как известно, измеряется такими критериями как: качество образования, интеллект, уровень финансового обеспечения, международных связей и использование Интернета, а также уровнем нравственности, культуры и духовности. Только один из этих критериев, как видно, экономический, остальные гуманитарные. Всех их можно отнести к нематериальным ресурсам нации и государства которые на нынешней стадии развития человечества играют все более важную роль.

Что характерно, эти же критерии определяют статус университетов¹. Подобное совпадение, как представляется, не случайно. Можно сказать, что Университет становится моделью, интегральной мини-характеристикой состояния экономики и общества развитого государства, Не случайно и то, что различные рейтинги государств коррелируются с рейтингами их университетов.

Это, в частности, объясняется тем, что одним из важнейших критериев человеческого капитала является **качество образования**, которое предопределяется позициями ведущих национальных университетов на международном уровне. Высокие места в наиболее популярных мировых рейтингах, таким образом, становятся своеобразной визитной карточкой не

¹ См., например, «Рейтинг 430 ведущих университетов мира по версии АНО НРА «РейтОр» по состоянию на 15.09.2009.

только государств, но и для любого университета, поскольку они характеризуют лидерство страны, а также на них ориентируется все больше абитуриентов и инвесторов как внутри страны, так и за рубежом, т.е. привлекательность. Аналогичным образом и позиция ведущих национальных университетов не только на мировом рынке образовательных услуг, но и в политике, науке, уровне развития технологии, влияет на положение государства в современном мире.

Отсюда объективная оценка позиции как государства, так и его университетов крайне важна, ибо она дает представление не только о состоянии образования в стране, но и в более широком контексте – о национальной экономике и качестве политической системы, а в целом – о состоянии национальной безопасности.

Поэтому проблема мировых критериев государств и университетов и их рейтингования выходит далеко за пределы собственно проблемы оценки качества университетов, их рейтингов или даже национального образования. Можно сказать, что сегодня рейтинг университета отражает рейтинг страны.

Не случайно на Западе, прежде всего в США, рейтингованию университетов уделяется очень много внимания: ведущие издания проводят дорогостоящие исследования и публикуют их результаты в ведущих СМИ. Так, в октябре 2009 года издание «Times Higher Education» опубликовало рейтинг 200 ведущих университетов мира, а в феврале 2010 года журнал «US News and World Report» расширил этот рейтинг до 400 ведущих мировых университетов¹. Составители этих рейтингов не скрывают цели такой работы. По мнению «US News and World Report», «расширенные списки наглядным образом демонстрируют хорошие позиции американских учебных заведений в сравнении с вузами других стран. Так, среди лучших 400 университетов (в мире) 62 % составляют вузы семи стран»:

США – 87 университетов (22%);

Великобритания – 47 университетов (12%);

Германия – 32 университета (8%);

Австралия – 22 университета (6%);

¹ World's Best Universities: Top 400. – U.S. News & World Report, February 25, 2010 <http://www.usnews.com/sections/education/worlds-best-universities/index.html>

Япония – 19 университетов (5%);

Канада – 19 университетов (5%);

Франция – 17 университетов (4%)¹

Авторы рейтинга откровенно признают, что «...американская модель высшего образования сегодня копируется университетами и системами высшего образования во многих других странах...»². На самом деле, речь идет не только об американской модели образования, но и американской модели организации науки, экономики и общественно-политической жизни, а в целом о лидерстве «американского образа жизни».

Мы, в России, оказались перед принципиально новыми для нас проблемами адекватной оценки страны и общества, которые проявляются в рейтинговании национальных университетов уже на международном уровне.

Собственные оценки (которые и прежде имели для нас неоднозначное значение) перестали выполнять свою функцию. Мы должны либо согласиться с методикой рейтингования, разработанной за рубежом и перестроить в соответствии с ее требованиями свою высшую школу, либо разработать свою методику, которая стала бы авторитетной для мирового образовательного сообщества. Этот выбор необходимо сделать в короткие сроки, ибо результаты можно будет ожидать лишь через 3–5 лет. Так, рейтинг «Times» и «US News and World Report», например, основывается преимущественно на опросах, проводимых за последние 3 года.

Необходимо отметить, что прошли тяжелые времена, когда российская наука и образование, хотя и серьезно пострадали, но всего лишь сохранились. Сегодня перед ними стоят задачи обеспечить наукоемкую, инновационную экономику лучшими кадрами, а общество – гражданами, обладающими высоким качеством человеческого потенциала.

Поэтому российским университетам, всей высшей школе, необходимо не только ускорению развиваться, но и настойчиво фиксировать свои позиции на мировом конкурентоспособном уровне, в том числе и с помощью авторитетных рейтингов. К сожалению, сегодня это не так. Простой пример – пока что менее 10 российских университетов вошли в мировой рейтинг

¹ Рейтинг лучших университетов мира от US News & World Report – 27.02.10
URL-адрес статьи: <http://eduabroad.ru/journal/27.02.2010/6>

² <http://www.usnews.com/articles/education/2010/02/25/>

лучших 500, причем только МГУ – в первую сотню¹. Такое восприятие российских университетов, а в целом – нашей страны, на мой взгляд, не отражает реальности.

Этому способствует не вполне адекватное восприятие российской элиты. Сегодня существует, как минимум, две весьма спорные точки зрения в российской элите и образовательном сообществе о месте российского образования вообще и университетов, в частности. Не секрет, что многие, в том числе и во властной элите, считают, что российское высшее образование перестало быть конкурентоспособным. Иногда даже говорят о необходимости его принципиальной замены некими новыми структурами, будто бы доказавшими свою эффективность. И в качестве примера приводятся именно относительно низкие рейтинги, занимаемые российскими университетами в мировом «табели о рангах». В том числе речь идет, например, и о МГИМО(У). Не случайно рейтинги университетов и образования «совпадают» с общероссийскими, в особенности, в тех областях, где речь идет об общественном устройстве и качестве государственного управления. Так, по общему «рейтингу счастья» Россия занимает 57 место, по экономическим показателям – 34-е место, по уровню жизни – 82-е², а по уровню коррупции – на 147 месте из 180³. Большое значение имеют инвестиционные рейтинги. Так, кризис 2008 года привел к тому, что впервые за 10 лет кредитные рейтинги России по итогам развития за этот год сократились. Агентство Standard & Poor's (S&P) понизило сразу несколько оценок. Долгосрочный и краткосрочный кредитные рейтинги по обязательствам в иностранной валюте понижены с ВВВ+/А-2 до ВВВ/А-3. Кроме этого, уменьшен долгосрочный кредитный рейтинг по обязательствам в национальной валюте – с А- до ВВВ+ (краткосрочный рейтинг подтвержден на уровне А-2). Понижена также оценка риска перевода и конвертации валюты для российских неуверенных заемщиков – с ВВВ+ до ВВВ⁴.

¹ См. Общий Академический рейтинг 500 университетов мира (ARWU). Academic Ranking of World Universities – 2009 / <http://www.arwu.org>

² Уровень жизни Рейтинги стран мира: рейтинги России, Украины ... / <http://www.7sekretov.ru/world-ranking>.

³ *И.Наумов*. Рейтинги России опять испортила коррупция / Независимая газета, 24 октября 2008 г., с. 1.

⁴ *С.Камара*. Россия теряет резервы и рейтинги / <http://www.gazeta.ru/financial/2008/12/08>.

Рейтинги России – тема специальной работы, но для нас сегодня принципиально важно:

- показать, что между рейтингами страны и ведущих университетов существует непосредственная связь и зависимость;

- у России сохранился интеллектуальный и общественный ресурс в виде ведущих гуманитарных университетов;

- что такие университеты способны в полной мере обеспечить национальную элиту собственными исследованиями и идеями;

- что такие университеты в состоянии в полной мере участвовать и реализовывать национальную идеологию и стратегию;

- наконец, что рейтинги российских гуманитарных университетов сознательно искажаются, чтобы не только снизить их конкурентоспособность, но и показать отсталость социальных и гуманитарных наук, их неспособность обеспечить элиту новыми качественными идеями.

Между тем есть серьезные аргументы против подобной точки зрения, которые я попытаюсь сформулировать в этой статье. Для начала попробую сравнить, например, МГИМО(У) с двумя «безусловными» лидерами мировых университетских рейтингов – Принстонским и Гарвардским университетами, – стабильно занимающими 1–3 места в мировых рейтингах. На мой взгляд, было бы полезно, чтобы ведущие российские университеты также проделали эту работу. Выбор МГИМО(У) объясняется тем, что для меня доступна реальная информация об Университете. Кроме того, объективно эти три университета, как оказалось, выглядят вполне сопоставимо.

Понятно, что критерии для сравнения нередко выбираются западными экспертами произвольно. Но еще хуже то, что эти критерии очевидно субъективны и не отражают ни специфики университетов, ни национальных особенностей образования. Так, например, решающее значение для «Times» и «US News and World Report» имеют опросы академического сообщества и работодателей (более 60% окончательного результата). Однако любой социолог подтвердит, что результаты таких опросов во многом predeterminedены тем, к кому вы обращаетесь, а также тем, в какой области работает опрашиваемый, в каком регионе проживает и многими другими факторами.

Сравнение трех университетов – Принстона, Гарварда и МГИМО(У) возможно и (при всех условностях) даже необходимо. Прежде всего, потому, что по своей численности и элитарности они вполне сопоставимы, как и по своему влиянию на формирование национальной элиты и уровень гуманитарного знания в стране. Конечно, у них есть и два принципиальных различия: история американских университетов насчитывает сотни лет, а МГИМО(У) – 65 лет. Да и по масштабам финансирования разрыв между ними отличается в сотни раз. Однако если внимательно посмотреть на отдельные показатели по трем университетам, то между данными американскими университетами и МГИМО(У) можно увидеть не только огромные различия, но и схожие черты (см. сводную таблицу основных рейтинговых показателей для университетов).

Сводная таблица основных рейтинговых критериев для университетов

№	Показатели	Принстонский университет, США	Гарвардский университет, США	МГИМО(У), Россия
1.	Соотношение преподавателей и студентов	5 : 1	7 : 1	4,8 : 1
2.	Количество студентов, бакалавров и магистрантов (тыс. чел.)	4,9 – бакалавры 2,0 – магистры	6,7 – бакалавры 12,5 – магистры	4,0 – бакалавры 2,0 – специалисты и магистры
3.	Количество аспирантов (тыс. чел.)	1,9	13,0	0,5
4.	Количество специальностей	34	45	11
5.	Конкурс при поступлении	1 : 9,6	1 : 13	1 : 9
6.	Объем эндаумента (млрд. долл.)	16,0	34,9	0,03
7.	Количество печатных работ (тыс. ед. в год)	2,3	~ 10,0	~1,0
8.	Доля иностранных студентов (%)	20%	20 %	~20%
9.	Количество изучаемых официальных языков	17	40	53
10	Годовые расходы (млрд. долл.)	–	3,0	0,05
11	Стоимость обучения (тыс. долл.)	47,4	43,6	7,0–10,0

12	Расходы на науку (млн. долл)	140,0	более 600	~1,0
13	Место в рейтинге веб-сайтов вузов (данные «Вебометрикс» – январь 2010 г.), в т.ч.:			
	В мире (World Rank) –	40	1	1456
	В регионе(Continent Rank) –	37	1	74
	(1)Размер сайта, общее число страниц на сайте (Size)	74	2	1444
	(2)Число гипертекстовых ссылок на сайт с других ресурсов, преимущественно академических (Visibility)	25	3	1926
	(3)Число размещенных на веб-сайте файлов для скачивания в форматах .pdf (Adobe Acrobat PDF), .ps (Adobe Postscript), .doc (MS Word) и .ppt (MS PowerPoint) (Rich files)	66	20	2101
	(4) Количество размещенных на сайте научных публикаций преподавателей и сотрудников вуза и ссылок на публикации (Scholar)	136	1	903

Как видно из этих сравнений, по основным критериям МГИМО(У) вполне сопоставим с двумя мировыми лидерами в университетских рейтингах. Более того, по некоторым критериям их даже опережает. Но, главное, на мой взгляд, это то, что многие важнейшие критерии просто не учитываются.

Также, можно констатировать, что несмотря на значительно более низкую плату за обучение (в 5–6 раз), расходы на науку (сотни раз!) и расходы университетов в целом (почти в сто раз), **качество образования в МГИМО(У) не уступает качеству образования в Принстонском и Гарвардском университетах, то есть по критерию «стоимость – эффективность» МГИМО(У) опережает американские университеты.**

О лидерстве МГИМО(У) свидетельствует, например, то, что доля выпускников МГИМО в элите страны вполне сопоставима с долей выпускников американских университетов. В российском рейтинге вузов, составленном НРА РейтОР по количеству выпускников, отнесенных к

элите государственного управления и получивших в этих вузах свое первое высшее образование, МГИМО(У) находится на третьем месте (30 выпускников), уступая только СПбГУ (55 выпускников) и МГУ (91 выпускник)¹. МГИМО(У) занимает также первое место по количеству выпускников (российских и иностранных граждан), работающих в системе ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях, в том числе на руководящих должностях.

Важно также и то, что преподаватели и студенты МГИМО(У) регулярно занимают первые места среди победителей различных международных и российских конкурсов. Причем не только по языковым и страноведческим дисциплинам, но и математике, праву, экономике. Так, например, в 2009 году лучшей книгой в области гуманитарных наук в номинации «Философия» стала книга профессора МГИМО(У) В.Д.Соловей «Несостоявшаяся революция».

Студенты МГИМО(У) становились только в последние месяцы абсолютными победителями в:

- олимпиаде по персидскому языку;
- конкурсе по международному праву им. Ф.Джесопа;
- международной деловой игре на базе использования корпоративной информационной системе SAP (где в финал вышли только две европейские команды, причем обе – из МГИМО(У));
- налоговом конкурсе, проводимом компанией KPMG;
- международном конкурсе «Золотой резерв Нефтегаза»;
- всероссийской олимпиаде по корейскому языку;
- международном конкурсе по китайскому языку;
- олимпиаде переводчиков ABBYY Lingvo;
- 4-ой межвузовской олимпиаде по арабскому языку
- всероссийского правового конкурса «Правовая Россия»;
- международного конкурса ученых-монголоведов.

При этом и в социальной жизни, и в области физкультуры корпоративный дух МГИМО(У) доказывал высокое качество студентов, которые становились лучшими среди команд КВН, стройотрядов,

¹ См. «Рейтинг вузов по первому в/о управленческой элиты (сводная таблица, включающая представителей всех блоков)». АНО НРА «РейтОР». Июль 2009 г. http://reitor.ru/common/img/uploaded/files/table1_3.pdf
http://reitor.ru/ru/observatory/raitings/reit_elits2009/?id19=99&i19=1

самбистов, стрелков, пловцов, волейболистов, фотохудожников и т.д. и т.п. Но ведь подобные результаты свидетельствуют о таких ценных качествах студентов как: способность к лидерству, творчеству, самостоятельному принятию решений. Эти качества становятся главными критериями в оценке качества человеческого потенциала в современном мире.

О высоком статусе выпускников свидетельствует и то, что среди них немало руководителей государств, правительств, министерств, более 500 Чрезвычайных и Полномочных Послов России, 20 действительных членов и членов-корреспондентов РАН, в том числе ректор МГИМО(У) А.В.Торкунов, который был признан «Персоной года 2009» в российском образовании.

А учитывая тот факт, что в МГУ общее количество студентов, и, следовательно, выпускников, в несколько десятков раз больше, чем в МГИМО, можно утверждать, что это очень и очень высокий результат. Если к этому добавить, что выпускники МГИМО (У) стабильно занимают первое место по уровню зарплаты после окончания Университета среди других выпускников вузов, то можно констатировать, что **не только на государственной службе, но и на рынке труда качество образования в нашем Университете ценится очень высоко**. Более того, многие ведущие корпорации России, как, например, ГК «Ростехнологии», НК «Роснефть», «Ильюшин Финанс Ко.», ОАО «Газпром» и др. заключили договоры о целевой подготовке специалистов и магистров.

Другое обстоятельство. По итогам последнего рейтинга аналитических центров Центральной и Восточной Европы, подготовленного для ООН, МГИМО(У) занимает 8-ое место в тридцатке лучших аналитических центров (причем 1-ое место среди учебных заведений), опережая такие авторитетные институты РАН как: Институт мировой экономики и международных отношений (12-е место), Институт США и Канады (16-е место) и Фонд ИНДЕМ (29)¹.

Это, естественно, положительно сказывается и на популярности Университета. По рейтингу Google МГИМО(У) находится на 2-ом месте

¹ См. *McGann James G.* «THE GLOBAL «GO-TO THINK TANKS». The Leading Public Policy Research Organizations In The World». – University of Pennsylvania. January 25, 2010. p. 39. URL-адрес доклада: [http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20\(ТТ%20Index\)%20last%20version.pdf](http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20(ТТ%20Index)%20last%20version.pdf)

(после МГУ) среди всех университетов страны по количеству запросов по вузам, отправленных в систему¹. Уместно напомнить и тот факт, что более 10% всех победителей общероссийских олимпиад ежегодно становятся студентами Университета. Этот показатель – один из ярких примеров не только качества поступающих в МГИМО(У) абитуриентов, но и его популярности среди лучших выпускников школ.

Наконец, МГИМО(У) выступает по некоторым критериям вообще как уникальный университет, не имеющий аналогов. В феврале 2010 г. он был внесен в «Книгу рекордов Гиннеса» по количеству изучаемых государственных иностранных языков среди ведущих мировых вузов – 53 языка². Аналогичное место МГИМО(У) занимает и по страноведению и регионоведению, а также международному праву.

Важно подчеркнуть, что по другим дисциплинам МГИМО(У) также входит в число ведущих университетов России. Так, МГИМО(У) занял четвертое место в рейтинге лучших юридических ВУЗов России с оценкой в 75 баллов из 100 возможных. Первые три строчки рейтинга достались соответственно МГУ им. Ломоносова (100 баллов), СПбГУ (82 балла) и Московской государственной юридической академии (76 баллов)³.

Лидирует МГИМО(У) и по рейтингам, составленным независимыми организациями. Так, благотворительный фонд В.Потанина составил ежегодный собственный комплексный рейтинг ведущих российских вузов по итогам Федеральной стипендиальной программы в 2008/09 учебном году. Его особенность состоит в том, что в качестве критериев оценки вузов берутся интеллектуальный и личностный потенциал студентов-отличников и профессиональный уровень лучших молодых преподавателей. Конкурсные состязания проводились в течение учебного года по одним и тем же методикам, что позволило сравнить студентов и преподавателей из разных вузов. Высшие позиции рейтинга заняли: 1) Новосибирский государственный университет; 2) Воронежский

¹ «Google составил рейтинг популярности вузов столицы». ИА Росбалт, 02.07.2009. URL-адрес статьи: <http://www.rosbalt.ru/2009/07/02/652037.html>

² Ан.Торкунов. «О мировом рекорде МГИМО». URL-адрес статьи: <http://mgimo.ru/news/experts/document143787.phtml>

³ Общий рейтинг вузов юриспруденции (2009 год) опубликован по адресу: http://www.univer-rating.ru/rating_branch.asp

государственный университет; 3) МГИМО (Университет) МИД России; 4) МГУ им. М.В. Ломоносова; 5) Московский физико-технический (государственный университет)¹.

Другой пример. В 2007–2008 гг. Женевский университет международных исследований составил свой рейтинг ведущих центров по подготовке политических деятелей современности. МГИМО(У) занял в этом рейтинге место в первой четверке (наряду с Йельским, Гарвардским и др.) и первое место в России.

Высокий статус МГИМО(У) в мировой образовательной системе поддерживается прежде всего высоким уровнем профессиональной квалификации ППС и развития международной деятельности. Так, по оценкам НРА «РейтОР», МГИМО(У) находится на втором месте среди российских вузов в рейтинге ведущих университетов мира по такому ключевому критерию как «международная деятельность», уступая в этом блоке лишь РУДН².

Между тем недавно британская «Times» вновь опубликовала рейтинг ведущих университетов мира, где мы снова не видим российских университетов, в том числе и МГИМО(У)³. Ответ вполне понятен и прост: в основу рейтинга «Times» положен главный критерий – индекс цитируемости, который прямо зависит **не от того, сколько работ публикуется и какого они качества, а от того, сколько из них переведено на иностранные языки** (прежде всего английский) и сколько из них напечатано в зарубежных англоязычных изданиях. Вывод очевиден: рейтинг субъективен.

В качестве иллюстрации приведу еще пример рейтинга 430 ведущих университетов мира по версии НРА «Рейтор», в котором МГИМО(У) оказался на 281 месте. Что удивительно, самые низкие оценки МГИМО(У) получил по таким показателям как научно-исследовательская деятельность (423) и качество профессорско-преподавательского состава

¹ Полностью рейтинг опубликован на сайтах www.stipendia.ru, www.fond.potinin.ru

² Global universities ranking. Полностью рейтинг опубликован на сайте: <http://www.globaluniversitiesranking.org>

³ Times Higher Education-QS World University Rankings 2009. Social sciences. <http://www.timeshighereducation.co.uk/hybrid.asp?typeCode=421>

(380)¹. При составлении рейтинга в основу этих показателей были положены такие критерии как: (1) число свидетельств об открытиях и патентов на изобретения; (2) число профессоров (докторов), являющихся нобелевскими лауреатами, лауреатами медали Филдса и т.д.; (3) общее число публикаций ППС; (3) средний индекс цитируемости публикаций одного преподавателя Университета зарубежными авторами; (4) доля ППС, имеющих ученые степени.

Очевидно, что первые два критерия пригодны для сравнения университетов, имеющие естественно-научные факультеты и кафедры, а следующие два, как уже говорилось, – зависят от количества переводных статей, т.е. данные критерии непригодны для сравнения гуманитарных университетов, где преподавание ведется в основном на национальных языках.

Существует также российская система подсчета показателей и рейтингов научной цитируемости – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)². С недавних пор, чтобы журнал был признан ВАКовским, необходимо включение его в систему РИНЦ. На сегодняшний день МГИМО(У) занимает в рейтинге РИНЦ всего лишь 125 место с 683 научными статьями в реферируемых журналах и 172 цитированиями на них³. На это существуют объективные и субъективные причины. Объективные причины – авторы не указывают свою принадлежность к своей организации. В результате при подсчете показателей автор или его/ее статья не учитывается. Субъективные причины – недоработки системы РИНЦ. Необходимо осознать, что, во-первых, неизбежно придется переводить статьи российских авторов на английский язык, и, во-вторых, публиковать их в англоязычных изданиях (своих и зарубежных).

Помимо этого, необходимо отметить также, что слабым звеном российских университетов, в том числе МГИМО(У), считается скромное в сравнении с мировыми лидерами представление университета в глобальной сети интернет: МГИМО(У) находится лишь во второй тысячи

¹ «Рейтинг 430 ведущих университетов мира по версии АНО НРА «РейтОр» по состоянию на 15.09.2009.

² www.e-library.ru

³ См. Рейтинги 3939 ВУЗов России по версии РИНЦ по состоянию на 16.09.09

в рейтинге «Вебометрикс» (см. таблицу). В последнее время значение этого показателя играет все более существенную роль, учитывая рост популярности мировых рейтингов университетов, формируемых на основе анализа их веб-сайтов. В отличие от других показателей, отражающих отдельные характеристики университета, оценка веб-сайта дает наиболее полное и объективное представление о ВУЗе, поскольку, кроме научной и педагогической работы, на сайте отражены и другие направления деятельности как преподавателей, так и студентов.

Относительно портала МГИМО(У), занимающего более, чем скромное место в международном рейтинге, могу сказать следующее.

1. Совершенно очевидно, что сайты трех сравниваемых университетов несопоставимы:

- по количеству денег потраченных на их разработку и расходуемых на поддержку;

- по количеству специалистов и волонтеров участвующих в создании технической инфраструктуры и наполнении контентом;

- по технологической базе и используемым технологиям.

2. Число ссылок на сайт с других ресурсов – показатель аналогичный количеству цитирования научных статей ученого.

Плоская цифра менее информативна, чем та методика оценки, которую применяют поисковые машины (google.com, yandex.ru).

При рейтинговании страниц интернета они учитывают не просто количество ссылок на данный сайт со всех остальных сайтов скопом, а с учетом веса ссылающихся страниц. Таким образом достигается большая точность измерения влияния интернет-ресурса.

Не берусь сказать, как изменится разница между тремя университетами, при пересчете по этой методике.

3. Количественные показатели размера сайта и его составляющих, сдерживаются у нас тремя группами причин:

- технологическими (лечится просто финансовыми инъекциями);

- человеческими/психологическими (лечится налаженной работой с персоналом – обучением, пропагандой, мотивацией);

- юридическими/бюрократическими.

При всем этом могу отметить, что портал МГИМО(У) один из лучших среди российских университетских интернет-ресурсов. На мой

взгляд, по основным критериям он четко входит в первую тройку. Его посещаемость (более 10 тыс. в день), цитируемость и другие характеристики отражают то общее состояние развития информационных технологий, которое существует в современной России. Думается, что если бы затраты на его развитие были бы хотя бы в 10 раз меньше (а не в 100), чем в Гарварде, то он стал бы вполне сопоставим с порталами американских университетов. Более того, принятая Университетом программа долгосрочного развития информационных технологий, включая и сеть сайтов, как ожидается, даст результат даже при этих скромных ресурсах.

А теперь несколько предварительных выводов, не претендующих ни в коей мере на окончательный вердикт.

Первое. Существующая система высшего образования, представленная лучшими российскими университетами (речь идет, конечно же, не только о МГИМО(У)), **вполне конкурентоспособна в сравнении с лучшими мировыми университетами.** Более этого, с точки зрения критерия «стоимость – эффективность» она получает результаты, аналогичные результатам лучших мировых университетов, затрачивая в сотни раз меньше средств. Пример: относительно хорошо финансируемый Университет в России – МГУ – тратит порядка 30 тыс. долл. на подготовку одного человека в год, МГИМО(У) – порядка 10 тыс. долл. Для сравнения. Калифорнийский технологический институт – 1 млн., т.е. в 100 раз (!) больше, а Стэнфорд – 300 тыс., т.е. в 30 раз (!). Поэтому речь необходимо вести не о сломе (или замене на искусственно создаваемые образцы – это, по сути, то же самое), а о **совершенствовании российской системы высшего образования, в том числе элементарно нормальном финансировании.**

Второе. Основные направления такой модернизации также очевидны. Это, коротко говоря, обеспечение **нормального финансирования научно-исследовательских работ, их перевод на иностранные языки, развитие информационных и полиграфических возможностей.** Эти направления ни в СССР, ни в России в последние годы практически не финансировались. Более того, они не стояли даже в системе национальных приоритетов образования. В связи с этим, инициатива президента Д.А.Медведева по созданию исследовательских

университетов выглядит очень и очень своевременной. Именно этих целевых денег на исследования ждут лучшие российские университеты.

Третье. Превращение образовательных университетов в исследовательские университеты потребует **серьезных институциональных и законодательных изменений, которые должны, во-первых, привести к переоценке приоритетов внутри образовательного сообщества, и, во-вторых, придать таким университетам больше экономической самостоятельности.**

Поясню примером. За последние 20 лет общие расходы американских университетов выросли в 7 раз! При этом финансирование из госбюджета или местных бюджетов осталось практически на прежнем уровне. Незначительно вырос объем частных пожертвований и плата за образование. Основной же прирост дают собственные доходы (инвестиции, собственные предприятия, продажа товаров и услуг и т.д.), то есть те статьи доходов, которые российским университетам практически запрещены. В прошлом году было разрешено создавать так называемые инновационные предприятия, но, во-первых, по этому закону сохранилась масса ограничений, а, во-вторых, гуманитарных университетов этот закон практически не затронул.

Четвертое. Мы должны разработать и внедрить на национальном уровне **собственную систему критериев оценки эффективности университетов вообще и рейтингования, в частности.** Нам самим прежде всего необходимо знать качество наших университетов, которое во многом предопределяет темпы научно-технического и технологического развития страны. Это – объективная потребность и в этих целях западные критерии малопригодны. В противном случае мы будем измерять протяженность собственных дорог милями, а вес – фунтами.

Наконец, **в-пятых,** мы должны понимать, что глобализации, в том числе в образовании, не избежать. Поэтому мы просто **обязаны учитывать существующие критерии и особенности в развитии лучших мировых университетов, которые существуют.** И, неизбежно, учет этих особенностей должен привести к корректировке во всей образовательной политике страны. Мы не можем игнорировать ни такие критерии, как «международные обмены», ни «интернет – аудиторию», ни

«приглашение иностранных специалистов». Как и перевод и издание научных работ, а, главное, – превращение наших университетов в исследовательские центры мирового значения.

Но пока эти виды деятельности практически не финансируются. Они отнесены в категорию «непрофильных», что, конечно же, абсолютно неверно. Поэтому – хотим мы того или нет – придется принимать непростое решение как о финансировании этих видов деятельности, так и о структурных изменениях в самих университетах.

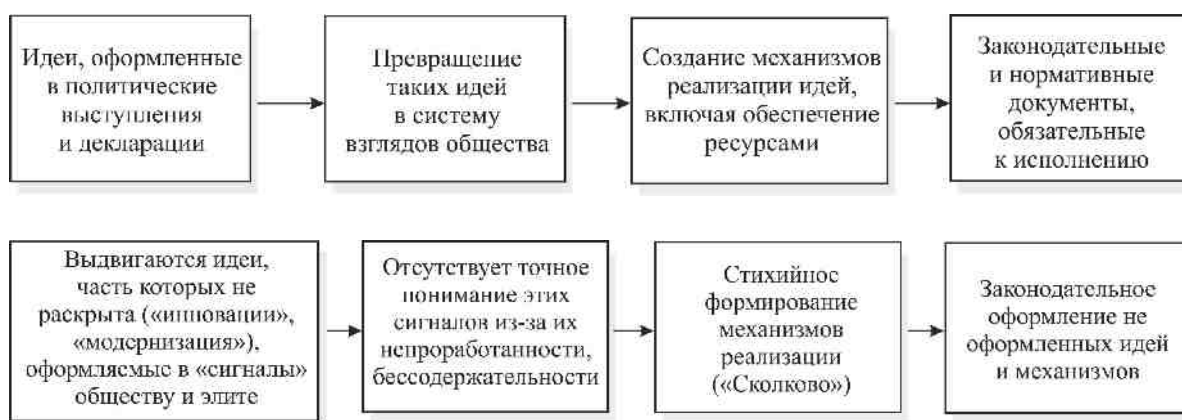
1.6.4. Право и идеология: Магия Закона

«Ресурсы власти – возможности, используемые субъектом власти для влияния на объект в соответствии с поставленными целями»¹.

«... идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма»².

Ю.Лужков

Правовая система в стране лишь оформляет и закрепляет **идеологическую систему**, т.е. она по определению **вторична**. Она может делать это **хуже**, чем идеология (точное оформление документа всегда хуже идеи: «сказанная мысль-ложь»), и всегда с **опозданием** (иногда на несколько лет, даже десятилетий), Таким образом, если нет идеологической системы государства, то говорить о логичной, непротиворечивой правовой системе, по меньшей мере наивно. Собственно такая ситуация и существует в современной России, с той лишь разницей, что мы бесконечно говорим о «правильных законах», не понимая, что такие законы – суть лишь нормативное оформление сложившихся идеологических реалий и установок. Последовательность создания правового государства такова:

На практике, в современной России, происходит следующее: высшее руководство, опираясь на механизмы пропаганды пытается предлагать «сигналы» обществу, которые, не будучи до конца концептуально проработаны и поддержаны элитой и общественным мнением, спешно трансформируются в законы и нормативные акты. В результате мы бесконечно исправляем эти законы (до 80% новых законов – исправленные

¹ Ресурсы власти / <http://www.emc.komi.com/02/16/01>.

² Ю.Лужков. Транскапитализм и Россия. М.: 2009 г.; Ю.Лужков. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009 г., с. 18.

старые), вносил сумятицу в управление и не успеваем создавать механизмов (правовых и исполнительных) их реализации. Что же в итоге? Конечно, может быть только одно: хорошая частная идея оказывается, как правило, нереализованной, а такое «правовое государство» – фикцией. Чему мы, собственно, уже и не удивляемся.

Сегодня модно, как никогда, говорить о праве, его нормах и правоприменительной практике. Настолько модно, что возникает иллюзия того, что право может решить самые острые проблемы, стоящие перед обществом и государством. Отчасти это происходит из-за образования и ментальности наших юристов-президентов В.Путина и Д.Медведева. Отчасти из-за веры в некое правовое государство.

Говоря сегодня об эффективном управлении, борьбе с коррупцией, бюрократией и совершенствовании социально-политической системы общества, как правило, апеллируют к созданию некоего «правового государства», в котором, как пытаются нас уверить за время существования этой легенды (т.е. более 20 лет), все эти проблемы будто бы решены. На самом деле правовое государство не условие развития государства и общества, а его **прямое следствие**. В том числе и нормативно оформленная идентичность. Само по себе правовое государство не может ответить на вопросы, какие смыслы несет в себе понятие «Россия»? Что объединяет россиян в нацию? (а не делает их только гражданами Российской Федерации). Как справедливо отметил академик Ан.Торкунов, «от ответов на эти вопросы зависит будущее России»¹. Самое-самое правовое государство не в состоянии дать ответа ни на эти вопросы, ни сделать законопослушной нацию. Как, впрочем, и само право, которое может лишь с опозданием и разной степенью адекватности фиксировать уже фактически сложившиеся отношения.

Иногда, идеализируя абстрактное правовое государство, его представляют в качестве некоего универсального властного ресурса, способного решить большинство проблем. Отсюда – преувеличенные надежды на независимые суды, следствие, сверхчестные правоохранительные органы и прочие государственные институты, которые в действительности являются (как и все государственные институты) лишь

¹ *Ан.Торкунов. Школа российской идентичности / Независимая газета, 14.10.2009.*

слепок с существующего общества. Отсюда следует, что в обществе, где **система** существования и управления коррупционна, не может быть «белого и пушистого» суда, МВД, парламента, либо иного любого органа государственной власти. На самом деле право, и институты его обеспечивающие, является лишь одним из нескольких, причем не самым важным ресурсом влияния и управления. Б.Ельцин в августе 1993 года Указом 1400 попытался развалить всю политико-правовую систему страны, отменив Конституцию РСФСР, но ему затем потребовались все ресурсы – идеологические, «военные, административные, – чтобы заставить страну жить по-указу».

Другой актуальный пример. В международных отношениях до сих пор не решен вопрос о том, какой из двух принципов обладает приоритетом – принцип национального самоопределения или принцип территориальной целостности. В зависимости от политической целесообразности и соотношения ресурсов влияния эта правовая коллизия решается каждый раз по-разному. Классический современный пример это отношение западных государств к проблеме независимости албанского Косова, с одной стороны, и Абхазии и Южной Осетии, с другой.

Действительно, управление, как функция власти, может быть эффективным только в том случае, когда используются все властные ресурсы для достижения поставленных властью целей, а не один ресурс, пусть даже если он и кажется «самым-самым». Такие ресурсы управления и влияния могут быть весьма разнообразны, но сводятся к четырем основным группам:

во-первых, принудительным (под страхом наказания или применением насилия);

во-вторых, утилитарные, когда влияние обеспечивается предоставлением материальных благ (дотаций, трансферов и т.п.);

в-третьих, нормативно-правовые, которые обеспечивают влияние в силу установленных законом и обществом норм;

наконец, **в-четвертых**, – и это **самый эффективный**, но странным образом игнорируемый пока в России ресурс влияния, – это **идеология**.

В настоящем разделе рассмотрим последние два ресурса влияния – третий и четвертый, – а также взаимосвязь между ними. Я сознательно оставляю «за скобками» принудительные и утилитарные ресурсы влияния

власти, хотя, как известно из истории, они нередко являлись не только основными, но даже единственными ресурсами управления.

Представляется, что именно сегодня важно рассмотреть значение идеологии во взаимосвязи с нормативно-правовыми нормами прежде всего потому, что стратегия развития предполагает не только экономическое, но, прежде всего, общественное, социальное и политическое развитие общества. Она выражается в современном восприятии прежде всего в формировании и совершенствовании институтов гражданского общества, а те, как считается, жестко и непосредственно зависят от нормативно-правовых ресурсов влияния. Дискуссии на этот счет, особенно в связи с реформами избирательной системы, созданием Общественной палаты, а в целом – взаимоотношениях власти и общества – стали во второй половине нынешнего десятилетия центральной темой для СМИ.

На мой взгляд, это не соответствует реальной действительности. Развитие общественных институтов – очень важное условие для реализации стратегии опережающего развития, но оно может быть выполнено только когда в обществе **созрели идеологические предпосылки**, определены цели развития общества, роль и место его институтов, средства обеспечения. Значение для нации, государства и власти институтов Гражданского общества определяется не правовыми и нормативными актами, а **реальной политикой** правящей элиты, **идеологическим обоснованием** значения и роли общественных институтов. Так, создание Комиссии по содействию развитию институтов Гражданского общества при Президенте РФ (нормативно-правовой акт, оформленный Указом Президента РФ), как показали несколько лет ее деятельности, мало что дали в реальности. Как, впрочем, и создание Общественной палаты. Эти решения руководства страны безусловно, положительны, но они имеют весьма слабое практическое значение.

И, наоборот, идеологические сигналы, которые подал обществу Д.Медведев в 2009–2010 годах, даже не оформленные Указами и распоряжениями, имели действительно реальное значение. В России и за рубежом даже стали говорить о «смене политического курса» в начале 2010 года. Это произошло потому, что идеология, как я уже говорил, лежит не только в основе избранных приоритетов и целей, а также

стратегии развития, но и в основе **всей системы управления обществом и государством** – от местного самоуправления до Президента РФ. Данные Д.Медведевым сигналы идеологические, вне зависимости от того, какой проблемы они касались, – контроля за выборами в регионах, борьбы с коррупцией, реорганизации МВД или созданию более благоприятных налоговых и экономических условий для деятельности общественных и некоммерческих организаций.

К сожалению, идеологическое значение в решении целого ряда острых проблем до сих пор очевидно недооценивается. Это видно, например, из той реакции, которая последовала от власти на теракты в марте 2010 года. На мой взгляд, проблема терроризма это прежде всего **проблема идеологическая** и решать ее надо также **прежде всего идеологическими методами**. Необходимо понимать, что ни решение социально-экономических проблем кавказского региона («утилитарные» ресурсы влияния), ни усиление спецслужб («принудительные» ресурсы влияния), на исправление в сторону ужесточения законодательства («нормативно-правовые» ресурсы влияния) не способны нейтрализовать сами по себе террористическую угрозу, которая, повторю, в своей основе имеет идеологический характер.

Более того, использование этих ресурсов влияния до решения идеологических проблем может даже осложнить ситуацию. На мой взгляд, следует прежде всего сформулировать эти проблемы.

Во-первых, необходимо признать, что террористы ставят перед собой глобальную идеологическую задачу создания исламского государства, в которое входил бы не только Кавказ, но и другие регионы России. Это – цель, а терроризм лишь средство. Поэтому необходимы меры идеологического противодействия, прежде всего, пропагандистские разъяснительные, которые четко разделяют ислам и лояльных граждан России, с одной стороны, и террористов, – с другой.

Во-вторых, идеология терроризма это неэтническая идеология. Среди исламских террористов могут и есть не только жители Кавказа, но и буряты, татары, русские. Борьба против этнического терроризма означает идти на поводу у организаторов террора. Они именно этого и хотят, противопоставляя один этнос другим.

В-третьих, необходимо признать, что действия террористов это военные действия по своему охвату и продолжительности, а не отдельные проявления. Соответственно строить всю политико-идеологическую работу, которая должна охватывать всю территорию России и носит долгосрочный и системный характер.

В-четвертых, противостояние терроризму, это, прежде всего, противостояние его системе ценностей – нравственных, духовных, (точнее – бездуховных), экономических, других. Но для этого в России должна быть воссоздана **своя национальная система ценностей**, которая сможет быть противопоставлена система ценностей радикального исламизма, **своя идеология**. Можно согласиться с В.Аксюцием, полагающим, что «в настоящее время наиболее распространенной в мире идеологией терроризма является **радикальный исламизм**, противостоящий транснациональной экспансии, своего рода анти-крестовый поход. Основной мобилизующей силой, толкающей многих людей в разных концах земного шара в **чёрную дыру мирового террора** является **исламская идеологическая мания**: объединение всех мусульманских стран в единый халифат, создание исламских халифатов в Европе, на территории России; главное же – не только борьба с западными странами, но создание всемирного халифата. Поистине глобальный ответ глобализации. Эта утопия оказалась подходящей для радикальных слоев исламской диаспоры в западных странах. Свидетельством того, что терроризм основывается не на материальных мотивах, а на идеалах, является феномен мучеников-шахидов. Готовность смертника пожертвовать собой ради интересов группы единомышленников, во имя идеалов, обличающих пороки разложившегося западного общества, – это тотальная форма идеализма, но идеализма ложного, утопического»¹.

Наконец, **в-пятых**, современный терроризм – это терроризм сетевых структур, терроризм «самовербовки» и терроризм on-line. Этот новый характер международного терроризма требует разработки принципиально новых методов борьбы, в основе которых должны находиться методики

¹ В.Аксюциц. Использование террористами оружия массового поражения – только вопрос времени / <http://www.regnum.ru/news/>. 07.04.2010.

идеологического и психологического противодействия. Другие ресурсы влияния против такого терроризма просто бессильны.

Выше уже говорилось о том, что распределение ресурсов – важная идеологическая функция (действительно, в 2006–2010 годах вопрос о судьбе Стабфонда стал в центре идеологической дискуссии в России), от которой зависит **практическая реализация сформулированных** целей развития. К сожалению, эту идеологическую функцию распределения ресурсов недооценивают в современной России. Казалось бы чего проще: сформулированы приоритеты и цели развития, в соответствии с которыми распределяются и ресурсы. Но на деле – происходит совсем иначе. Приоритеты и цели, определенные президентом в доктринах, стратегиях и концепциях **не находят пропорционального подкрепления ресурсами**. И не только финансовыми, но и административными, медийными. Так, сформулированный Д.Медведевым приоритет развития потенциала человека в период кризиса 2008–2010 годов были обеспечены ресурсами на порядок (в 10, даже 100 раз) хуже, чем приоритеты финансовой стабильности, сформулированные министром финансов Л.Кудриным. Получается, что Минфин управляет не просто ресурсами, а приоритетами – идеологией и политикой.

Это ставит под сомнение, даже угрозу, существование самого государства, эффективность которого сегодня справедливо воспринимается прежде всего « ... с точки зрения качества предоставляемых им социальных услуг (через механизм перераспределения доходов) и адекватности ответов на современные вызовы»¹. Но не только. Верховная власть, не формулирующая цели и не управляющая ресурсами – это уже не власть вообще.

Подобный разрыв между объективными представлениями о роли государства, его элиты, с одной стороны, и российской действительностью, в т.ч. политикой финансовых властей, с другой, – неизбежно создает предпосылку для социального взрыва, который, как еще раз показали события в Киргизии в апреле 2010 года, может

¹ *Н.Н.Большова*. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству – нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) / Вестник МГИМО(У), № 5 (8), 2009 г., с. 95.

возникнуть практически мгновенно, без всякого внешнего толчка и совершенно неожиданно для правящей элиты.

Другая сторона идеологии и госуправления – формирование правовой и нравственной базы государства, тех «правил игры», по которым должно жить общество, и которые должны обеспечиваться всеми институтами государства, а не только правоохранительной системой. С нравственной базой – относительно ясно: она вытекает из фундаментальных национальных ценностей (если их не искажает элита, что, впрочем, случается), которые трансформируются в общественные нормы). Сложнее – с правовыми нормами, значение которых в России элитой переоценивается. Правовая база – лишь фиксирует и формализует те ценности, идеи, приоритеты и принципы, которые сформулированы в идеологии, т.е. она изначально **вторична** по отношению к идеологии. Действительно, право **формализует** в своих нормах и принципах базовые национальные ценности (если они совпадают, то и международные), идеологические принципы, идеи и приоритеты, а не наоборот. Провозглашая абстрактное «правовое государство», мы должны ясно понимать, что эти правовые нормы **лишь фиксируют**, (в лучшем случае с небольшим опозданием), идеологические ценности. Поэтому очень важно, чтобы правовые нормы совпадали с общепринятыми идеологическими нормами и принципами. Когда этого нет, то происходит то, что мы все наблюдали в 1991–1993 годах: либеральная элита исправляла Конституции РСФСР и законы до тех пор, пока не пришла к выводу о необходимости её полной замены.

Сегодня принципиально важно именно первичная идеологическая идентификация России потому, что вслед за этим неизбежно произойдет и смена правовых норм. Важен порядок действий: сначала идеология, а затем – право. Если в центре новой идеологии России будет находиться развитие потенциала человеческой личности и создание условий для самореализации креативного класса и развития институтов гражданского общества, то неизбежно должны быть внесены и серьезные изменения во всю правовую систему страны. Но, повторю, именно в таком порядке.

Конечно, субъективный фактор имеет огромное значение, а именно: В.Путин и Д.Медведев – профессиональные юристы, а это накладывает

неизбежно отпечаток на приоритеты в их действиях. Между тем лидер страны это прежде всего – идеологический лидер, а лишь затем – юрист.

С точки зрения идеологии, в центре которой находится развитие человеческого потенциала, **вся правовая база государства должна быть ясно ориентирована на достижение этой цели**: от Конституции РФ до подзаконных актов.

Чего сегодня, конечно же, нет. Даже наоборот: вся правовая и нормативная база деятельности всех органов власти и ее институтов направлена ... против человека, развития его потенциала. В экономике – это система налогообложения, приравнивающая интеллектуальную и духовную деятельность к торговле. В кредитной политике – запретительные кредиты. В госуправлении – исключение творческих личностей из системы госслужбы и т.д. Поэтому сегодня крайне остро встает проблема **правового обеспечения, законодательного и нормативного закрепления идеологического приоритета развития потенциала человеческой личности**.

Учитывая традиционную медлительность и сложность прохождения законов в России, а также то, что мы уже очевидно запоздали с этим процессом, необходимо прежде всего осознать масштабность такой задачи, ведь необходимо внести коррективы, поправки, подготовить новые документы по всей «вертикали» – от концепции социально-экономического развития, Стратегии национальной безопасности, Федеральных законов до нормативных актов министерств и органов местного самоуправления, численность которых возможно, превышает миллионы. Сделать это в короткие сроки нереально, но чем раньше приступить к этому неизбежному процессу, чем энергичнее его реализовать, тем быстрее будет темпы развития экономики и общества.

Вместе с тем необходимо понимать, что создание благоприятной нормативно-правовой среды (условий) для развития потенциала человеческого общества не только трудный (хотя и обязательный), но второстепенный процесс по отношению к созданию идеологических условий.

Причем количество этих документов от этапа к этапу стремительно растет, достигая на нижнем уровне сотен тысяч¹.

И вот почему. Из рисунка становится понятно, что механизм государственного управления (включая региональный и местный уровни) должен **опираться на идеологическую основу**, ибо управлять через миллионы, даже десятки миллионов документов – невозможно. Согласование соте и десятков тысяч, миллионов документов, да еще в оперативном режиме, просто невозможно. Это означает, что управлять только на правовой основе также невозможно, что, собственно, мы и наблюдаем, когда Президент и Правительство вынуждены **ежедневно корректировать действия федеральных, региональных и местных властей**. Пример этому ЖКХ, когда в марте 2010 года Президент потребовал ограничить рост тарифов на 25%. Маловероятно, что это поручение, как впрочем, и другие, будет выполнено полностью и везде, а тем более в срок.

¹ Постановка задачи разработки концепции экономической политики России (приглашение к сотрудничеству) М.: Научный эксперт. 2006 г., с.12.

Проблема эффективного управления страной особенно остро встала к 2000 году, когда федеральные ресурсы влияния, прежде **все** **идеологические и правовые**, практически перестали существовать, а другие – силовые и утилитарные – себя во многом исчерпали. И в первом, и во втором случае виновата федеральная власть, которая провозгласила еще в начале 90-х годов: «Берите суверенитета сколько хотите», а до этого всячески дискредитировала государственные институты. Сначала – «деидеологизацией», а затем – борьбой с «этатизмом». В результате – совершенно естественный результат: отсутствие идеологии, практически неэффективные институты власти. К 2000 году страна оказалась на грани развала. Поэтому с приходом к власти В.Путина во всей остроте стала задача, которая в начале его правления была самой приоритетной, – восстановление управляемости страной.

В этих условиях В.Путин использовал прежде всего нормативно-правовые ресурсы влияния, а также был вынужден прибегнуть к ресурсам влияния принудительным по отношению к отдельным гражданам (Б.Березовский, М.Ходорковский, В.Гусинский) и чиновникам федерального и регионального масштаба, укрепив в этих целях с самого начала силовую составляющую. Вообще-то силовой ресурс влияния был использован весьма ограничено и, скорее, психологически относительно тех объектов управления, которые приняли условия сосуществования с системой В.Путина. Исключением, причем ярким, даже демонстративным, стал Северный Кавказ, где принудительные ресурсы влияния были использованы с максимальной силой.

Вот как описывает положение России того времени один из авторов фундаментального труда «Государственная безопасность России: история и современность»: « ... на территории бывшего СССР в последнем десятилетии XX века произошло 5 региональных войн, около 20 кратковременных вооруженных столкновений ..., а также более 100 невооруженных конфликтов. В районах конфликтов проживало 14 млн. человек; численность убитых ... составила свыше 600 тыс. человек. На территории России проживало более 10 млн. мигрантов, у которых 1 млн. находился на нелегальном положении ...»¹.

¹ Государственная безопасность России: история и современность / Под общ. Ред. Р.Н.Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004 г., с. 701.

В.Путин в этот период не мог использовать идеологический ресурс влияния просто потому, что у него не было времени. Он находился в режиме ответных действий. Его назначение премьером, а затем – и.о. президента, было сделано в условиях форс-мажора: царил управленческий хаос, вызванный потерей контроля со стороны Б.Ельцина, шла война на Кавказе, страна тяжело выползала из кризиса 1998 года. Соответственно правовой ресурс влияния вышел на первый план: худо-бедно к 2000 году сложилась правовая и нормативная база, которая, следует подчеркнуть, потребовала от Путина **немедленной модернизации**, прежде всего приведения в соответствии региональных и федеральных законов. Именно для этого и был создан институт полпредов Президента (фактически сразу же после вступления В.Путина в должность), Госсовет и другие принудительно-организационные ресурсы влияния.

Принципиально сегодня вопрос стоит так: Россия должна быть правовым или идеологическим государством? Точнее – преимущественно правовым или преимущественно идеологическим?

Учитывая целый ряд факторов, и именно:

– то, что нормативно-правовое закрепление производственных отношений происходит **после того**, как они сложились;

– то, что развитие потенциала человеческой личности и креативного класса не может быть обеспечено правовыми и нормативными актами, но только идеологическими;

– то, что реакция на возможные вызовы и угрозы, а тем более стратегический прогноз, не могут базироваться на правовых оценках, но только на идеологических, следует сделать вывод о том, что в интересах развития России, в ее основе должна быть **идеология, которая позже закрепляется правовыми и нормативными документами**. Иначе говоря, тезис о «правовом государстве», формально продвигаемый с конца 80-ых годов и не случайно не работающий до сих пор, – ошибочен. Он потому и не работает, что не может работать в стране, основу мировоззрения которой всегда формировала власть и общества как идеологическую, а не правовую. Тем более в условиях, когда необходимо опережающее развитие, которое в принципе не совместимо с «опережающим развитием норм права». Поэтому весь процесс принятия

решений, опирающийся преимущественно на правовую и нормативную базу, у нас неэффективен.

В целях иллюстрации этого тезиса вернемся к теме эффективности стратегического прогноза и стратегического планирования, которые **в принципе не ставят перед властью проблемы принятия крупных политико-идеологических решений**. Так, экстраполируя существующие тенденции в экономике России, прогноз не учитывает, например, не только возможность кризиса, но и оценки темпов развития ведущих государств мира. ВВП Индии сейчас сопоставим с российским, а по паритету покупательной способности составляет 30% от экономики США. ВВП Индии менее чем через полвека по первому показателю достигнет 58% ВВП США, а по второму – ППС – вообще сравняется с ныне крупнейшей экономической державой мира)»¹. Надо понимать, – следует из прогноза, – что Россия уступит к 2050 году уже и таким странам, как Бразилия, Индонезия, Мексика, не говоря уже об Индии, Китае и странах «большой семерки».

Вопрос, который неизбежно вытекает из прогноза, но на который ответ дает только идеология: а устраивает ли нас **такое** будущее? И что нужно сделать (если идеологически признается неприемлемость подобного развития событий), чтобы это предотвратить?

Примечательно, что право и любые нормы не дают в принципе ответа на этот вопрос, ведь не примешь же закон о «хорошем прогнозе».

Таким образом говорить о реалистичном долгосрочной стратегии развития государства, стратегическом прогнозе и стратегическом планировании можно **только при условии существования общих ценностей**, базовых принципов, долгосрочных целей и методов их достижения, т.е. всего того, **что входит в понятие идеология**. Связь между идеологией и стратегией прямая и непосредственная – стратегия может формироваться только на базе идеологии.

Соответственно, «отказываясь от идеологии», мы не сможем непосредственно приступить к разработке стратегии и заняться стратегическим планированием, ибо частные задачи (даже крупные, как, например, развитие нанотехнологий) должны быть «вписаны» в более

¹ С.Скляр. Греха будут вспоминать как героя / Независимая газета. 2006 г. 13 марта, с.1, 4.

общие. В данном случае – в научно-техническую стратегию, а та, в свою очередь, в еще более общую – стратегию развития государства, нации и общества, т.е. идеологию. В противном случае мы без конца будем допускать системные ошибки, как это происходит в сегодняшней России – штамповать, или тиражировать, родного рода глобальные проекты. Как справедливо прокомментировал в марте 2010 года новую инициативу О.Сергеев, «За неимением системы планирования, программирования и разработки бюджета Россия встала на путь тиражирования проектов. Без внятной цели, но под звучным брендом, они поглощают и закапывают в песок деньги налогоплательщиков. К глобальным проектам «Электронная Россия», «Урал северный, Урал полярный» прибавился еще один, – «Силиконовая долина» в Сколково»¹.

Подобные крупные (но частные) проекты при отсутствии внятно сформулированной цели допустимы как частная, пилотная инициатива, такая, например, как приоритетные национальные проекты в редакции 2005–2008 годов, когда требовалось апробировать отдельные инициативы в отсутствие дееспособной системы экономического развития. Но позже, через несколько лет после старта пилотных ПНП, подобные глобальные проекты лишь свидетельствуют о неспособности сформулировать внятную стратегию развития. Это означает, что успех Сколково или нанопрокта отнюдь не отразится на общем состоянии российской науки и экономики, ибо этот успех (не факт, что гарантированный не устранил системных недостатков, неизбежно вытекающих из-за отсутствия идеологии и стратегии развития. Таких, например, как:

- переоценка значения технологий в ущерб развитию потенциала науки и научных кадров;
- готовность к заимствованиям, а не разработке собственной фундаментальной науки;
- недооценки значения социогуманитарных наук, прежде всего наук об обществе и человеке;
- хроническое недофинансирование фундаментальной науки и НИОКР;
- массовое сокращение потенциала научных кадров;

¹ О.Сергеев. Нью Сколково в Силиконовой долине / <http://viperson.ru>. 08.04.2010.

– «утечка мозгов», связанная с недофинансированием научных кадров, пренебрежение подготовкой научных кадров и т.д.

Фактически это признает и В.Путин, который еще в своем послании в 2007 году предложил «определить ориентиры развития страны», опираясь на «базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю»¹. Абсолютно правильная постановка вопроса, как показали последующие три года, так и не имела последствий., «Ориентиры развития страны» были сформулированы в крайне урезанном социально-экономическом формате «Концепции 2020», а нации – в не очень определенной «Стратегии национальной безопасности 2020», которые **так и не** стали реальными планами действий, устарев на стадии их написания. Не случайно, как признавал один из аналитиков журнала «Власть» И.Федюкин, получается, что «никакой «программы Иванова» или «программы Медведева» не будет: послание (2007 года – *А.П.*) дает понять, что в стране возможна только одна программа – единая и неделимая программа Путина, изложенная в форме президентских посланий. И в известном смысле предложение президента считать все восемь обращений единым текстом небезосновательно: ни одной действительно новой темы в президентском послании–2007 не содержится»². Казалось бы, очень верный способ наконец-то сформулировать всю идеологическую систему и превратить ее в практическую стратегию развития. Более того, **существующий механизм реализации посланий Президента РФ** (законодательные инициативы, поручения Правительству и другим органам власти, наконец, система взаимодействия с политическими партиями и общественным организациями) мог бы стать тем властным ресурсом – уже не только идеологическим, но и нормативно-правовым, административных и утилитарным, – с помощью которого можно было бы добиться в принципе верно заявленных целей.

Как показали последующие годы, эта «базовая идеология» В.Путина, однако, оказалась быстро забытой. За ней последовали новые псевдоидеологические инициативы В.Путина, а затем и Д.Медведева, **не объединенные в единую систему взглядов**, более того, даже не

¹ Цит. по: *И.Федюкин*. Раздвоение ВВП / *Власть*. 7 мая 2007 г., № 17(721), с.31.

² *И.Федюкин*. Раздвоение ВВП / *Власть*. 7 мая 2007 г., № 17(721), с.32.

претендующую на них: Н сработал (точнее – так и не заработал) механизм реализации посланий, который отчитался формально за выполненные поручения.

Причин несколько. **Во-первых**, идеологическая слабая оформленность, незаконченность, особенно в отношении четкого формулирования национальных интересов и целей развития.

В качестве основы путинской идеологии восемь президентских посланий, как казалось, вполне подходят. Но только в качестве основы. Ни политический характер этих документов, ни форма послания, ни необходимость учитывать конъюнктурные моменты не позволяют говорить о том, что этой основы достаточно. Без ответа остаются многие вопросы, имеющие принципиальное значение, но, главное, – нужно время и определенные усилия, а главное – практические результаты, чтобы ко всем восьми посланиям общество отнеслось как к **системе** взглядов, имеющих принципиальное значение, а не как к ежегодным декларациям президента.

Во-вторых, идеологическая эклектика неизбежно вела к неясной стратегии развития, когда приоритеты и средства не были четко определены. Так, если бы в стратегии в качестве главного приоритета развития был бы указан человеческий потенциал, а не абстрактная макроэкономическая политика, то в 2007–2010 годы была бы изменена не только кредитная политика, но и структура бюджета в пользу развития потенциала человеческой личности.

В-третьих, соответственно не были созданы и механизмы реализации.

Надо сказать, что существовавший механизм реализации посланий уже мог бы быть той идеологической и практической системой, которая должна быть использована в этих целях. Не только правительством и палатами Федерального Собрания РФ, но и другими органами власти, а также политическими и иными институтами гражданского общества. В этом случае не только **сама работа над посланиями и их реализация становится работой над идеологией и стратегией**, но заранее закладываются и установки на достижение заявленных результатов. Работой, в которую должна быть втянута вся активная часть общества. На вполне ясных принципах. На мой взгляд, наиболее в современных

принципах социально-консервативной идеологии, которые, кстати, обязательно нужно сформулировать.

Послания президента В.Путина и Д.Медведева заложили определенную идеологическую основу, которую, однако, так и не сумели собрать в единую идеологическую систему за 2007–2010 годы не в Администрации, ни в «Единой России». Хотя сказать, что такие попытки не предпринимались, нельзя. Большую роль сыграла и реализация этих принципов в пилотных приоритетных национальных проектах, которые расширили и конкретизировали как социальную составляющую, так и идеологическую составляющую политики 2000–2010 годов. В определенном смысле нацпроекты стали **конкретными элементами новой идеологии**, а Д.Медведев выполнял роль их координатора не только в политике, но и в идеологии. Но только до определенного предела. Как только этот предел достигался, дальше механизм развития идеологической системы почему-то «отключался». Наверное из-за страха «перейти черту» и назвать вещи своими именами.